

Гамид Амиров

ТЕНЬ БРАТА

DELIBRI

Москва
2020

УДК 821.131.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А62

Амиров, Г.

А62 Тень брата / Гамид Амиров. — М. : Де `Либри, 2020. — 358 с.

ISBN 978-5-4491-0424-3

Интригующая история двух братьев берет свое начало в Одессе, в 70-е годы прошлого столетия. Старший брат, молодой вор, жизнь которого полна приключений и опасностей, восхищает всех своим благородством. Младший же, несмотря на то, что боготворит своего брата, смотрит на жизнь с другой стороны, стремясь к большим деньгам. Тем не менее, став миллиардером и живя в Москве, он все равно остается в тени своего кумира, коим является его старший брат.

Две судьбы, связанные воедино. История двух братьев в захватывающем сюжете, наполненном аферами, разборками и жизненными баталиями. Любовь отца к сыну, дружба, братство и подлое предательство не оставят равнодушным никого.

УДК 821.131.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4491-0424-3

© Г. Амиров, текст, 2019
© Де `Либри, издание,
оформление, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель! В этом произведении нет любовной истории между мужчиной и женщиной, но тут есть нерушимая братская любовь и истинная дружба настоящих мужчин. Я писал о благородстве и чести, которые присущи, увы, немногим нашим согражданам. И пусть со мной не согласится большинство, но эти качества чаще встречаются у тех, кто не в ладах с законом. Настоящих «благородных разбойников» осталось совсем немного... Но они еще есть! И эти люди ценят дружбу, правду, данное однажды слово и честь больше, чем деньги и земные блага. Общество зачастую их не понимает, потому-то они и сидят в тюрьмах.

Есть в этой истории злодеи и предатели, аферы и ограбления, махинации и убийства, а также многое другое. Вы пройдете с героями долгий путь, от Одессы 70-х до Москвы наших дней. Благодарность за помощь в написании данной книги хочу выразить своему старшему другу, писателю, истинному бродяге, Зауру Зугумову.

Также прошу понять, что данная история и все имена в ней вымышлены, а все совпадения случайны. Но я уверен, что в жизни такое бывает...

ЧАСТЬ 1

Ты думаешь долго, где спрятался враг,
И ищешь снаружи злодея.
Но свято хранимый домашний очаг
Тебе все подскажет, чуть тлея.
Решишься и сделаешь свой первый шаг,
И сердце забьется, не веря,
Что прошлое сжалось в жестокий кулак,
Поймав тебя в сети как зверя.

Глава 1

Соломон Раппопорт быстрым шагом вошел в свой кабинет на двадцать первом этаже одной из высоток Москва-Сити. Секретарша, увидев недовольное лицо шефа, испуганно спросила:

— Вам чай, Соломон Маркович? Или кофе?..

Даже не посмотрев на нее, мужчина буркнул:

— Зеленый чай! — И, зайдя в кабинет, хлопнул что есть сил дверью.

В свои пятьдесят семь лет Соломон Маркович старался реже пить кофе — следил за здоровьем. Повесив на вешалку пальто, мужчина сел в кресло и, сняв телефонную трубку, нажал кнопку вызова. Дождавшись соединения, он скомандовал:

— Аркаша, зайди! Быстро!

В глубине покрасневших от бессонных ночей глаз Соломона Марковича застыло печальное выражение. В минуты

сильного волнения он морщил свой длинный с горбинкой нос, отчего ноздри поднимались немного вверх, и лицо его приобретало брезгливое выражение. Однако в данный момент Раппопорт кривился от злости, которой у него было хоть отбавляй. Последние три месяца проблемы катились как огромная лавина, которая все увеличивалась и увеличивалась и вот-вот должна была снести его компанию, приведя к банкротству.

Дверь распахнулась, и в кабинет, держа в руках кожаную папку, практически вбежал симпатичный черноволосый парень лет тридцати.

— Доброе утро, Соломон Маркович! — протараторил он, садясь справа от своего начальника.

— Говори, что узнал? — не ответив на приветствие, перешел сразу к делу Раппопорт.

Аркадий открыл папку и, достав оттуда лист бумаги, начал спешно докладывать:

— В общем, письмо пришло... Тут сказано, что за неуплату НДС на нас подали в суд! Не заплатили мы что-то около семи миллиардов рублей в прошлом году за тот заказ, что отправили в Хабаровск. Ну... вы поняли за какой...

— Но мы же заплатили! — крикнул Соломон, перебив подчиненного.

— Должны были. — Развел руками Аркаша. — Но, судя по всему, нас подставили.

Соломон обхватил голову руками, но через минуту, собравшись с мыслями, снова поднял взгляд на подчиненного:

— Аркаша, они нас не просто подставили, они нас пытаются уничтожить! Весь прошлый год отгрузка шла только им! Мы заработали меньше денег, чем должны были!

Парень молчал. Сказать ему было нечего. Аркадий был всего лишь финансовым директором инвестиционной компании ЛИС, а вот Соломон Маркович Раппопорт был ее владельцем.

Печальные мысли мужчины прервала секретарша, которая принесла Соломону Марковичу чай. Аккуратно поставив перед

шефом поднос с одной чашкой, девушка тихо удалилась. Соломон сделал глоток, затем, чуть помолчав, спросил:

— Где и когда суд?

— Через две недели, 26 января, — ответил Аркадий. — Заседание пройдет в Архангельске, так как предприятие находится там.

— Ты сам-то что думаешь? — поинтересовался Соломон, внимательно глядя на финансиста.

— Я думаю, что судиться с налоговой... это провал... Даже не знаю, что и сказать! Ясно одно, после того как у нас месяц назад отобрали лицензию на строительство... — Парень замолчал, поджал губы и посмотрел шефу прямо в глаза.

— Именно так! — Стукнул кулаком по столу Соломон Маркович. — Под меня кто-то копает! И это кто-то очень и очень сильный, раз решился на такое.

Аркадий лишь кивнул в знак согласия.

Раппопорт поднял брови и, глубоко вздохнув, сказал:

— Ладно, иди, Аркаша! Мне подумать надо.

— Да, конечно! — Парень встал и, прихватив свою папку, вышел из кабинета.

Пытаясь собраться с мыслями, Соломон задумчиво посмотрел в панорамное окно на летящие за стеклом снежинки. В ноябре прошлого, 2015 года, особняк, принадлежавший его компании, решило снести правительство Москвы. Видите ли, он оказался незаконной постройкой, которая каким-то чудом простояла на месте двадцать лет. В трехэтажном строении располагался шикарный ресторан «Монте-Карло» с банкетным залом на пятьсот человек и кофейней. Конечно, Соломон мог обратиться за помощью к влиятельным друзьям из правительства, но беспокоить столь важных людей по такому «мелкому» вопросу, да еще и входить в конфронтацию с мэрией Москвы было слишком рискованно. Бизнесмен решил, что не стоит оно того, и плюнул. Однако спустя месяц появилась новая проблема. У принадлежавшей Соломону строительной компании отозвали лицензию на строительство. Ему предъ-

явили якобы несоблюдение установленных норм и вынудили остановить стройку крупного промышленного объекта, заказчиком которого являлось само министерство энергетики. Стройка встала. Соломон попытался решить вопрос с лицензией, но приближающиеся новогодние праздники не давали ему такой возможности. В декабре в России уже мало кто нормально работает, тем более чиновники. 1 февраля объект нужно было уже сдавать, но стройка не закончена, а значит, штрафные санкции неизбежны. И вот, на дворе уже январь, а Соломон все никак не может ни до кого достучаться. Такое чувство, что вокруг все сговорились. И тут еще одна проблема: руководство принадлежащего Раппопорту алюминиевого завода договорилось с клиентом — они делают на свою продукцию крупную скидку, а заказчик платит НДС. Клиент — судостроительная компания — просто не мог не заплатить этот проклятый НДС. Так что тут явно кто-то из правительства объявил охоту на Раппопорта. Ну что ж... Надо для начала выяснить, кто этот таинственный кто-то.

Соломон встал из кресла, пригладил седые волосы, зачесанные набок, и набрал по сотовому нужный номер. После двух гудков послышался женский голос:

— Приемная Лапусова!

— Девушка, добрый день! — вежливо поздоровался Раппопорт.

— Здравствуйте! — ответила секретарша. — Чем могу быть полезна?

— Скажите шефу, что звонит Соломон Раппопорт. Срочное дело у меня. Спросите, когда он сможет меня принять.

— Одну секундочку! — В трубке заиграла музыка, девушка, очевидно, по другой линии соединялась с начальником. Спустя минуту Соломон вновь услышал ее голос: — Александр Николаевич ждет вас через час!

— Отлично! — радостно воскликнул мужчина. — Спасибо!

— Не за что. Вам пропуск на автомобиль заказать?

— Конечно. У меня «бентли», номер сто один!

— Все сделаю. Ждем вас в приемной на Большой Дмитровке!

— До встречи!

Соломон, улыбаясь, отключил телефон. Он уже понимал, что предстоит война, поэтому решил начать подготовку к обороне. Благо у него был такой хороший друг, как Александр Николаевич Лапусов. Несколько лет назад Раппопрту повезло познакомиться с этим человеком на выставке в Париже. Лапусов являлся сенатором от Республики Карелия и владел большим пакетом акций различных компаний в разных отраслях бизнеса. Но главное, он был теневым политиком с колоссальными связями в правительстве. По слухам, какой-то близкий друг Лапусова был на короткой ноге аж с самим президентом. А в России все прекрасно знали, что у руля нынче стоят именно друзья президента, и правит всем бизнесом самой большой страны мира именно эта компания старых знакомых. В тот день еврейское чутье подсказало Соломону, что этот человек ему точно пригодится. Тем более что Лапусов сам легко шел на контакт, и они быстро «подружились». Раппопорт дарил на все праздники Лапусову подарки, приглашал на различные мероприятия, всегда помогал, чем мог. Лапусов отвечал ему тем же, правда, в меньшем объеме, так как считал себя намного выше еврея-бизнесмена. Тем не менее Александр Николаевич несколько раз уверял своего нового друга: мол, у Соломона в России все будет хорошо, и если что вдруг случится, то он, Лапусов, решит любую проблему. И вот такой день настал. Спустя сорок минут Раппопорт уже заходил в приемную сенатора. Одна из двух секретарш, приветливо улыбнувшись и узнав фамилию гостя, проводила его в переговорную.

От чая и кофе Соломон отказался, попросив стакан простой воды. Еще через десять минут дверь открылась, и в переговорную уверенным шагом вошел сам Лапусов, одетый в строгий дорогой костюм с галстуком, как и положено чиновнику высокого ранга.

— Соломон, друг мой! Что у тебя приключилось? — Улыбнулся мужчина и картинно распахнул объятия.

— Здравствуй, Саша. Сейчас все расскажу, — ответил Соломон, также всем своим видом изображая радость от встречи.

Обнявшись, мужчины сели рядом за длинным столом. Лапусов, лысеющий, коренастый мужичок с зелеными глазами и тонкими губами, был немного старше Соломона. Он сцепил пальцы, положив руки на стол, и бросил быстрый взгляд на наручные часы:

— Я весь принадлежу тебе примерно двадцать минут. Потом, извини, надо бежать.

— Мне хватит, — ответил Раппопорт и принялся рассказывать о своих проблемах с самого начала.

Лапусов внимательно слушал. Когда рассказ закончился, сенатор почесал подбородок и задумчиво произнес:

— Да... дорогой друг, ситуация непростая...

— Я-то справлюсь, Саш. Просто я не знаю, с кем справляться. Но больше всего боюсь того, что у меня попросту хотят отжать весь бизнес! И ты понимаешь, о ком я...

— Я понял, понял, что ты имеешь в виду, — перебил друга Лапусов и повел глазами, давая понять, что в переговорной может быть прослушка, а потому имена называть не стоит. — Но ты ошибаешься, поверь мне. Во-первых, они сначала предупреждают, во-вторых, работают иначе, а в-третьих, я бы знал!

Соломон пожал плечами, явно давая понять, что больше версий у него нет. Он полагал, что это могут быть только люди из правительства, но Лапусов разуверил его в этом.

— Ты не переживай, Соломон, — придя мысленно к какому-то решению, заявил сенатор. — Я в обиду тебя не дам. Сейчас главное сохранить то, что есть. На сей счет кое-какие мысли у меня уже есть. Дай мне несколько дней. Мы с тобой встретимся вечером... послезавтра, например. И все решим. Идет?

— Да, конечно. Спасибо, Саша!

— Перестань. Все хорошо. — Лапусов встал и шутливо спросил: — Я только не пойму, вот ты, старый богатый еврей! Ну неужели у тебя, кроме маленького заводика и строительной фирмы, больше ни черта?

— Недвижимость есть, и все. — Развел руками Раппопорт.

— Никогда бы не подумал! — удивился уже серьезно сенатор. — У тебя одних картин столько, что ты, по-моему, можешь «Газпром» купить!

— Это и есть все мое состояние, Саша. Зачем мне другой бизнес? Денег на роскошную жизнь и так хватает. А картины никогда не упадут в цене, будут только расти.

— Может, ты и прав, — задумчиво протянул Лапусов. — Как ни крути, мудро... Ладно, я побежал. Созвонимся послезавтра.

— Хорошо, дорогой. Пока!

Глава 2

Темно-синий «бентли» заезжал в один из элитных поселков Барвихи. Поселок этот находился уже за Московской кольцевой дорогой и относился к Одинцовскому району; в народе данное место, как и другие близлежащие поселения, прозвали «Рублевка». Жили тут состоятельные представители московской элиты. Вот только Соломон Раппопорт, без сомнений принадлежавший именно к этой социальной группе, сидел сейчас на заднем сиденье своего роскошного автомобиля и задумчиво смотрел в окно, ничего вокруг не замечая. Не видел он ни ухоженных поселков, ни красивых домов, видневшихся из-за огромных заборов, ни даже Еврейского центра и синагоги, открывшихся недавно в поселке Жуковка. Мужчина был полностью погружен в свои мысли, а всю эту роскошь и красоту он и так видел каждый день, выезжая из дома и возвращаясь назад.

— Соломон Маркович, я сегодня больше не нужен? — спросил водитель Миша, вырвав шефа из задумчивости своим вопросом.

— Да... нет, наверное... — растерянно пробормотал Раппопорт и, собравшись с мыслями, через мгновение продолжил: — Нет, точно нет, Миша. Меня оставь дома, а сам езжай к семье.

— Я могу немного задержаться, вдруг вам что-то понадобится, — предложил водитель.

— Не понадобится, — заверил его Соломон. — Я дома отдохну. А завтра часам к двенадцати приезжай, не раньше! Мне нужно спокойно собраться с мыслями...

— Как скажете, Соломон Маркович, — согласно кивнул Миша.

Для Раппопорта этот тридцатилетний парень был не просто водителем. Высокий, спортивного телосложения боксер Михаил Нестеров уже четырнадцать лет верой и правдой служил своему шефу. За эти годы он ни раз доказал свою преданность Соломону, и это его качество не осталось без внимания. Раппопорт щедро платил водителю, на день рождения и в Новый год стабильно давал премии в размере еще одного оклада. Помимо этого, семь лет назад, когда Миша женился, Раппопорт подарил ему трехкомнатную квартиру в Одинцово. Конечно же, парень был несказанно рад такому подарку, и его благодарность только увеличила уважение к работодателю. Соломон же ценил это и относился к Мише как к родному. Кроме водителя, у Соломона было еще два человека, которые служили ему верой и правдой уже много лет. Муж с женой, Мирзо и Наргиз, приехавшие в Москву еще в 90-е, на протяжении последних двадцати лет работали на Раппопорта, двенадцать из которых прожили конкретно в этом самом доме. Им обоим было уже за шестьдесят. Мирзо — спокойный и тихий маленький мужичок, выполнявший любую работу, от уборки снега до починки дверных замков. Он мог сделать даже то, что порой было не по силе и троим молодым мужчинам, главное, чтобы в деле не требовалось применять интеллект, потому что с ним у Мирзо были большие проблемы. А вот его жена, Наргиз, была не так глупа, как могла показаться вначале. Женщина выполняла всю работу по дому. Сейчас, правда, она в основном

занималась уборкой и вела все домашнее хозяйство. На стирку и глажку вещи еженедельно забирал курьер из прачечной. Еду по необходимости привозили из ресторана неподалеку, а потому она лишь иногда готовила завтраки и легкие закуски. Но самое главное, за что Наргиз был благодарен Соломон, так это за воспитание его сына, Давида. В августе парню исполнилось двадцать лет. Жена Соломона умерла давно, еще при родах. Давид никогда не знал матери, но неизменно ездил с отцом на ее могилу. Правда, эта история была покрыта мраком, отец и сын практически никогда не обсуждали детали давней трагедии. Соломон не любил говорить об этом, тем более с сыном, которого любил больше всех на белом свете. Да и не было больше у богатого мужчины близких родственников. Поначалу воспитанием ребенка занималась бабушка Хая, мама Соломона, живущая в Одессе. Но в 2002 году старушка умерла, и отец забрал свое чадо в Москву, где растить мальчика помогла Наргиз. К тому времени Раппопорт уже был достаточно состоятельным человеком, и с Давидом занималась куча репетиторов. У ребенка с детства была страсть к музыке, и к семнадцати годам он уже виртуозно играл на скрипке. Тем не менее музыка оставалась для него просто хобби. Учиться же отец отправил своего наследника в МГИМО. Соломон с большим трепетом и нежностью обращался с сыном, понимая, что мальчик обделен материнской лаской.

Машина подъехала к массивным стальным воротам, Миша нажал на пульте кнопку, и створки медленно поползли в стороны. Двор был небольшой, как и сам дом. Заасфальтированная дорога длиной около ста метров тянулась до противоположного конца обнесенного трехметровым каменным забором участка и заканчивалась небольшой крытой стоянкой на шесть автомобилей. Там стояли большой черный джип «Лексус LX 470», серая «Шкода Октавия» и карамельного цвета «Порш Панамера». Слева от дороги стоял кирпичный двухэтажный дом с двумя французскими балкончиками. Выглядело строение очень изящно. Несмотря на то что дом занимал целых четыреста квадрат-

ных метров, громоздким он не выглядел. Соломон вышел из автомобиля и улыбнулся, взглянув на «порш» Давида — сын был дома. Миша тем временем попрощался и сел в свою «шкоду», прогревая ее, перед тем как уехать.

Спустя полчаса Раппопорт сидел в кресле в своем кабинете на втором этаже и наслаждался пением скрипки — Давид в соседней комнате играл музыку из кинофильма «Список Шиндлера».

Звуки печальной мелодии проникали в самое сердце Соломона, разрывая его на мелкие кусочки. Он думал о том, к чему может привести нынешняя ситуация. В России всегда было опасно иметь много денег — в любой момент можно было стать жертвой какого-то жадного до денег чиновника, который не погнушается отобрать все до последней копейки. И это в лучшем случае! А могут еще и в тюрьму посадить, ведь сфабриковать дело ничего не стоит. А если честно, то и повод придумать не нужно. Соломон вспомнил своего брата Леню, которого убили в 1995 году. Начало всему бизнесу было положено благодаря брату, а теперь... Холодок пробежал по спине мужчины, едва он представил, что его могут сделать нищим и упечь в тюрьму. За себя Соломон не боялся, но что будет с Давидом? Не дай бог, парень останется один! Для отца такая ошибка непростительна.

Тем временем скрипка окончила свою печальную песню, спустя минуту открылась дверь в кабинет, и на пороге появился высокий стройный парень с русыми волнистыми волосами, печальными голубыми глазами и доброй улыбкой. Лицо его излучало доброту. Сразу было видно, что перед вами действительно порядочный человек с ранимой душой и открытым сердцем. От отца Давид унаследовал лишь длинный нос с горбинкой и походку.

— Папа, привет! — радостно улыбнулся Давид и быстро подошел к отцу.

— Здравствуй, родной! — Соломон поднялся из кресла и крепко обнял сына. — Как дела? Как учеба?

— Все хорошо, пап! Ждал тебя, хотел кое-что спросить!

— Да *шейфеле*¹, все что угодно, — ласково ответил Соломон и снова устроился в кресле, приглашая сына сесть напротив.

— В общем... — Давид сел на стул и, неловко поерзав, наконец-то решился: — Пап, в июле... я понимаю, что рано еще, но все же... есть скрипач один. Очень хороший! Дэвид Гаррет его зовут!

— И? — Соломон постарался приободрить сына, видя, что парень отчаянно стесняется. — Говори. Что ты тянешь, сынок?

— Одним словом, я хочу поехать на его концерт. В июле.

— Так сейчас январь, дорогой мой, — засмеялся отец.

— Да, конечно, — кивнул Давид. — Но билеты заранее купить надо... и... там виза нужна.

Соломон удивленно вскинул брови:

— Какая виза? Что, концерт не в России?

— Нет. Он в Риме. А у меня шенген заканчивается в марте...

Соломон мгновение молча смотрел сыну в глаза, потом по-отечески добро улыбнулся и сказал:

— Родной мой, так в чем проблема? Шенген тебе продлит секретарша, с деньгами проблем нет. Если тебе не хватит того, что тебе на карточку зачисляется, я тебе еще дам. Так в чем же дело?

Давид улыбнулся:

— Папа, проблем нет. Спасибо тебе большое! Деньги у меня есть, мне хватает с лихвой. Просто я должен был спросить у тебя разрешения.

От этих слов у Соломона к горлу подступил ком. Как же сильно он любил сына! И какой его Давид воспитанный и хороший парень.

— Родной мой, — наконец сказал Раппопорт, — ты у меня самый лучший сын на свете! Я прошу тебя только об одном, будь аккуратней. Никуда не лезь. С кем ты поедешь?

---

¹ Мой мальчик (*идиш*, *ум.-ласк.*) к слову «ребенок».

— Ну... — Давид немного растерялся, что не ускользнуло от опытного глаза отца. — Магидович Андрей точно со мной поедет... еще из музыкалки ребята...

— Ангелина едет? — с подозрением прервал сына Соломон.

Давид опустил взгляд и честно ответил:

— Да. Скорей всего, она поедет с нами.

Мужчина был рад, что сын не скрывает от него правду. Давиду эта самая Ангелина нравилась. Соломон давно понял, что сын встречается с ней. Он, конечно, не запрещал этого, но предупредил, что жениться не позволит. Правда, Давид пока вступать в брак и не собирался, хотя Ангелину любил, похоже, всем сердцем. Парень старался как можно реже упоминать о ней в разговорах с отцом. Причина родительского запрета была банальна: девушка была украинкой, а не еврейкой. Соломон видел ее однажды: красивая, неглупая, порядочная, видно, что тоже влюблена в Давида. Но с национальностью ее Раппопорт смириться не мог. Поэтому мужчина дал сыну строгий наказ: встречаться, гулять, любить, только не жениться!

— Ну хорошо, — неожиданно улыбнулся отец. — Значит, тебе будет только лучше!

Давид мгновенно повеселел, вскочил со стула и обнял отца:

— Спасибо большое, папа!

Соломон в ответ похлопал сына по плечу:

— Наслаждайся жизнью, родной. Только очень прошу, будь аккуратнее.

— Конечно, папа! Не переживай!

И Давид выскочил из кабинета. Соломон же, глядя вслед сыну, подумал, какой же все-таки Давид еще ребенок. А ведь ему уже двадцать лет! Хотя, может, оно и к лучшему. У парня счастливая, беззаботная жизнь. Конечно, есть свои сложности, ведь он, в конце концов, рос без матери. Но тем не менее... Соломон вспомнил себя в двадцать лет. Он был намного взрослее. Тут же на память пришел любимый брат Ляня. Тот в двадцать лет уже был известен на весь район Молдаванки в Одессе! Конечно, таких, как Ляня, наверное, больше никогда не будет...

Это был великий человек! Его брат! Он был всем для Соломона! К глазам невольно подступили слезы. Хорошо, рядом никого нет... Мужчина еще долго сидел, задумчиво глядя на дверь, в которую вышел его сын. Человек, ради которого он сегодня живет и ради которого, если будет нужно, он завтра будет готов умереть.

Глава 3

В день встречи с Лапусовым Соломон уже более-менее собрался с мыслями и пришел к выводу, что все не так уж и плохо. В конце концов, нет доказательств того, что на его бизнес положили глаз власти. Может быть, это просто совпадение? Печальное стечение обстоятельств? Так сказать, черная полоса! Возможно, все именно так.

Думая обо всем этом, Соломон Маркович приехал в издательство принадлежащего ему журнала «Российская жизнь», в редакции которого появлялся нечасто. Главным редактором последние пять лет здесь работала молодая девушка, Кристина Шафонская, которая, заняв должность, за несколько лет сумела увеличить доход почти втрое и вывела журнал на самый верх рейтингов, причем с огромным отрывом от конкурентов. Кристина создала интернет-издание, новостные приложения для смартфонов, ввела множество полезных новшеств. Соломон был рад, что не ошибся в девушке, назначив ее, молодую и неопытную, но умную и хваткую, на столь ответственную должность в возрасте двадцати трех лет. Правда, должность эту он ей пожаловал ради своего друга Тимура, который в данный момент сидел в тюрьме. У них с Кристиной был роман, и как-то в ресторане, заступившись за свою девушку, Тимур ударил ножом зятя министра внутренних дел... Страшная была история.

Пройдя мимо сидящих перед компьютерами сотрудников, Соломон открыл без стука дверь в кабинет и смело за-

шел внутрь. Кристина, сидевшая за столом и изучавшая какие-то бумаги, подняла голову и мгновенно вскочила, увидев мужчину.

— Соломон Маркович, — радостно воскликнула она, — какими судьбами?

Кристина была симпатичной стройной шатенкой с умными черными глазами, ровным, красивым носом и ослепительной улыбкой, от которой на щеках ее появлялись очаровательные ямочки. Она была одета очень опрятно и строго по-деловому: черная прямая юбка, такого же цвета пиджак и молочного цвета блуза.

— Здравствуй, дорогая, — приветливо улыбнулся Соломон и учтиво поцеловал девушке руку. Затем сел на стул напротив кресла директора и продолжил: — Сначала расскажи, как ты поживаешь?

— Да нормально вроде все, спасибо, — скромно ответила Кристина, присев на край своего кресла.

— Что от Тимура слышно?

— Так вы не знаете? Тимур должен в ближайшее время выйти на свободу, — улыбнулась девушка. — Вопрос двух недель.

— Прекрасно! — воскликнул Соломон. — Я и правда не знал... Совсем дела замучили, о таком важном деле забыл!

— Да я и сама замоталась, — продолжала улыбаться Кристина. — Пять лет пролетели... за работой даже и не заметила как!

— Ну ты смотри, как вернется твой любимый, работу не забрасывай, — шуточно погрозил пальцем девушке Соломон.

— Да нет, что вы! Вы же знаете, работа — моя жизнь.

— Знаю, знаю! — успокоил Соломон Кристину. — Ладно, Тимура мы встретим как полагается. Держи меня в курсе, когда точно он приедет. Теперь по делу... — Он серьезно посмотрел на девушку, которая приготовилась выслушать вопрос владельца журнала. — Мне нужно, чтобы ты своим журналистам дала кое-какое задание. Они ведь у тебя лучше любых сыщиков, так ведь?

— Конечно, — согласно кивнула девушка. — Вы только скажите, что и про кого надо узнать. Я сейчас даже у хакеров информацию покупаю. Все что угодно узнаем!

— Прекрасно, — довольно произнес Соломон. — В общем, запоминать. Есть в Хабаровске судостроительный завод. Кто владелец, легко узнать в Интернете. Мне нужно, чтобы у тебя было максимум информации на владельцев завода и тех, кто стоит за ними! Там могут быть очень высокопоставленные люди. На них нужен компромат. Причем компромат убойный. Пряма вся грязь! Воровство, отмыв денег, гулянки с проститутками, связи с экстремистами — все что угодно! Такой компромат, чтобы можно было за один раз их потопить.

Кристина быстро делала ручкой какие-то пометки в блокноте.

— Больше удар на управленцев номинальных или теневых владельцев? На всех, — твердо распорядился Соломон. — Возможно, придется топить всех. Собирай информацию, статья должна быть готова к публикации в любой момент. Денег не жалеть.

— Поняла, — кивнула Кристина. — Все сделаем в лучшем виде!

— Как соберете информацию, дашь мне знать. Главное, ничего не публикуй, пока я команду не дам.

— Да, конечно!

— Все, дорогая моя. — Соломон встал со стула. — Я поехал.

— Даже кофе не выпьете? — удивилась Кристина.

— Увы, времени совсем нет. Жду вестей от тебя.

— Договорились.

Раппопорт вышел на улицу, где его в машине ждал Миша. День был солнечный и ясный, а температура около минус пяти градусов — прекрасная погода для московской зимы. Соломон сделал глубокий вдох и взглянул на чистое небо. Жизнь все-таки прекрасна. И, глядя на голубое небо и солнечные лучи, играющие на белоснежном снегу, мужчина думал о том, насколько же ничтожны люди, столь сильно зависящие от денег. Вся наша

жизнь завязана на достижении материальных благ! А ведь есть вещи намного важней...

Взглянув на часы, Соломон решил заехать вначале в офис, а потом уже направиться к Лапусову.

В восемь вечера Раппопорт уже сидел в кресле напротив своего друга-сенатора. Между ними стоял небольшой стеклянный столик, на котором поблескивал горячий чай, налитый в дорогие фарфоровые чашки, в небольшой вазочке соблазнительно маячила горка конфет. Дом Лапусова был огромным и роскошным. У мужчины не было жены, но имелись дочь, зять и трехлетняя внучка. Все они жили тут же, и Соломон сегодня попал на семейный ужин. Позже Александр Николаевич предложил другу выпить чай и поговорить в гостиной.

Устроившись в кресле, сенатор начал разговор:

— Соломон, я не буду скрывать, ситуация у тебя не из лучших.

— Я знаю, Саш, — ухмыльнулся Раппопорт. — Иначе к тебе не пришел бы. Ты узнал что-то?

Лапусов поджал губы, затем, вздохнув, произнес:

— Да не то чтобы прям все узнал... но ясно как день, тебя душат. И делает это кто-то, кто нацелился именно на тебя. Скорей всего, у него к тебе какие-то личные счета. Кто это может быть? Ты думал об этом?

— Да я голову уже сломал себе! — Развел руками Соломон. — Понятия не имею. Ведь я ни с кем не ругаюсь, почти ни с кем не дружу... Кому я нужен?

— Видать, кому-то да нужен... Но я ищу. Дал задание всем своим людям. Но шансов, увы, мало. Легче тебе самому вычислить врага.

— Я стараюсь, но пока тщетно.

— Теперь предложу тебе план обороны, — решительно заявил сенатор. Соломон кивнул в ответ, и Лапусов продолжил: — С налоговой судиться смысла нет — проиграешь. Теперь судостроительный завод... Тот, что не закрыл НДС. Уверен, что его руководство сделало это по распоряжению сверху,

с ними бодаться тоже не стоит. За ними стоит министерство обороны! Ресурсов потратишь больше, чем потом выиграешь, хотя это и маловероятно!

— Выходит, меня загнали в угол? — спросил Соломон.

Лапусов поднял руки вверх, призывая собеседника подождать, и продолжил:

— Выход я вижу такой: надо заплатить НДС, это даст время решить вопрос и выяснить, кто за всем этим стоит. Плюс это выбьет врага из колеи! Ведь наверняка для разработки данной схемы он потратил много сил и ресурсов. Тут и деньги, и личные просьбы, и взятки... А мы пошатнем его положение.

— Да, согласен, — улавливая идею, ответил Раппопорт. — Однако есть одно «но». У меня нет семи миллиардов! Не просто нет, их сейчас найти практически невозможно.

— И именно для этого, Соломон, у тебя есть я, — улыбнулся Александр Николаевич. — У моего зятя есть банк, как ты знаешь, он тебе даст кредит, и вуаля!

Соломон удивленно вскинул брови. Имея острый, пронизательный ум и будучи очень недоверчивым человеком, он почувствовал сразу, что Лапусов что-то недоговаривает. Есть еще какие-то идеи у сенатора, это точно. И идеи эти могут быть направлены только на личную выгоду, значит, что-то ему нужно. Долго не думая, Соломон прямо задал вопрос:

— Саша, скажи как есть, что еще ты хочешь предложить? Какой еще план в твоей голове? Я ведь не мальчик наивный. Я понимаю, мы все бизнесмены, и семь миллиардов ради дружбы никто не даст. Я бы, например, не дал, честно признаюсь.

— Почему? — удивился внезапно Лапусов.

— Потому что меня могут обанкротить, и деньги к моему зятю не вернуться! Говорю как есть, — твердо ответил Раппопорт. — И теперь скажи мне прямо — чего ты хочешь за помощь? Какова цена вопроса?

Сенатор пристально смотрел прямо в глаза Соломону. Но умный и пронизательный взгляд бизнесмена оказался сильней. Раппопорт говорил правду, а потому чувствовал в это

мгновение за собой силу. Он ни на секунду не сомневался в том, что сказал, и теперь, глядя в глаза Лапусову, как будто бросал тому вызов. Взгляд старого еврея был красноречивей любых слов, и сенатор сдался, отвел глаза и, с сожалением вздохнув, произнес:

— Эх, Соломон Маркович, конечно... мне даже как-то неудобно говорить тебе об этом... но я признаюсь начистоту. Надеюсь, ты поймешь.

— Так сразу и надо было говорить! — дружелюбно воскликнул Раппопорт, который уже прекрасно знал, что сейчас скажет его друг. Вопрос был только, в какой форме он это преподнесет.

— Буду честен, я думал так... Мне неудобно говорить об этом... мы друзья, у тебя проблемы... а тут большие деньги... Поэтому вариант я просчитывал такой: в случае, если ты не выплатишь сумму кредита, банк заберет себе часть акций твоего завода... — Лапусов развел руками и добавил: — Ты пойми, я ведь поручусь за тебя! И банк даст тебе деньги под мое честное слово! Но в случае провала...

— Я понял! — коротко произнес Соломон и замолчал.

Сенатор тоже молчал. Он взял кружку и сделал несколько глотков чая. Раппопорт в этот момент думал. Точнее, делал вид, что думает. На самом же деле он понял, что хочет Лапусов, как только тот предложил ему деньги. И в принципе сенатор был прав! Он ему не брат, не отец... просто один из множества друзей. И то едва ли их отношения можно назвать сердечной дружбой. В таком возрасте, как у них, тем более в кругах политиков и бизнесменов, друзей вообще не бывает. Друзья могут быть либо у бандитов, либо у молодых ребят. Да и то, как Лапусов сейчас преподнес свое предложение, Соломону понравилось. Было видно, что сенатор искренне хочет помочь. И ясно как день, что этот завод и вся эта волокита с кредитом и банком успешному и богатому политику не нужны. А банку не нужна тем более. Но, тем не менее, ради него Лапусов идет на такой шаг.

— Как ты собираешься все это оформить? — спросил Соломон.

— Я уже говорил с Костей, он сказал, что вариант тут один — ввести в состав учредителей его человека.

Костя был зятем Лапусова. Парень лет тридцати пяти, типичный представитель нынешнего поколения бизнесменов. Образованный, неглупый, из хорошей, можно даже сказать, богатой семьи. Раппопорт знал, что Костя — человек порядочный, насколько вообще порядочным может быть банкир.

— Я тебе скажу так, Саша, — решительно начал бизнесмен, — во-первых, ты абсолютно прав! И я тебе безмерно благодарен за помощь. Это деньги, и немалые, тебе нужны гарантии. Во-вторых, естественно, иного залога за такую сумму и быть не может. Только я предлагаю следующее. Я ввожу в состав учредителей только Костю и никого другого. Мы посчитаем рыночную стоимость предприятия, и он официально купит у меня долю! В конце концов, он банкир и может инвестировать деньги банка!

— Это уж точно, — улыбнулся сенатор.

— А что касается обратного выкупа, я думаю, об этом мы договоримся между собой. Верно?

— Конечно, дорогой. Неужели ты думаешь, что в случае возврата денег он не отпишет тебе долю назад? — удивился Лапусов.

— Не думаю, естественно! — засмеялся Соломон. — На черта ему завод с таким геморроем? Он на этих деньгах в банке заработает в десять раз больше!

Мужчины рассмеялись. Сенатор встал из кресла и дружелюбно протянул руку другу:

— Значит, по рукам, Соломон?

— По рукам, Саша! — Раппопорт тоже встал и пожал руку собеседнику. — Спасибо тебе за помощь!

— Да пока еще я тебе и не помог толком. Надо искать самую главную голову, чтоб отрубить ее. Думай, кто копает под тебя.

— Буду думать, — вздохнул Соломон.

Они договорились о встрече с Костей на следующей неделе, и Соломон уехал домой.

Ночью мужчина толком не спал. Его мучали мысли, главной из которых была «Кто?». Кто может копать под него? Что за враг? За ночь Соломон перебрал всех, кого возможно, но ни один из этих людей не подходил на роль подозреваемого. Кто хотел бы круто наехать на Соломона, не имел таких возможностей. А кто обладал подобной силой, тому сам старый еврей был неинтересен. Лапусов, конечно, помог неплохо. Стоит отметить, что человек он порядочный и благородный, раз пошел на такой шаг.

Под утро Соломон наконец-то уснул. Открыл глаза он уже около одиннадцати часов дня. Голова болела жутко. Надев халат и сунув ноги в тапочки, мужчина спустился на первый этаж, зашел на кухню и включил чайник. Пока вода не закипела, Соломон решил пойти в ванную. Давид уже уехал на учебу, Наргиз с мужем жили в пристройке и обычно утром в дом не заходили, чтобы не разбудить хозяев. Выпив зеленый чай и перекусив бутербродом с сыром, Соломон вышел в холл. Там находилась небольшая комнатка, где, сидя на диване и смотря телевизор, ждал своего шефа Миша.

— Миша! — крикнул Соломон.

— Я здесь. Доброе утро, — ответил водитель, мгновенно выскочив из комнатки.

— Поехали, — скомандовал Раппопорт.

— Бегу! Куда поедем? — Миша быстро одевался, чтобы выйти во двор и подогнать машину ко входу.

— Сейчас узнаю, — ответил шеф, достав телефон и набирая номер. — Алло, Анюта привет, — заговорил Соломон в трубку.

— Здравствуйте, Соломон Маркович! — На другом конце провода зазвучал нежный женский голос.

— Моя дорогая, когда к тебе приехать можно?

— Соломон Маркович... можно в пять... либо... если только... через двадцать минут у меня уходит клиент и окно как раз.

— Отлично! Жди меня, я буду максимум через полчаса!

— Все, договорились. Я жду.

Сев в машину, Раппопорт скомандовал:

— К Ане едем, на «Юго-Западную». Как раз минут за двадцать доедем.

— Должны, конечно, — улыбнулся Миша.

Соломон устало откинулся на сиденье — голова болела непереносимо. К Ане, очаровательной девушке лет двадцати пяти, он неизменно ездил раз в неделю. Несколько лет назад бизнесмен случайно попал к ней в салон красоты на Парке Культуры. Милая девушка ловко брила клиентов опасной бритвой, а таких умелиц в Москве было мало. Особенно тех, кто брил хорошо. Соломону очень понравился подход девушки к делу. Она помыла ему голову, сделала массаж, пилинг, окантовку и укладку. Работала она всегда с улыбкой, весело болтая о чем-то незначительном. Разговор с ней никогда не напрягал. Спустя два года Соломон проинвестировал салон красоты в большом элитном жилом комплексе на «Юго-Западной», который частично принадлежал ему. Бразды правления в салоне он отдал Ане с условием, что его она все равно будет обслуживать, как и раньше. Девушка была счастлива и помимо управления салоном продолжала сама же работать в нем парикмахером.

— Анечка, здравствуй, дорогая, — поздоровался Соломон, заходя в красиво обставленное помещение, пол в котором был выложен самым настоящим мрамором.

— Здравствуйте, Соломон Маркович! — Мило улыбнувшись, быстро подошла к важному клиенту Аня.

Это была брюнетка небольшого роста, ладная и стройная, с выразительными карими глазами и веселой улыбкой. От Ани всегда веяло радостью и хорошим настроением, что сейчас так было необходимо Раппопорту.

— У меня так болит голова, Анечка, — пожаловался мужчина. — Спасет только твой массаж.

— Сейчас все сделаем, — заверила девушка, усаживая клиента в кресло. — Вам принести чай или кофе?

— Ничего не надо, спасибо.

Соломон практически улегся в парикмахерское кресло, оборудованное раковиной, на край которой положил раскалывающуюся от боли голову. Аня открыла кран и начала аккуратно мыть волосы ароматным шампунем, делая легкие массажные движения.

— Чем же вы так обеспокоены, Соломон Маркович? — весело спросила девушка. — Кто посмел обидеть нашего благороднейшего босса?

— Ну ты прям мне льстишь, — усмехнулся Соломон. — Если бы я был благороднейший из боссов, вряд ли бы сейчас оказался в такой ситуации... Наверное, все-таки кому-то я досадил...

— Что-то случилось, Соломон Маркович? — теперь уже испуганно спросила Аня. — Вы никогда таких вещей не говорили раньше!

— Да ладно... не обращай внимания, — вздохнул Соломон.

Он знал, что Аня действительно всей душой переживает за него, а девушка она порядочная и лишнего никогда не скажет и не спросит. Но сейчас мужчина находился в каком-то трансе. Его мысли зашли в тупик. Он не знал, где искать обидчика. И, сам того не желая, он заговорил, словно какие-то высшие силы заставили его открыть рот:

— Кто-то хочет отобрать у меня мое имущество! То, за что мой брат, можно сказать, жизнь положил! Какой-то подлец, который не выходит из тени, а подло прячется по углам и копает под меня.

Соломон никогда не был доверчивым человеком, напротив, он слыл очень осмотрительным в разговорах. Но сейчас его просто прорвало, и он сам не понимал, почему вдруг взял и все выложил парикмахерше.

Аня молчала, продолжая делать массаж, уже перейдя с шампуня на ополаскиватель. Наконец девушка задумчиво произнесла:

— Ох, Соломон Маркович, иногда и не знаешь, кто тебе роет яму... Думаешь, что враг строит козни, а это друг оказы-

вается! Думаешь, девушка гадости делает, а это парень... Думаешь, новый друг подличает, а это старый... Ну, я знаю, что вы человек умный, и все равно ваша доброта...

Соломон уже не слышал ее. Пазл наконец-то сложился, а в голове все звучали и звучали слова Ани: «Думаешь, девушка гадости делает, а это парень... Думаешь, новый друг подличает, а это старый...» Перед мысленным взором Соломона медленно появилось лицо. Без сомнений! Как он раньше не догадался? Да все просто, он искал мужчину. А ведь это может быть женщина. Он искал среди врагов из настоящего. Но ведь были у него разные дела и в старые времена... Сомнений быть не может! Это она! Он вычислил своего врага. Это Зива...

ЧАСТЬ 2

Горевший в Одессе огромный костер
Светил на большую дорогу.
По этой дороге шагал один вор,
Но путь этот вел лишь к острогу.
Играл он с властями, как тореадор,
И шел на поклон только к Богу.

Глава 4

Семья Раппопорт была типичной еврейской, жившей в Одессе в районе Молдаванка, на улице Богдана Хмельницкого. Это были те самые исторические для любого одессита кварталы, где когда-то обитал Мишка Япончик со своей бандой налетчиков. Но Раппопорты были далеки от этого. Марк Абрамович, отец семейства, фронтовик, человек умный и осторожный, работал в школе завучем и учителем алгебры. Сразу после окончания войны он женился. Его жена, Хая Зеленская, тоже являлась коренной одесситкой и трудилась поварихой в Городской клинической больнице № 1.

Все было в шаговой доступности от их дома. 103-я школа, где работал Марк Абрамович, находилась на улице Буденного, в пяти минутах ходьбы. А место работы Хаи располагалось еще ближе. Будучи коренными одесситами, родители Соломона чаще называли свою улицу по-старому — Госпитальная. Именно так она называлась до 1954 года, и именно из-за этой самой ГКБ № 1, которая раньше носила название «Еврейская боль-

ница», так как была построена на деньги богатых евреев меценатов.

Марк и Хая жили хорошо и дружно, у них было два сына. Старший, Леня, родился в 1947 году, спустя год после свадьбы. И лишь по прошествии десяти лет на свет появился Соломон. Два сына — для любого отца это счастье. Так и Марк Абрамович радовался. Ему к моменту рождения младшего сына уже было около пятидесяти лет, а тут такой подарок. Жила семья в типичном одесском общем дворе, каких полно на Молдаванке. Соседей было много, и типично по-одесски разных национальностей. Пять квартир занимали евреи, четыре — украинцы, два брата болгарина обретались сразу в двух квартирах, была еще одна семья греков, две квартиры достались молдаванам, а в одной крошечной комнатухе жил одинокий старый армянин Самвел. Когда-то до революции в таких домах жили только евреи. Но с приходом советской власти все изменилось. Идеи социализма убивали религию и национальное самосознание людей, пропагандировалось лишь преклонение перед Лениным и партией. Но одесскую самобытность убить было невозможно. Жители бедных общих дворов, обитатели небольших квартирков существовали как одна большая семья. И даже когда в 1973 году у Марка Абрамовича появилась возможность переехать в новый район, где давали квартиры ветеранам войны, он уперся рогом и отказался.

— Марик, не расчесывай мне нервы! Мы должны-таки переехать в новую хату! — кричала Хая на мужа, уговаривая его.

Но Марк Абрамович был тверд в своих решениях и спокойно отвечал жене:

— Никуда я отсюда не уйду! Мой отец жил тут, дед жил тут и был раввином! А теперь ты хочешь, чтоб я ушел?

— Ты подумай о детях! — не унималась жена. — Леня, если женится, куда пойдет?

— Ты хочешь, чтоб мой сын жил *ин тохес ин веинкле*?!²

---

² В уголке попы, очень далеко (*идиш.*).

— Это мы там живем! — парировала Хая. — Молдаванка уже еле дышит! Одни крысы да тараканы!

Марк Абрамович так же спокойно продолжал стоять на своем:

— Молдаванка — наш дом! И мы никуда не уйдем отсюда! Пусть *разквцанный*³, но наш!

Хая еще долго продолжала причитать и возмущаться, но смысла не было. Решение мужа осталось непоколебимо. А дом, точнее квартира их, действительно был уже старый и обветшалый. Жилище семейства Раппопортов находилось в правой части П-образной двухэтажной постройки, на втором этаже. По периметру всего дома проходил общий сквозной балкон, через который можно было заглянуть к соседям в окно. Как правило, во всех квартирах на балкон выходила кухня, и стоило только кому-то из соседей начать готовить что-то праздничное, как аромат распространялся по всем помещениям. Через дворик от одной стороны до противоположной ровными линиями были протянуты веревки для сушки белья. Кроме кухни у Раппопортов в квартире было две маленькие комнатухи и санузел. Вся квартира была не больше сорока квадратных метров, но жизнь в таком дворе была настолько веселой и привычной, что уходить отсюда никто не хотел. В теплые дни пятничными и субботними вечерами весь дом собирался во дворе, накрывали большой стол и как одна семья садились ужинать. Потом играли в лото, кто-то болтал, старый Самвел учил детей играть в нарды. Все жители были небогатыми, рабочими людьми, но из-за этого, казалось, никто не переживал. Самый зажиточный в доме был Фима Крамер. Он работал ювелиром в магазине на Дерибасовской, устранял мелкие поломки на изделиях. Но основной доход Фима получал со спекуляции драгоценностями. Его сын, Гриня, был двоечник и не хотел учиться в школе. Фима и не заставлял его, и мальчик с детства помогал отцу, познавая азы ювелирного искусства. Гриша дру-

---

³ Сломанный, раздавленный (*одесск. жарг.*).

жил с Соломоном, ребята были почти ровесниками. Правда, общего у мальчиков было немного. Соломон учился хорошо и слыл прилежным и послушным ребенком. Больше он, конечно, дружил с другим соседом, болгаринном Георгием. Ребята учились в одном классе и были просто не разлей вода.

А вот старший брат Соломона, Леня, был полной его противоположностью. Он родился самым настоящим бунтарем, не признававшим ничьей власти и вечно отстаивавшим справедливость. А еще Леня был щедрым и благородным парнем, а потому любили его все. Несмотря на то что парень бросил школу еще в седьмом классе и вечно попадал в какие-то неприятные истории, у него всегда водились деньги, и он был одет как сын министра, а не школьного учителя. Тогда его все считали обычным франтом, не понимая, что ему нужно выглядеть богато для «работы». Леня многих людей вводил, если можно так выразиться, в заблуждение. Но своих близких он любил всем сердцем. Не было ни одного человека из соседей, кому хоть один раз чем угодно, но Леня не помог. Кому-то одалживал деньги, у кого-то украли кошелек на Привозе, а он нашел и вернул, другим просто дал мудрый не по годам совет. Но больше всех Леню любил его младший брат. Для Соломона с детства он был настоящим кумиром. Мальчик подражал брату во всем, и для него не было чего-то такого, в чем Леня мог быть не прав. В свою очередь старший брат просто обожал Соломона, вот только любовь его проявлялась немного иначе. Для Лени брат был воплощением нежности, беззащитности и ума. Он видел, как сильно Соломон стремится к знаниям, и мечтал, что его брат выучится и станет большим человеком.

В 1975 году Леня все-таки угодил в тюрьму. Для всей Молдаванки это была настоящая трагедия. Вместе со своим закадычным другом из соседнего двора, Яшей Амзелем, Леня за разбой загремел на семь лет в колонию. Срок был немалый, смягчающих обстоятельств не нашлось. Оказалось, что парни ночью решили обчистить двух иностранцев в районе Аркадии. На их беду, рядом проезжал милицейский патруль, и молодых

разбойников взяли тепленькими. Соломон тогда закончил школу, но, несмотря на взрослый уже возраст, не мог сдержать слез. Ночами он рыдал, думая о том, как сейчас несладко придется его брату, которого отправили в Коми АССР.

Пока Леня отбывал срок, Соломон поступил в Одесский государственный университет им. Мечникова на экономический факультет. Он работал над собой и, стараясь стать образованным человеком, практически не использовал одесский уличный жаргон, говоря по-русски чисто, без акцента. Жизнь шла своим чередом, парень вырос и из студента превратился в дипломированного специалиста. Но бизнеса как такового в Советском Союзе просто не было. В стране существовала только спекуляция, которая преследовалась законом. Соломон это прекрасно понимал и, еще будучи студентом, наладил отношения с моряками, которые привозили из-за границы пластинки групп «Битлз», «Бони Эм», «Пинк Флойд» и других популярных исполнителей. Покупая этот контрабандный в то время товар, Соломон продавал его фарцовщикам из Москвы и Ленинграда, туристам из России... Да вообще всем желающим. Накидывал он обычно двести процентов, но если клиентом был перекупщик, то делал скидку.

В городе большинство карманников, орудовавших на Приморской, знали, что Соломон — брат Лени Ворона. Кличку эту Леня получил благодаря фамилии, которая с немецкого «рабе» означала «ворон». На Молдаванке же обреталось много евреев, а идиш был схож с немецким. Многие взрослые говорили, что у Раппопортов даже есть свой герб с изображением ворона и что к этой фамилии принадлежит немало ученых, раввинов, да и просто людей интеллигентных. Теперь же все поменялось. Соломон Раппопорт продавал контрабандно ввезенные пластинки, а его брат Леня сидел в тюрьме за разбой.

Марк Абрамович не дождался возвращения сына. Он умер от инсульта, разбившего его прямо на уроке в школе в 1981 году. Хая горевала по мужу сильно. Она любила его всем сердцем, несмотря на то что постоянно ворчала.

Жизнь на Молдаванке меж тем шла своим чередом. Гриша Крамер работал у отца, уже практически полностью взяв все в свои руки. Яша Амзель, подельник Лени, вернулся с зоны в январе 1982-го. Теперь его из-за охрипшего навсегда голоса называли Яша Сиплый. Отбывая срок на Колыме, он с сокамерниками раздобыл где-то самогон. Яша первый решил испробовать напиток и залпом глотнул полстакана. Оказалось, что это не самогон вовсе, а чистый спирт. Смельчак обжег себе горло, и голос после этого сел. Оказавшись на воле, Яша в первый же день навестил Раппопортов. Всегда веселый и жизнерадостный, лупоглазый, кудрявый, щупленький брюнет маленького роста, с большим носом, Яша остался таким же весельчаком и юмористом, каким и был прежде. Годы тюрьмы не сильно его изменили. На самом деле Яше повезло. Он попал сначала на зону, а спустя два года его перевели на вольное поселение за хорошее поведение.

Тогда Соломон спросил:

— А Леня как сидит?

Улыбки Яши после этого вопроса как ни бывало. Хорошо еще, что парни в тот момент сидели во дворе на скамейке вдвоем. Соломону сразу стало ясно, что брату тяжело приходится.

Яша не стал уходить от ответа и сказал:

— Моня, брательник твой сидит в *Устимлаге*⁴. Там несладко. Плюс... — Он запнулся. Сердце у Соломона сжалось, когда он представил себе, как брат сидит в темнице. — Плюс... — продолжил Яша, — он полное отрицалово! Нам *малявы*⁵приходили постоянно. Ленька же вечно на строгаче... из *бура*⁶ не вылезает. Жестко ему там...

Соломону стало не по себе от этих слов. Парень жил лишь надеждой рано или поздно увидеть брата. Писал Леня редко, от

---

⁴ Так называли Управление лагерями Коми АССР.

⁵ Письма (*тюремный жаргон*).

⁶ БУР — барак усиленного режима. Одиночная камера, куда попадают нарушители порядка в тюрьме.

силы раз в год. И письма эти больше походили на записки, состоящие буквально из нескольких фраз, по типу «У меня все хорошо» и «Осталось немного, я скоро вернусь».

За эти годы Соломон сильно изменился. Он стал высоким, симпатичным парнем, с волнистыми волосами и умным взглядом черных глаз. Хая, взглянув порой на сына, плакала и говорила, что «ее Моня стал копия похож на Леню». Теперь же оставалось совсем немного, и время шло все медленней и медленней.

Глава 5

В середине мая 1982 года Соломон пришел домой около десяти вечера. Зайдя в квартиру, он сразу увидел на пороге незнакомые мужские ботинки. Очень грязные и дешевые, какие носят рабочие. Не поняв, чья это обувь, парень шагнул на кухню. И только он вошел, как увидел его — своего брата. Сияющая мать сидела за столом, напротив нее ел заливную рыбу Леня, что-то эмоционально рассказывающий. Он сидел спиной к Соломону и не видел, как пришел брат, но, заметив взгляд матери, устремившийся к входу, Леня бросил еду и, вскочив со стула, развернулся. На Соломона смотрел уже совсем взрослый мужчина, худой, изрядно поседевший и постаревший, одетый в дешевые рабочие штаны и белую майку. От прежнего Лени остались только гордая осанка да горящие черные глаза, в которых чувствовались властность и огромная сила. Его счастливая, гордая улыбка не была лишена, однако, надменности и наглости. В Лене сразу чувствовался лидер, привыкший отдавать приказы и не подчинявшийся никому. Радости братьев не было предела. Ничего не говоря, они крепко обнялись. Младший брат что есть силы сжимал старшего и не хотел отпускать. Леня же, довольно улыбаясь, все приговаривал:

— Ну, Моня, ты и вымахал! Дядька целый стал!

Соломон молчал. Наконец-то вернулся его брат! Его кумир! Его идол!

Наевшись, Леня поблагодарил мать и предложил Соломону выйти на воздух, прогуляться. Время было уже одиннадцать часов вечера, и большая часть жильцов либо спали, либо отдыхали в своих квартирах. Братья вышли во двор, сели на скамейку. Леня достал из кармана пачку папирос «Беломорканал», дунув в одну, и закурил. Выпустив дым, он спросил:

— Ну шо тут, Моня? Какие дела были, пока меня не было?

— Да я тебе так сразу не расскажу... — Улыбался Соломон. — Столько лет... Я отучился... вот теперь... — Он замолчал, не зная, как объяснить брату, чем теперь занимается.

Леня пристально посмотрел ему прямо в глаза:

— *Ботай, не менжуйся!*⁷ Надеюсь, ты все по понятиям делаешь?

— Я пластинки продаю! — выдохнул Соломон. — Импортные... у матросов покупаю и... продаю. Вот так!

Леня засмеялся:

— Братишка, да ты никак фарцовщиком стал?

— Ну... у нас в стране это так называется, — кивнул Соломон.

— Ладно! И то нормально! — Леня снисходительно потрепал брата по голове, а потом, резко посерьезнев, сказал: — У меня есть малява до смотрящего за городом! Завтра до него пойду. Потом тебе хорошую работу найду. Законную и чистую. Ты ж не зря учился! Будешь *гешефтмахером!*⁸

— Да уж... — Опустил голову Соломон, счастливый оттого, что рядом опять есть старший брат, такой сильный, влиятельный и уважаемый всеми. — Сейчас смысла нет где-то работать! Я с нескольких пластинок зарабатываю больше, чем любой завмаг или товаровед в магазине... — начал было он делиться своими мыслями, осторожно прощупывая почву.

---

⁷ Говори, не стесняйся (*блатной жаргон*).

⁸ Предпринимателем (*идиш*).

— Ну хорошо, а какие у тебя идеи? — Ухмыльнулся Леня. — Ты мне маяк кинь, а я шо-нибудь придумаю!

— Идея такова. Фарцовщики покупают у матросов варенки... это джинсы модные, импортные. Так вот, я примерно подсчитал: смысла покупать за бешеные деньги привозной товар нет. Намного выгодней шить джинсы тут, варить их, нашивки модных фирм лепить... «Монтана» там, «Левис» всякие... не важно... продавать! Себестоимость выйдет в разы ниже.

Леня внимательно выслушал брата и удивленно спросил:

— А шо так покупают их? Эти варенки?

— Еще как! — с жаром воскликнул Соломон. — Особенно маски!

— Так а шо ты это раньше не заварганил?

— Есть проблема одна... У нас на Молдаванке много где в подвалах есть подпольные цеха. А есть и такие, где *ханку*⁹ продают, а еще водку, морфий, анашу... На Осипенко что угодно можно сейчас купить!

— Это цыгане там так барыжат? — хмыкнул Леня.

— Да, брат! Там сейчас притон на притоне! И не ровен час, всю эту подпольную корпорацию накроют менты! А я со своими джинсами не хочу под шумок залететь.

Леня улыбнулся. Ему нравилось, что брат так вырос, причем не просто вырос, а стал еще и смотреть на два шага вперед.

— Сейчас смотрящий за городом Флинт, — стал рассуждать Леня. — За него много говорят по лагерям. Он *марвихер*¹⁰ законный. Очень уважаемый парень. При понятиях. Как он допускает такое?

— Он не допускает, — ответил Соломон. — Флинт против наркотиков. Но к цыганам не лезет. Они ментам платят! Блатные не лезут. Но как только начальник милиции придет другой, цыган всех пересажают!

---

⁹ Опий-сырец, наркотик для внутривенного применения.

¹⁰ Вор высокой масти (*одесский еврейский жаргон*).

— Н-да... — задумчиво протянул Леня. — Поменялось тут все, я смотрю.

— Да, брат, еще как! — согласился Соломон.

— Слушай, Моня, скажи мне... — с интересом спросил Леня, — а как Зива поживает? Ты ее видел?

Соломон никогда не любил Зиву Гольдштейн, подругу Лени с улицы Орджоникидзе. Ее мать была аферисткой и в свое время сидела в тюрьме за мошенничество, а отец — карманник и наркоман, который вообще из тюрьмы не вылезал. Выйдет на месяц-два и обратно.

— Видел ее на Привозе... месяц назад... ничего. Ходит, что-то делает... людей разводит.

— Уверен? — спросил с интересом Леня.

Соломон в ответ лишь ухмыльнулся:

— Мы как-то с Георгием зашли в шашлычную на углу Чичерина... ну, так вот... она там с каким-то фраером сидела богатым, поила его. Так пока мы кушали, она его накачала, он и вырубился, а она с его деньгами убежала!

Леня громко расхохотался и закинул ногу на ногу:

— Вот Зива! Так же *шлифует фраерам уши!*¹¹

— Ну да, так и есть.

Только сейчас Соломон увидел на босых ногах брата наколки. На лодыжке с внешней стороны — голова котенка с бабочкой на шее. Никогда раньше не видел он таких рисунков, да еще и на ногах. Не удержавшись, Соломон спросил:

— А что это, Леня? Что значит кот?

Брат глянул на ногу и ухмыльнулся:

— Тебе это интересно?

— Ну так... конечно! Что касается тебя, мне все интересно.

Леня улыбнулся:

— Понимаешь... я принадлежу к определенной масти! Воровской масти! И котятка — это... — Он сделал паузу, а затем

---

¹¹ Обманывает людей (*одесский жаргон*).

продолжил: — Когда этап заходит в душ, блатные и воры сразу смотрят на ноги, чтоб знать, кто тут свой.

— А что это у тебя наколки на левой ноге с обеих сторон, а на правой только снаружи?

— Это, брат, уже изворотливые урки придумали, чтоб обмануть всякое мразье. Но тебе это ни к чему. Главное, ты знаешь, кто твой брат! — подвел итог Ленья. — Короче, завтра я поботаю со смотрящим за городом и с *хеврой на бану*¹²подумаем, как лучше тебе помочь организовать свое дело.

— Спасибо, брат! — обрадовался Ленья.

Братья крепко обнялись и, посидев еще немного, пошли домой.

На следующий день Ленья уже договаривался с Флинтом о новом деле. Смотрящий за городом был примерно ровесником Лени, правильным и щепетильным. Кличку Флинт он получил из-за того, что, будучи еще двадцатилетним юнцом, обокрал ювелирный магазин «Остров Сокровищ» и был пойман. Так он получил свой первый срок вместе с прозвищем.

На второй день после возвращения Ленья не появился дома. Но по городу уже разнесся слух, что Ленья Ворон в Одессе. Днем он мелькал то в порту, то у оперного театра, то на Привозе. А уже вечером Ленья, одетый в дорогой серый костюм-тройку и новенькие лаковые туфли, гордой походкой заходил в ресторан гостиницы «Красная». Ворон презрительно окидывал взглядом окружающих, а завсегдатаи ресторана украдкой кидали взгляды на него и его спутницу. Ей же была не кто иная, как та самая Зива, жгучая брюнетка с большими зелеными глазами, которые горели, как у кошки в ночи. На ней было черное вечернее платье из гипюра, которое вызывающе обтягивало все прелести девицы. Зива давно уже привыкла, что мужчины смотрят на нее, обладательницу шикарной фигуры и красивого лица, голодными щенячьими глазами. Она пользовалась своей красотой, морочила представителям сильного пола голо-

---

¹² Банда на вокзале (*одесский еврейский жаргон*).

ву и, получив желаемое, оставляла дыхателя с носом. Зива была очень хитра и артистична. Быть аферисткой — вот ее настоящее призвание. Но с Леней ситуация сложилась совсем иная. Ворон всегда был впереди Зивы, просчитывавшей свои действия на три шага вперед. Свои первые большие дела де-вушка и провернула именно под руководством Лени. Зива была на пять лет младше Ворона, с которым познакомилась еще в детстве. Она признала силу его ума и полностью подчинилась ему. Ворон был единственным человеком, которого Зива уважала, боялась и, не признаваясь себе в этом, любила. И вот он появился — спустя семь лет!

Одесские блатные выделили Лене подъемные деньги, чтобы он мог привести себя в порядок. Зива же помогла возлюбленному найти у знакомой спекулянтки импортный костюм и туфли. Теперь, держа Леню под руку, она чувствовала себя как за каменной стеной. Город принял Ворона уже как авторитетного блатного, отсидевшего полностью свой срок, как и положено уважаемому вору.

Спустя две недели недалеко от 103-й школы на улице Буденного, в одном из подвалов, Соломон открыл цех по производству «импортных вареных джинсов». Флинт объявил всему городу, что «Моня Раппопорт под защитой!» Леня же объяснил брату, что никто его не тронет и платить «налог» на услуги не нужно. Просто иногда, после заключения хороших сделок, будет нелишним «уделить внимание друзьям» и отправить небольшую сумму блатным в виде подарка.

Соломон договорился с моряками, и через месяц склад в его цеху был забит необходимым джинсовым материалом, привезенным из-за границы и стоящим там копейки. Из этого материала шили джинсы, на которые потом в одном из подпольных цехов Молдаванки нашивали логотипы импортных фирм, вроде *Mantana*, *Levi's*, *Rifle*. Мастерская Мони Раппопорта была единственной в Одессе, где делали товар такого качества. Хозяева цеха приняли предложение Соломона и теперь не продавали нашивки никому, кроме него. Он же забирал у цехови-

ков все нашивки, какие только они могли предложить, даже если производству такое количество бирок не требовалось. Зато больше никто не мог купить «фирменную» нашивку и наклеить ее на обычные советские джинсы, сваренные на кухне в ведре.

Первая партия джинсов разлетелась как горячие пирожки. Заработок был внушительным, но скрупулезный и дальновидный Соломон не терял голову, а спрятал деньги на черный день. Он так решил с самого начала: первую выручку спрячет в тайник. Продав вторую партию московским фарцовщикам, парень принес заработанное старшему брату. Леня гордо улыбался, глядя на брата, а потом, потрепав его по щеке, сказал:

— Зачем мне этот *гембель*¹³, Моня? Ты умница! С тебя выйдет толк. А башли отдай матери, мне не нужно.

Сумма была внушительная. По тем временам на вырученные деньги можно было купить автомобиль. Но Соломон понимал, это заработок временный, рано или поздно тема с варенками перестанет приносить такой доход. Поэтому расчетливый парень стал копить капитал, интересуясь настоящими, легальными делами. Но, к сожалению, в Советском Союзе бизнес был пока под запретом.

Глава 6

Шел 1985-й год. Весной во главе государства встал Горбачев. Народ в СССР жил по-прежнему бедно, но надежды на светлое будущее не угасали. Одесситы же вообще всегда ко всему относились с юмором, а потому частенько высмеивали свою примитивную жизнь. Преступность по всей стране росла. На одесской Молдаванке еще со времен революции обретались преступники всех мастей: налетчики и карманники, аферисты и проститутки, грабители и воры... Они никуда не делись, только адаптировались к новым временам. Так, на родине подполь-

---

¹³ Неприятные обязанности (*идиш*).

ных цехов появились первые рэкетеры. Предлагая коммерсантам свою защиту, дюжие ребята вымогали у них долю от доходов в нелегальной коммерческой деятельности, называя это «крышей». Главным в городе считался по-прежнему Флинт, но появились и более мелкие лидеры, пытающиеся отжать кусок пожирней. Это привело к бесконечным разборкам и даже локальным войнам.

Леня по кличке Ворон был известен в лагерях под прозвищем Одессит. Он был одиночкой, презиравшим новые правила и понятия. Его идеалы были тесно связаны со старыми воровскими традициями. Леня никогда не применял физическую силу, решая любой вопрос разговором. Да, он воровал и занимался мошенничеством, но был далек от наркотиков и рэкета. Тем не менее Леня был не из робкого десятка и силу своего духа показал еще на зоне, когда, не сломавшись перед режимом и не подчиняясь власти, постоянно попадал в карцер. Дела свои Ворон вел в основном с двумя подельниками, Яшей Сиплым и Зивой. При необходимости он приобщал к делу одесских карманников, которые знали его и искренне уважали.

Соломон в это время был полностью погружен в работу и неплохо зарабатывал. Он предлагал брату работать вместе, но Леня в ответ лишь улыбался и отвечал, что гордится братишкой. Но легальная работа не была его призванием. Он не мог вести размеренную жизнь простого обывателя, стихией Лени была улица. Перебиваясь мелкими делами, типа обворовывания туристов, Ворон ждал большого дела. И вот наконец-то ветер подул в его сторону, запахло большими деньгами.

Апрельским вечером 1985-го Леня вышел во двор покурить на скамейке. Соломона дома не было, мать уже спала. Почти докурив папиросу, Ворон увидел мелькнувшую тень, и через мгновение перед ним предстал сосед, Гриша Крамер. Сын ювелира и сам тоже ювелир.

- Леня, шалом! — весело поздоровался Гриша.
- Привет, Гриня! Шо не спишь?
- Да не до сна сейчас. Работать надо.

— Молодец! Вот Крамер как воспитал тебя, — засмеялся Ленья.

Гриша был младше, и Ворон пару раз помогал его отцу найти украденные у него из мастерской вещи.

— У меня до тебя разговор имеется, — заговорщицки понизив голос, прошептал Гриша.

— Ну, ботай! — усмехнулся Ленья, не воспринимавший все-речь соседа.

Гриша сел на скамейку и тихо, но с энтузиазмом, начал рассказывать:

— Короче, цацка одна есть... фильдеперсовая... очень дорогая...

Гриша замялся, но Ленья уже почуял запах денег и начал подгонять знакомого:

— Говори, не тяни!

— Так вот... Это не просто цацка... Это венец императрицы, который еще Болин сделал в 1900 году. Там 23 карата... Ты понимаешь, о чем я?

Ленья напрягся:

— Да уж не совсем дурак, понимаю. Ботай дальше.

— Так вот... все совпало так, шо венец этот везут в Москву через Одессу!

— Да ну? — удивленно воскликнул Ленья.

— Шоб меня! — поклялся Гриша. — Ты дослухай! Шепнул мне тут мой знакомый француз, что один иностранец купить его хочет.

— Почему? — с нетерпением спросил Ленья.

— Не поверишь, — важно ответил ювелир. — Готов отвалить огромные бабли. Миллион франков ихних!

Уже само слово «миллион» привело Леню в шок, но он, быстро взяв себя в руки, небрежно спросил:

— А ты так уверен за него? За этого француза?

— Да я не первый раз с ним дела кручу. Он надежный малый. Я просто не стал все подробности расспрашивать. Думал, с тобой поботаем сперва.

— Да... — Леня задумался, Гриша ему не мешал. Помолчав с минуту, Ворон решил: — Делаем так. Завтра ты все подробно разузнаешь, часа в четыре встречаемся в кафе «Два Карла». Там и порешаем все!

— Идет! — радостно согласился Гриша и убежал домой.

Ворон снова закурил и принялся раздумывать над услышанным. Чутье подсказывало ему, что это шанс сорвать большой куш. Миллион франков на черном рынке делал сто пятьдесят тысяч рублей! Это были сумасшедшие деньги. Его мать, работавшая в больнице поваром, получала сто пятьдесят рублей в месяц. Соломон зарабатывал со своих «варенок» от силы тысячу в месяц. А тут такие деньжищи! В конце концов Леня вернулся домой и в приподнятом настроении лег спать.

На следующий день на углу улиц Карла Маркса и Карла Либкнехта появились Леня, Яша и Зива. Они зашли в кафе «Два Карла» и, устроившись за угловым столиком, заказали себе чай. Не прошло и десяти минут, как к ним подошел Гриша Крамер.

— Шалом всем! — весело поздоровался парень.

— И тебе не хворать! — также весело ответил Яша. — Взбаламутил ты нас, Гриня. Шо за гоп-стоп у тебя?

— Сейчас все расскажу подробно. Итак, вещь эту, шо я говорил Лене, после революции украли. Все эти годы ее никто в Союзе не видел. Теперь же какая-то большая шишка из Москвы договорился с каким-то польским фармазоном, который предложил ему эту вещь купить. Везет ее сюда наш посол в Турции, который должен приплыть из Стамбула в Одессу, а отсюда уже на самолете податься в Москву.

— Так это получается контрабанда? — спросил Леня.

— Ну конечно! — улыбнулся Гриша. — Официально-то такой цацке место в музее. Это же диадема самой императрицы России! Но заказчик — человек большой.

— А шо будет делать с цацкой этот большой человек в Москве? — задал вопрос Яша.

— А я знаю? — Удивился Гриша. — Жинке, наверное, подарить хочет.

— Ботай дальше, Гриня, — серьезно скомандовал Леня.

— Ну, так вот... — послушно продолжал Крамер, — цацку везет сам посол. В Одессе он, скорей всего, не задержится, сразу полетит в Москву. Как его обчистить, этого я не знаю. Вам видней. А вот как продать цацку — это ко мне.

— Ты уверен во французе, шо хочет купить вещь? — спросил Леня.

— Я ж тебе говорил, Леня, на все сто уверен! Не первый год с ним работаю.

— Когда приезжает курьер? — начал выведывать детали Ворон.

— В том-то и проблема! — вздохнул Гриша. — Никто не знает, но говорят, шо со дня на день должен быть.

Леня задумался, Яша продолжал выпрашивать у Гриши незначительные детали, Зива молчала. Наконец, собравшись с мыслями, Ворон выдал:

— Мы сташим эту цацку у посла. Когда он приедет, узнаем сегодня же. — Он отпил чай и продолжил: — Встречаться с французом мы не будем. Ты сам передашь ему вещь, заберешь башли и отдашь нам. Только имена не вздумай ляпнуть наши, Гриня! Смотри у меня!

— Да ты шо, Лень! Я ж все понимаю! — возмутился Гриша.

— Долю с наших башлей хочешь или как? — продолжал Леня.

— Мне бы лучше от вас... — промямлил ювелир. — А то ж... валюта... опасно это! А вы рубли мне дадите сразу.

— Идет, — согласился Леня. — Тогда тему делаем вчетвером. Получаем равно, расходы вычтем, делим по пятой части. Одну пятую отдаем в общак блатным, на общее воровское. Помощь, может, кому в зону отправят, ну или еще что...

— Два миллиона франков! — внезапно послышался голос Зивы. Все удивленно посмотрели на молчавшую все это время девушку, а та решительно продолжала: — Или триста тысяч долларов. Хочет — пусть рублями дает! Триста тысяч!

— Но... это же... много! — возмущился Гриша. — Вы представляете, шо это за деньжищи? Да на них можно всю Молдаванку купить...

— Послушай сюда! — твердо заявила Зива. — Если твой француз дает миллион, значит, готов дать и два. Ценность этой цацки не в камнях. Это ж антиквариат! Музей любой страны отвалит за нее и пять миллионов! Так шо не рыпайся и скажи своему барыге, шо два миллиона берем... Это если франков.

Леня улыбнулся и добавил:

— Она тему базарит, Гриня! Француз твой шо за фраер? Может, к другой хевре обратиться?

— Да нет! — Махнул рукой Гриша. — Какой там фраер... так, еле-еле поц какой-то! Не пойдет он ни к кому. Надо два, скажу два, мне ж лучше!

— Ну вот видишь, Гриня, — подытожил Яша, — скоро вся Дерибасовская будет твоя. Цацки свои продавать иностранцам будешь.

— Скажешь тоже. — Скромно заулыбался ювелир. — Ладно, ребя, я побежал?

— Давай. — Кивнул Леня. — Вечером во дворе поботаем, шо к чему!

Едва Гриня ушел, как Яша с жаром выпалил:

— Леня, шоб меня покрасили, но там зреют огромные башли!

— Ша, Яша. — Хладнокровно остановил друга Леня. — Надо все красиво сделать! А то загремим в *Одеколон*!¹⁴

— Как мы узнаем, когда приедет до Одессы тот посольский поц? — спросила Зива.

— Узнаем. — Интригуяще улыбнулся Леня. — Пойдем в «Братиславу», тут по Маркса два шага до Дерибасовской. Там точно узнаем.

Яша с Зивой переглянулись, довольные, что Лене пришла в голову такая отличная идея. Ресторан «Братислава» на Дерибасовской был пристанищем моряков, где они каждый день

---

¹⁴ Так одесситы называли одесскую колонию.

напивались, торговали и делились информацией. Спустя двадцать минут троица уже входила в заведение, в котором, несмотря на то что вечер только начался, было уже весело и шумно. В большом зале старого, можно даже сказать старинного, ресторана «Братислава» за накрытыми белыми скатертями столами сидели небольшие компании. В основном это были мужчины, но попадались и женщины, как правило, легкого поведения. Певица на сцене выводила под лихой аккомпанемент ансамбля популярную тогда «Червону руту» Софии Ротару. Две вызывающе одетые девушки отплясывали на танцполе. К ним пытался пристроиться сильно пьяный мужичок лет пятидесяти, который больше шатался, чем танцевал. Подбежавший метрдотель хотел было уже сказать, что свободных столов нет, но Яша опередил его, ловко сунув в карман пятирублевую купюру. Усатый, толстый мужчина мгновенно расплылся в улыбке и вежливо произнес:

— Добрый вечер, дорогие гости! Позвольте-таки проводить вас за столик!

— Валяй, — вальяжно кивнул Яша, и друзья зашагали по залу.

Разместившись за столиком, Яша заказал бутылку водки «Столичная», лимонад «Буратино», колбасу копченую, лимон, форшмак из селедки и запеченную камбалу. Леня и Зива все это время незаметно оглядывали окружающих, выбирая подходящего «языка». За одним из столов сидели два изрядно подвыпивших парня лет двадцати пяти — двадцати семи, пожиривших голодными глазами танцующих девушек. Они были хорошо сложены и подтянуты, явно моряки. Леня, понаблюдав за ними с полминуты, быстро взглянул на свою спутницу, которая улыбнулась в ответ и выразительно моргнула, давая понять, что это и есть их клиенты. Принесли заказ, и друзья, немного выпив и закусив, приступили к выполнению своего плана. Зива встала и, изображая подвыпившую посетительницу, шатаясь, подошла к ребятам.

— Хлопчики, — заплетающимся языком произнесла девушка, — шо скучаете? Такие симпатяги...

Расправив плечи, парни сразу приободрились. Один из них был темный и кудрявый, второй — светленький, почти альбинос. Брюнет весело ответил Зиве:

— Да как жеш тут не скучать? Одиноко нам без таких *гарных дивчин!*¹⁵

— Ну-таки а шо вам мешает пригласить до вашего стола? — удивилась Зива.

— Таки мы уже пригласили! — смело произнес кудрявый. — Сидай с нами! Просто ты не одна вроде...

— Таа... — Пренебрежительно махнула рукой Зива в сторону своих друзей. — Это моя охрана. Ничего личного.

— Охрана? — удивился альбинос. — Ты шо, министр?

Ребята весело засмеялись.

Зива плюхнулась на стул, картинно закатила глаза и тяжело вздохнула:

— Понимаешь, Одесса — опасный город... А мой мужчина... — Она подняла палец вверх. — Шибко большой человек! Но это... — И Зива приложила палец к губам, показывая собеседникам, что выдает им страшную тайну, а потом, словно спьяну забыв, о чем только что говорила, спросила: — А как вас звать-то, хлопчики?

— Богдан! — представился альбинос.

— Николас! — не заставил себя ждать брюнет. — А вас как величать?

— Зина. — Улыбнулась девушка и пожала вначале руку Богдану, а потом вложила свою изящную ладонь в руку Николасу и, нежно взглянув парню в глаза, продержала ее чуть дольше, чем нужно.

Этого хватило. Брюнет заволновался. Зива была обворожительна. Алое платье облегалo ее точеную фигуру, а глубокое декольте совершенно не скрывало роскошную грудь.

— Николас, ты одессит? — с придыханием спросила девушка, пожирая парня зелеными, кошачьими глазами.

---

¹⁵ Красивых девушек (укр.).

— Д-да... — растерянно ответил тот, пытаясь собраться с мыслями. — Я моряк... мы моряки... А вообще-то я грек, тут вырос просто... на Либххента...

— Так шо у тебя за хахель такой, шо ты тут оставила двух хлопцев за столом и пересела к нам? Шо за бред? — возмущенно выпалил Богдан, который, несмотря на опьянение, понимал всю абсурдность ситуации.

Однако Зива была готова к такому повороту, ей хватило одного взгляда, чтобы сделать ставку на Николаса. Теперь ей оставалось доиграть свою роль до конца и выудить информацию. Девушка перешла в атаку: приняв надменный вид, она резко ответила Богдану:

— Молодой человек, вам-таки надо надеть себе глаза на морду, иначе вы точно себе приделаете что-то нехорошее! Я шо не ясно сказала, шо два хлопца меня охраняют? Или вы хотите-таки, шоб они угомонили ваши таланты? — От такого напора Богдан обомлел, Зива же подняла рюмку, полную водки, которую налил ей Николас, залпом выпила, закусила кусочком черного хлеба и, повернувшись к греку, добавила: — Николас, почему вы так скучаете? Я обязана поднять вам настроение!

Парни переглянулись. Все происходило очень быстро, Зива не дала им собраться с мыслями. В этот момент певица на сцене заголосила песню Аллы Пугачевой «Ледяной горою айсберг». Песню эту заказал шустрый Яша, точно рассчитавший время, необходимое Зиве. Девушка встала со стула и, едва не упав, протянула руку Николасу:

— Пригласишь меня на танец? — спросила она нежно.

Моряк не растерялся. Он вскочил, опрокинул рюмку водки для смелости и, тяжело дыша, повел девушку к сцене, взяв ее за руку. По дороге к танцполу Зива артистично подняла вверх правую руку, сделав в воздухе два круга. Выглядело это так, будто пьяная особа просто веселится. На самом же деле это был сигнал Лене и Яше. Ждать долго не пришлось, в течение минуты ребята уже сидели рядом с Богданом и вели беседу по ду-

шам, подливая парню водки. Зива в этот момент обвила руками шею Николаса и, прижимаясь к нему всем телом, подняла на него свои бездонные зеленые глаза:

— Николас... ты мне... понравился... сразу...

— Ты мне тоже очень понравилась, — осмелев, ответил моряк, уже представляя себе, как он ночью окажется в постели с этой обворожительной красоткой.

Зива между тем продолжала:

— Мой... мужчина... он посол. Только это секрет!

— Да, да, конечно... — закивал моряк.

— И дело в том... — протянула Зива, — что... О господи! Какая я дура... — вдруг воскликнула она.

— Почему? Что за глупости? — Не понял грек.

— Я хочу тебя, Николас! — выпалила резко красотка и проникновенно посмотрела парню в глаза. — Не думай только обо мне плохо... я просто устала быть рабой!

— В каком смысле? — Не понял моряк, который уже ни о чем другом и думать не мог, в голове только и крутилось: «Сегодня мы будем вместе! Это точно!»

Фраза «Я хочу тебя!» была в ушах барабаном, а все остальное в затуманенном алкоголем мозгу смешивалось в неясное бормотание. Николас решил, что свою случайную подружку нужно выслушать, посочувствовать, а потом вести в гостиницу!

Ответить воздыхателю Зива не успела: песня закончилась. И сразу же на глазах девушки появились две едва заметные слезинки. Подойдя к столу, парочка увидела хохочущего над каким-то рассказом Яшки Богдана. Заметив подошедших, Леня ткнул своего друга локтем в бок, и тот резко замолчал.

— Зинаида Алексеевна, все нормально у вас? — заискивающе спросил Леня.

Зива в ответ повелительным тоном произнесла:

— У меня все хорошо. А вы что не за своим столом?

— Да все нормально! — воскликнул Богдан, отвечая за ребят. — Пусть с нами сидят. Мы выпьем немного вместе. Да, хлопцы?

Леня с Яшей скромно закивали. Зива, махнув рукой, взяла сумочку и обратилась к Николасу:

— Проводишь меня до уборной?

— Конечно! — согласился тот, и они зашагали к выходу.

— Мне надо на воздух, — вздохнула девушка.

Выйдя на улицу, Зива уронила голову на грудь своему спутнику и стала всхлипывать:

— Понимаешь, Николас... мне так тяжело... я содержанка у человека... которого не люблю! Он наш посол в Стамбуле... и...

Рыдания сотрясали девушку. Николас не знал, что делать дальше, понимая лишь одно: ему наплевать на ее жизнь и проблемы! Сейчас в нем говорила только похоть. Парню хотелось сорвать платье с красотки и овладеть ею. Грубо и жестко. Но надо пока молчать! Пусть выскажется, а потом он ее поведет успокаивать. Пока Богдан будет бухать с ее провожатыми, они уже окажутся в гостинице.

Немного успокоившись, Зива продолжила рассказ:

— Понимаешь, он должен со дня на день приехать... Это, может быть, завтра, может, послезавтра... я даже не знаю когда! И если меня не будет утром дома... он меня... убьет!

— Таки в чем проблема? — не поняв ничего, спросил Николас.

— В том, — продолжала девушка жалобным тоном, — что его судно из Стамбула прибывает утром. Но когда? На каком именно он приедет — этого я не знаю. Провожатым моим наплевать, где я и с кем. Если они будут точно знать, что хозяин не заявится утром, я смогу уйти. А пока что... — Она посмотрела печально на дорогу. — Пока мне надо идти домой. Вдруг утром он приедет?..

— Так из Стамбула в среду приходит! — воскликнул Николас. — Сегодня ж четверг! Точно не придет!

— Да я ж не знаю точно, сладкий мой, — печально произнесла Зива. — Каждый день приходит из Стамбула кораблик...

— Да шо ты мне гутаришь?! — с жаром продолжал грек. — Посол может только в среду приехать. На пароме. И он... точно... он приезжает в среду, семнадцатого!

— А ты почему так уверен? — удивилась Зива.

— Да... — Махнул рукой парень, радуясь тому, что так легко преодолел преграду, и девушка почти у него в руках. — За твоего посла до нас уже подходили! Спрашивали... шо мол и как? Когда приезжает? У всех моряков ходил хлопец один интересовался... вот я и знаю оттуда!

Зива насторожилась, но не подала виду и, продолжая дальше играть свою роль, изобразила подобие улыбки, полной надежды:

— Если это точно... значит...

— Да точно это! — радостно воскликнул Николас и, обхватив ее рукой за талию, резко прижал к себе. — Так что мы можем с тобой сегодня пошалить!

Зива не сопротивлялась. Она игриво улыбнулась:

— Давай вернемся ненадолго назад, я договорюсь с ребятами, чутка выпьем, а потом... я буду вся твоя!

— Ну пошли, — согласился моряк. — Только недолго посидим, а то ты ж меня с ума сведешь!

Парочка направилась назад.

Зива сразу же как бы между прочим поинтересовалась:

— А кто, кстати, его еще спрашивал? Посла-то моего? — Она хихикнула. — Уж не завелась ли у меня конкурентка?

Николас расхохотался:

— Да не поверю, чтоб у тебя конкурентка появилась! Тебе ж равных нет! — И добавил, видя, что девушка ждет более внятного ответа: — Из воришек наших, одесских, с Морвокзала. Бегали два шкета вчера, у всех моряков спрашивали: мол, когда посол из Стамбула приедет да на каком пароме? Ерунда, в общем!

— Ну да, — согласилась Зива, понимая, что дела плохи.

Ей стало ясно: не они одни ждут посла.

Вернувшись к столику, Зива с Николасом застали Богдана, по-прежнему смеющегося над рассказами Яши, и Леню, спокойно наблюдавшего за происходящим.

— Ребятки, наливайте! — скомандовала Зива. — Ваш шеф приедет в среду! Так шо гуляем по полной!

Яша прекратил свой рассказ и стал разливать водку по рюмкам. Богдану не понравилось, что оборвали его собеседника, и он, нагло посмотрев на Зиву, спросил:

— Шо за шеф? Шо ты нам все тут мешаешь?

Девушка явно ему не нравилась или же, наоборот, нравилась слишком сильно, и он злился, что внимание она обратила не на него. Леня посмотрел на парня и дружелюбно ответил:

— Да мы ж говорили тебе, шо она краля одного большого человека. Он на днях приплыть должен из Стамбула.

— Посол? — спросил Богдан, глядя осоловевшими глазами на Леню, который, не выказывая ни малейшего удивления, спокойно ответил:

— Да, он самый.

— Пф... — Богдан мотнул головой в сторону и добавил: — Его вся Одесса ждет... Милиция... карманники... Кто-то там еще... Краля вот эта... — Показал он глазами на Зиву.

Тут уже удивлению троицы не было предела, но Леня и его друзья были опытными аферистами, и ни один из них даже бровью не повел, услышав слово «милиция».

Зива в мгновение ока сориентировалась и, округлив глаза, воскликнула:

— Милиция! Таки шо ты балаболишь?! Шо за басни?!

Николас серьезно спросил Богдана:

— А когда за него милиция спрашивала?

— Та утром же ж... сегодня... — заплетающимся языком ответил Богдан. — Ты ж спал... а я с кассиршей... это... ну и менты пришли... в Морвокзал...

Парень замолчал. Видимо, ему становилось плохо, и он сделал глубокий вдох, чтоб все съеденное и выпитое не вышло наружу.

— И шо спрашивали? — с нетерпением протараторила Зива, видя, что собеседник вот-вот выйдет из строя и уже ничего не скажет.

— Да... ничего такого... ждут его... все... — Он икнул и попытался встать со стула, но безуспешно.

Леня сделал незаметный знак Яше, и поделник в мгновение ока исчез. Зива все поняла и, изображая панику, ноющим голосом попросила Николааса:

— Уведи его до туалета! Не видишь, что ли, ему плохо! Я тебя тут жду!

— Вот Богдан! — недовольно воскликнул грек и, подхватив друга под мышки, поволок его к выходу. — Пять минут, красавица! Я вернусь!

— Я жду тебя, — обворожительно улыбнулась Зива.

Едва моряки вышли, как Леня скомандовал:

— Уходим! Яша счет закроет и догонит нас.

Они с Зивой быстрым шагом вышли из ресторана и направились по улице Карла Маркса. Свернув на Ласточкину, дошли до Оперного театра и остановились там, молча ожидая прихода Яши. Сиплый не заставил себя долго ждать и прибежал буквально через минуту.

— Я вас видел, — еле дыша сказал он. — Но еле догнал...

Леня молча подошел к стоящей у тротуара белой «Волге» и спросил таксиста:

— До Молдаванки подбросишь?

— Нехай Молдаванка буде, сидайте, — согласился толстый таксист.

Ребята запрыгнули в машину и уже через каких-то десять минут сидели на скамейке в Ленином дворе. Сам Ворон подошел к окнам Гриши и тихонько постучал в окно. Крамеры жили на первом этаже, но время было уже около двенадцати ночи, и большая часть жильцов уже спали. Через мгновение в окне появилось лицо Гриши.

— Мы у школы будем, у нашей, подходи туда, — тихо прошептал Леня.

— Через пять минут буду, — кивнул Гриша.

Оказавшись возле школы на Буденного, где ночью было тихо и никто не мог им помешать, компания наконец начала делиться информацией.

Гриша спешил выдать свою порцию быстрее всех:

— Я узнал такое... После встречи с вами, я всех наших мастеров порасспрашивал и...

— Не тяни, ботай! — поторопил его Леня.

— Вы наверняка знаете ювелира Изю Фишмана?

Собеседники кивнули. Фишман был самым зажиточным ювелиром в городе, директором большого магазина на Дерибасовской.

— Так вот, — продолжал Гриша, — Фишману заказали документы на диадему с бриллиантами в двадцать три карата! И он должен будет отдать этот пакет документов человеку, который на днях приедет в Одессу!

— Шо за *ксивы на цацки*?¹⁶ Я шо-то не пойму, — спросил Яша.

— Ну, это как паспорт у человека, — начал объяснять Гриша. — Если вдруг мусора останоят, то документик есть.

— Вся Одесса ждет эту цацку! — ухмыльнулась Зива и поведала о том, что ей рассказал Николас на улице.

Леня хмуро подвел итог:

— Посла этого по ходу встречать собираются люди Флинта. Это ясно как день! Ведь Фишман, ювелир, под Флинтом работает всю жизнь!

— Там не сам посол оказался, — добавил Гриша. — Курьер на самом деле какой-то работник посольства мелкий. Так мне сказали.

— Неважно! Тут другая сложность, — задумчиво произнес Леня. — Мусора в курсе. И хлопнут любого, кто захочет швырнуть того фраера! А братва может быть и не в курсе... — Он немного подумал, затем добавил: — Отрабатывать цацку тут масти нет! В Одессе никто ее не украдет! Надо в Москву ехать, там ее утянуть! Информации мало, да и город чужой... Я думаю, это порожняк. Лучше не лезть!

— Леня, это ж какие башли! — возмутился Яша. — Как не лезть?

---

¹⁶ Документы на украшения (*тюремный жаргон*).

— Ша, Сиплый, — обрубил друга Леня. — Это порожняк! Братву завтра предупрежу, шо там мусора на стреме. И все! Тема закрыта.

Следующим утром, в пятницу, около одиннадцати часов утра, Леню своим криком разбудила мать:

— Леня, вставай! До тебя хлопец какой-то пришел!

Хая была полная, но энергичная женщина, постоянно хлопчущая по дому: то готовка, то уборка, то стирка... Когда Леня вышел на кухню, мать опять возилась у плиты.

— Кто там пришел, мама?

— А я знаю? — удивилась женщина. — Какой-то фронт! Говорит *гешефт*¹⁷ до тебя имеет! Ну я ему ответила, шоб помолчал с той стороны! Вот он и стоит на дворе!

— Шо, не из наших? — подозрительно спросил Леня.

— Так если бы с наших, я б знала за него, а то чужак. — Хая громко вздохнула и, покачав головой, добавила: — Загонишь ты меня на Слободку¹⁸ своими гешефтами!

— *Та все в ажуре, мамэ!*¹⁹ — улыбнулся Леня и пошел в ванную умываться.

Соломона дома уже не было, каждый день он уходил рано утром по своим делам. Быстро умывшись, Леня выбежал во двор. На скамейке сидел светловолосый парень лет тридцати, одетый в модные джинсы-варенки, ярко-синюю футболку и черную ветровку. Закинув ногу на ногу, он рассматривал свои кроссовки на липучках «Адидас» и неспешно курил.

Леня сразу узнал парня:

— Саня, ты?

Парень подскочил с лавки и, увидев знакомое лицо, улыбнулся:

— Одессит! Брателла! Нашел я тебя все-таки!

---

¹⁷ Дело (*идиш*).

¹⁸ Синоним сумасшедшего дома, находящегося в том районе в Одессе.

¹⁹ Все в порядке (*жаргон*).

Они обнялись, радуясь встрече. Леня окинул взглядом старого знакомого:

— А ты, я смотрю, модный парень стал!

— Ну я-то в Москве обитаю теперь! — важно заявил Саня, добавив: — Я же после Устимлага сразу в столицу подался. А ты как?

— Та я шо? — махнул Леня рукой. — Я через год после того, как ты освободился, тоже откинулся и вот домой вернулся... Та не важно! Ты какими судьбами? Где? Как?

— Я на один денек, проездом можно сказать. И дельце есть к тебе.

— Ну, Доллар, ты всегда дела имеешь сурьезные! — рассмеялся Леня. — Пошли поботаем шо к чему и позавтракаем! — Леня направился на улицу.

— Да мне еще в гостиницу надо, — возразил Саня. — Человечка там одного жду!

— В какой ты гостинице?

— «Красная».

— Хорошо живешь! — Подмигнул другу Леня, остановил проезжающее мимо такси и, садясь вперед, скомандовал: — Педаль до «Красной»!

Спустя тридцать минут Леня со своим бывшим сокамерником Сашей Долларом уже сидели в ресторане гостиницы «Красная» и ждали заказанную яичницу и чай. Повспоминав немного своих друзей по зоне, Саша наконец перешел к делу:

— Одессит, я, короче, к тебе по делу. Очень крупному.

— Ну ботай, Доллар. Я уже срисовал, что ты не чай пить приехал!

— Короче, — немного подавшись вперед, начал Саша, — в среду сюда приедет один человек из Стамбула, он везет с собой очень дорогую вещь...

От этих слов у Лени внутри все похолодело, но виду он не подал. Получалось, что уже и москвичи охотились за диадемой! Саша Волков по кличке Доллар был обычным валютчиком и фарцовщиком, который никогда не воровал. По крайней ме-

ре, раньше. Попал в тюрьму он за валютные операции, отсидел спокойно свой срок, не блатовал, но и в обиду себя не давал, сидел достойно, по-мужски. За это его уважали блатные, к которым и относился Ленья. Сейчас же, судя по всему, Доллар занялся другими делами. Одессит решил вначале выслушать друга, а потом решить что к чему.

— Так вот, — продолжал Доллар, — диадему эту повезут в Москву. Там ее заказал какой-то крупный чиновник. Но у меня есть клиент, который хочет купить ее за огромные бабки.

— За сколько? — поинтересовался Ленья.

— За пятьсот тысяч долларов, — прошептал Саша.

Ленья прикинул: раз друг говорит пятьсот, значит, на самом деле ему дадут минимум семьсот! Доллар не вор, у него нет понятий, как у блатных. Он обычный спекулянт и, естественно, занижает цену. Судя по всему, вещь эта действительно очень дорогая, и Ленья был уверен в том, что люди, которые ее везут и продают, даже не представляют истинной ценности украшения! Иначе все было бы сделано так тихо, что никто ничего не узнал бы.

— И шо ты хочешь сделать? — спросил Ленья.

— Я хочу тебе предложить сработать вместе! Я Одессу не волоку, здесь и своих блатных, и воров хватает. Меня тут быстро потеряют. А ты местный, да еще и авторитетный. Я едва на ваш район зашел, на Молдаванку, спросил первых попавшихся пацанов, где ты живешь, так они мне сразу дом показали и предупредили, что ты еще спишь! — Друзья рассмеялись. Затем Доллар продолжил: — Со мной в доле еще один человек, мой кореш. Он и подтянул эту тему. Я понимаю, вымутить будет тяжело, поэтому хочу тебе предложить пятьдесят на пятьдесят! Ты со своими вещь украдете, а я ее пихну красиво и тихо! Деньги...

— Ша, Доллар! — остановил его Ленья. — Ты шо забываешь? Какие деньги? Какие доли? — Он нахмурился. — Я имею быть бродягой, а не барыгой каким-то! Гембель этот мне не нужен. Вопрос закрыт.

Саша с сожалением посмотрел на собеседника:

— Лень, ну не обессудь. Я-то по-другому не это... Я в Москве живу, там везде только деньги, вот я и привык.

— Кайфанем сегодня, потом педаль назад в свою Москву, — строго оборвал друга Лень. — Считать башли не мое. Я живу, шоб было все красиво! На это мне хватает. А такие сделки... Это не по мне. И тебе не нужно. За этой цацкой мусора пасут и вся хевра одесская. Тебе ловить тут нечего.

— Так значит, ты волокешь за нее? — Доллар удивленно посмотрел на Ленью и скромно улыбнулся: — Одессит, ну не обессудь, в натуре... Давай мутанем эту тему!

— Не хочу я! — решительно воскликнул Лень. — Нет масти уже. На Одеколон загремим за эту цацку... В Москве отработайте ее.

— Да в Москве-то можно, но... — Парень призадумался. — Не справлюсь я! А к московским ворах итти не хочу. У меня есть информация, которой нет ни у кого!

— Я тебя поздравляю, — безразличным тоном подвел итог Лень, демонстративно спокойно попивая чай.

Друзья позавтракали, не возвращаясь больше к этой теме. Затем Лень ушел, договорившись с Долларом, что вернется за ним в пять часов.

Выйдя из «Красной», Лень пошел пешком на Морвокзал. Внутри у него все кипело. Он никогда не гнался за деньгами, они были для него не так важны, как доброе имя и честь. Многие, конечно, пытаются добиться уважения и положения в обществе с помощью денег, но для Лени это все было фальшью. Несмотря на то что он был беден, его с молодых лет знали и уважали на Молдаванке за правильные поступки, справедливые решения и храбрость, благодаря которой он мог влезть в драку с превосходящим по силе соперником. А почему нет, если ради справедливости?! Лень, спускаясь по Суворова, кинул взгляд в сторону моря. Его жизнь всегда была игрой, и он ее любил. В данный момент в его венах бурлил азарт, он жаждал победы! Конечно же Лень очень хотел украсть эту диаде-

му, но не ради денег. Ему наплевать было, сколько она стоила. Ясно, что за этой вещью уже гоняются все крадуны Союза. Не была нужна она ему и ради тщеславия. К черту славу! Зачем привлекать к себе лишнее внимание? Лене хотелось украсть эту диадему, чтобы доказать самому себе, что он может сделать невозможное. Но с другой стороны... Стоит ли оно того? Доллар — хороший парень, но он не бродяга. Он просто хочет заработать, и судить его за это нельзя. Это человек другой масти. Сам же Леня вор! Бродяга! И его дело воровать. Если он попадетса, значит, пойдет опять на зону. Значит, еще не так хо-рош, чтобы не попастьса в руки ментам.

Думая об этом, Леня подошел к Морвокзалу. В огромных стеклах здания, взлетавших на несколько этажей, бликовали солнечные лучи. Перед входом слева, как обычно, стояли автобусы, ждущие туристов, и таксисты, лениво курящие дешевые сигареты. Леня знал, где и кого нужно искать. Заходить в здание Морвокзала он не стал, а, пройдя немного в сторону, стал присматриваться. Народ выходил и заходил в здание. Через несколько минут показалась группа туристов, с шумом направляющаяся к автобусам. Леня мгновенно заметил мальчика лет четырнадцати, с неподстриженными кудрявыми волосами, в коричневых брюках, такого же цвета свитере и черной кепке-гаврош. Пацан то ли шел по своим делам и растерялся, увидев столько людей сразу, то ли специально прибежал поглазеть на иностранцев, он крутился в самом центре толпы, озираясь по сторонам одновременно с восхищенным и озадаченным видом. Леня ухмыльнулся и не пошел в сторону этой группы, а притаился сзади автобуса, не упуская из виду пацаненка. Когда гомонящая толпа расселась по автобусам, пацан аккуратно свернул и оказался на том же месте, где стоял Леня.

— Ну, привет, Цыганенок!

— Опа! — улыбнулся пацан. — Ворон! Приветствую.

— Как чистка прошла? — поинтересовался Леня.

— Негусто! — скривился мальчик. — Пара лопатников...

А ты по делу или шо?

Леня еще раз ухмыльнулся. Его всегда веселили деловитость и наглость вокзальной шпаны.

— Слухай сюда! — начал он серьезно. — Дуй сейчас до старших, скажи, Ворон прокнокал слушок, шо у мусоров в среду на Морвокзале облава готовится на крадунов наших. До Флинта пусть доведут.

— Да я и сам могу Флинту цинкануть, — важно заявил карманник. — Он и есть мой старший. А с чего хипишь?

— С того! — Леня легонько стукнул пальцем по козырьку пацанской кепки. — Шукали вы слишком много за какого-то посла, шо из Стамбула педалит к нам.

Цыганенок округлил черные глазища:

— Во падлы!

— Давай беги, — бросил ему напоследок Леня и пошел обратно.

Пацан убежал вперед. Ворон опять усмехнулся. Он не хотел сам идти к Флинту, так как держался независимо от городской братвы, хотя при этом в общак регулярно вносил «грев на общее». Однако предупредить братву считал своим долгом. Лене, конечно же, поверят на слово и операцию по диадеме свернут. Но предварительно, конечно, Флинт либо сам придет, либо отправит кого-то из своих подручных уточнить информацию у Лени.

После Морвокзала Леня пошел к Яше, который в это время по своему обыкновению сидел на Дерибасовской в кафе, играл в карты с друзьями с Молдаванки. Друзья отсели за другой столик и долго разговаривали, пытаясь найти верное решение проблемы. Яша был для Лени как брат, он всегда к нему прислушивался и ни разу не пожалел об этом. Конечно, у Раппопорта был настоящий, кровный брат Соломон, но Моня был другим. Он был умным и грамотным парнем, способным на большее, чем банальное воровство. Леня любил Соломона всем сердцем и оберегал его от всей этой грязи, насколько, конечно, это было возможно. Хоть Моня и занимался нелегальным производством джинсов, было ясно, что

за эту «работу» его не посадят. В Одессе и без него было полно воришек, налетчиков, торговцев наркотиками и других преступников, преследуемых законом. Около четырех часов в кафе появилась Зива. Оттуда троица, не спеша прогуливаясь по Дерибасовской, направилась в гостиницу «Красная». Саша уже ждал друга и, познакомившись с Яшей и Зивой, сразу перешел к делу:

— Леня, ты не передумал?

— Нет! — Хитро улыбнулся Леня. — Пойдем посидим у нас. Сегодня шабат заходит, погода чудная, на Молдаванке наверняка весело будет.

— Может, рыбки свежей забацаем? — весело спросил Яша.

— Нехай забацаем! — задумчиво ответил Леня. — Надо к рыбакам махнуть!

— Та не проблема! — возмутился Яша. — У нас же ж тут есть наш брульянт чистой воды! У нас рыба всегда имеется. В общем, вы водки купите и на Молдаванку, а я быстро к рыбакам. Не доезжая Крыжановки есть у меня пара знакомых, куплю ведро и к вам.

— Глосей возьми побольше, — попросил Леня.

— Шо будет, все заберу, — согласился Яша.

— А что такое глоси? — с интересом спросил Саша, когда Яша убежал ловить такси.

— Камбала черноморская, — ответил Леня. — Пошли до Еси, купим харчей.

— А есть чем стрелять? — спросила Зива, имея в виду наличие денег.

— Пока чуток осталось! — Подмигнул ей Леня и зашагал вперед, по своему обыкновению высоко подняв голову и держа спину ровно.

По его походке можно было сразу сказать, что этот человек уверен в себе и привык повелевать. Его утонченная внешность говорила о благородстве характера, глаза были умными и проницательными, тонкий нос с горбинкой добавлял облику аристократизма и сразу выдавал в нем еврея. Не спеша

прогулявшись до улицы Хворостина, Леня с друзьями свернули во дворы. Зайдя в один из общих дворов, где возле голубятни играла детвора, Леня постучал в одну из дверей. Через полминуты в проеме показалась лысая голова пожилого мужичка, в очках с роговой оправой, большим носом и отвисшей нижней губой.

Мужичок немного испуганно воскликнул:

— *Вэй из мир!*²⁰ Леня, это ж ты!

— Я, — ответил гость. — Чего ты боишься?

— Та я не ожидал никого, шабат все-таки. В это время все наши дома сидят уже, а прийти могут только... ну ты понял кто, — подозрительно посмотрев на Сашу, пролепетал мужичок и распахнул дверь перед гостями.

Леня с друзьями зашли в бедное, с обшарпанными стенами жилище мужичка. Зива закрыла за собой дверь.

— Еся, мне нужны продукты хорошие. Шо есть?

Мужичок важно ответил:

— Ленечка, есть все. Шо тебе треба, скажи — принесу.

— Тогда неси нам водку хорошую, бутылок четыре-пять, вино давай...

— Французское? — деловито спросил Еся.

— Лучше грузинское, белое, — ответила Зива.

— Сервилат — палку, сыр голландский... шо еще там у тебя имеется? — продолжал Леня.

— Я понял все, шо вам нужно. Сядьте, подождите. — И мужичок скрылся в другой, тонушей в темноте комнате.

Через десять минут друзья уже выходили из дома Еси с двумя черными пакетами. В одном позвякивали пять бутылок водки «Московская. Особая», во втором лежал батон сервилата, головка импортного голландского сыра, банка греческих оливок, полкило осетрины холодного копчения, коробка импортных шоколадных конфет и две бутылки грузинского белого вина «Цинандали».

---

²⁰ Боже мой (*идиш*).

— Откуда у этого бедолаги столько дефицита? — не выдержав, спросил Саша. — Я просто в шоке! Ты сейчас дал ему в руки почти двести рублей. Его хибара дешевле стоит!

Леня с Зивой, переглянувшись, засмеялись, и девушка объяснила москвичу:

— Еся один из самых известных спекулянтов в Одессе. Ему все привозят моряки. Помимо этого, ему тащат товар из Ялты с валютного магазина «Каштан» и из буфета «Интурист» в Киеве. У него связи везде есть. Уже вечер, шабат начинается, а с утра сегодня, поверь мне, у него стояла очередь. Все одесские шишки скупаются у Еси. Я думаю, он тысячи на две минимум сегодня наторговал.

— Если это так, почему он живет в таких условиях? — недоумевал Саша.

— Да ему наплевать на условия, — пустился в объяснения Леня. — Он привык так жить. Зато его дети живут как короли! У него один сын в Москве в МГУ учится, а второй живет тут, в четырехкомнатной квартире. И работает в горисполкоме каким-то большим чином... а ведь молодой еще совсем. Папа все проплатил, всех накормил и все купил.

Через пять минут друзья пришли во двор Лени. Детвора там прыгала по нарисованным мелом клеткам, играя в «классики». Отовсюду неслись вкусные запахи готовящегося ужина. На Молдаванке торжественно, с застольем, встречали пятничный вечер не только евреи. За годы жизни среди иудеев жители района переняли традицию, вне зависимости от религии и национальности. Леня поднялся в квартиру, позвал Соломона, предупредил мать, что скоро принесут рыбу. Прибежал Гриша Крамер. Ребята засуетились во дворе, вынесли из квартир три стола и составили их в один. Температура поднялась до семидесяти градусов, и сидеть на улице уже можно было с комфортом. Хая выбежала с тарелками и скатертью во двор, следом начали выходить другие соседи. Из окна второго этажа, напротив квартиры Раппопортов, высунулась женщина с бигуди на голове и прокричала:

— А шо за праздник у Раппопортов?! Неужто Леня женится?!

— Теть Роза, не дождетесь! — засмеялся Леня. — Просто у нас шабат, и ко мне приехал друг из Москвы.

— У моего Семки уже сын родился, Аркашка. А Семка, по-ди, младше тебя. Пора тебе уже, Леня, жениться! — выкрикнула женщина.

Ответила ей уже Хая:

— Давай спускайся, Роза! И неси соленое. Хватит болтать.

Когда приехал Яша, во дворе уже был накрыт стол, за которым сидели помимо Раппопортов, Крамеры, тетя Роза Мазур с мужем и молчаливой дочкой лет двадцати, Георгий со своими родителями, сапожник Моисей с женой и украинец Коля с супругой. Детвора переместилась ближе к улице, старый Самвел, который уже и сам не помнил, сколько ему лет, сгорбившись, сидел на стульчике немного в стороне от стола и курил трубку. Каждый вынес что-то из дому, и стол получился праздничный. Соломон уже разжег дрова в мангале и приготовил металлическую решетку, чтобы пожарить на ней рыбу. Хая возмущалась, что нужно жарить на сковороде, но молодежь предпочитала угли. В ведре, принесенном Яшей, оказалось несколько кефалей, две камбалы и куча черноморских бычков разного размера. Женщины быстро чистили рыбу, Соломон отправлял ее на решетку, следя за дровами. Все что-то говорили, то тут, то там слышался смех. Леня то и дело поднимал рюмку, кто-то пил водку, закусывая соленьями тети Розы, Зива и Хая предпочли вино, кто-то — компот, приготовленный мамой Гриши Крамера. С появлением Яши стало еще веселей. С присущим ему задором, он своим сирым голосом начал травить анекдоты. Саша был в шоке от такой теплой, домашней обстановки. Люди здесь относились друг к другу как родня, двор жил одной большой семьей, и никто не выказывал ни высокомерия, ни жадности, ни зависти. Небогатые люди, обретавшиеся в старых, тесных квартирках, веселились так, будто в их жизни все прекрасно. Впрочем,

у них действительно все было неплохо. Им не нужны были миллионы, чтобы жить хорошо, они умели наслаждаться каждым днем без денег. В разгар застолья Леня вышел из-за стола и отошел в сторону покурить. Саша последовал за ним. Облокотившись на стену дома, слегка подвыпивший Леня улыбнулся:

— Ну как тебе у нас?

— Я просто в шоке! — честно ответил Саша. — Так все просто и весело.

— Это Одесса, друг мой, тут всегда так, — философски ответил Леня и как будто между прочим спросил: — А ты знаешь, где и как будет проходить передача диадемы в Москве?

Саша сразу засиял:

— Да, знаю! Но это, кроме меня и моего кореша, никто...

— Ша, погоди, — спокойным тоном оборвал его Леня. — Сначала послушай меня. Тему мы сделаем. Но ты не забывай, что просто даешь наводку, и не считай, кому, что и сколько. Провернем, на общее выделим, а там, че останется, по-братски всем будет!

Саша глубоко вздохнул:

— Как скажешь, Одессит.

Заручившись согласием друга, Леня произнес:

— Говори, что там и как будет, а мы подумаем.

— Курьер прилетит на самолете, — начал свой рассказ Саша. — Его встретят. Будет охрана. Но это... это все показуха. Для тех, кто захочет его кинуть. Цацку он на самом деле оставит в камере хранения, в ящике железном. Номер не знает никто, кроме него и того, кто заберет товар. — Он снова вздохнул и развел руками. — Я просто не представляю, как в Москве можно все это повернуть. Пасти курьера бесполезно. Камеру хранения — тем более!

— Почему? Перед камерой хранения поставить людей, и все...

— Дело в том, что я ни в одном московском аэропорту не знаю даже такой камеры хранения.

— Да ладно? — Удивился Леня.

— Именно так! Есть такие на вокзалах, но в аэропорту... Я нашел только одну. В Шереметьево-2. Там есть подходящая... Но тут опять тупик!

— Какой?

— В Шереметьево-2 прилетают только международные рейсы и самолеты издалека. Рейс из Одессы летит в Домодедово. Тем не менее я проверил камеру в Шереметьево. Там ящиков штук двести! А еще везде менты шныряют... Не вариант там. Я потому и решил, что в Одессе сподручнее будет дело провезти.

— Н-да... — Нахмурился Леня. — Ты завтра уезжаешь?

— Ага, вечерним поездом.

— Добро. Постараюсь до завтра что-то придумать, — подвел итог Леня. — Пойдем за стол.

Парни вернулись к шумной компании, которая, закончив с трапезой, теперь играла в лото. Время было около десяти часов вечера, уже совсем стемнело. Леня сел в стороне и задумался. Задача была не из легких. Немного подумав, он взглядом указал Яше и Зиве отойти в сторону. Когда Леня рассказал друзьям о том, что он узнал от Саши, они тоже крепко задумались. В Одессе они чувствовали себя как рыба в воде, многое могли сделать, но в Москве... Никто из них там даже ни разу не был. Яша позвал Доллара, он попрощался со всеми, и друзья пошли проводить гостя до гостиницы. Молдаванка всегда считалась ночью опасной для приезжих людей, дворовая шпана в темное время промышляла грабежами, нападая на незадачливых туристов. Когда Саша уже был в своем номере, Леня, Яша и Зива сели на скамейку недалеко от гостиницы. Леня подвел итог, пытаясь, собрав всю информацию в кучу, найти подходящее решение.

— Итак, шо мы имеем: цацку рано утром привозит фраер из Стамбула, на Морвокзале его ждут мусора и Фишман с ксивой. Его наверняка также встречает какая-то охрана в погонах, возможно, те же менты, а может, и кагэбэшники... Везут

в аэропорт, самолет в Москву улетает где-то часов в двенадцать. Наверняка они все подгадали. В столице он прилетает в Домодедово... Вот тут неувязочка. Как курьер может добраться из одного аэропорта до другого, там расстояния большие, как от Одессы до Херсона! Смысла нет...

— Леня, — вмешалась в его рассуждения Зива, — самолет может сесть в другом аэропорту. Это ж бывает, если туман или еще шо! Видимо, там клиент жирный, наверняка у него есть такая возможность повлиять на рейс.

— Точно. — Щелкнул пальцами Ворон. — Конечно, только так! Еще и лишний раз следы запутают. Тут ясно как день, все мусора, охрана и остальные участники знать не знают, что именно везет этот фраер и почему его охраняют. Известно обо всем только заказчику и тому, кто заберет из камеры хранения цацку. Все остальные думают, что это просто большая шишка тут нарисовалась. Даже слух пустили, будто это сам посол едет, а там на самом деле какой-нибудь простой уборщик из посольства!

— То ясно, — отозвался Яша. — Но как в Москве забрать цацку из камеры хранения? Наверняка, как только он положит туда, ее заберут!

— Нет, — решительно сказала Зива. — Они тоже не дураки, у них план чистый! После того как курьер положит цацку, он должен будет уехать, а другие люди потом заберут диандему.

— Согласен, Зива, — кивнул Леня. — Они хотят запутать след, думают, кто-то, типа, следить будет. А лишний раз зачем им светиться? Наверняка курьера, который цацку заберет, вообще не будет в аэропорту, либо он спрячется подальше от камеры хранения. Иначе зачем вообще нужен этот цирк? Могли бы просто из рук в руки передать — и все! Там, видать, заказчик какой-то очень недоверчивый тип, который боится, что про него узнают...

— Ага, — усмехнулся Яша, — поэтому-то от Москвы до Одессы все уже знают о деле!

— Именно поэтому, Яша, — Кивнул Леня. — Он, пытаюсь скрыть свое имя, не обратил внимания на то, что стало известно многим вокруг. Плюс, я думаю, информация, скорей всего, идет от того, кто хочет купить эту цацку у нас! Этот хмырь наверняка приближенный заказчика... крыса...

— Давай завтра еще поговорим. — Устало вздохнул Яша. — А вообще тут шанец — ноль. Лучше, по-моему, оставить дельце. Проводим вечером кореша твоего и забудем обо всем.

— Я тоже так думаю, — согласилась Зива. — Если не судьба, лучше не лезть!

— Хорошо, пошли по хатам, — задумчиво протянул Леня.

Думал он до утра. Дом весь уже спал, а Леня то курил на скамейке, то шагал по двору. Поднявшись домой, он заваривал себе крепкий, по тюремной привычке, чай, а потом долго сидел на кухне и размышлял. Около пяти часов утра Леня позвонил Яше. Сонный голос ответил спустя несколько гудков:

— Алло.

— Сиплый, — шепотом, но очень бодро начал Леня. — У тебя, помнишь, дядя в политехе работал?

— Лень, ты? — Не мог понять спросонья Яша.

— Я, я... Ну! Проснись! Дядя в политехе...

— Какой политех? Ты шо не спишь? — Пытался собраться с мыслями Яша.

— В институте. Политехническом. Дядя у тебя работает там сейчас?

— Аа... — Наконец понял друг. — Ну сейчас-то он спит. Кто ж в шабат утром работает?

— Вот ты шлимазала! — нервно воскликнул Леня. — Я не шучу! Seriously отнесись!

— Работает, работает, — устало ответил Яша. — Только давай поспим еще, а потом поступать пойдешь.

— Отлично! — довольным голосом воскликнул Леня. — Спи. В десять утра я зайду.

Повесив трубку, Леня, улыбаясь, отправился в кровать и сразу крепко заснул.

Глава 7

Рамиль Айзатулин закончил МГИМО в 1980 году. Его отец состоял в партии и занимал высокую должность в Совете министров Татарской АССР. Благодаря своим связям он отправил сына учиться в МГИМО, а по окончании устроил на работу. И вот, двадцатисемилетний Рамиль уже пятый год трудился референтом-переводчиком в посольстве СССР в Анкаре. Работа в принципе была легкая. Турецкий язык сильно похож на татарский, и Рамиль быстро его выучил. Конечно, он немного скучал на столь низкой должности, но перспектива впереди была отличная. Первый секретарь посла объяснил парню, что пока некого назначить на его место, а значит, ему придется немного потерпеть. Но зато потом он не будет проходить каждую ступень: референт, потом атташе, потом третий секретарь... Это не для него! Нынешний первый секретарь метил на должность посла после перевода шефа, а Рамиля собирался двинуть на свое место. Такой расклад устраивал парня, и он продолжал спокойно делать свою мелкую работу, иногда выполняя личные поручения первого секретаря. Как, например, сейчас. Начальник дал ему двухнедельный отпуск и отправил домой. Рамиль был рад возможности побывать дома, несмотря на то что по дороге нужно было сделать небольшой крюк: первый секретарь попросил доехать до Стамбула, оттуда на пароходе в Одессу, а потом уже самолетом в Москву. Как отказать начальству? Тем более, он сообщил между делом, что до перестановки кадров осталось меньше полугода. Рамиль сразу понял, что это очень серьезное задание, в стиле Джеймса Бонда, своего рода экзамен. Ведь он должен был не просто перемещаться между городами. Он вез толстый, сантиметров пятнадцать, конверт, очевидно, там находились какие-то важные документы. Конверт был из плотной бумаги, а поверх еще запакован в пленку и опечатан гербом СССР. До Одессы он, конечно, доедет спокойно, ведь у него есть дипломатические документы. Но что, если по дороге в Москву его остановит милиция или, что еще хуже, КГБ захочет досмотреть?

Что тогда? А на такой случай Рамилю в Одессе, прямо на Морвокзале, дадут второй конверт с разрешительными документами, с которыми он и сможет провезти конверт до столицы. Во как все сложно! И ведь и это было еще не все. В московском аэропорту парень должен будет зайти в камеру хранения, открыть ключом, который тоже дал ему шеф, ячейку номер 57, положить туда оба конверта, закрыть и уйти. На выходе его встретят и отвезут в гостиницу, а наутро Рамиль спокойно поедет в аэропорт и улетит в родную Казань. Все в принципе просто. Парень был уверен, что справится. Он был молод, атлетически сложен и внешне больше похож на русского, чем на татарина: русые, гладкие волосы спадали небрежной челкой на лоб, почти доставая до зеленых, совсем немного зауженных глаз. А потому лишних подозрений у милиции вызвать он не мог.

И вот Рамиль без проблем преодолел дорогу на поезде до Стамбула и, сев на пароход, спокойно приехал в Одессу. Выйдя на Морвокзале и пройдя все необходимые процедуры, парень вышел на улицу. К нему сразу же подошли двое мужчин в штатском. Один молодой, стройный и подтянутый. Второй лет пятидесяти, толстый и усатый, он-то, лениво представившись, и показал удостоверение:

— Подполковник Гуменюк! Товарищ Айзатулин?

— Да, — ответил Рамиль.

— Нам поручено сопроводить вас в аэропорт!

— Конечно, — согласился Рамиль. — Только мне нужно кое-что тут получить вначале.

— Тогда мы отойдем, покурим пока, — предложил подполковник. — Времени немного у нас, так что ждем минут пятнадцать, не более, а то опоздаем!

Рамиль ничего не ответил. Мужчины отошли от входа, подалее от автобусов и таксистов. Парню сразу стало понятно, что вокруг полно сотрудников милиции в штатском, которые рассредоточились по разным углам и небрежно смотрели по сторонам. Рамиль не курил, поэтому просто стоял, изучая площадь Морвокзала. Однако скучать молодому человеку долго не

пришлось: спустя несколько минут к нему подошел молодой, лет шестнадцати, парнишка с умными черными глазами и вежливо обратился к подполковнику:

— Прошу прощения, мне нужен товарищ Айзатулин. Есть шо передать ему!

— От кого посылка? — с подозрением спросил Гуменюк.

— От товарища по фамилии Фишман... конверт с бумагами.

— То, что надо? — спросил подполковник у Рамиля.

— Видимо, да... — Пожал плечами парень. Он знал только, что ему дадут конверт. — Конверт должен был быть, так что, наверное, это он.

— Давай сюда, — скомандовал подполковник посыльному.

Тот передал небольшой, толщиной не больше трех сантиметров, но очень плотный конверт, также замотанный пленкой со всех сторон. Рамиль взял посылку и кивнул сопровождающим, показывая, что готов ехать. Тут же рядом затормозила милицейская «Волга», и тройца уселась в машину, Гуменюк — впереди, Рамиль и молодой сотрудник — сзади.

Аэропорт Одессы был преодолен с еще большей легкостью, чем Морвокзал, и спустя час Рамиль уже сидел в маленьком помещении зала отлета, ожидая посадки в самолет. Люди, находившиеся вокруг, человек восемьдесят, все ждали один и тот же рейс. Рамиль скромно сел в уголок и развернул «Известия». Периодически он окидывал взглядом помещение, но все было спокойно, соседи вели себя тихо и внимания не привлекали. Кто-то разговаривал, кто-то читал книжку или газету. Люди все еще заходили в зал, проходя регистрацию и досмотр. Рамиль с удивлением отметил, что народ здесь, похоже, живет не бедный, многие были одеты в импортные вещи и вели себя вольготно, ничего не боясь. И тут в зал зашла неописуемо красивая, будто видение из иного мира, девушка. Стройная фигура с тонкой талией и высокой, изящно очерченной грудью сразу приковывала к себе мужские взгляды. Одета она была в ярко-зеленое импортное платье, которое выгодно оттеняло

цвет ее кошачьих глаз. Было совершенно очевидно, что красавица этим же рейсом направлялась в Москву.

Девушка крадущейся походкой, как пантера, прошла к ведущим к трапам дверям. Рамиль не мог оторвать от нее глаз. Красавица отбила у Рамиля охоту читать газету и полностью завладела его вниманием. Он сожалел только о том, что не мог сейчас подойти и познакомиться с ней, ведь нужно сначала выполнить возложенную на него начальством миссию. Открылась стойка, и народ пошел к выходу. Рамиль специально держался ближе к зеленоглазой девушке в надежде, что она обратит на него внимание. Но красавица с высокомерным видом смотрела мимо окружавших ее людей. Кроме маленькой дамской сумочки, с собой у нее ничего больше не было. Рамиль тоже путешествовал налегке. Сумку с вещами он сдал в багаж, а в руках нес лишь пакет, в котором лежали два конверта. Парень не отпускал ценный груз ни на секунду. Заходя в автобус, следовавший к самолету, Рамиль шел следом за девушкой. В тот момент, когда все стали подниматься по ступенькам, красавица споткнулась и точно упала бы, если б Рамиль не подхватил ее. Тут-то девушка наконец и обратила на него внимание. Рамиль придержал красавицу под локоток и, застыв на мгновение, тоже заглянул ей в глаза. В нос ударил приятный аромат дорогих французских духов. От горящего взгляда колдовских зеленых глаз и дурманящего запаха духов у молодого референта закружилась голова.

— Спасибо большое... — нежным голоском пропела девушка и скромно улыбнулась, обнажив ровные ряды белых зубов. — Извините...

— Да ладно. — Растерялся Рамиль. — За что тут извиняться? Все же хорошо...

— За мою неуклюжесть! — Хихикнула девушка и, уже зайдя в автобус, отвернулась в сторону.

Рамиль был в растерянности. Контакт вроде налажен, но что делать дальше? Хотя... разве это контакт? Доехав до самолета, толпа стала подниматься по трапу в салон, и парень потерял красавицу из виду.

В Ту-154 в каждом ряду было по шесть мест, которые разделял проход. У Рамиля на билете значилось 2С, а это значит, он сидел возле иллюминатора в самом начале. И каково же было его удивление, когда он увидел зеленоглазую красавицу, расположившуюся прямо за ним. Когда Рамиль проходил на свое место, девушка уже сидела в кресле. И тут она взглянула на него. Очаровательная улыбка совсем сбила парня с толку. Он растерялся, перебирая в голове тысячи вариантов того, что можно сказать красавице, но на ум ничего не шло.

— Мы с вами рядом сидим. Как хорошо! — Еще приветливее улыбнулась красавица.

— Ага... — выдавил из себя Рамиль, — мне... тоже... Приятно!

Девушка обворожительно засмеялась:

— Теперь мне ничего не страшно! Как можно бояться, когда рядом такой мужчина?

— Д-да... — промямлил Рамиль, продолжая стоять столбом и растерянно смотреть на соседку, благо что рядом пока не было ни одного пассажира. — Всегда готов! — невпопад ответил он.

Девушка опять засмеялась:

— Вы прям пионер!

Рамиль уже более-менее собрался с мыслями и, немного осмелев, спросил прямо:

— Как вас зовут?

— Диана! — игриво ответила красавица. — А вас?

— Меня — Рамиль!

— Очень приятно! — продолжала зеленоглазая. — Вы садитесь, а то сейчас люди придут.

Несмотря на то что самолет был заполнен лишь наполовину, места рядом с Рамилем были предусмотрительно выкуплены его шефом. Помня о невероятной ценности груза, первый секретарь решил обезопасить своего гонца со всех сторон.

Вспомнив об этом, Рамиль решил:

— Никто тут не сядет... Может, вы хотите?

— Почему это никто не сядет? — удивилась девушка.

— Мои друзья... не полетели... — неуклюже выкрутился Рамиль.

— Нет, что вы! Я не могу сесть рядом с вами!

— Почему?

— Просто. — Пожала плечами девушка. — Я вас даже не знаю, вот почему. И потом, я у окна люблю сидеть.

— Я уступлю вам место у окна. — Не сдавался уже осмелевший Рамиль.

Но девушка лишь отрицательно покачала головой в ответ, категорически не соглашаясь пересесть. Рамиль не стал настаивать, решив, что для первого раза и так все прошло неплохо. Сев на свое место, парень положил пакет на колени, накрыв его для верности руками, откинулся на спинку и закрыл глаза. Осознание того, что красавица сидит сзади, не давало ему покоя весь полет. Он не замечал ни женщины лет шестидесяти, ни смуглого, кудрявого пацаненка лет четырнадцати в кепке-гаврош, устроившихся рядом с Дианой. Рамиль мечтал о том, как все-таки соблазнит красавицу. Примерно за пятнадцать минут до посадки пилот объявил по громкой связи, что в связи с техническими причинами Домодедово не может принять их рейс и посадка будет произведена в аэропорту Шереметьево-2. Рамиль знал, что будет именно так, первый секретарь предупредил курьера о замене заранее. На это-то парень и делал ставку в игре с зеленоглазой красавицей, которую наверняка встречали в Домодедово. А теперь такой облом! По всему самолету разнесся возмущенный ропот. Прислушавшись, Рамиль разобрал возгласы недовольства и позади себя. Женщина возмущалась, а Диана ее поддерживала:

— Что же это такое?! Меня ведь встречают в Домодедово! Как же так? Как я сама доберусь? Вот хамство!

Подождав пять минут, когда вспыхнувшее недовольство охватило уже весь самолет, Рамиль решил разыграть свою партию. Немного склонив голову набок, в сторону щели между сиденьями, он обратился к девушке:

— А куда вам ехать, Диана?

— Мне далеко... наверное. В Люберцы... Это же далеко от Шереметьево?

— Очень! По правде говоря, другой конец города, — хитро улыбнулся Рамиль, тайно радуясь в душе ее отчаянию.

— Что же мне теперь делать?— с досадой произнесла девушка. — За мной не поедут в Шереметьево... а такси... Господи! Это ж целое состояние, наверное, будет стоить!

— Я помогу вам, — важно сказал Рамиль, но потом не смог удержаться от язвительного: — Если, конечно, вы соизволите сесть ко мне в машину.

— Вы что, везете машину в багаже? — Усмехнулась девушка.

— Нет, просто меня встречает водитель! — Парень уже чуть ли не лопался от чувства собственной важности. — Пока мы выйдем и получим багаж, он уже будет в аэропорту!

Рамиль, будучи парнем довольно хитрым, надеялся именно на такой расклад. Конечно, он не стал раскрывать поистине государственной важности тайну, но от Домодедово до Шереметьево-2 было минимум семьдесят километров! Мало кто решился бы пуститься в дорогу, учитывая цены на бензин и время в пути. И он не просчитался. Диана подавленным голосом ответила:

— Ну... если это возможно...

— Возможно, — твердо заявил Рамиль. — Держитесь рядом со мной, не переживайте.

— Ой, спасибо вам! Вас ведь Равиль зовут, да?

— Рамиль! — поправил парень красавицу.

Пока выходили из самолета и ждали возле ленты багаж, Рамиль узнал, что Диана ехала к подруге в Москву. Встретить ее должен был муж этой самой подруги, а точнее, ее сожитель. И конечно же, он не поедет через весь город за незнакомой ему девицей. Сама Диана родом из поселка Песчанка в Винницкой области, в Москву ехала первый раз в жизни. Однако собиралась в столице подзадержаться. В глаза бросалось то, что девушка не

выглядела деревенщиной. Фирменная одежда, дорогие духи, да и билеты на самолет недешевые! Понимая ход мыслей Рамиля, девушка неохотно призналась, что жила два года в Киеве с одним «очень богатым человеком», но жениться на ней он не захотел, поэтому она в конце концов ушла к родителям.

Теперь же она хочет попытаться счастья в Москве. И тут не нужно было быть профессором, чтоб понять: это обычная украинская красавица, которых пруд пруди, которые рвутся в большой и богатый город, чтобы продать себя подороже. Рамилю все тут же стало ясно, и он понял: сегодня ночь будет жаркой. Нужно только побыстрее закончить дело, порученное ему шефом. Когда лента зашевелилась и показались сумки и чемоданы, Диана заметила, что пакетик, который сжимал в руках парень, немного надорван снизу, и предупредила — мелкие вещи могут выпасть. Рамиль успокоил девушку, сказав что в конверте лежит крупная вещь, которая так просто не выпадет. Подхватив свою спортивную сумку и небольшую сумочку Дианы, Рамиль направился к выходу. Девушка, уже повеселев, начала вести себя проще. Она шагала рядом, с восхищением разглядывая все вокруг. В 14:10 Рамиль оставил Диану с двумя сумками сидеть в зале аэропорта, объяснив, что ему нужно на пять минут заскочить в камеру хранения. Девушка не придавала этому значения и, сев на скамейку, продолжала смотреть по сторонам. В 14:15 парень уже стоял перед рядами ячеек с номерами. Рамиль нашел нужную — номер 57. Он расстегнул молнию на боковом кармане своих спортивных брюк и достал небольшой ключ. Оглянувшись по сторонам, парень отметил, что в камере никого нет, кроме зевающего милиционера на входе. Рамиль усмехнулся, восхищаясь тем, как красиво со всем справился, да еще и такую фифу по дороге заарканил. Засунув пакет в ячейку, он закрыл ее, повернул ключ в замке и спрятал его обратно в карман, для надежности застегнув «молнию».

Вернувшись к Диане, он подмигнул красавице искомандовал:

— Все, пошли!

Рамиль, взглянув на часы— время было 14:22, — легко подхватил сумки, в одну руку свою, в другую — девушки.

— Ура, ура! — обрадовалась Диана, радостно захлопав в ладоши, а потом подхватила своего нового знакомого под руку, кинула на него нежный, многообещающий взгляд и пошла рядом.

Рамиль был собой очень доволен. Но, не пройдя и десяти метров, они споткнулись и чуть не упали, едва удержались на ногах. Виной тому оказался тот самый кудрявый мальчуган в кепке-гаврош, который сидел в самолете рядом с Дианой. Он буквально бросился парочке под ноги. Когда Рамиль полетел вперед, мальчик схватил его за куртку, не давая упасть. Выпрямившись, парень возмущенно крикнул:

— Ты че, клоп, под ноги не смотришь?!

Но парнишка, не обратив внимания на гневный окрик Рамиля, умоляющим взглядом посмотрел на Диану и протараторил:

— Я сразу понял... мне фото ваше показал мужик... вон тот! — И он показал в сторону темноволосого носатого парня маленького роста, который стоял метрах в пятидесяти от них и озирался по сторонам. — Он мне сказал, что вас ищет! Обещал денег дать, если найду!

Рамиль взглянул на Диану, которая пожала плечами, показывая, что не знает этого человека. Мальчишка стал дергать кавалера Дианы за край спортивной куртки и загундосил умоляющим голосом:

— Дяденька, я вас прошу, ну подойдите к нему. Пожалуйста... Я же деньги за это получу!

В душе Рамиля, который устал уже держать в руках две сумки и хотел как можно быстрее добраться до дома, стало вскипать раздражение, но избавиться от настырного пацана было не так-то просто. Он вглядывался в стоящего неподалеку мужчину и не находил в нем ничего подозрительного, однако уступить уговорам ему почему-то крайне не хотелось. А вот Диана, напротив, неожиданно для Рамиля воскликнула:

— Дорогой, ну пойдем посмотрим, кто это? Мне так интересно...

Дорогой? Дорогой! Это обращение вызвало у Рамиля массу чувств. Оно могло означать только одно: эта девушка уже его! Уговаривать на что-то или соблазнять ее не придется. Случай все сделал сам! Подумав об этом, парень важно зашагал в сторону того самого мужчины. Быстро преодолев разделявшее их расстояние, Рамиль встал перед незнакомцем, бросив сумки на пол и отметив про себя, что багаж девушки вдвое тяжелей его. Диана с любопытством смотрела на мужчину, он же, изучающе глядя на нее, спросил:

— Вы Диана?

— Да, — улыбнулась девушка. — Мы знакомы?

— Нет еще, но... Меня Петр зовут.

— Очень приятно! — ответила Диана, протянув руку, и после рукопожатия представила своего спутника: — Это Рамиль. Мой... близкий друг.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Петр чуть слышно пробормотал:

— Я и не знал, что вы не одна...

Рамиль уже решительно, не скрывая своего недовольства, произнес:

— А вы кто?

— Я? — Петр улыбнулся. — Меня Светлана отправила вас встретить. Я приехал в Домодедово заранее, а там... В общем, я сломя голову помчался сюда, у меня всего минут сорок пять было, не больше!

У Рамиля все оборвалось внутри: теперь она что, уедет? Как этот идиот умудрился так быстро сюда добраться?

Диана же наоборот обрадовалась:

— Ой, как замечательно! А я думала, вы не приедете.

— Да куда уж там! — важно сказал мужчина. — Я Светке обещал, что встречу, а свои обещания я всегда выполняю, чего бы мне это ни стоило.

— Да... — протянула Диана и, отпустив Рамиля, которого все это время держала под руку, спросила: — А как она вообще? Что у нее нового?

Петр тут же начал рассказывать какую-то дурацкую историю про то, как Светлана затеяла в своей квартире в Люберцах поклеить обои. Диана с интересом слушала и громко хохотала над ничем не примечательной историей, после чего сама начала рассказывать, как в своем поселке, в доме родителей, год назад устроила ремонт. Болтали они долго, и разговор абсолютно не впечатлил Рамиля. И тут он увидел милиционера в форме, который быстрым шагом, почти бегом, пересекал зал аэропорта. Тут-то парень вспомнил, что так и не увидел своих встречающих. Он в панике стал озираться по сторонам. Девушка заметила это и спросила:

— Дорогой, что случилось?

— Я... ищу... водителя своего.

— Так водители все на улице стоят, — простодушно заметил Петр.

Рамиль бросил взгляд на Диану:

— Ну что, едем? Он, наверное, на самом деле ждет на улице.

Девушка с досадой ответила:

— Теперь мне неудобно... Петр ехал за мной издалека.

— И что теперь? — злобно воскликнул Рамиль. — Так же поедет назад!

— Давай лучше сделаем так, — предложила девушка, — сегодня я поеду к подруге, а завтра мы с тобой встретимся? А? Как тебе такой план? — Игриво улыбнулась она.

Рамилю вдруг показалось, что здесь есть какой-то подвох, что-то во всей это истории не то, не хватает какого-то звена... Но чего именно, он не понимал и решил пойти ва-банк:

— Или ты сейчас едешь со мной, или мы уже никогда не увидимся.

Зеленоглазая красавица открыла от удивления рот, не в силах ответить что-либо. В ситуацию вмешался Петр, высказав предложение своим пропитым голосом:

— Что ж вы так ругаетесь? Время-то не позднее! Договоритесь, где вы хотите встретиться, я вечером Диану привезу, куда надо, делов-то...

Диана радостно улыбнулась и, посмотрев в глаза Рамилю, ласково попросила:

— Рамииль, ну пожалуйста! Я подругу четыре года не видела. Скажи адрес, Петя меня привезет. Обещаю, вечером буду у тебя. Ну пожалуйста, не обижайся.

Рамиль начал немного остывать, сменяя гнев на милость. А почему бы и нет? Он пока поедет в гостиницу, отдохнет, а вечером...

Так даже лучше! Парень подхватил свою сумку и бросил на прощание:

— Гостиница «Ленинград». Спросишь меня там, я предупрежу.

— Спасибо тебе, милый! Я обязательно приеду, — радостно воскликнула девушка и жарко чмокнула его прямо в губы.

От этого Рамиль буквально застыл на месте. Петр же взял сумку Дианы, и они быстро зашагали к выходу. Проводив взглядом девушку, такую красивую и еще несколько часов назад казавшуюся столь недоступной, Рамиль взглянул на часы: время было 14:37. Он неспешно вышел на улицу, туда, где ко входу подъезжали машины встречающих и такси. Рамиль огляделся по сторонам и сразу заметил мужчину в серых брюках, белой рубашке и дешевых туфлях. Одного взгляда на него хватило, чтобы парень понял — это милиционер в штатском. Рамиль подошел к нему и спросил:

— Прошу прощения, вы не меня встречаете?

— Товарищ... — Милиционер посмотрел на него, ожидая продолжения.

— Айзатулин, — ответил Рамиль.

— Ну слава богу! — Милиционер достал из кармана брюк огромную рацию, которая непонятно как там уместилась, и, нажав кнопку, сказал: — Третий, я седьмой! Объект найден, все чисто, прием!

На другом конце слышалось:

— Принял. Всем идти к транспорту. Объект найден, все чисто.

Засунув назад рацию, служитель закона улыбнулся:

— А мы уже тревогу бить хотели.

— Так я же в аэропорту был.

— Да, я видел. Просто из инструкции следовало, что вы будете один. Но вы, видно, девушке сумку помогли нести... Вот я и подумал: а вдруг это не вы?

— А, ну да, — согласился Рамиль.

— Ладно, пойдете к машине, на спецстоянку! — заторопился милиционер. — А я думаю: он, не он? Деваха-то красивая, еще и пацаненок рядом какой-то крутился...

И тут Рамиль понял, какое звено он упустил! Мальчишка, который нашел Диану, собирался получить у Петра вознаграждение, но исчез еще до того, как они подошли к незнакомцу. Рамиля будто ледяной водой окатили. Он понимал, что-то произошло, но что именно — ему было невдомек! Теперь парень был уверен: девушку эту он больше никогда не увидит. Да и по всему выходило, что он дурак последний! Дурак, потому что повелся, как мальчишка, на ласковые взгляды и слова! Ведь еще в Одессе, а потом в самолете она была неприступна. А потом ее словно подменили. Но зачем все это? Ответа на вопрос он пока не находил. Но рассказывать о произошедшем Рамиль совершенно точно никому не собирался. Никому и никогда!

Глава 8

Леня стоял в туалете московского аэропорта Шереметьево-2 в тот самый день, когда Рамиль Айзатулин прилетел в столицу. Часы показывали 14:24, когда в уборную вбежал Цыганенок, карманник с одесского Морвокзала.

— Ну? — быстро спросил Леня. — Удачно?

Цыганенок кивнул и протянул Лене ключ:

— Зива исполнила все как надо. Три хлопка — ключ в штанах. Я и сработал...

— Молодец! — похвалил его Леня. — Теперь пулей на вокзал! По дороге моргни Доллару. В Одессе увидимся.

Цыганенок кивнул и выбежал из туалета. План Лени пока шел без сбоев. Зива, играя роль неприступной красавицы, без труда подцепила на крючок курьера с диадемой. Вычислив, где именно незадачливый воздыхатель прячет ключ, она подала сигнал Цыганенку. А пацан крутился рядом и ждал, сколько раз Зива хлопнет. Один — ключ в сумке, два — в куртке, три — в штанах. Карманник тоже сыграл свою партию как по нотам. Ему не составило труда вытащить ключ из кармана и передать его, как и договаривались. Леня верно рассчитал: пока рядом с курьером будет находиться незнакомая девушка, встречающие его сотрудники милиции не подойдут. Ведь они ждут одного человека, а тут — влюбленная пара. Нужно было как можно дольше задержать их вместе. Роль Петра досталась Яше. Цыганенок теперь должен был подмигнуть Доллару, который стоял возле киоска с газетами — мол, все готово, — и уехать на вокзал, а оттуда уже отправиться в Одессу. Саша же, следуя условленному сигналу, подбежал к милиционеру, стоявшему на входе в камеру хранения, и, задыхаясь, протараторил, что на верхней стоянке на улице драка милиционеров с бандитами. Услышав это, мент сразу же помчался на выручку товарищам. До верхней стоянки было идти минут пять, а там ее еще и обойти надо было. Даже если мент добежит быстрее, все равно чистые десять минут у Лени были. Но теперь оставалось самое сложное.

Леня с Сашей зашли в камеру хранения. Оба были в кожаных перчатках, чтобы не оставлять отпечатки, тем более что оба и так уже числились в картотеке правоохранительных органов. Леня открыл небольшую сумку и вытащил оттуда счетчик Гейгера-Мюллера, аппарат для измерения уровня радиации.

Все было продумано до мелочей. Яша поговорил со своим дядей, работающим в Одесском политехническом университете, и тот достал им с кафедры атомной энергетики остекленные отходы с опытов, проводимых студентами. По сути, это

были небольшие стеклышки. Мусор, который, однако, излучает радиацию. Не такую большую, чтобы привести к тяжелым последствиям, но достаточную для того, чтобы ее уловил счетчик. Потом Леня навестил старого Фишмана и попросил его положить документ для передачи курьеру в определенный пакет. Ювелир, конечно, мог обратиться к своей крыше, Флинту, но был слишком умен и не стал этого делать. Хитрый еврей знал: бандиты договорятся между собой, а он останется крайним. Да и потом... Ворон ничего у него не крал. Так что подумаешь, конверт! И Фишман сделал так, как сказал Леня, не обращая внимания на лежащие внутри крошечные стеклышки. Цыганенка Леня отправил вместе с Зивой, пообещав мальчику хороший куш. Сам же прилетел на день раньше. И вот теперь вместе с Сашей он шел вдоль железных ящиков, не отводя глаз от счетчика. Не успели они пройти и трех шагов, как стрелка на шкале резко дернулась. Друзья остановились. Леня аккуратно подносил счетчик к каждой ячейке. Возле номеров 55, 57 и 58 стрелка показала самый большой результат. Убрав счетчик, Одессит быстро достал ключ и, вставив его в замок 57-й ячейки, медленно повернул. Замок поддался. Открыв ячейку, ребята вытащили на свет два конверта. Счетчик с сумкой Леня забрал сам, конверты же отдал Саше со словами:

— Саня, ты москвич, легче проскочишь в случае чего. Цацка у тебя. Расходимся. Встретимся через час в гостинице «Россия».

— Добро, — ответил Доллар и, взяв конверты, спрятал их во внутренний карман куртки и пошел вперед.

Леня последовал за другом. Часы показывали 14:35. Теперь они все должны убраться из аэропорта как можно скорее. Выйдя на улицу, Леня сел в такси, не обращая внимания на завышенную цену, и попросил водителя довезти его до ЦУМа. Сразу в гостиницу он ехать боялся: как бы не навести на свое убежище ментов! Вышел он на площади Свердлова, решив добраться до «России» пешком. Леня плохо знал Москву, точнее,

не знал ее вообще, но сориентировался быстро. Найдя большую урну, выбросил туда сумку со счетчиком Гейгера-Мюллера, который уже был не нужен. Глядя по сторонам на спешивших куда-то людей и на массивные столичные здания, Леня прогулочным шагом дошел до гостиницы. Зайдя в восточный вход, он поднялся на седьмой этаж, в номер 709. Доллар и Яша уже сидели там.

— Сиплый, ты на кой вернулся? Надо было с Зивой вместе валить!

— Та перестань. — Махнул рукой улыбающийся Яша. — Кому нужен такой бедный еврей, как я?

— Ну уже не такой и бедный, — усмехнулся Саша.

— Я всегда буду бедным, Саша, — возразил Сиплый. — Мне башли нужны, только шоб поесть да выпить... А дворцы нам ни к чему. Ни мне, ни тебе, Ворон, мы ж бродяги с Молдаванки.

— Хорош философствовать, — ухмыльнулся Леня. — Открывай, Доллар! Глянем, шо утащили, и сразу уносим отсюда ноги!

Саша открыл толстый конверт. Посередине пачки скрепленных друг с другом плотных листов было вырезано отверстие, в котором лежало завернутое в шелковую материю украшение. Когда друзья достали и развернули сверток, их взору предстала неопишуемой красоты диадема, вся усыпанная бриллиантами. Даже будучи людьми, не разбирающимися в ювелирных украшениях, молодые люди застыли от восторга. Это была очень красивая и, сразу видно, безумно дорогая вещь.

— Ксивы где, Доллар? — без предисловий спросил Леня.

— Я конверт выкинул с радиацией. — Саша достал из куртки лист бумаги. — А ксива вот!

Леня взял бумагу, на которой был напечатан текст и стояло несколько печатей. Он прочитал написанное про себя и, ошеломленный, передал Яше со словами:

— Вы не представляете, шо это за цацка! Корона российской императрицы, которую сделал Болин в 1900 году. Гриня был прав... А я думал, он гонит!

Яша внимательно изучил документ и присвистнул:

— Фишман таких бумажек сделает сколько хочешь.

— Может, бумажка и левая, — отозвался Саша, — но эта вещь — подлинник. Она кучу денег стоит.

Закурив папиросу, Леня сказал:

— Значит, делаем так. Доллар, клиент твой не паленый?

— Нет, конечно, Леня! — возмутился Саша. — Он иностранец. Немец.

— Пока придержи коней, — скомандовал Леня. — Эту цацку будут искать все мусора Союза. Надо ее затарить на полгода... минимум! А то нас вязанут.

— Первой шерстить Одессу будут, — согласно кивнул Яша.

— Это точно, — поддержал друга Леня. — Пусть пройдет время, потом, Доллар, свидимся, договоришься с немецким фармазоном... и продадим ему цацку!

— Братва, — начал Саша, — я сделаю, как скажешь, Одесит, но, может, все-таки не стоит столько ждать? Перекантуемся месяцок, а в июне как раз немец приедет в Москву...

— Погоди, — остановил его Леня. — Давай посмотрим до июня, там видно будет. У тебя есть где затарить цацку?

— Обижаешь, — ухмыльнулся Саша. — Конечно есть! На всякий случай... ну, вдруг что со мной случится или что... цацку я затарю у матери своей... в деревне Свирица, на Ладогге. Туда ни один мусор не сунется, и все будет в сохранности. Я отвечаю.

— Добро, — кивнул Леня. — Сегодня отметим окончание дела, спокойно посидим где-нибудь, выпьем. Пока цацку на хату к себе отвези. Встретимся через три часа внизу.

— Ворон, мы пустые. — Тут же влез Яша. — Нам стрелять нечем почти. У меня червонец остался всего! У Зивы башлей было немного, но она в Минск уже едет.

— Деньги у меня есть, братва, все нормально, — успокоил друзей Саша.

Но Яша, не обратив внимания на его слова, продолжал гнуть свое, обращаясь к Лене:

— Давай делюгу вымутим какую-нибудь? Мы тут на гастролях... Москва вокруг, башлевых полно. Отработаем — и домой.

— Предложения есть? — спросил у него Ляня.

— Та шо мы не найдем кого отработать? — усмехнулся Сиплый. — Нам как-то жить надо! Пока цацку не пихнем...

— Так-то ты прав... — задумчиво протянул Ляня. — Только вот сцапать нас тут мусора могут.

— А шо, в Одессе не могут?! — воскликнул Яша. — Мы шо там на заводе работаем?

— Братва, послушайте меня, — вмешался в разговор Саша. — Не парьтесь, тут полно дел. Есть места, где много чего ценного неправильно лежит.

— Так шо ты сам не возьмешь? — с усмешкой спросил Ляня.

— Так я не крадун... Одессит, ты же знаешь меня, я коммерсант. Красть — не мое! Не получается у меня это...

— А мы шо? — недовольно насупил Яша. — Тоже ж не ворует! Просто свое забираем.

— Ша. — Встал Ляня. — Расход! Надо отдохнуть. Вечером поботаем.

Друзья разошлись, и Ляня остался один. Он зашел в ванную, принял душ, смыв с себя московскую пыль. Обмотавшись полотенцем, Ляня сел на кровать и закурил папиросу. После тюрьмы он так и не смог привыкнуть к сигаретам, предпочитая «Беломорканал» или «Казбек». На душе было странно пусто. Ворон не мог сам себе этого объяснить. Вроде все прошло нормально. Они так удачно урвали такой куш. Почему же радости нет?! Может, из-за того, что Зива уехала? Но ей нельзя было оставаться в Москве. Вдруг искать будут? И она поехала переждать пару недель в Минске. На самом деле Ляня Зиву не любил, как, бывает, мужчина любит женщину, но к этой бестии был как-то странно сильно привязан. Ему красотка была скорее другом, чем любовницей. Хотя какая женщина может быть другом вору? По сути никакая! Ведь все знают, что женщинам доверять нельзя. А такой жучке, как Зива, тем более. Правда, она-то его любит, он это точно знал. Любит именно так, как

женщина любит своего единственного мужчину. Леня замечал ни раз, как красотка смотрит на него, как улыбается. Он понимал: она ему предана настолько, насколько это вообще возможно. Тем не менее портить деловые отношения не хотел, поэтому Зива останется просто жучкой.

Докурив папиросу и затушив окурочек в пепельнице, Леня лег на кровать. От усталости ломило тело, но сон не шел. В голове роились беспорядочные мысли. Перед отъездом Ворон поменял паспорт, изменив фамилию с Раппопорта на Зеленский. Фамилия матери ему нужна была для того, чтобы при покупке билета на самолет не вызвать интерес милиции. Ведь Леня Раппопорт был бандит, а Леню Зеленского никто знать не знал. Но была у Ворона еще одна мысль, которая не покидала его последний год. Леня думал о брате, о Соломоне, который был не такой, как он, или Яша, или большинство евреев с Молдаванки. Моня был умным и перспективным. И у Ворона не было сомнений: рано или поздно брат взлетит высоко. Будет жить в Москве или в Киеве, будет иметь большой дом, ездить на хорошей машине с водителем. А тут брат-урка... Нет! Соломону мешать нельзя. Наоборот, для Лени брат был самым дорогим человеком на свете, конечно, после матери. И во что бы то ни стало он собирался помочь младшему выбиться в люди. Деньги, полученные от продажи диадемы, станут для младшего подъемными. Полученный куш он потратит на покупку хорошей должности для брата, а дальше пусть пробивается наверх. Соломон достоин всего самого лучшего! А сам Леня? Да что ему, много надо? Леня ухмыльнулся и подумал, ведь ему действительно не нужно многого. Его вполне устраивает жизнь на Молдаванке, в своем родном дворе. Да что там говорить, шикарно он живет! Ест в ресторанах, пользуется уважением, носит дорогую одежду... А самое главное, он свободен! Ему не нужно просыпаться рано утром, идти работать на дядю, ждать зарплату... Нет, это не его жизнь. Он вор — и точка! Конечно, на зоне было несладко, но выбор уже давно сделан. Это его жизнь, и если надо будет сесть опять, он сядет. Главное, чтобы Соломон устроился, женился

и завел детей. А Леня будет со стороны смотреть на брата, гордиться им и радоваться его успехам. Это и есть его счастье! Счастье бродяги и вора с Молдаванки...

Леню разбудил стук в дверь. Подскочив с кровати, он подошел и осторожно повернул замок. На пороге стояли Саша и Сиплый.

— Ворон! Ты шо, кемаришь еще?

— Да... крепко, видать, заснул, — потирая глаза, ответил Леня. — Заходите, я соберусь сейчас!

Спустя час друзья уже сидели в ресторане гостиницы «Советская». Они специально не остались веселиться там, где жили, а уехали подальше, на Ленинградский проспект, чтобы в случае чего можно было тихо уйти.

Это был один из самых старых и помпезных ресторанов столицы, в котором бывали Чехов, Шаляпин, Куприн и многие другие известные люди. Сейчас же в большом зале ресторана за накрытым белоснежной скатертью столиком сидели наши герои. Вокруг было не протолкнуться, но люди еще приходили. Время было около восьми вечера, на улице, которую хорошо было видно через огромные окна ресторана, только начало темнеть. На сцене танцевали и пели цыгане. Саша, который сегодня приглашал друзей, заказал бутылку водки «Московская», осетрину горячего копчения, свежие овощи, соленья, жульены и запеченного гуся. Он дружелюбно улыбался, и вечер обещал быть веселым. Леня же, несмотря на хорошее настроение друзей, все равно был не в духе. Какое-то странное дурное предчувствие мешало расслабиться. Яша сразу заметил настроение друга и, прищурив глаз, воскликнул:

— Ворон, ша! Все в ажуре! Ты шо смурной такой? Расслабься!

Леня в ответ ничего не сказал. Вместо него заговорил Саша:

— В общем, братва, есть тема. Можно хорошо откупиться, и вы в Одессу уедете с баблом.

— Шо за тема? — еще больше оживился Яша.

Доллар придвинулся ближе:

— Короче, есть один спекулянт известный, я должен был ему валюту продать завтра, но он передал мне сообщение... через телку мою, пока меня не было, звонил... в общем, не важно это... Короче, он уехал до послезавтра!

— И шо? — недоверчиво спросил Леня.

— А то, — весело продолжал Доллар, — что у него полно товара! Я давно с ним работаю и хорошо знаю его манеру. У него небольшая ювелирная мастерская на Старом Арбате, но на самом деле он валютой торгует, икрой черной и цацками. Эту мастерскую грабили три раза! Но ничего не унесли. Там большой сейф, все сделано очень мощно. Однако сейф этот каждый раз вскрывали и... обламывались! Причина в том, что этот аферист держит все добро дома.

— А там у него нет большого сейфа? — ухмыльнулся Яша.

— В том-то и хитрость этого типа! Он просто все держит в квартире на Цветном бульваре. Никому такой расклад и в голову не придет! У него, кстати, еще и дача есть... Типа дача, на самом деле хороший, большой дом. Так вот, его тоже грабили два раза. И... ни-че-го!

— Ты уверен, что в квартире есть шо взять? — спросил Яша, которого уже распирала жажда деятельности.

— На все сто! — ответил Саша.

К этому времени официант уже принес закуски и напитки, разлил водку по рюмкам.

Леня, продолжая игнорировать разговор о деле, поднял свою стопку и сказал:

— За наш фарт! Чтоб он никогда нас не покидал.

Друзья чокнулись, Яша с Леной переглянулись и тихо в один голос произнесли:

— *Лехаим!*²¹

---

²¹ К жизни, за жизнь (*еврейское выражение*) — тост, который произносят перед тем, как выпить спиртное.

Саша, который вырос в русской деревне и не видел никогда евреев, опрокинув рюмку, спросил:

— Почему вы говорите это «лехаим», когда пьете водку? Я еще как-то слышал в одной компании, как евреи говорили это же слово. Но тогда спросить неудобно было!

Леня, прожевав соленый огурец, впервые за вечер улыбнулся:

— Давай еще по одной выпьем, потом я тебе расскажу.

Яша быстро налил всем водку, Леня поднял рюмку и торжественно сказал:

— За нас! За бродяг достойных и правильных! За наши понятия и дружбу! Лехаим!

— Лехаим! — отозвался Яша, и они снова выпили.

Молча закусив, Леня посмотрел своим режущим взглядом на Сашу и начал рассказ:

— Лехаим переводится с иврита как «к жизни», то есть «идти к жизни». Объяснение этому тосту простое. У евреев весь образ жизни, все их поступки и традиции основываются на религии. Так вот, в Талмуде написано, что раньше приговоренного судом к смерти человека перед казнью поили крепким вином, чтобы он опьянел и принял смерть более безболезненно. То есть он пил, идя «к смерти» или «на смерть». А мы пьем и желаем друг другу после этого идти «к жизни»! То есть говорим «лехаим». Вот и все.

Саша удивленно заметил:

— Ну вы даете! Талмуд... суд... Евреи, конечно, уникальные люди.

— Ничего уникального, — продолжил Леня, — просто у нас на все есть свое объяснение. Например, то, что твой гешефтмахер хранит дома целое состояние и при этом, по твоим словам, уезжает из города на два дня, оставив все в пустой квартире, *то не лезет ни в один тухес!*²² Этому должно быть объяснение. Если он зарабатывает бабки, и его бомбили пять раз порожня-

---

²² Ни в одни ворота не лезет (одесский еврейский жаргон).

ком, значит, он далеко не поц. Потому есть причина, почему он хранит в этой хате цацки, либо их там нету. Ну или просто его пять раз грабили *шлимазалы*²³...

Доллар, выслушав речь Лени, задумчиво молчал. Яша лишь восхищенно улыбнулся. Он всегда знал, что Леня умен и продумывает все четко. Вон он как все устроил с диадемой!

Наполнив рюмки водкой, Яша поднял свою и произнес:

— За родителей!

Друзья чокнулись, молча осушили рюмки, и после этого Саша сказал:

— Я не знаю, что там за подвох. Давайте поедем туда, осмотримся на местности. Но чуть позже. Что скажете?

— Посмотреть можно... — ответил Леня. — Но чую я, что-то там не так!

Друзья продолжали выпивать и закусывать, не возвращаясь больше к этому разговору.

Когда около полуночи была выпита еще одна бутылка водки, Леня произнес:

— Ну что, поедем глянем местечко?

Доллар попросил официанта принести счет. У одесситов денег почти не оставалось, Саша платил за все один, так как он и пригласил друзей. В то время по всей стране люди стояли в огромных очередях за продуктами, но в дорогих ресторанах было все, чего только душе угодно! Вот только посещали их избранные: иностранцы, чиновники, артисты и... бандиты. Остальные питались дома, довольствуясь консервами, картошкой и макаронами.

Выйдя из такси возле цирка на Цветном бульваре, ребята осмотрелись вокруг. Здание цирка было старым и обветшалым, ходили слухи, что его скоро снесут. Доллар показал дом потенциальной жертвы. Стандартная постройка времен Сталина стояла слева от цирка. Между ними — метро. Дом был длинный, фасадом выходил на Цветной бульвар, имел арку и внутренний

---

²³ Законченные неудачники (*идиш*).

двор. Леня прошелся вдоль дома туда и обратно, обошел цирк, постоял возле метро, прогулялся во дворе. Людей на улице практически не было, лишь какой-то алкаш сидел на ящике возле метро, не в силах встать, и дремал. Проведя разведку, Леня наконец уселся во дворе на скамейку и, закурив папиросу, крепко о чем-то задумался. Друзья все это время молча ходили за ним.

Теперь же Саша не выдержал и спросил:

— Что скажешь, Одессит?

— Подъезд ты говоришь какой? — задал встречный вопрос Леня.

— Второй, — ответил Доллар.

Не говоря больше ни слова, Леня пошел к подъезду. Он начал осматривать машины, припаркованные рядом. Яша с Волком лишь недоуменно наблюдали за другом.

Резко остановившись возле синих «жигулей-шестерки», Ворон молниеносно заглянул внутрь. Закончив осмотр, он вернулся к друзьям и с торжествующим видом заявил:

— Значит так, смотрите. Гешефтмахер этот не так прост, как я и говорил! Возле его подъезда стоит почти новая шестерка. В ней лежит мусорская фуражка. И я уверен на все сто, что это его сосед. Мусор этот наверняка в хорошем звании. Выставлять хату, где по соседству живет какой-нибудь полковник, стремно. Потому он и не боится держать цапки на хате. А те, кто его уже грабили, наверняка знали про соседа, потому и стреманулись лезть в хату.

Саша и Сиплый с удивлением смотрели на друга.

— Ты уверен? — спросил Яша.

— Да шоб меня, если это неправда, — усмехнулся Леня.

— Очень жаль... — с сожалением вздохнул Саша. — Но хорошо, что ты так все вовремя сообразил.

— Шо тебе жаль? — Не понял Леня.

— Ну... что не будем грабить его...

— А шо, я сказал, что не будем? — ехидно улыбнулся Одессит. — Просто теперь мы знаем, какой у него козырь в ру-

каве, и мы достанем свой. — Он положил руку на плечо Саши: — Доллар, ты шо, думаешь, одесских воров остановит какой-то мусорок? Да мы вычистим хату этого фармазона или не звать меня Леня Одессит!

Глава 9

18 апреля 1985 года, на следующий день после пропажи диадемы, Леня, Яша и Саша уже готовились к новому делу. Паники по поводу пропажи дорогого ювелирного изделия не поднялось, ну, или, во всяком случае, подельники ничего о ней не слышали. Впрочем, откуда они могли что-то узнать? Парни сидели в номере гостиницы «Россия», а паника шла на верхах. Среди людей, руководивших денежными потоками государства. Внизу же все было тихо. Рамиль получил краткий нагоняй от шефа и обещание, что останется на должности референта-переводчика до конца своих дней. И это еще хорошо, что Рамиль не рассказал ни одной живой душе о своем знакомстве с Дианой. А на то, что он помогал какой-то девушке донести сумку, не обратили внимания. Фишману так и вовсе никто ничего не сказал. Он выполнил заказ, отдал документы, остальное и знать не знал. Сам же оставшийся в тени заказчик, видимо, был фигурой слишком крупной и поднимать шумиху вокруг своего имени не захотел. Деньги для него не играли большой роли, и он в конце концов решил найти похожую диадему, правда, уже не принадлежавшую русской императрице. Зива добралась до Минска и отдыхала там, прохаживаясь по ресторанам с местными цеховиками, из которых по старой доброй привычке выжимала деньги. Цыганенок благополучно добрался до Одессы, обворовав по дороге в поезде группу инженеров, ехавших в командировку. Мальчик знал, Ворон отдаст его долю, может, не скоро, но отдаст точно! Слово бродяги непоколебимо, как скала.

Сам же Леня, уже спланировав новое ограбление, пил крепкий черный чай и курил папиросу, сидя в номере с друзьями.

Дело было чистое. Денег уже не осталось, а друзьям было нужно возвращаться домой. Диадему же продавать было опасно. Случая лучше в ближайшее время не подвернется. Поэтому после ночного разговора во дворе дома на Цветном Яша поднялся на третий этаж посмотреть на дверь нужной им квартиры. Ему хватило одного взгляда, чтобы сказать: откроет он ее минут за пять, максимум десять. Дверь богатого спекулянта была простенькая, в отличие от железной двери соседа-милиционера. Затем он поднялся на последний этаж. Люк на чердак был закрыт на небольшой навесной замок. Яша быстро взломал его, чтобы не тратить время потом, и оставил висеть на петлях. Вышел же он через обычную входную дверь. Ночью Яша смог проникнуть в подъезд незамеченным, так как консьержка спала. Трехзначный код на двери вычислить не составило труда: просто попробовали комбинации цифр, кнопки которых были стерты сильнее остальных. В доме было шесть подъездов, два из которых выходили прямо на Цветной бульвар. Двери этих подъездов за номером 5 и 6 располагались между магазинами и были очень неприметны. Выбрав пятый, Яша попытал счастья, и ему улыбнулась удача. Он зашел в подъезд так же легко, как и в предыдущий. Поднявшись на самый верх, он снова сломал замок люка, ведущего на крышу, и оставил его висеть на одной петле, чтобы никто ничего не заподозрил. Выходя на улицу, Яша столкнулся с подвыпившим жителем, который, еле переставляя ноги, брел домой. Одессит спешно прошел мимо, даже не взглянув на мужчину. К счастью, изрядно принявший на грудь мужчина не обратил никакого внимания на проходящего мимо него вора.

Сложнее всего было выйти из подъезда незамеченными. Днем консьержка следила за всем зорким взглядом. Именно поэтому уходить решили через чердак, выбравшись из другого подъезда. Ночью консьержка, как правило, спала, но если вдруг, что вполне вероятно, друзья нарвутся на кого-то из соседей, либо консьержка случайно заметит незнакомцев, потом их легко смогут описать. В таком случае подельникам несдобро-

вать. Когда Яша отправился один посмотреть на дверь, ему повезло. Но тогда даже если бы его и увидели, то вряд ли могли в чем-то заподозрить — шел он налегке. Да еще и всегда мог изобразить пьяного, который просто ошибся подъездом.

Леня придумал простой план. Насилие, естественно, было для него неприемлемо. Однако и тихо дело провернуть не получится. Поэтому пришлось придумать, как провести отвлекающий маневр и уйти под шумок, воспользовавшись всеобщей паникой.

Вечером Саша принес все необходимое, что велел ему купить Леня. Инструменты для Яши, чтобы вскрыть дверь и сейф, если таковой в квартире имеется. Также он притащил два плаща с длинными рукавами и высокими воротниками, две пары перчаток и канистру бензина. Ребята приехали на Цветной бульвар, когда еще не стемнело. В одном из соседних дворов спрятали канистру с бензином. Плащи и перчатки надели на себя. Все остальное было у Яши с собой. В это время люди как раз начали возвращаться с работы, и Сиплый незаметно прошмыгнул в пятый подъезд, пока консьержка болтала с кем-то из знакомых жильцов. Затем точно так же зашел и Леня. Друзья встретились на лестничной площадке самого верхнего, седьмого, этажа, куда пешком никто не поднимается. По очереди они вылезли на крышу, аккуратно прикрыв за собой люк. Когда время было около десяти часов вечера, на улице появилась синяя «шестерка» соседа-милиционера. Он припарковал ее немного в стороне от других машин, возле мусорных баков. Больше свободных мест во дворе не было. Ребята видели все с крыши дома, притаившись там. Дождавшись, когда милиционер поднимется в квартиру, они пробрались через люк во второй подъезд. Яша спустился на третий этаж и принялся вскрывать дверь. Леня держал лифт на четвертом этаже около пяти минут, затем спустился к Яше. Милиционер в это время уже ужинал у себя дома на кухне. На это и был расчет грабителей: сейчас из его квартиры вряд ли кто-то выйдет. После нескольких минут возни с замком дверь наконец-то открылась. В этот же момент раз-

дался негромкий хлопок, и на Яшу брызнула красная краска, капли которой остались на рукавах, воротнике, лице, немного попало на волосы. В двери оказалась ловушка «Антивор». В то время милиция использовала это специальное средство, в основном применявшееся против карманников. Краска красного цвета въедалась в кожу так сильно, что отмывалась с трудом только через неделю, а то и более. Конечно, изобретательные химики придумывали растворы, отмывающие эту краску, и продавали эту чудесную смесь на черном рынке. Но в момент самого ограбления сработавшая ловушка могла сильно усложнить дело. На щеках и носу Яши теперь красовалось несколько красных точек.

Открыв дверь, одесситы все же проникли в квартиру.

Леня посмотрел на друга и шепотом сказал:

— «Антивор» на лицо тебе попал!

— Да... Откуда ж я знал? — с волнением ответил Яша.

Леня покачал головой:

— Ладно, придумаем что-нибудь.

Они принялись за дело, оставив проблему на потом.

Жилище спекулянта оказалось дорого обставленной двухкомнатной квартирой. Спустя час аккуратных поисков дружка наконец нашли тайник, который был хитро устроен в полу под холодильником. Перед тем как открыть тайник, подельники тщательно обмотали лица полотенцами, а Яша для верности надел еще найденные в квартире очки хозяина. К счастью, им повезло, в тайнике «Антивора» уже не было. Убрав паркетные доски, ребята извлекли из тайника несколько пачек денег, завернутых в платки, небольшой мешочек с драгоценностями и... пистолет Макарова. Время еще оставалось, и они, разговаривая шепотом, стали считать награбленное. Куш оказался немалый: десять тысяч американских долларов, три тысячи немецких марок, тридцать тысяч рублей, три кольца, две пары серег, одно кольцо, четыре разных кулона, несколько золотых цепочек и один браслет. Все драгоценности были с бриллиантами и явно стоили дорого. Также в квартире было много дорогой техни-

ки: видеоманитофон, японский телевизор и видеокамера. Все это тоже можно было выгодно продать, но брать вещи было опасно — можно попасться при продаже или привлечь внимание прохожих. Пистолет тоже был не нужен, и его оставили в тайнике.

Часы показали ровно час ночи, Леня вместе с Яшей вышли из квартиры. Теперь нужно было красиво уйти. Яша первым пошел на седьмой этаж и ждал друга у чердака. Леня же позвонил во все квартиры на четвертом этаже и, не дожидаясь пока выйдут люди, взлетел по лестнице на пятый, а оттуда уже побежал вверх по лестнице, громко крича на ходу:

— Пожар! Пожар!

Жильцы, выходящие на лестничную клетку, недоумевали, что произошло, пока кто-то не увидел в окне горящую во дворе машину и не крикнул:

— Во дворе пожар! Машины горят!

В этот момент друзья уже бежали по крыше, на всякий случай пригнувшись, чтобы их не было видно из окон других домов. Они пока не напоролась ни на одного человека, но впереди оставалось самое опасное — нужно было выйти из пятого подъезда, не столкнувшись ни с кем по пути. Открыв люк, друзья поняли, что в этом подъезде пока все тихо. Паника еще не добралась сюда, на что они и рассчитывали. Аккуратно выбравшись с чердака, ребята спустились вниз по лестнице. Леня бежал первый, за ним Яша. Между четвертым и третьим этажами возле мусоропровода прямо под лампой стоял мужичок лет пятидесяти. Видимо, он вышел покурить, так как в одной руке держал сигарету, а в другой — раскрытую книжку, от которой не мог оторваться. Леня, выбегая из темноты, на ходу, не давая мужчине поднять глаза, плечом толкнул его с разгона и заорал:

— Пожааар! Спасайся!

Мужчина, не успев увидеть ни Ленино, ни Яшино лицо, быстро вбежал наверх в свою квартиру. Одесситы принесли панику и в этот подъезд, но пока страшное слово «пожар» успе-

ло разлететься по всему дому, они беспрепятственно выбежали на улицу и запрыгнули в белые «жигули» первой модели, где их ждал Саша. Едва закрылись дверцы, как машина рванула вперед. Ребята уже не видели, как во дворе дома мечутся напуганные люди, как самые шустрые, спасая свои автомобили, пытаются выбраться из охваченного огнем двора, мешая друг другу проехать. Эпицентром пожара была «шестерка» милиционера. Пламя уже успело перекинуться на мусорный бак, в котором всю попольхали отходы.

— Все чисто? — нервно спросил Саша.

— В ажуре, брат! — весело воскликнул Яша.

— А что ты красный весь?

— Падла «Антивор» в дверь засунул! — возмутился Яша.

— Куш хорош? — улыбнулся Доллар.

— Только рублями тридцать штук. Не говоря уже о валюте и цацках, — ответил ему Ленья.

— Ух! — присвистнул Саша. — Я же говорил! Во как!

— Ты без палева все сделал? — спросил Ленья.

— Без единого, — уверенно кивнул Доллар. — Вылил полканистры на «шестерку», а вторую половину — в мусорку... Нам на руку стало, что он там оставил свою машину! А вы как? Кроме краски, проблем не было?

— Нет, — ответил Ленья. — Но краска — это серьезно. Завтра будем отмывать.

Они без происшествий доехали до квартиры Саши в районе ВДНХ и, не попадаясь никому на глаза, зашли в подъезд.

Все украшения решили оставить Саше. Их цена была не меньше пятнадцати тысяч рублей, так что он был доволен. Ему будет легче продать цацки, а одесситам опасно ехать в дорогу с ворованным добром.

В Одессу решили ехать на поезде. На самолете опасно, досмотров слишком много, еще и в аэропорту могут шмон устроить после кражи диадемы. Все-таки везли ее из Одессы, а тут два одессита, да еще и судимых за разбой, летят из Москвы... В общем, лететь не было никакой возможности.

Поезд же ничем не вызывал подозрений. Досмотра нет. Едут себе друзья, может, и не в Одессу вовсе, а по дороге хотят выйти, в Виннице, например, или Жмеринке. Ничего подозрительно-го. На том и порешили.

Но вначале нужно было избавиться от краски. Утром Доллар увез плащи и перчатки и сжег где-то. Леня же пошел в город, чтобы найти через местных карманников «алхимика», который поможет отмыть краску. По дороге он в нескольких сберкассах купил облигации на свое имя, имя матери, Соломона, Яши и его родителей. Украденные рубли использовать в повседневной жизни было небезопасно. Существовала вероятность, что их найдут по номерам купюр. Валюту оставили у Саши, ее везти тоже было слишком рискованно.

К трем часам дня «алхимик» уже был в квартире у Доллара со специальным раствором. Запросив за работу пятьсот рублей, он отмыл всю краску, которая была видна на лице. В волосах видно ничего не было, а брить голову наголо Яша отказался. Да и было бы это подозрительно.

Поезд на Одессу уходил в 21:00 с Киевского вокзала. Решили не ждать завтрашнего дня, а уезжать быстрее. Уложив аккуратно вещи в спортивную сумку, друзья поехали на вокзал.

Уже садясь в поезд, Леня вдруг порывисто обернулся и обнял Сашу.

— Ворон, благодарю тебя за все! Помни, что в Москве у тебя кореш, любое дело я готов поддержать! — с улыбкой сказал Доллар.

— От души, — ответил Леня. — Всегда можешь меня позвать, я мазу за тебя буду держать. Надолго не прощаемся, подождем немного, а там и свидимся.

— Конечно, я всегда на связи, где найти меня, знаете.

Друзья прошли в вагон. Ехали Яша и Леня в разных купе, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Леня оказался в купе с женщиной и двумя детьми тринадцати и десяти лет. Упитанная хохлушка оказалась доброй деревенской теткой, возившей детей повидаться с родителями

мужа, жившими в Москве. В отличие от Яши, который любил выпить и поболтать, Леня не был особо разговорчив с незнакомыми. Он еще с детства часто уходил в свои мысли, мог подолгу молчать, о чем-то размышляя, а пить спиртное с чужими вообще избегал. Сейчас же у парня было хорошее настроение, да и для отвода глаз нужно было вести себя естественно. Поэтому Леня спустя полчаса уже играл с тринадцатилетним Никитой в дорожные шашки. Его десятилетняя сестра наблюдала за игрой, а женщина читала книжку. Сыграв несколько партий, Леня встал:

— Очень сложно с тобой играть, Никита. Надо выйти мне покурить.

Мальчик довольно засмеялся:

— Сдаетесь?

— Ни в коем случае, — с задором воскликнул Леня. — Вернусь — продолжим.

— Договорились! Я жду, — ответил мальчик.

Его мать улыбнулась, радуясь тому, что сосед по купе попался такой воспитанный и добрый.

Выйдя в тамбур, Леня закурил папиросу. Через несколько секунд появился Яша. Они заранее договорились выходить курить в одно время.

— Ну шо у тебя? — спросил Леня.

— Та... — Махнул рукой Яша. — Три студента едут домой в Винницу. Сидят бухают. А у тебя?

— Яша. — Строго посмотрел на друга Леня. — Даже не вздумай...

Парни резко замолчали, потому что через тамбур прошла проводница.

Едва она удалилась, Леня продолжил:

— Только попробуй бухни!

— Та не пью я с ними! Отвечаю, Ворон!

Леня успокоился и ответил:

— У меня мамаша с детьми. Сижу в шашки играю с мелким. Нормально, в общем.

— Скоро спать ляжем... Спокойно доедем, думаю, — согласился Яша.

— Куда ж денемся? — ухмыльнулся Леня и, затушив окурок, пошел к дверям, добавив напоследок: — До утра тихо сидим. В девять в ресторане свидимся.

— Хорошо.

Он вернулся в купе и продолжил играть с Никитой, развлекающая попутно детей незатейливыми историями. В одиннадцать женщина отправила детей спать на верхние полки, сама расположилась на нижней и буквально через десять минут тихо захрапела. Леня вышел опять покурить в тамбур, затем вернулся, поворочался около часа и наконец-то уснул.

Около двух часов ночи поезд остановился на очередной станции в городе Брянск. Леня всегда спал чутко и сквозь сон слышал топот по вагону. Спустя несколько минут дверь в купе открылась, и появилась проводница, а с ней два милиционера. Один — капитан лет сорока пяти, со сверлящим взглядом серых прищуренных глаз. Второй — молодой сержант с уставшим лицом.

— Доброй ночи, граждане. Извините за беспокойство, — ровным голосом начал капитан.

Леня лениво открыл глаза, хотя уже полностью проснулся. Попутчица тоже проснулась и, немного испугавшись, села на своей полке. Дети, уже свесив ноги, смотрели сверху на милиционеров.

Капитан продолжал:

— Проверочка небольшая!

— Здравствуйте! — в один голос ответили Леня и женщина.

Капитан бросил взгляд на Леню и как бы невзначай спросил:

— Вы куда направляетесь-то?

— В Одессу, товарищ капитан, — спокойно ответил Леня.

Милиционер перевел взгляд на женщину, она решила, что ее тоже касается этот вопрос, и промямлила:

— В Винницу!

«Вот дура!» — зло подумал Ленья. Ему было выгодней, чтобы милиционер решил, будто они едут вместе.

— Так вы не вместе? — Вскинул брови капитан.

— Нет, — скромно ответил Ленья. — Мы просто соседи.

— Ясненько, — ответил милиционер и снова подозрительно посмотрел на Ленью: — А документики ваши можно, мужчина, посмотреть?

— Да, конечно, — любезно ответил Ленья и, не вытаскивая ноги из-под одеяла, достал из ветровки, висевшей рядом с дверью, свой паспорт.

Милиционер открыл документ, медленно пролистал и спросил:

— А что в Москве-то делали, товарищ Зеленский?

Ленья тут же принял трагический вид:

— К сестре приезжал... — И горько вздохнул: — Муж умер у нее... хоронили.

— Соболезную, — ровным голосом ответил милиционер. — Че умер-то?

— Инфаркт, — тихо ответил Ленья и снова вздохнул. — Молодой вроде как... Тридцать семь лет... жалко парня!

Милиционер пропустил это мимо ушей, все это время он как будто смотрел в паспорт, но на самом деле боковым зрением внимательно следил за Леньей. Они искали одного гастролера, по возрасту похожего на Ленью, хотя описание внешних данных не совпадало. Одессит чувствовал, что за ним наблюдают, только ему было непонятно почему. Но он не знал тогда, что капитан Сухоруков прослужил почти десять лет в «крытой» тюрьме в Новочеркасске. И не просто служил, а под началом самого опасного начальника тюрьмы, Владимира Андросенко. Этот *хозяин*²⁴ был раньше сам вором в законе, потом попал в штрафбат, прошел всю войну и получил кучу наград. Вернувшегося с фронта героя воры не приняли, назвали «автоматчиком» за то, что воевал. Работать на власть ни в каком ка-

---

²⁴ Начальник тюрьмы (*жарг.*).

честве по воровским законам было нельзя. Обозлившись на бывших братьев, Андросенко пошел служить другой стороне и, так как знал уголовный мир изнутри, дослужился до должности начальника тюрьмы. Он умер несколько лет назад, но до этого многое успел сделать для органов. Сухорукова он научил хитростям, к которым прибегали урки, и теперь капитан нутром чувствовал, что перед ним сидит не простой пассажир и даже не обычный уголовник. Но причин задерживать парня не было. Вдруг он ошибается, и это обычный гражданин? Капитан посмотрел в глаза Лене, который спокойно выдержал взгляд и невинно спросил:

— Товарищ капитан, какие-то вопросы ко мне?

— Нет вопросов, — ответил милиционер и, протягивая паспорт, случайно увидел краешек ноги Лени, выглядывавшей из-под одеяла.

Леня все это время полулежал на нижней полке, облокотившись о стену. Капитан на мгновение замер. Даже доставая документы из куртки, Леня не вытащил из-под одеяла ноги!

Сухоруков, резко дернув руку с паспортом назад, снова посмотрел на парня:

— А тебе что, холодно?

— Есть чуть-чуть... — ответил Леня. — Я простужен просто. А в чем дело?

Капитан не отводил взгляд от одессита:

— На улице двадцать градусов.

— Я же говорю, простужен, — улыбнулся Леня.

Сухоруков знал то, что могли знать лишь единицы. Когда-то в Новочеркасске ему рассказал об этом сам Андросенко. Воры кололи себе на лодыжках голову котенка с бабочкой на шее. Они называли эту наколку «кис-кис». Милиционеры со временем узнали об этом и частенько «кис-кис» могли наколоть либо сотруднику под прикрытием, либо вообще не входящим в воровское сообщество экам. За котят на лодыжках, наколотых без разрешения, блатные могли и убить, но кого это останавливало?.. Со временем урки проявили изобретатель-

ность и придумали своего рода ребус. Если на правой ноге было две головы котенка, по одной с каждой стороны, а на левой — одна, то перед вами определенно был вор в законе. Если же наоборот, то без пяти минут вор, которого скоро коронуют. Если на каждой по две, значит, перед вами уже вор коронованный. Это была очень весомая наколка, которую обычный ээк сделать себе не мог. И Сухоруков это прекрасно знал. Воры держали эти знаки в тайне, но покойный Андросенко раскрыл секрет своему соратнику по органам.

Сидеть под одеялом, не вытаскивая ног, было подозрительно. Несмотря на то что на дворе был только конец апреля, в поезде стояла жара, многие ходили в тапках на босу ногу. Капитан, не позволяя пока себе грубостей, твердым, не терпящим возражений голосом приказал:

— Товарищ Зеленский, будьте добры, достаньте ноги из-под одеяла!

Молодой сержант, уставший уже от допроса, тихонько проныл старшему по званию:

— Товарищ капитан, дались вам его ноги!

— Молчать! — резко оборвал помощника капитан и повторил свое распоряжение, смотря прямо на Леню: — Покажите ноги, пожалуйста!

Одессит ухмыльнулся, не понимая, откуда обычный мент может знать такие вещи про воров. Ведь ему уже стало ясно, для чего его просят показать ноги. Леня лениво откинул одеяло и сел на своей койке. Света в купе было достаточно, чтобы увидеть на его правой лодыжке одну голову кота с бабочкой на шее.

Сухоруков, довольный собой, повелительно приказал:

— Повернитесь, чтоб я видел вторую ногу!

Леня, не поднимаясь, показал ему вторую ногу: и с внешней стороны, и с внутренней стороны на лодыжках красовались котятка в бабочках.

Капитан кивнул и официальным тоном произнес:

— Пройдемте с нами, товарищ Зеленский!

Леня вопросительно посмотрел на милиционера:

— Товарищ капитан, я спокойно еду домой. К чему это все?

— Молчать! — прикрикнул милиционер. — Собирайте вещи. — Затем строго посмотрел на проводницу: — С кем он тут общался?

Женщина услужливо затараторила:

— Вроде едет один! Пару раз в тамбуре курил... А так один...

— Когда курил в тамбуре, с ним кто-то был? — не отставал Сухоруков.

— Вроде как нет... Просто парень еще один стоял там. Но когда я проходила мимо, они молчали. Незнакомы, наверное.

— Что за парень?

— Из соседнего купе, тоже один едет.

Капитан приказал сержанту вывести Леню на перрон, а сам пошел в купе, где ехал Яша. Сухоруков прекрасно понимал, что два опытных крадуна не будут разговаривать перед проводницей, если едут в разных купе. Все указывало на то, что едут гастролеры с дела.

На перроне сержант передал Леню двум другим милиционерам. Следом вывели Яшу. Ребят повели в отделение. Сухоруков сразу понял, что они вместе. Два еврея-одессита, один из которых без пяти минут вор в законе, едут в соседних купе и у обоих зоновские наколки... Совпадения быть не может! Обыскав их уже в отделении, милиционеры нашли облигации. Незаконного в этом ничего не было, но Сухоруков хорошо знал такую категорию людей. Он чуял: тут что-то не так. Пока одесситы сидели в камере, капитан сделал запрос в Москву на ограбления, произошедшие в последние сутки. Ответ поступил быстро. Квартира на Цветном бульваре была ограблена прошлой ночью. Приехавший утром хозяин обнаружил пропажу драгоценностей и денег. Сухоруков начал по одному допрашивать задержанных. Но тут был тупик. Одесситы лишь удивленно качали головами. На вопрос «Откуда облигации?» Леонид Зеленский ответил, что это сбережения его семьи, накопленные за много лет.

Капитан думал до следующего вечера, ломая голову, на чем подловить этих джентльменов удачи. Он был уверен, они не просто так везут из Москвы такие ценности. Но прикопаться было не к чему, а держать столько времени невинных граждан... Тут и от начальства прилететь могло. Поэтому он в конце концов с тяжелым сердцем решил отпустить гастролеров. Напоследок просмотрев все бумаги, Сухоруков снова перечитал дело об ограблении на Цветном бульваре и обратил внимание на замечание хозяина квартиры о том, что при открытии двери взорвалась хлопушка с краской «Антивор». Сухоруков вскочил со стула. Выйдя из кабинета, он распорядился срочно отвезти «этих двоих» на экспертизу. На ворах еще могли где-нибудь остаться следы краски. И он попал в точку! На волосах Яши нашли капли от «Антивора». Из-за того, что парень не постригся наголо, друзья спалились. Хотя само дело было сделано чисто! После череды допросов, опознаний и следственных действий Советский Суд осудил Зеленского и Амзеля на семь лет лишения свободы за грабеж. Поджог автомобиля не был доказан и им не вменялся.

Глава 10

Годы заключения старшего брата для Соломона тянулись тяжело и долго. Он вновь почувствовал себя сиротой, без защитника и без надежды. В то время, что Леня был на свободе, Соломон если даже не видел брата часто, то чувствовал его незримое присутствие рядом. Он знал, что любой вопрос, любая проблема будут решены без усилий. Леня мог найти выход из любой ситуации. Зиву Соломон больше не видел, Яша сидел. В стране гремела перестройка, прилавки магазинов совсем опустели, преступность росла. Но Соломона не трогали! Имя брата неизменно помогало. Люди Флинта ни разу не подошли к молодому цеховику за оплатой «крыши». Тем не менее Соломон несколько раз отправлял им крупные суммы, выделяя в «общак». Так велел ему делать брат.

Леня сидел в Красноярском крае. Изредка писал письма, и из них Соломон с матерью узнавали, что сидит он вроде в хороших условиях. В 1989 году Соломон решил жениться на хорошей, порядочной девушке, Еве Бродской. Они были знакомы еще со школьных времен. Ева была младше на шесть лет, но ее брат, Миша, учился в одном классе с Моней. Они жили на улице Лазарева, родители их торговали на Привозе. То же самое теперь делал и Миша, который покупал по оптовым ценам у Соломона джинсы и продавал их по розничной. Ева была симпатичной, хрупкой, утонченной черноволосой девушкой с карими глазами и аккуратным носиком. Она всегда скромно улыбалась, опустив глаза, разговаривала мало. Соломон, увидев ее тут же решил, что из нее получится хорошая жена и мать для его детей. Он пригласил Еву пойти в кино, как раз шла премьера фильма «Маленькая Вера». Молодые люди пошли в кинотеатр «Родина». Фильм не сильно понравился Еве, хотя она об этом смолчала. После сеанса Соломон предложил девушке сходить в кафе, но она отказалась, решив лучше прогуляться. Вечер был теплый, несмотря на то что на дворе стоял конец марта. Парочка долго гуляла, а потом сидела на скамейке возле кинотеатра. Вначале говорил только Соломон, рассказывая Еве интересные истории из жизни зарубежных политиков. Когда разговор перешел на Францию, девушка наконец осмелела и блеснула своими познаниями во французской истории. Соломон сразу понял, что перед ним любительница книг Александра Дюма, и повернул разговор в ту область, которая Еве была интересней. Спустя час они уже болтали, находясь на одной волне, и стеснение Евы потихоньку улетучилось, улыбка стала мелькать чаще. На следующий день Соломон пришел с большим букетом цветов, и молодые люди вновь пошли гулять. Разговор уже был более непринужденным. Провстречавшись так неделю, умному парню стало все ясно: он сделал Еве предложение, и та, покраснев, опустила глаза и тихо сказала:

— Мне нужно спросить родителей.

Соломон удивился и даже немного развеселился. Еве было двадцать пять лет, а вела она себя как шестнадцатилетняя.

— Мне важно твое личное согласие, — улыбнулся он. — С родителями я вопрос решу.

— Я... не знаю... — заикаясь, ответила Ева.

— Ты не можешь не знать... — настаивал парень, ясно сознавая, что невеста уже согласна. — Ты умная девушка и уже давно все для себя решила!

— Ну... наверное... тогда... — И она тихо сказала: — Да.

— Вот и все! — весело воскликнул Соломон.

В этот же день он получил благословение родителей Евы, которые искренне обрадовались такой выгодной партии для своей дочери. Соломон был при деньгах, из хорошей семьи, а Еве уже не восемнадцать и очередь за ней не стоит. В июне сыграли свадьбу, и молодые сразу поселились в кооперативной квартире в районе Черемушки. Новое место было светлым и радостным, в отличие от привычной темной и старой Молдаванки. Из окон двухкомнатной квартиры на десятом этаже был виден парк Горького, а дальше море домов, в которых жизнь кипела. Да, на дворе стояли непростые времена, но проворные и хитрые одесситы выкручивались, как могли. Омрачало существование семьи Раппопорт только одно: Лени не было рядом. Но они ждали. Мать ждала сына, устав проливать ночью слезы. Брат слезы не лил, но не было и дня, чтобы он не думал о Лене. Совершая любой важный поступок, Соломон думал только об одном: «Что бы на это сказал Леня?» И не было у него даже мысли о том, что старший брат может быть хоть в чем-то не прав. Нет! Это он, младшенький, мог сделать неверный шаг, а Леня... Леня прав всегда! Так думал Соломон, почитая и любя слепой, бездумной любовью своего старшего брата.

И вот в сентябрьскую пятницу 1993 года Соломон с Евой пришли к матери на Молдаванку, чтобы вместе встретить шabat. Детей у них еще не было, но жили молодые супруги мирно

и дружно, почти каждый день появляясь в родном районе. Цех Соломона с распадом СССР работать перестал, и он открыл небольшой магазинчик одежды возле гостиницы «Красная». Ева же навещала родителей, свекровь и брата, также живущих на Молдаванке. Коренные жители стали еще более дружны и сплоченны, потому что город начали заселять приезжие из соседних деревень. Это случилось из-за того, что приподнялся «железный занавес» и одесские евреи, жившие тут с основания города, начали уезжать в Израиль и США.

Родной двор семьи Раппопорт не стал исключением. Сапожник Моисей уехал с семьей в Израиль, греки переселились в Грецию, а Крамеры — в Москву. Из евреев во дворе остались одна мать Соломона да тетя Роза Мазур, которая, наконец выдав замуж свою дочку, воспитывала маленького внука Аркашу, чей отец, Сема, большую часть времени жил в Москве. Теперь шабат был никому не нужен, и за стол Раппопорты садились лишь своей семьей в собственной квартире. Иногда, правда, ходили к Бродским. В этот же день Соломон, Ева и мама Хая сидели за привычным угощением, ели жареных бычков и пили красное вино. В дверь постучали.

— Я открою, мама, — сказал Соломон. — Это Георгий, скорей всего.

Он подошел к двери и, подергав замок, распахнул дверь. Обомлев, Соломон смотрел на стоявшего на пороге человека.

— Ну шо ты, Моня, так смотришь? Не узнаешь брата? — осканился Леня.

Конечно же он узнал брата. И это несмотря на то, что голова Лени была полностью седая, впалые щеки делали его лицо еще худей, чем обычно, а кожу покрыли ранние морщины. Теперь перед Соломоном стоял не обаятельный молодой парень, а умудренный жизнью мужчина. Но блеск в умных глазах не пропал. Они все так же сверкали, и в них все так же читались сила и властность. Леня был одет в дорогой спортивный костюм «Найк» и кроссовки той же фирмы. Рядом стоял голубоглазый парень лет тридцати пяти, с большим носом и круглыми

глазами. У парня были темно-русые волосы, а на щеках недельная щетина. Спутник Лени держал в руках спортивную сумку «Адидас», судя по всему, полную вещей.

Соломон радостно улыбнулся и, не произнеся ни слова, как ребенок крепко обнял брата.

Леня, смеясь, похлопал его по спине:

— Ну шо ты, брат? Меня ж не было совсем чуток... Дай зайти хоть, маму увидеть.

Соломон разжал объятия, уступив место матери. Хая уже была возле двери, она, плача от радости, обнимала сына и целовала его, приговаривая:

— Сынок... *зиселе*²⁵. Вэй из мир! Как похудел!

— Все хорошо, мама! Я уже три месяца на свободе, — отвечал Леня, целуя матери руки.

— Так где ж ты был?! — возмутилась Хая.

— Не мог я появиться, мамэ, — извиняющимся тоном ответил Леня. — Я в Москве был.

Он зашел в квартиру, познакомился с Евой, затем представил семье своего друга, которого звали Гиви. Он был грузин и сидел с Леной вместе. Ночевать Леня захотел в родном доме. Гиви Хая постелила на месте Соломона, и гость незамедлительно отправился спать, тем более что время уже подбиралось к полуночи. Ева сидела со свекровью на кухне и ждала мужа, чтобы ехать домой. Как и одиннадцать лет назад, Леня с Соломоном вышли во двор посидеть на скамейке, поговорить. Младший брат помнил тот вечер, когда Леня вернулся из тюрьмы в 1982 году, и сейчас у него было чувство, будто они перенеслись в прошлое. Как будто этих лет и не было вовсе! Леня также достал папиросу и закурил. Соломон перевел взгляд на его лицо и как будто проснулся ото сна. Брат сильно постарел. Да и шутка ли, ему было уже сорок шесть лет, из которых четырнадцать он провел за решеткой. А на вид Лене можно было дать все пятьдесят пять! Леня тоже смотрел на

---

²⁵ Мой сладкий (*идиш*).

брата и гордо улыбался. Соломон выглядел хорошо: лицо гладко выбрито, взгляд умных глаз, так похожих на Ленины, спокоен, нет ни темных кругов, ни морщин. Пренебрежительно сморщенный нос делал его похожим на недовольного всем буржуя. Одет Соломон был в льняной бежевый костюм, легкие кожаные мокасины и черную футболку. Леня понял, что у брата все идет хорошо, и довольный этим спросил:

— Как работа у тебя?

— Все хорошо. Живу спокойно... работаю.

— Молодец, брат, — кивнул Леня. — Для развития маза есть?

— Ну... как сказать... — задумался Соломон. — Для развития надо ехать в Москву. Все деньги сейчас там.

— Так шо не поехал?

— Как мать оставить? — пожал плечами Соломон. — Да и... куда ж мы без тебя?

Леня кивнул. Что значил его кивок, было не ясно, тем более что он переключился на другую тему:

— Почему у вас нет детей?

Соломон растерялся от такого вопроса. Он никогда не обсуждал с братом такие вещи. Да они вообще ничего не обсуждали последние семь лет.

— Не выходит... — Он опустил голову. — Два раза выкидыши были... не знаю!

Леня опять кивнул. Потом снова перешел на другую тему:

— Зиву видел?

— Кого? Зиву?

— Да, Зиву!

Соломон уже отказывался понимать ход мыслей брата, а потому просто ответил:

— Я ее последний раз с тобой видел.

— Ясно. — Леня выбросил окурок, затем сказал: — Я пару дней тут. Потом поеду в Москву. Найду хороших врачей для твоей супруги. Договорюсь там. Повезешь ее лечиться. Вам нужны дети...

— Леня, ты что? — перебил его, неловко улыбаясь, Соломон. — Ты ж недавно из тюрьмы вышел... Страна другая совсем стала. Да и потом, тебе самому нужно устраиваться. Я для тебя квартиру присмотрел, хочу ее купить в ближайшие месяцы, вот только чуть заработаю...

— Ша, Моня! — Остановил его, улыбаясь, брат. — От души, конечно, но мне квартира ни к чему. За остальное больше ни слова. Я все решу сам, то, что мне нужно. И про работу мне не говори. Я сам тебе найду в Москве. Лучшую тему найду! А сейчас... — Леня достал из кармана сверток, похожий на кирпич. — Возьми это. Матери отдашь, себе отложишь... разберешься, в общем!

— А ты что будешь делать? — спросил Соломон, взяв сверток в руки. Ему было страшно представить, что брата снова посадят.

— Я? — ухмыльнулся Леня. — Моня, братишка, я бродяга. Я родился бродягой. Им и помру. Теперь пора спать.

Он встал и направился в дом. Соломон пошел за братом и, забрав Еву, уехал на такси домой. Уже дома, развернув пакет, он обнаружил там пятнадцать тысяч долларов. Это была немалая сумма для Одессы того времени.

Ему не спалось до утра. За прошедшие семь лет Соломон из скромного парнишки, находящегося в тени старшего брата, превратился в мужчину, имевшего свой бизнес и основавшего свою собственную семью. Он уже скопил сумму, чтобы купить брату квартиру, предполагая, что Леня вернется сломленным, а тут Соломон — уже состоявшийся и богатый мужчина. Но он ошибся. Леня вышел из тюрьмы еще более уверенным в себе и сильным, чем был, когда попал туда. У Соломона было двенадцать тысяч долларов на квартиру, брат же дал ему пятнадцать! Но главный сюрприз ждал Соломона утром. Он приехал к матери около одиннадцати утра. Леня уже сидел во дворе, на скамейке, вместе с Гиви. Друзья болтали о чем-то с соседскими детьми, время от времени весело смеясь.

— Моня, как тут все поменялось! — улыбнулся Леня. — Детвора так подросла...

— Да... — тихо ответил Соломон. — Вы завтракали?

— Конечно, брат! — так же весело продолжал Ворон. — Разве мама нас оставит голодными?

Соломон присел рядом. Леня стал расспрашивать у него про соседей, кто куда уехал. Потом о том, какие изменения произошли в стране и в городе. Так просидели около часа. Была суббота, а значит, выходной. Дети во дворе играли в фантики от жвачек, стуча по ним сложенной лодочкой ладонью. Все было привычно и спокойно. Внезапно во двор через арку въехал большой черный «мерседес» с цифрами 600 на багажнике, за ним такого же цвета джип «Гранд Чероки», замыкало процессию, не уместившись во дворе и наполовину оставшись в арке, БМВ 7-й серии темно-синего цвета. Пацаны, игравшие во вкладыши, стояли с открытыми от восхищения ртами, шепча друг другу на ухо имя «Флинт». Леня продолжал сидеть спокойно, с непринужденной улыбкой. Гиви вообще не обратил внимания на машины. Зато у окон и на общем балконе появились жители дома, с удивлением наблюдавшие невиданную доселе картину.

Из машин высыпало несколько человек. Молодые ребята лет двадцати пяти — двадцати семи в спортивных костюмах и кроссовках окружили автомобили, кто-то открыл заднюю дверь «шестисотого», и оттуда вышел высокий, симпатичный мужчина лет сорока пяти, одетый в джинсы, футболку и легкую ветровку. Следом появился парень помоложе, одетый в строгий серый костюм. Хлопнула дверца БМВ, и в сторону сидящих на скамейке направился светло-русый мужчина в белых брюках и яркой шелковой рубашке с коротким рукавом, расстегнутой на груди. На шее у него висела огромная золотая цепь с большим крестом, предплечья и пальцы были синие от множества наколок. Мужчины не спеша подошли к скамейке, где сидели Леня и Гиви.

— Приветствуем тебя, Ворон, с возвращением, — сказал мужчина в ветровке.

— Привет, Флинт! Здоров, братва! — ответил Леня.

Все, в том числе Гиви и Соломон, пожали друг другу руки, затем заговорил человек с наколками:

— Я от Мехо. Он тоже передавал тебе привет, желает здоровья и форта. Сам позже подтянется.

Подручный Мехо говорил на русском неплохо, но с сильным грузинским акцентом. Леня лишь кивнул в ответ.

— Мы поляну заказали, Ворон, — обратился к Лене Флинт. — Вечером машину отправим за тобой. Братва хочет встретить тебя как положено!

— Базара нет, — улыбнулся Леня. — Вечером подтянемся.

— Тогда увидимся, братва, — попрощался Флинт и добавил: — Через час пацаны подъедут. Будут ждать, как соберетесь, мы с пяти вечера начнем собираться в «Гольфстриме».

Леня снова лишь кивнул в знак согласия. С этим гости быстро расселись по машинам и уехали. Немного еще посидев и пообещав брату вскоре вернуться, Соломон ушел на работу проверить, как идет торговля. Его переполняли чувства. Произошедшее было удивительно! Лени не было целых семь лет. Он сидел в тюрьме. Никому ненужный, бедный, тут... Первый день, как он на свободе, и к нему лично приезжает сам Флинт, король города! Богатый и крутой! С ним вместе появился грузин, представитель второго человека в городе после Флинта, не менее богатого и влиятельного. А что Леня? А он просто сидит на лавке и, даже не вставая, лениво улыбается гостям. Как будто он Рокфеллер! И курит прямо им в лицо дешевые папиросы. Это ему непостижимо! А насколько уважительно они с ним разговаривали... Что он там в тюрьме делал? Однако как молодой бизнесмен ни силился, ответа на свой вопрос он найти не мог. Единственная мысль, которая постоянно мелькала в его голове: брат действительно великий человек! Соломона переполняло чувство гордости за Леню, по всему видно, влиятельного человека, который сохранил такую удивительную простоту в общении. Родившись в самой обычной семье, прожив всю свою жизнь в маленькой квартирке на Молдаванке, его брат сумел завоевать уважение самых богатых и влиятельных людей в городе!

Около четырех часов вечера Соломон вернулся на Хмельницкого. Возле их двора на улице стояли две машины. Большой «линкольн» с водителем и уже знакомый ему джип «Гранд Чероки», внутри которого сидели три человека. Двигатели автомобилей были заглушены, и Соломон понял, что ждали Леню. Во дворе как будто ничего не изменилось. Дети по-прежнему играли, Леня с Гиви сидели на скамейке. Только теперь напротив них на стуле сидел седой мужчина лет шестидесяти пяти с густыми бровями и выразительными черными глазами. Он сидел прямо, с достоинством и не спеша что-то рассказывал. Это был Андрей Метаксас, один из самых богатых и уважаемых греков в Одессе. После развала СССР Метаксас стал завозить из Греции шубы, которые покупали у него сначала богатые люди, бандиты и чиновники, для своих жен и любовниц. Теперь же его бизнес разросся, и он отправлял партии шуб в Москву и Киев. Леня внимательно слушал Метаксаса, но, увидев Соломона, остановил говорящего и позвал брата:

— Моня, подойди. Ты же знаешь Андрея?

— Да... — ответил Соломон, пожав руку греку. — Пару раз сталкивались.

— Андрей, мой брат тоже бизнесом занимается, — важно сказал Леня.

— Я знаю, — кивнул Метаксас. — Он парень порядочный. Видел его в деле.

— Скажи мне сначала, — вернулся к разговору Леня, — чем я могу тебе помочь?

— Понимаешь, Леонид, я не могу платить дважды! Мне привозят сюда товар, я плачу портовым, как положено, десять процентов от суммы партии. Но потом мой товар едет в Москву. В Киеве все хорошо, там портовых все знают, и никто не мешает. Но Москва! — Грек возмущенно покачал головой. — Там либо перед въездом в город, либо перед тем как на склад заехать требуют деньги или грозят забрать товар! И это я еще про ментов не говорю.

— Кто? — спросил Леня. — Они представляются?

— Да кто ж их знает! — жалобно воскликнул мужчина. — То какие-то солнечные, то ореховые... не запомнишь всех!

Леня с Гиви громко рассмеялись. Успокоившись, Леня сказал:

— Не обессудь, Андрей, просто ты так сказал: «солнечные»... Ты имел в виду, наверное, солнцевских!

— Да черт их знает, — усмехнулся Андрей.

— Хорошо, — продолжил Леня. — А шо портовые базарят? Они не могут решить этот вопрос?

— В том-то и дело, что нет! Они говорят, что за Украину отвечают, а все, что дальше, не их дело! А мне как быть? У меня убыток получается. Я плачу два, а то и три раза!

— А покупатель? Он не может решить?

— Покупатели мои оптом берут и на рынке в розницу продают. Они платят рынку, ну и крыша там какая-то рыночная... Леонид. — Грек серьезно посмотрел Лене в глаза. — Тебя знают и там и тут. Ты уважаемый человек. Давай я буду платить тебе пятнадцать процентов от всей прибыли? Но помоги мне, пожалуйста, везде. Очень прошу тебя, я знаю, ты справедливость поддерживаешь...

Леня, выслушав гостя, ответил:

— Андрей, мне платить не нужно. Я не бизнесмен и не рэкетир... Речи о деньгах быть не может. С портовыми поговорю. Продолжай работать, плати им, как платил. А с Москвой я решу. Не могу сказать, что это будет завтра, но в течение двух недель я все сделаю. Поговорю с друзьями, тебе позвонят и скажут, как ехать и куда... Рынок какой или склад? Что там?

— Лужники.

— Про деньги не говори никогда больше со мной. Я тебе и так помогу. Даю слово.

— Спасибо тебе, Леонид! — Андрей с благодарностью пожал Лене руку. — Я в долгу перед тобой.

— Перестань. — Отмахнулся Леня. — В долгу мы только перед своими родителями. Все в ажуре.

Они попрощались, и Андрей ушел. Откуда ни возьмись появился парнишка лет двадцати, кудрявый, черноглазый и смуглый, одетый в белые брюки и шелковую рубашку.

Леня обратился к нему:

— Ну шо там, Цыганенок? Кто еще есть до меня?

— Та тут пол-Одессы до тебя прийти хочет, Ворон, — ответил парнишка с улыбкой.

— Ша на сегодня. — Отмахнулся Леня. — Там вся хевра одесская ждет нас.

— Ага. — Довольно оскалился Цыганенок. — Порядок в порту будет теперь, говорят.

Леня встал со скамейки и пошел домой переодеться. Соломон, Гиви и Цыганенок остались ждать. Пока брат наряжался, Соломон понял из разговора Цыганенка и Гиви, что с утра здесь побывало уже много людей, таких как Андрей Метаксис. Приходили все с просьбами и подарками. Леня всех выслушал, всем ответил, что посчитал нужным. Но вот из подарков взял только две большие корзины с хорошими дорожными продуктами, напитками и фруктами. Это принес директор Привоза. Леня отнес их матери, чтоб разобрала. Остальные же подарки, среди которых были магнитофон, телевизор, золото, одежда и другое барахло, Леня не взял, объяснив дарящим, что не хочет никого огорчать, но вещи ему не нужны. Также приносили конверты с деньгами, которые Леня посоветовал дарителям отдать неимущим и сиротам. Вот таким вот странным, по представлениям многих людей, был этот человек.

Глава 11

В «Гольфстрим» Соломон с братом не пошел. Там намечалась воровская сходка, на которой главными действующими лицами были Леня, Флинт и Мехо. Были также блатные, приближенные к ворам, и лидеры группировок рэкетиров. Одесса была поделена между преступными бригадами, над которыми стояли

воры в законе. Лене отдали группировку портовых. Эта банда получала деньги со всех судов, заплывавших с товаром в Одессу, и она была одной из самых богатых. Но проблем у них тоже была куча, так как вечно нужно было решать вопросы с представителями других регионов. Именно поэтому их и отдали в ведение Лени, самого опытного и правильного в понятиях. Портовые сами решали все вопросы с властями, а вот когда нужно было договариваться с блатными, обращались к Лене. И за это, естественно, выделялась ему определенная доля, не фиксированная, а столько, сколько Ворону нужно было на жизнь.

На сходке также присутствовали и остальные городские бандиты. Например, чеченец Зелим со своей бригадой, которые решали вопросы только через Москву, а в Одессе занимались выбиванием долгов и банковскими операциями. Они были независимы ни от кого, но тем не менее с ними считались многие. А вот цыганский барон со свитой не пришел. Цыгане наладили торговлю наркотиками в пригороде Одессы, который называли Палермо. Но воры не приветствовали «барыжничество смертью» и цыганскую бригаду не привечали. Обсудив все дела, несколько блатных и воров поехали в баню.

Примерно в три часа ночи к молодым Раппопортам кто-то постучал. Ева проснулась, Соломон пошел открывать. Распахнув дверь, он увидел Леню. Брат был пьян. Широко улыбаясь, он спросил:

— Моня, пустишь старшего в дом?

— Конечно, брат. — Соломон завел Леню на кухню. — Чай сделать тебе?

— Я тебе сейчас скажу, брат, шо сделать... — Леня был не так сильно пьян, как показалось вначале, но все же язык его немного заплетался. — Включи-ка чайник.

Соломон набрал воды и поставил на плиту чайник.

Леня продолжил:

— Заварка есть? Черный чай?

— Конечно. — Соломон достал из шкафчика пачку чая «Липтон» в пакетиках, привезенного из Турции.

Леня скривился:

— Та ты шо, брат? Это ж дрек²⁶, дерьмо, а не чай!

Тогда Соломон вытащил оставшиеся полпачки черного индийского чая со слонем на коробке.

— Во, — воскликнул Леня, — теперь большую чашку дай! Купцану²⁷ немного...

Леня закурил папиросу и стал ждать, пока закипит чайник. Соломон пошел в спальню, успокоил Еву и закрыл дверь, чтобы не мешать жене спать. Затем зашел в ванную умыться. Когда он вернулся на кухню, Леня уже заливал воду в чашку, потом насыпал туда три ложки чая и, накрыв ее блюдцем, стал ждать. Он с улыбкой взглянул на брата и весело подмигнул ему:

— Шо, Моня, удивляешься, поди?

— Да, есть чему удивиться. — Пожал плечами Соломон.

— Ну так поинтересуйся у брата. Я тебе на все расклад дам, все расскажу. Мне ж ближе тебя никого нет!

— Я... просто не пойму... — неуверенно начал Соломон, — с чего это все? С чего столько внимания, денег? Почему столько подарков? И... почему ты ничего почти не взял?

Улыбка не сходила с лица Лени, и он все так же с любовью смотрел на брата. Соломон же, собравшись окончательно с мыслями, продолжал:

— Для меня ты все! Я знаю, какой ты, люблю тебя и всегда восхищался тобой... Но я чего-то, наверное, не понимаю в этой жизни. У нас с тобой толком ничего нет, а все эти люди тебе шлют деньги... Но ты отказываешься! Почему? Ты не хочешь жить хорошо?

— Не все так просто, как ты думаешь, родной, — ответил Леня, снова закурив папиросу. — Я урка. Мое слово имеет вес. Все эти земные блага мне не нужны. Я на воле всего лишь гость. Мой дом — тюрьма. К чему мне все эти понты?

---

²⁶ Шлак (*идиш*).

²⁷ Выпить купца — выпить крепкого чая (*тюремный жаргон*).

— Но зачем тебе это? — удивленно спросил Соломон. — Ведь можно жить честно! Спокойно зарабатывать. Сейчас время больших возможностей...

Леня поднял руку, останавливая брата, и задумчиво сказал:

— Моня, родной мой... Ты думаешь как бизнесмен, как... фраер обычный. Не обессудь, что так назвал тебя, но это так. А я думаю как вор. Я всегда был на стороне справедливости.

— Я ж про это и говорю. Ты всегда был за правду!

— Сейчас я стою за правду больше, чем когда-либо! — с блеском в глазах воскликнул Леня. — Я не признаю власть этих конченных чертей! Кто честно работает? Ты? Не смей меня! В этой стране честно работают только рабочие и получают за это копейки. Я... — Он перевел дыхание. — Я расскажу тебе сейчас одну притчу. Мне рассказал ее один старый жулик на зоне. Короче, в одной деревушке поймали вора, который украл из единственного в округе магазина немного еды. В тот самый момент в деревню заехал правитель той страны. Вора привели на площадь, где собрался народ, чтобы судил его сам правитель по справедливости.

Ему дали высказаться. «Я признаю, что я вор, — начал он. — Я украл из магазина хлеб. Но если ты, правитель, считаешь себя справедливым, накажи всех виновных!» Правитель кивнул: «Я накажу всех, кто виновен. Если ты знаешь их — говори!» Тогда вор громко заявляет: «Первым тогда накажи хозяина того магазина, который покупает у крестьян товар за копейки, а продает втридорога. Бедным крестьянам больше некому продать свой товар, ведь до города ехать так далеко. И продавать, и покупать они вынуждены только у этого мерзавца, потому что магазин в деревне единственный». Толпа ликующе закричала, соглашаясь со словами вора. Правитель, увидев такую поддержку со стороны народа, ответил: «Хорошо! Правильно, что мне рассказали об этом. Хозяин магазина будет наказан за все зло, что причинил деревне. А почему он так ведет себя?» — «А потому, — воскликнул вор, — что есть еще один человек, которого нужно наказать! Глава деревни. Он поз-

воляет хозяину магазина вести дела так, как ему заблагорассудится, получая от него взятки. А это деньги, заработанные на бедняках!» Толпа закричала еще громче. Правитель же согласно кивнул: «Накажем! Обязательно!» — «Но и это еще не все! — уже осмелев, кричал вор. — Ведь есть глава района, который живет в огромном доме. И он — родственник главы деревни. Поставил того на высокий пост и закрывает теперь на все его махинации глаза. Денежки же в семью идут». Толпа зааплодировала, все поддерживали вора. Правитель опять согласно кивнул и сказал: «Мы накажем и его. Я правитель этой страны, и я тут, чтобы вершить справедливость». Тогда вор засмеялся и громко продолжил: «Это еще не все, повелитель. Ведь первого, кого нужно наказать, — это тебя! Человека, которого выбрали все эти главы районов и деревень! Который позволяет им обирать народ, и сам кормится с этого! Вы хотите меня судить? Я ворую у богатых, просто чтобы поесть! И я не считаю это плохим поступком, я просто беру свое. А вы? Вы обираете бедных людей, забирая у них последнее! И делаете это не от голода, а ради роскоши и власти! Судить надо вас!» Правитель не смог осудить этого вора. Он спешно уехал из деревни, боясь разгневанной толпы, которая могла разорвать его в любой момент. Вот тебе, Моня, и мораль. Мне будет плохо в роскоши, когда кругом голодают люди. Работать я тоже не собираюсь. Я буду жить своей жизнью — и все!

Леня убрал блюдце с чашки и сделал два глотка.

Соломон, не зная, какой довод привести, лишь спросил:

— Но какой тогда тебя ждет конец? А дети? Семья? Когда я был маленьким, ты всегда мне говорил, что когда-нибудь наши дети будут играть вместе, а мы радоваться этому. Как же быть теперь?

Леня горько усмехнулся:

— Брат, у этой притчи есть конец. Он печальный, но такова реальность. Того вора поймали, только в другой деревне, и казнили без суда и следствия, не дав ему даже последнего слова! Все из-за того, что люди не хотят слышать правду. Это самый

большой промах человечества — отрицание правды. Даже перед самим собой нужно уметь это признавать и либо бороться, либо мириться с ней!

— Ты смирился? — спросил Соломон.

— Я со многим борюсь... но с тем, что умру где-нибудь в тюрьме, я давно смирился.

— Не говори так, Леня! — с ужасом воскликнул Соломон.

— Хватит об этом, — резко свернул разговор старший брат. — Я пришел вообще-то для того, чтоб с тобой посидеть и обсудить кое-что.

— Да?

— Ты уже понял, что мне немного нужно от жизни... Но ты, ты другое дело. У тебя другая жизнь, своя! Ты всегда был умным и рассудительным. Я думаю, тебе нечего ловить в Одессе. Нужно ехать в Москву.

— Что я там буду делать? — Пожал плечами Соломон. — И как маму оставим?

— Поступим следующим образом, — начал Леня, уже решив все заранее. — Я поеду первым. Чуть позже приедешь ты. Супруга твоя побудет с мамой, за магазином присмотрит кореш твой, Георгий. Обустроишься, посмотришь, что к чему, а дальше будет видно. Я помогу тебе поймать какую-нибудь тему. Ты учился, у тебя есть мозги, есть хватка! Тем более вам с женой нужно к хорошим врачам сходить. — Он улыбнулся. — Я хоть племянников своих должен увидеть.

Братья рассмеялись. Через полчаса Леня ушел, а Соломон все так же продолжал сидеть на кухне, оставшись наедине со своими мыслями. В голове все смешалось. Он всегда понимал, что Леня — необычный человек. И даже сейчас, говоря о жизни, он не рассуждал так, как все. Леня заглядывал намного глубже, пытаясь докопаться до самой истины. Но где эта истина? А кто ее знает, есть ли она вообще?

Соломону бросилась в глаза кружка с недопитым черным чаем. Он улыбнулся, вспомнив, как брат час назад назвал чай «Липтон» *дреком*. Решив попробовать напиток старшего

брата, Соломон сделал один глоток — и стал плевать и морщиться. «Господи! Как можно пить такую горькую гадость? Еще и без сахара! И при этом балдеть! Уникальный все-таки человек его брат».

Глава 12

Зива вернулась в жизнь Лени в новогоднюю ночь. 1995 год семья Раппопорт встречала в Москве, дома у Соломона. Четыре месяца прошло с тех пор, как молодой одессит купил трехкомнатную квартиру в районе метро Фрунзенская. Яша освободился полгода назад и вместе с Леней пришел встретить Новый год к близким людям. Ева вместе со свекровью накрыли красивый праздничный стол, на котором, кроме традиционных русских новогодних оливье и холодца, красовались одесский форшмак, эсик-флейш из говядины, гефилте фиш из карпа и фасолевый цимес в виде паштета. Посреди стола почетное место занимало блюдо с запеченной уткой с черносливом. Соломон к тому времени уже неплохо зарабатывал, открыв офис в центре Москвы. Он покупал и продавал все, что попадалось под руку, начиная от бензина и заканчивая японскими телевизорами. Его фирма «ЛИС» занималась всем понемногу. Леня вел тот же самый образ жизни, как и до последнего своего заключения. Он жил то в Москве, то в Одессе, то еще где-то. Ночевал иногда у Соломона, но чаще на квартире у Гиви или у новой своей подруги, певицы Вики. Основным же местом его обитания была гостиница «Россия», где у Ворона был оплачен на год вперед номер полулюкс. Леня решал вопросы многих обратившихся к нему за помощью людей, разрешал споры между преступными группировками, которых тогда в Москве было не счесть. К деньгам он относился, по мнению младшего брата, пренебрежительно. Что появлялось, сразу же прогуливал и раздавал. При всем этом он очень любил своего брата и мать, стараясь минимум раз в неделю проводить вечер с ними. Старой Хае не

нравилась Москва, и она больше времени проводила в родной Одессе, побывав в столице всего два раза за последние полтора года. Теперь же обещала приезжать чаще, так как у Соломона наконец-то появилась своя квартира. И вот около двух часов ночи, когда Леня с Яшей уже собирались уходить, чтобы продолжить гулянку в одном из ресторанов с друзьями, в дверь позвонили. Пошедший открывать Соломон увидел красивую зеленоглазую женщину в дорогой норковой шубе. Это была Зива, которую он никогда не любил, и чувства его, надо сказать, всегда были взаимны.

— Шалом, Моня, — ехидно улыбнулась она.

— Как ты узнала, где я живу? — удивился хозяин квартиры, даже не поздоровавшись.

— С Новым годом вообще-то. — Снова хитро глянула на него Зива. — Это не важно, Молдаванка полна слухов. И вообще, я не к тебе пришла. Ворон у тебя? Может, пригласишь все-таки войти?

Соломон распахнул дверь и отошел, пропуская Зиву в дом. В этот момент в коридор вышел Леня.

— Кто там пришел, Моня?.. — начал было он, но, увидев Зиву, осекся. Правда, и не удивился.

— С Новым годом, Леня! — улыбнулась красавица. — Что, не рад меня видеть?

— Ты научилась читать мысли? — хмыкнул Леня.

— Твои я умею с рождения читать.

— Значит, ты еще не родилась, — парировал Леня, затем снова ухмыльнулся: — Заходи уж. В нашей хате праздник сегодня.

Зива скинула шубу, оставшись в итальянских джинсах и красивом свитере под цвет глаз. Зайдя в зал, она обняла тетю Хаю, познакомилась с Евой, затем посмотрела виновато на Яшу.

Он же презрительно бросил:

— Шо ты так виновато смотришь?

— Та боюсь тебя, — шутивно ответила она. — Больно голос у тебя грозный.

— Вот курва, — засмеялся Яша, и они обнялись, лед был растоплен.

Но Зива прекрасно знала, что с Леней ей предстоит тяжелый разговор.

Тем временем застолье продолжалось. Зива ни разу не посмотрела на Леню, который сверлил ее взглядом. Она рассказала, что узнала адрес у соседки тети Хаи, Розы Мазур. Мать Раппопортов оставила его старинной подруге, если вдруг та захочет приехать в гости. Перекусив и выпив шампанского, Зива наконец решила и посмотрела на Леню, а потом, глубоко вздохнув, резко встала из-за стола. В то же мгновение поднялся и Леня, ласково обратившись к матери:

— Мамэ, я на кухню покурю пойду. Вы без меня веселитесь пока.

Все поняли, что предстоит долгий разговор. Семья не знала о том, что в последнем деле девушка была с Леней, а после того, как его посадили, пропала бесследно. Но Соломон не понимал, почему Зива не объявилась, как только они уже переехали в Москву. Хотя он был и рад такому раскладу.

Зайдя на кухню, Леня сразу закурил папиросу и посмотрел Зиве в глаза испепеляющим взглядом. У девушки по спине пробежал холодок. Леня постарел и, было видно, стал жестче. Она знала от многих, что он теперь в законе и его авторитет очень высок. Не сумев выдержать его взгляд, Зива отвернулась и тихо сказала:

— Леня... я... хотела поговорить...

— Ну, говори, раз хотела. Ты всегда делаешь, шо хочешь.

— Ты... я знаю, я виновата... не появилась, когда ты вышел...

— Предъяв быть не может, — спокойно сказал Леня. — Ты баба, спросу нет с тебя. Шо ты хотела еще сказать?

Зива уже собралась с мыслями и продолжала более твердым голосом:

— Доллар... он нас кинул! Я поехала туда... в деревню эту... не было там никакой бабки с диадемой. Вот!

— И шо? — безразлично спросил Леня.

— А это что, не важно? — Удивилась Зива. — Я переживала... ты думаешь, что я тебя кинула, поэтому не появлялась? Решиться не могла! Думала, как вернуть... наше! А тебе плевать?

— Ты шо мне Фаберже крутишь? — недовольно сказал Леня. — Я тебя сам всему учил. Шо ты мне чешешь тут за Доллара? Он нам с Яшей несколько лет на зону передачи отпращивал. Грел нас! А шо с цацкой этой... как попадетса он мне, я с него спрощу. Я просто его не нашел пока. Но ты... Ты даже маляву ни одну не отпращивала мне.

— Леня, — взмолилась девушка, — ты же знаешь, я не он! Я...

— Шо не он? — перебил ее Леня. — Ты такая же, как и Доллар, просто спрощу с тебя нет. Вы — как Боря и Степа!

— Кто? — не сразу поняла Зива.

— Вас просто зовут по-разному, — насмешливо продолжал Леня. — Боря — то борухес, борухес — это тухес, тухес — это жопа, а жопа — это Степа! Шо тебе не понятно? Все ж ясно!

Зива невольнo улыбнулась, узнавая Леню с его юмором даже в самых серьезных ситуациях. Он молчал, и девушка перешла ко второму акту своей пьесы. Она опустила голову и тихо сказала:

— Мне... нужна твоя помощь...

— Та ты шо?! — театрально воскликнул Леня. — А я шо, бюро добрых услуг? А?

— Ну... во-первых, у меня взаимовыгодное предложение есть...

— Мне нет выгоды никакой с тебя, — категорично ответил Леня. — Башли мне не нужны, в моей жизни ты ничего не значишь. Это отпадает. Во-вторых, есть шо-то?

— Во-вторых, есть самое главное, что нужно сделать. Отомстить Доллару! И я знаю как.

— Я шо тебе, неуловимый мститель? — усмехнулся Леня. — Или ты фильмов про итальянцев насмотрелась? Вендетта там и все такое. Я разберусь с Долларом, когда придет время. Еще шо имеешь мне сказать?

— Имею. — Зива подняла голову и, посмотрев ему прямо в глаза, с жаром произнесла: — Я до сих пор люблю тебя! Мне каждый день без тебя был адом! Я хочу просто быть рядом... не отвергай меня...

— Ша! — Остановил ее Леня, который видел, что девушка уже на пределе и вот-вот разрыдается. Он знал, что красавица Зива его всегда любила и, должно быть, любит до сих пор. Но также Леня понимал, что она умеет играть лучше любой актрисы, и эта сцена для нее просто спектакль. — Успокойся. Со мной концерты не пройдут. Я те не поц какой-то с Привоза.

— Леня, ты — вор. — Достала Зива еще один козырь. — Прошу тебя, выслушай меня!

— Тебе угрожают? — спросил он.

— Да, — ответила жалостливо Зива.

— Кто? — удивился Леня.

— Нищета!

— Шо? — не понял он.

— Боюсь остаться бедной, — важно заявила Зива.

На несколько секунд они замолчали, и тут Леня расхохотался, оценив шутку. Зива стала смеяться вместе с ним. Она чувствовала, что почти сломила старого возлюбленного. В кухню зашел Соломон.

— Все нормально у вас? — спросил он.

— Да, Моня, все в ажуре, — ответил Леня, успокоившись.

И Зива разыграла свою последнюю козырную карту. Она обратилась к Соломону:

— Моня, а ты знаешь, что такое приватизация?

Соломон равнодушно ответил:

— Знаю.

— Так вот, — начала Зива, обращаясь преимущественно к Моне, — у меня есть канал, через который можно приватизировать целый завод. И это можно сделать без шума и пыли.

Соломона, конечно, заинтересовало такое предложение, вот только иметь дел с Зивой он не собирался. Он посмотрел на

брата и, встретившись с насмешливым взглядом Лени, коротко ответил:

— Ты молодец, конечно, приватизируй и будь счастлива. — И вышел из кухни, закрыв за собой дверь.

Ожидаемой реакции Зива не получила, а потому, повернувшись к Лене, с жаром воскликнула:

— У меня было предложение: одним махом и с Доллара получим свое, и алюминиевый завод заимеем за его счет! Хорошо, ты меня не захотел выслушать, так я через два дня пойду к другим людям, в казино «Метелица»...

— Ты мне тут условия не ставь, курва! — перебил ее Леня грозно. — Ты шо торгуешься тут со мной? Знай, с кем базаришь! Вопрос с тобой я закрываю. Можешь идти на хату.

И он демонстративно, гордо вскинув голову, вышел из кухни. Зива выбежала в коридор и, на ходу надев сапоги и схватив шубу, убежала, даже ни с кем не попрощавшись. Никто не был удивлен, а потому вопросов не задавали. Только вот Соломон, услышавший часть разговора, призадумался. Он специально не до конца прикрыл дверь кухни и зашел в туалет, который был за стенкой. Таким образом он и узнал про завод. Эта мысль распухала в его голове как цветок, он уже ощущал в воздухе нежный аромат денег. Вращаясь среди множества разного рода бизнесменов, Соломон прекрасно знал, что за 1994 год Российское Госкомимущество с аукционов продало больше половины государственных предприятий. Живой разум бизнесмена давно говорил ему о том, что надо сейчас успеть урвать кусок от пирога, который делят! Было понятно, что придет время, и в России настанут тяжелые времена, когда власть начнет отбирать назад то, что раздали за бесценно их предшественники. Но пока это время наступит, можно заработать кучу денег! И купить недвижимость, которая всегда будет приносить доход. Соломон думал сразу о будущем, он не жил сегодняшним днем, в отличие от Лени. Тому нужно было просто весело провести вечер, и все. А что завтра — наплевать. Вот и сейчас Леня продолжал смеяться со

всеми, словно ничего и не произошло, но слова Зивы не шли у него из головы.

Вскоре старший брат с другом ушли. Соломон лег в кровать в пятом часу утра. А утром у него уже созрел план действий. Упускать такую возможность он не хотел ни в коем случае. Но против воли брата идти тоже не собирался. Поэтому решил действовать смело и самостоятельно. Пожалуй, это был самый отчаянный поступок за всю его жизнь.

Выждав два дня, которые для москвичей прошли в сне и пьянках, Соломон отправился на Новый Арбат. Машина у него была неприметная, обычная белая «девятка». Он аккуратно припарковался и пошел ко входу в казино «Метелица». Время было около восьми вечера, и Моне пришлось около двух часов гулять по казино, наблюдая за играющими и выискивая Зиву. Наконец она попалась ему на глаза. В красивом шифоновом платье черного цвета, на высоких каблуках, Зива выглядела сногшибательно. Волосы ее были зачесаны наверх и заколоты большими заколками, торчащими спицами по бокам. Хищный взгляд красавицы перебежал от стола к столу — очевидно, она надеялась увидеть Леню. Зива прошла к ресторану, где за несколькими столиками сидели люди, что-то обсуждающие, смеющиеся, выпивающие и закусывающие. Сев за один из столиков, Зива заказала официантке какой-то коктейль и, достав сигарету, закурила. Соломон, оставаясь незамеченным, занял удобную позицию. Женщина не видела его, тогда как он видел все. Понаблюдав за Зивой несколько минут, он наконец подошел к ней и решительно сел напротив. К его немалому удивлению, красotka ни на секунду не удивилась, а лишь ухмыльнулась:

— Я тебя ждала, Моня!

— С чего это? — удивился Соломон.

— С того, что твой брат многому меня научил... Неважно, в общем! Итак, поговорим о деле?

Соломон, не желая уступить ей лидерство в разговоре, сам перешел в наступление:

— Ну, начнем с того, что я с тобой никаких дел иметь не хочу. Я просто услышал, что у тебя проблемы, и решил помочь... Все-таки мы все свои.

— Вэй из мир! — театрально воскликнула Зива. — Дожила я, что ты мне хочешь помочь! — Она весело рассмеялась и сквозь смех спросила: — И чем же ты мне можешь помочь, Моня?

Соломон не смеялся, зная, что Зива актриса еще та. Дождавшись, когда красотка кончит веселиться, он хладнокровно сказал:

— Я мог бы, конечно, поговорить с братом и убедить его, но если ты считаешь, что я не могу тебе ничем помочь... — Он встал со стула.

Зива встрепенулась, посмотрела ему в глаза и, очаровательно улыбнувшись, промурлыкала:

— Ну ладно тебе, не обижайся. Садись, поболтаем.

Соломон нехотя сел обратно:

— Тогда давай без предисловий.

Зива, как будто ее подменили, тут же превратилась в серьезную даму и, немного подавшись вперед, заговорила:

— Послушай сюда. В России есть некая структура, Госкомимущество, она с аукциона продает госкомпаниям, заводы, фабрики, недвижимость... Есть один тип. Саша Волков. Доллар его погремуха. Он когда-то был с нами в деле. Со мной и с Леней. Он остался при бабках, а нас кинул. Но я с ним в нормальных отношениях. Сейчас все срастается так, что у него есть бабки, а у меня есть один *косокэр*²⁸, который работает в этом самом Госкомимуществе и поможет нам выиграть аукцион!

— А что ты сама не провернешь дельце? — подозрительно спросил Соломон.

— Во-первых, я просто не смогу это сама одна. В одиночку такие дела не делаются. Во-вторых, я давно ждала момента,

---

²⁸ Очкарик (*идиш*).

чтобы убедить Леню — я его не кидала! Я бы никогда такого не сделала! А в-третьих, куда я без прикрытия? Чтобы такого уровня дело повернуть, нужны авторитеты. Без хевры тут не справиться.

— И как ты собираешься все обставить? — спросил Соломон.

Зива вздохнула:

— Я не знаю. Если бы я обладала такими мозгами, как твой брат... Только он сможет повернуть это дельце. Но я знаю точно, он не будет, — уверенно добавила она.

— В смысле, не будет? — Усмехнулся Соломон. — Зачем тогда весь этот гембель?

— Он вор! — объяснила Зива. — Ему это не по понятиям. Заводы, пароходы, бизнес... Это все не его. Но ты! Для тебя он может придумать, как заполнить завод, помочь тебе... нам. Доллара я могу взять на себя. У него куча денег, и он только и мечтает о такой сделке!

Выслушав Зиву, Соломон спросил:

— Это все? Имеешь еще что сказать?

— Все, — ответила Зива и откинулась на спинку кресла. — Теперь дело за тобой. Сможешь уговорить Леню — значит, повернем дельце вместе. Нет — значит, пойду к московским бандитам.

— Хорошо, я подумаю. Если что, найду тебя тут через три дня.

Соломон ушел. По дороге домой он сложил весь пазл, и теперь ему стало ясно, почему Зива так старается. Конечно, она рассчитала все правильно. Леня прикроет, она даст связи и приведет тепленьким Доллара, а Соломон станет владельцем завода вместе с ней. Он будет вести все дела, а Зива пожизненно получать дивиденды. Это в ее стиле. И в принципе Соломон был не против такого расклада, даже несмотря на то, что придется иметь дело с этой бестией. Проблема лишь в одном — Леня! Как это все рассказать брату? Как уговорить его? Если хоть что-то будет не по понятиям, Леня на это не пойдет.

Но Зива-то не дура. Она вращается в воровском мире, и, если бы тема была запретной, она бы это знала. Теперь дело за Соломоном. И если он сможет все устроить... Изменится жизнь у всех! Они займут свое место в рядах элиты. Значит, надо постараться.

Глава 13

— Об этом не может быть и речи! — категорически заявил Леня, когда Соломон рассказал ему про завод. — Я не фабрикант, не бандит и не бизнесмен.

— Просто дослушай меня, Леня, — умоляюще продолжал Соломон. — Я лишь прошу тебя придумать план, и все. Остальное мы сделаем сами.

— Кто это вы? — засмеялся Леня. — Ты и эта змея? Да она сожрет тебя!

— Но у меня же есть ты, — возразил Соломон. — Она не посмеет. Да и зачем? Заводом же она не сможет управлять.

Леня, нахмутив брови, задумался.

— Я тебя прошу, Леня, — не сдавался Соломон. — У нас лучше шанса не будет. Сейчас все растаскают, и мы останемся за бортом! Я ж для будущего... Завтра дети пойдут, что им оставим?

Леня взглянул на брата и ласково хлопнул по плечу:

— Моня, дай мне несколько дней. Я подумаю.

— Спасибо, брат!

Через два дня у Соломона уже началась работа, и домой он вернулся около семи вечера. Едва он зашел в квартиру, как Ева ему сразу сообщила:

— Леня звонил. Сказал, чтобы ты обязательно до него доехал сегодня.

— До него?! — радостно воскликнул Соломон. — А куда это «до него»?

— Он сказал в «Россию». Зайди только поешь сначала. Я такой борщ сделала...

Но Соломон уже спешил назад:

— Извини, Ева, не могу. Борщ завтра будет вкусней. Я побежал.

Пройдя по коридору гостиницы «Россия», Соломон постучал в дверь номера полулюкс. Прошло всего двадцать пять минут с того момента, как Ева сообщила ему новость.

Дверь открыл Леня, одетый в белую футболку и спортивные штаны «Адидас» с полосами по бокам. В зубах он держал дымящуюся папиросу. Увидев брата, Леня улыбнулся:

— Заходи, родной!

Соломон прошел в номер, который состоял из спальни и небольшой гостиной. Там он увидел Вику, девушку Лени, которая сидела в кресле и пила чай.

— Добрый вечер, — поздоровался Соломон.

— Привет, — весело отозвалась девушка.

Соломон видел Вику лишь однажды с Ленией, если не считать всех тех раз, когда любовался ею по телевизору. Она была известной певицей, выступавшей под псевдонимом Вика-Стар. Молодая, лет двадцати трех — двадцати пяти, белокурая, стройная девушка с голубыми глазами и красивой фигурой, она уже года два являлась одним из эталонов сексуальности и не сходила с верхних строчек чартов. Про ее связь с Ленией никто не знал, а кто знал, тот опасливо молчал. Боялись.

— Викуля, налей брату моему чайку.

— Да, Леня, конечно, — ответила девушка и, встав из кресла, пошла к тумбочке, на которой стоял электрический чайник.

Леня пригласил брата сесть на диван, перед которым стояли журнальный столик и два кресла.

— Я тебе сейчас объясню, что нужно сделать, — сразу перешел к делу Ворон.

«Значит, он согласен!» — радостно подумал Соломон. Его взгляд невольно упал на Вику, наливающую чай. Девушка была одета в легкий шелковый халатик, который совершенно не скрывал ее округлый животик. Соломону это показалось стран-

ным: певица, эталон сексуальности и с таким животом... Мысли резко перешли на слова, сказанные Леной:

— Сейчас приедут Яша и Зива, и мы все решим!

Выпили чай, поговорили о доме, вспомнили Одессу. Вика за это время переделась в спальне и, выйдя оттуда уже в шубе, надела сапоги, и весело попрощалась. Прошло еще минут десять, и в дверь наконец-то постучали. Леня открыл, на пороге стояли Зива и Яша. Поздоровавшись, все расселись на диване и креслах. Первым заговорил Леня:

— Значит, так. Моня просит помочь вам сделать тему. Зива, — обратился он к красотке.

— Да, Леня...

— Если где-то на каком-то этапе ты попытаешься обойти моего брата...

— Даже не обсуждается, Ворон, — перебила его Зива. — Я не посмею, я ж не крыса!

Леня посмотрел на нее суровым взглядом, а затем продолжил:

— План такой. Зива идет к Доллару, предлагает ему тему с заводом. Он соглашается, она его разводит. Шоб он как будто не кинул ее, она говорит, шо играть на аукционе будет ее фирма. Доллар только дает башли. После того как выиграется аукцион, типа, вы уже с ним переоформите документы. Доли решите сами. Сможешь так кружнуть его?

Зива усмехнулась:

— Конечно! Он еле-еле поц, косит только под блатного.

— Хорошо, — продолжал Леня. — Теперь ты, Моня. Фирма твоя оформлена на кого?

— На Еву, — ответил Соломон.

— Отлично! Ты по доверенности работаешь, правильно?

— Да.

— Вот эту фирму Зива и принесет на аукцион. Доллар ничего не прочует, если шо, Ева — Бродская, сестра Зивы двоюродная.

— А я как же? — спросила Зива

— А ты, — ответил Леня, — будешь ждать. После того как закончим, Моня перепишет часть на тебя.

— Какую часть? — спросила Зива.

— Берега не путай, — огрызнулся Леня. — Моня с Яшей решат. Это не мое дело. Слушайте дальше. Моня, все бумажки ведешь ты. Яша будет вас прикрывать в случае чего от наездов. Когда же все закончится и Доллар захочет свою долю, он попадет уже на Яшу. А дальше уже дело за тобой, Сиплый.

— Да, Ворон, — отозвался Яша.

— Если он крыса, значит, объявим его крысой! С дела выделишь «на общее», как положено, и заберешь то, что твое по праву. Все просто. Такой план потянете?

— Да, — отозвались все хором.

— Завод есть на примете? — спросил Соломон Зиву.

— Конечно, — хитро улыбнулась девушка. — Тот самый, о котором мечтает Доллар. Архангельский алюминиевый завод. Торги в двадцатых числах января. У меня уже все готово. Осталось предоставить фирму и договориться с Волковым.

— Цена какая там будет? — спросил Соломон.

— Мой косокэр сказал, что ему нужно будет дать триста тысяч долларов. Тогда завод мы заберем тысяч за сто пятьдесят — двести!

— То есть полмиллиона долларов?! — в ужасе воскликнул Яша.

— Это алюминиевый завод, Яша, — презрительно ответила Зива. — Шоб ты так жил, сколько он стоит на самом деле!

Яша недоверчиво взглянул на Соломона. Тот кивнул ему в знак согласия и произнес:

— Я думаю, сейчас он стоит от двух до десяти миллионов долларов, но со временем цена вырастет. Мы поработаем над этим.

— Вэй из мир! — ошарашенно сказал Яша. — Ворон, это ж за две жизни не потратить!

— Тебе никто и не предлагает тратить, — безразлично сказал Леня. — Сначала надо заработать.

Обсудить оставшиеся детали поделщины спустились в ресторан, где, поужинав и выпив, расставили все пункты плана по порядку. Леня не лез в разговор, а лишь наблюдал за тем, как ведет себя Соломон. Он был рад, что младший брат далек от криминальной жизни и имеет необходимые бизнесмену навыки и образование.

Начиная со следующего дня Соломон занимался подготовкой к аукциону. Он прогонял крупные суммы через свою фирму, увеличивая оборот компании, изучал все возможные подводные камни и начал мониторить рынок металлургии в стране. Зива тоже не сидела сложа руки, она обрабатывала Доллара известными только ей методами. И они оказались эффективными.

Дату аукциона отложили, но это было только на руку заговорщикам.

И вот, 21 февраля 1995 года ООО «ЛИС» за двести восемьдесят тысяч долларов купила у Госкомимущества сто процентов акций Архангельского алюминиевого завода, который, по оценке государственных служб, стоил не более ста тысяч долларов, имел кучу долгов и был вообще убыточным! А тут в бюджет страны попала хорошая сумма. Взятку чиновнику тоже привезли, как и договаривались. Соломон выполнил свою часть работы, а тут еще и Ева сообщила ему радостную весть — она была беременна. Счастью его не было предела. Сделка занимала около двух месяцев. Леня пока попросил Соломона съездить в Израиль, присмотреть домик или квартиру там для мамы. Да и им тоже недвижимость в другой стране не помешает. «Мало ли что может случиться», — говорил брат. Соломон понимал, что Леня готовил на всякий случай пути отхода для себя. Он был слишком умен, чтобы не сделать этого. В Москве каждый день кого-то убивали. Шла война кавказских группировок с московскими. Да еще и в новостях, что ни день, передавали, что на разборках убили то солнцевского, то бауманского, то ореховского авторитета. Чеченцы, дагестанцы, грузины и армяне умирали в столице

каждый день. Город захлебывался в крови. Но Леню спасало то, что он был далек от денег! Одессит не искал постоянных источников дохода, а популярное тогда среди бандитов крышевание бизнесменов ему вообще было чуждо. Одесскому бродяге не нужно было, как большинству других людей, ни богатства, ни шикарных машин, ни дворцов. Он решал вопросы, руководствуясь лишь понятиями о справедливости, и купить его было невозможно. Тем не менее огорченных его решениями было предостаточно. А потому жить иной раз становилось опасно.

Глава 14

Накануне Восьмого марта, рано утром, Леню разбудил телефонный звонок. Мужчина разлепил глаза и сонным голосом ответил:

— Алло...

— Леня, слава богу, ты в гостинице! — услышал он тревожный голос брата. — Приехать можешь ко мне?

— Что случилось? — Вскочил Ворон с кровати. — С мамой что-то?!

— Нет-нет... Не беспокойся! Просто тут людям помощь нужна.

— Хорошо, скоро буду, — ответил Леня и положил трубку.

Он посмотрел на часы — 7:15 утра. Кому там его помощь так рано понадобилась? Разговаривая с Соломоном, Леня слышал на фоне женские голоса. Что там у них случилось?

Наспех умывшись и накинув кожаную куртку, Леня выбежал из номера. Такси доставило его к дому Соломона за пятнадцать минут. Оказавшись в квартире, Леня застал там старую соседку из Одессы, тетю Розу Мазур. Заплаканная женщина сидела на диване рядом с Хаей и что-то говорила подруге. Возле стола сидели Соломон и сын тети Розы, Сема. Печальное лицо сорокалетнего мужчины было все покрыто оспинами, на

глазах блестели слезы. Дверь Лене открыла Ева. Когда он зашел в зал, все присутствующие встали и в один голос начали говорить.

Леня поднял руки:

— Тихо, тихо! Спокойно объясните кто-нибудь один, что случилось?

Все замолчали, рассказывать выпало Соломону.

— Леня, — начал он, — у Семиного сына, восьмилетнего Аркаши, болезнь... очень серьезная. Лейкоз. Тетя Роза пришла к нам за помощью, потому что даже не знает, что делать...

— А где мальчик?

— Он в больнице сейчас, — ответил Сема. — Жена моя с ним. В онкологической он лежит... но они... — Его голос срывался. — Говорят, что... не смогут тут спасти... мальчика... — Мужчина с трудом сдерживал слезы.

Леня с участием похлопал его по плечу:

— Так, а ну соберись! Сейчас будем думать, как действовать. — И, повернувшись к брату, добавил: — Моня, расскажи подробней.

— Они сами толком ничего не знают, — ответил Соломон. — Надо в больницу ехать, с докторами говорить.

Роза сквозь слезы взмолилась:

— У нас немного денег есть... Леня! Договориться там надо... Ты ж всегда... ты же ж... с любым договоришься... Пожалуйста...

— Ну все, тетя Роза, ша плакать, — перебил ее Леня. — Больница какая?

— Онкологический центр на Каширском шоссе... — ответил Сема.

— Все, — быстро сказал Ворон, — сидите дома, ждите меня. Моня, со мной поедешь. Ева...

— Да, Леня! — отозвалась женщина.

— Стакан воды дай мне и телефон!

Она сразу подала радиотелефон, и, пока бегала на кухню, Леня уже набрал номер:

— Алло! Яша?

— Да! — ответил Сиплый сонным голосом.

— Вставай и поезжай срочно в Онкологический центр на Каширском шоссе. Меня найдешь в детском отделении!

— Я понял! — без лишних вопросов, сразу же осознав серьезность ситуации, ответил Яша.

Леня положил трубку, выпил залпом стакан воды и, кинув Соломону: «Поехали!», зашагал к выходу.

Через двадцать пять минут братья Раппопорт уже шли по детскому отделению Онкологического центра. Найдя нужную дверь, Леня решительно зашел внутрь. В двухместной палате лежал только один ребенок, рядом с ним на стуле сидела симпатичная женщина с черными волнистыми волосами, собранными сзади в тугий хвост, и опухшими от слез и бессонных ночей глазами. Увидев вошедших, она сразу вскочила со стула и подбежала к ним:

— Леня! Соломон!

Кинувшись в объятия младшего из братьев, она заплакала. Соломон был ее одноклассником, и несколько лет они сидели за одной партой.

— Ну успокойся, Дора. — Гладил он ее по голове. — Все будет хорошо!

— Дора, — строго сказал Леня, — сейчас соберись с мыслями, возьми себя в руки и дай мне всю информацию.

Женщина вытерла слезы и стала сосредоточенно объяснять:

— Все, что мы знаем, — это лейкоз. Самое ужасное, прогнозы плохие... сейчас пока капельницу капают... позже нужно делать химиотерапию. Облучать...

— И шо это даст? — спросил Ворон.

Женщина, с трудом сдерживая слезы, ответила:

— Может, продлят... немного...

— Ну все, все, — приобняв несчастную мать, снова стал успокаивать ее Соломон. — Не нужно никому верить, Дора. Шанс есть всегда! Организм человека уникален. Иногда случаются настоящие чудеса.

Леня взглянул на Соломона и сказал:

— Будь тут, я сейчас приду.

Выйдя в коридор, он спокойно огляделся, прошел несколько метров вперед и, найдя комнату сестры-хозяйки, зашел внутрь. Там за столом, заваленным стопками с полотенцами, сидела полная женщина лет пятидесяти в очках с широкими линзами и белом халате. Вдоль всей стены стоял стеллаж, на котором аккуратно было размещено имущество хозяйственной части: постельное белье, подушки и одеяла, мыло и порошки.

Женщина удивленно посмотрела на Леню, он мило улыбнулся в ответ.

— Я прошу прощения, — сказал он и, подойдя ближе, аккуратно положил на стол две стотысячные купюры. — У меня племянник тут лежит. Ваша помощь нужна.

Сестра-хозяйка без эмоций посмотрела на деньги, не смущаясь, взяла их и положила в карман халата:

— И чем я могу помочь?

— Подскажите, — так же любезно продолжал Леня, — кто из докторов тут самый опытный, порядочный и честный?

Она усмехнулась:

— Никто! Взятки берут все. Зарплата-то копейки.

— Не в этом смысле. — Покачал головой Леня. — Кто сможет честно рассказать о болезни и возможности излечения? Естественно, за вознаграждение! Главное, честно...

Женщина посмотрела на него как на идиота:

— Тут не лечат! Вы че, с Луны свалились? Здесь раковые больные!

— Ну так насчет доктора подскажите? — Не сдавался Леня.

— Сидихин, — ответила медсестра. — Он самый опытный, да и мужик хороший. Он правду вам скажет.

Леня благодарно улыбнулся:

— Спасибо вам большое! А как мне поговорить с ним?

Женщина встала и, выйдя из-за стола, подошла чуть ли не вплотную и тихо сказала:

— Я, конечно, могу вас тут оставить, а его сюда позвать... — Она нагло достала из кармана полученные ею деньги и, держа купюры в руке, многозначительно посмотрела на мужчину.

Леня, поняв все, улыбнулся и вытащил из кармана все деньги, что у него были с собой. Там, кроме двух стодолларовых купюр, было еще несколько бумажек — в сумме двести двадцать тысяч рублей. Он убрал валюту обратно, а все рубли сунул наглой сестре-хозяйке в руку.

— Было бы неплохо! — Кивнул он.

Довольная женщина спрятала деньги в халат и без слов вышла.

Через три минуты в помещение зашел небольшого роста седоватый мужичок лет пятидесяти пяти, в белом халате. Лицо его было дружелюбным, а улыбка — открытой.

— Вы поговорить хотели? — сразу спросил он.

— Доктор Сидихин?

— Да, это я.

— Отлично! — Ворон протянул руку. — Меня зовут Леонид.

— Очень приятно! — Мужчина пожал ему руку.

Затем Леня достал сто долларов и положил их в карман докторского халата.

— Я отвлеку вас на несколько минут. Мне нужно услышать правду, — начал Леня.

— Сделаю, что смогу, — кивнул врач.

— Мой племянник лежит тут, Аркадий Мазур. Восемь лет ему. Знаете его?

— Знаю.

— Как его вылечить?

Доктор не удивлялся вопросу так, как сестра-хозяйка, он просто ответил:

— Никак. У него лейкоз.

— И что, он умрет?

— Ему будут делать химиотерапию, капельницы разные... Продлим жизнь настолько, насколько возможно. Но излечить

окончательно... — Доктор развел руками. — Здесь это нереально!

— А где реально? — Зацепился за слово Ленья.

— В каком смысле? — Не понял доктор. — У нас самый большой онкоцентр в стране. Ни в одном городе большего не сделают.

— Что тогда вы имели в виду под словом «здесь»? — не унимался Ленья.

Сидихин засмеялся:

— Уважаемый, я не имею права даже...

Ленья мгновенно сунул ему в карман еще одну купюру, ругая себя за то, что никогда не имеет при себе достаточно денег.

— Есть много вещей, на которые мы не имеем права, — мрачно сказал он. — Одна из них — погубить ребенка!

Доктору, очевидно, стало немного совестно после этих слов. Совсем чуть-чуть, но все же неприятно. Он вздохнул и ответил:

— Уважаемый, у нас непростая страна, поймите. Если бы мы могли, непременно помогли бы... Его может спасти только пересадка костного мозга. Это... — Он развел руками и удрученно покачал головой. — Это сложнейшая операция, невероятно большие деньги, поиски донора и время... Но самое сложное... — Доктор замолчал.

— Что? Что самое сложное? — пытливно спросил Ленья, у которого уже не оставалось денег, которые еще можно было дать врачу.

Но Сидихину деньги были не нужны. Он и так говорил все как есть.

— Этого не делают в России. Для таких процедур... едут в другие страны.

— Стоп! — Остановил его Ленья, который наконец услышал то, что хотел, и теперь собирался лишь уточнить детали. — Доктор, у меня просто с собой нет денег...

— Это излишне, перестаньте. — Нахмурился врач. — Я скажу вам все, что знаю. Если вам это поможет, спрашивайте.

— Благодарю, доктор! — У Лени в голове уже начал вырисовываться план. — Скажите, если вдруг к вам привезут мальчика с таким диагнозом... например, сына министра какого-нибудь... Как бы вы его спасали?

Сидихин понял, к чему клонил Леня, и просто ответил:

— Детей из таких семей сразу же отправляют в Мюнхен. У нас не так давно лежала девочка. Тринадцать лет. Никто не знал, кто она такая, пока главврачу не позвонил сам Нечаев, министр здравоохранения. В течение суток девочку увезли.

— Куда?

— В Мюнхен. Наш главврач связался с их клиникой, договорился, и все!

— И кто была эта девочка?

— Дочь друга министра. Очевидно, очень богатого друга, потому что денег это стоит уйму.

Леня молча думал.

Сидихин похлопал его по плечу и ободряюще сказал:

— Крепитесь, уважаемый. Мы с вами простой люд. Наши жизни и жизни наших детей в руках Бога. До министров нам далеко.

С этими словами врач вышел из кабинета. Леня вышел следом, погруженный в свои мысли. Зайдя в палату, он обнаружил там вместе с Соломоном недавно приехавшего Яшу.

Друзья вышли в коридор. Там Леня спросил у Сиплого:

— Сколько башлей у нас есть?

— Может, две тысячи баксов... — Пожал тот плечами. — Я с собой их ношу всегда. Знаю, что у тебя вечно пусто.

— У меня дома около двадцати пяти тысяч, — вдруг сказал Соломон. — Я сразу сказал тете Розе, что они могут на них рассчитывать.

Леня пристально посмотрел на брата и еле улыбнулся одним уголком рта.

— Моня, ты знаешь, кто у нас министр здравоохранения?

— По-моему, сейчас Нечаев Эдуард Александрович. А что? Можно на него выйти?

— Можно все, — уверенно заявил Леня. — Ты его видел, слышал когда-нибудь?

— Ну... по телевизору, конечно. — Не переставал удивляться Соломон.

Леня кивнул:

— Иди позови Дору. Нужна будет ее помощь. Через десять минут спускайтесь вместе вниз, в холл. Ждите меня там. — Он перевел взгляд на Яшу: — Сиплый, ты пока поезжай до Гиви, найди его. Пусть братва собирает башли от моего имени. Скажи, племяннику Ворона нужна операция за бугром. Штук сто баксов минимум надо собрать. Пускай трясут коммерсантов и должников.

— Базара нет, — кивнул Яша.

— А ты куда? — спросил Соломон.

— Я на этаж, где главврач сидит, потом вниз. Ждите меня там. Надо действовать, пацана спасать!

Глава 15

В 11:25 в приемной директора Онкологического центра имени Блохина на Каширском шоссе раздался телефонный звонок.

— Приемная Трапезникова, — ответила секретарша.

— Добрый день, — заговорила на другом конце провода женщина. — Вас беспокоит секретарь Нечаева Эдуарда Николаевича.

Девушка аж подпрыгнула от неожиданности.

— Да, да! — волнуясь, ответила она: впервые за пять лет работы звонили из приемной самого министра здравоохранения.

— Эдуард Николаевич хочет говорить с Николаем Николаевичем. Он на месте? — продолжал строгий женский голос.

— Да, да, конечно! Сейчас я ему... соединю его... — растерялась девушка. — Ой, нет! Его же нет на месте.

— Не волнуйся ты так, милочка! — дружелюбно произнес женский голос. — Заместитель там?

— Да! Сергей Петрович, он у себя!

— У министра срочный вопрос. Соединяй, я дальше переключу сама.

— Сию секунду, — протараторила девушка и, нажав на телефоне пару кнопок, переключилась на заместителя Трапезникова.

— Алло! — весело ответил мужчина.

— Сергей Петрович, — взახлеб заговорила девушка, — министр звонит. Шефа нет... Соединяю вас.

— Да, конечно, — важно откликнулся заместитель и сразу откашлялся.

После щелчка раздался женский голос:

— Добрый день! С кем я говорю?

— Квашин Сергей Петрович слушает. Заместитель Трапезникова...

— Я поняла, — перебила женщина. — Сейчас соединю вас с министром.

— Да, я готов, — ответил мужчина.

После щелчка в трубке слышна была только тишина. У Квашина от волнения на лбу выступила испарина. Если учесть, что весил он около ста сорока килограммов, это было не удивительно. Заместителю главврача было пятьдесят лет, и за все эти годы он ни разу не удостоивался такой чести — говорить с самим министром здравоохранения. Его толстые губы немного подрагивали, а серые маленькие глазки сверкали от гордости.

Минуты через две в трубке наконец раздался мужской голос:

— Добрый день.

— Приветствую вас, Эдуард Николаевич, — почти прокричал Квашин.

— Дорогой друг, — спокойно продолжал министр, — Николай Николаевича нет на месте, как я понял, а времени его искать у нас нет, поэтому слушай меня.

— Сделаем все, что скажете, Эдуард Николаевич.

— Не сомневаюсь, вы молодцы, — похвалил министр и продолжил: — Значит, скоро к вам приедут люди от меня. Это личная моя просьба. Люди мне очень близкие. Им нужно помочь...

— Все, что возможно, сделаем, — не выдержав, перебил Квашин.

— Не перебивай, — строго сказал министр.

— Виноват, извините, — закусил губу, ругая себя мысленно, Квашин.

— У них болен ребенок, — спокойно продолжал министр. — Находится у вас. Нужна срочная пересадка костного мозга в Германии. С деньгами проблем не будет, сами понимаете...

— Да, — кивнул Квашин.

— Ваша помощь нужна только с организацией. Как в прошлый раз... Вы же все сделали? Девочку... дочку моего... ну, вы поняли...

— Конечно! Слава богу, все тогда прошло удачно.

— И сейчас пройдет. Вы уж постарайтесь. Договоритесь с клиникой в Германии и организуйте документы, дорогу... В общем, ты понял?

— Конечно, конечно, Эдуард Николаевич, все лично контролирую!

— Молодец... как тебя?

— Квашин.

— Сергей, по-моему, Иваныч? — как будто вспоминая, спросил министр.

— Петрович! — ошеломленный и гордый тем, что его имя знает сам министр, поправил Квашин.

— Петрович, — согласился министр. — В общем, возьмем тебя на заметку. Справишься — будешь ближе к нам.

— Все сделаю, — чуть не плача от счастья, пообещал Квашин.

— Все тогда, ждите. Фамилия ребенка Мазур. Запиши.

— Уже пишу. — Схватил ручку Квашин.

Но в трубке уже раздавались частые гудки. Квашин вытер со лба пот и вздохнул полной грудью. Вот так удача — появилась возможность выслужиться перед министром! Он схватил телефон и набрал секретарше.

— Да, Сергей Петрович, — ответила девушка.

— Срочно, — скомандовал он, — найти больного ребенка с фамилией Мазур. Перевести его в течение получаса в лучшую палату, принести мне его личное дело и пригласить его врача.

— Сейчас займусь, — пообещала девушка.

В это же самое время Соломон, Леня и Дора стояли перед телефоном-автоматом на первом этаже больницы. Министр, звонивший Квашину, был не кто иной, как Соломон Раппопорт. Роль секретаря выполняла Дора. Придумал все Леня и теперь давал дальнейшие указания:

— Дора, ты иди в палату к Аркаше. Думаю, вам сейчас дадут новую палату. Жди нас там.

— Поняла, — кивнула Дора.

— Сема минут через сорок привезет паспорта, — заметил Соломон. — Нам что делать?

— А нам все равно ждать нужно, — ответил Леня. — Пойдем в кафе, хоть чая или кофе закажем, а то я с утра только стакан воды выпил.

— Пошли посидим в больничном кафе, — согласился младший брат.

— Спасибо вам большое, Леня, — произнесла Дора, чуть не плача.

— Пока не за что, это во-первых, — ответил Леня. — А во-вторых, нас не нужно благодарить. Мы все одна семья, Дора. Иди к сыну.

Леня с Соломоном зашли в небольшую кафешку при больнице, где заказали себе кофе и бутерброды с колбасой. Из кафетерия был виден вход в больницу, и братья следили за ним, чтоб не пропустить Сему.

Не прошло и двадцати минут, как в дверь больницы влетел взмыленный и запыхавшийся муж Доры. Соломон увидел его и, выбежав на улицу, махнул рукой. Сема зашел в кафе и протянул небольшой пакет Лене:

— Тут загранпаспорта. Мой и Доры... Аркаша вписан в ее паспорт. И тут еще... — Сема замялся немного и неуверенно продолжил: — Кое-какие сбережения наши... мы... просто я знаю, там наверняка надо... взятку или что-то такое...

Леня достал из пакета паспорта, а лежавшие в нем немногим больше семи тысяч долларов вернул Семе со словами:

— Про башли забудь, Сема! Оставь их себе. Вам пригодится. А мне никогда чтоб больше не говорил об этом. Понял?

— Спасибо, Леня! Большое... — чуть не плача, произнес мужчина.

— Все, перестань, — оборвал его Леня. — Иди в отделение. Аркашу наверняка перевели в другую палату. Сидите там, ждите нас. — Он перевел взгляд на брата: — Моня, наш выход. Только ты рот не открывай без надобности, а то голос узнает.

— Да, понимаю.

И братья направились к лифту.

Квашин встретил их с распростертыми объятиями, хотя лицо старался сделать трагическое, понимая: у людей все-таки тяжело болен ребенок.

— Здравствуйтесь, здравствуйтесь! Эдуард Николаевич меня предупредил о вашем приходе, — любезно встретил он гостей.

Заместитель считал огромной удачей тот факт, что его начальника сегодня вообще не было на работе, и ему выпал шанс выслужиться перед министром. Естественно, шефу своему Квашин ничего не сообщил. Он уже изучил дело Мазура и был готов к разговору с двумя носатыми мужчинами — очевидно, близкими родственниками, возможно, братьями.

Устроившись за столом напротив посетителей, Квашин взял медицинскую карту и важно произнес:

— Я изучил анализы вашего...

— Племянника, — подсказал Леня.

— Племянника, — согласился Квашин. — И честно могу сказать только одно: ситуация сложная, и шанс на спасение ребенка мал... Но он есть! Это радует.

— Что нужно делать? — тут же перешел к делу Ленья.

— Мальчика нужно срочно везти в Германию. Там есть донорская база. Ему необходима пересадка костного мозга.

— Мы это уже знаем, — кивнул Ленья. — Поэтому-то мы тут.

— И вы правильно сделали, что пришли! — решительно воскликнул Квашин. — Я помогу вам. Вашему племяннику нужна химиотерапия, но ее мы можем сделать и в Германии. Я уже звонил в Мюнхен, вас там ждут. А пока я распорядился, чтобы мальчику поставили капельницу с очень хорошим лекарством... Оно не для всех, имейте это в виду!

— С деньгами проблем нет, — заверил врача Ленья. — Поверьте, мы в долгу не останемся.

— Ну что вы, что вы... — Замахал руками Квашин, хотя сам думал только о том, как бы безопасней для себя содрать побольше с денежных посетителей.

— Нет, это не обсуждается, — твердо заявил Ленья. — Наш близкий человек сейчас едет сюда, везет из банка деньги. Вы не переживайте ни за что, все останется между нами. Для нас важно только спасти ребенка.

— Давайте все решим, а там уж разберемся, — ответил довольный собой Квашин. — Итак, паспорта заграничные у вас есть?

— Да, — ответил Ленья и, достав из кармана документы, протянул мужчине два паспорта. — С ним поедут отец и мать... наша сестра.

— Без проблем, — взяв документы, кивнул Квашин.

— Остановиться им в Мюнхене есть где, это не проблема, — продолжал Ленья. — Скажите только, сколько нужно взять с собой денег и когда им быть готовыми к отъезду?

Мужчина в ответ громко вздохнул:

— Денег, к сожалению, это будет стоить немалых. Минимум... где-то...

— Нам надо знать не минимум, а максимум, — перебил врача Леня. — Мы должны все устроить так, чтобы семья сестры ни в чем не нуждалась на месте. Вы же организуете перевоз средств?

— Это конечно... — растерялся Квашин. — Они везде пройдут по зеленому коридору. Никто слова не скажет. Сумма... ну, примерно... я думаю... чтобы точно хватило и на операцию, и на все процедуры, и на химию... Около ста пятидесяти тысяч долларов им точно должно хватить.

Братья Раппопорт переглянулись. Сумма, конечно же, была внушительной. Но виду они не подали.

Леня лишь спокойно кивнул в знак согласия:

— Хорошо. Деньги будут. Проблем нет.

— Ну тогда, — хлопнул в ладоши Квашин, — я не буду тянуть время, отдаю паспорта девочкам. Они все оформят, и завтра же с утра жду вас. Вы отдадите секретаршам столько денег на билет, сколько они... Послезавтра утром будем уже молиться за малыша, а он — лететь в Мюнхен.

— Договорились. — Леня встал. — Утром во сколько нам быть?

— В девять я уже тут.

— Добро. В девять или я или мой брат будем на месте.

Братья попрощались и вышли. Спустя пять минут они уже стояли в новой, дорого обставленной палате Аркаши. Тут были и телевизор, и холодильник, и даже диван с креслами и журнальным столиком для гостей. На диване и креслах их ждали Сема, Дора и Яша. Маленький Аркадий молча лежал под капельницей, наблюдая за происходящим. Едва появились Раппопорты, взрослые сразу же вскочили на ноги и бросились к ним с вопросами. Леня в двух словах пересказал разговор, а затем взглянул вопросительно на Яшу:

— Ну шо там? Братва не молчит?

— Конечно нет, Ворон, — успокоил его Яша. — К вечеру привезут пятьдесят тысяч долларов. Пока не собрали больше, но Гиви хорошую идею подкинул.

— Какую? — спросил Леня.

Яша повел глазами, показывая, что нужно выйти в коридор, чтобы поговорить наедине. Там он прищурился и тихим голосом сказал:

— Короче, ты помнишь немца, из Казахстана родом? Он... Ну, тот, который тачками занимался? Гарри, по-моему, его звали?

— Которому мы Гитлер погонялу поставили? — вспомнил Леня.

— Да, — кивнул Яша. — Так вот, я тебе напомним. На него год назад сильно чехи наехали, а ты его отмазал тогда... Кореш твой наехал... чеченец, с которым ты сидел вместе. Не помню, как его зовут.

— Не важно. Ну... — поторопил его Леня. — И что дальше?

— Так вот, — продолжал Яша, — это было год назад. Гитлер этот тогда среднячок был. Чехи, видать, из уважения к тебе его не трогают до сих пор. Более того, всем объявили, что он под их крылом. Но бабки с него не берут.

— Это точно? — удивился Леня.

— Железно. Гиви узнал. Так вот, Гитлер за это время раскрутился так, шо у него тачки из Германии составами приходят. Денег у фраера мешками. А благодарность он ни разу не проявил. На общее не выделил. И тебе...

— Ша, погоди, — перебил его Леня. — А тогда он шо нас не взгрел?

— Ты ж не взял, — возмутился Яша. — Он тогда поляну накрыл братве всей в ресторане «Золотое руно», и все. Ты сказал, что он хороший парень, велел ничего не брать с него.

— А чехи не получили с него? — задумчиво спросил Леня.

— Нет. Их старший... не помню имя его... то ли Аслан... то ли Адам...

— Адлан, — подсказал Леня.

— Точно. Адлан! Так вот, он к тебе от души. Парень он путовый. Ты сказал, не трогать немца, он и не трогает его.

— Ясно, — нахмурился Леня. — Тогда поехали к нему сейчас. Адрес есть?

— Есть у меня адрес его офиса. Он там по-любому должен быть.

— Хорошо. Гиви когда башли привезет?

— Сказал, к вечеру ближе. Я договорился, чтобы прям в больницу мотал. Тут по-любому кто-то будет.

— Да, — кивнул Леня.

Друзья вернулись в палату, и Леня сказал младшему брату:

— Моня, будь здесь. Вечером придет Гиви, привезет деньги. Я вернусь утром, и решим дальше, как быть.

— Хорошо, понял, — ответил Соломон.

Потом Леня подошел к больному мальчику. Аркаша был бледен и слаб, но все видел и прекрасно понимал.

Леня улыбнулся и задорно подмигнул пацану:

— Аркашка, не раскисай, сынок. Скоро тебя вылечат.

— Спасибо вам... дядя Леня.

— Да перестань, — махнул рукой Ворон. — Ты же в шашки, говорят, играешь хорошо?

— Ага, — просиял мальчик. — А вы сыграть хотите?

— Да я просто мечтаю с тобой сыграть! — весело воскликнул Леня. — А ты думал, что я так просто морочюсь тут, бегаю? Хочу, шоб ты быстрее выздоровел и сыграл со мной.

На лице мальчика засияла улыбка.

— Да я у вас выиграю.

— Ну, не знаю, не знаю, — игриво произнес Леня. — Давай так, ты послезавтра уедешь, вылечишься, а вот когда вернешься...

— Обещаете, что мы сыграем? — с надеждой в голосе воскликнул мальчик.

— Конечно обещаю, — ответил Леня и нежно накрыл своей ладонью маленькую ручку Аркаши. — Я пока потренируюсь немного... А ты подлечишься.

— Вы мне слово дали, дядя Леня, — хитро улыбнулся мальчик. — Так что обязательно сыграем в шашки, как я вернусь.

— Я отвечаю, — кивнул Леня, — перед всеми. Ты вернешься, я буду тебя ждать. И я подарю тебе самые хорошие шашки, первую партию в которые сыграю с тобой. Обещаю.

Мальчик от радости аж порозовел немного. У родителей впервые за долгое время на лицах появились улыбки.

Когда Леня и Яша вышли, Ворон сразу же спросил:

— Сиплый, шо Гиви еще сказал?

— Ничего, — ответил Яша. — Сказал, шо времени мало. Пятьдесят собрать быстро сможет. Больше — тяжело будет... А сколько там нужно?

— Сто пятьдесят, — мрачно ответил Леня.

— Нехило! — присвистнул Яша.

— Ладно, у нас еще сутки есть. Найдем.

— Куда ж денемся? — вздохнул Яша. — Пацана спасти надо.

Через сорок минут друзья уже шли по автомобильной стоянке в районе Очаково. Здесь было много разных автомобилей, в основном российских, однако в самом конце, возле забора, стояли четыре новые иномарки: две «ауди», один «мерседес» и один «опель». Справа от машин располагалась небольшая быстровозводимая постройка с двумя окнами и дверью посередине. Возле двери стояли двое накачанных молодых парней и весело о чем-то болтали. Когда одесситы подошли ближе, парни мгновенно перестали смеяться и преградили им путь.

— Кто такие? Куда идете? — спросил один из них.

— Ты давай расслабься, шкаф, — насмешливым тоном ответил Яша. — Мы до... Гарри пришли.

— И кто вы? — не унимался охранник.

— Скажи, Леня Одессит пришел, — резко ответил Яша.

Парень спокойно зашел внутрь, но через несколько секунд выскочил. Толкнул в бок своего друга и уважительно произнес, глядя на Яшу:

— Проходите, пожалуйста.

Друзья зашли в помещение, там их уже ждал с распростертыми объятиями Гарри, высокий рыжий мужчина лет сорока.

— Дорогие мои, здравствуйте. Давно не виделись, — улыбался Гарри.

— Разговор имеем, — коротко сказал Яша.

В помещении было всего два кабинета, туалет и холл. В одном сидели бухгалтер, а во втором был офис Гарри, куда он сразу и пригласил гостей. Секретарша, сидевшая в холле, немедленно предложила чай или кофе, но ребята отказались. В кабинете Гарри, с лица которого не сходила нервная улыбка, уселся в кресло за своим рабочим столом. Леня и Яша устроились на стульях напротив.

— Ну, рассказывайте, как дела. Какой разговор ко мне? — начал Гарри. — Чем могу быть вам полезен?

— Послушай, Гитлер, — тут же перешел к делу Леня, — ты считаешь, значит, что мы можем прийти к тебе за какой-то помощью?

Гарри, немного испугавшись, но не подавая виду, ответил:

— Не, ну что вы? Я просто... Я же в долгу перед вами. Ну и, может, я... хоть чем-то...

— А шо ж ты только сейчас вспомнил, что ты в долгу перед нами, а? — спросил Леня. — Год назад ты трясся перед чехами и бежал от них, как швед под Полтавой. Тогда я тебе помог. Но ты за год хоть раз узнал, как дела у нас? Хоть поздравил с Песахом или Ханукой? А? Поинтересовался, как там живет Леня Одессит? А? Шо скажешь?

Гарри побледнел. По тону Лени он понял, что вор на него зол. И от этой мысли ему стало страшно. Сглотнув, Гарри с трудом выдавил:

— Леня... Я... просто... как-то закрутился... забегался... даже и...

— А я тебе скажу, шо тут «даже и», — продолжал наступать Леня. — Ты решил, шо Леня Одессит такой простой и добрый, шо ему ничего не нужно. На всякий случай решил держаться подальше. К чему лишние проблемы? Чехи теперь тоже не тронут, Леня же отмазал. И как же хорошо получилось, Гитлер самый умный оказался. И на хер сел и рыбку съел. А главное, денег заработал, ни с кем не делись. Так?

— Н-ну... не совсем... — мямлил Гарри, у которого пересохло во рту.

Леня резко встал.

От этого немец испугался еще больше и взмолился:

— Ну прости, Леня! За весь год отплачу... Всем!

— Ты шо, вору деньги предлагаешь, ишак? — рыкнул на него Яша. — Думай, с кем говоришь.

Леня пристально посмотрел на Гарри, который уже настолько растерялся, что не знал даже, что говорить.

— Послушай меня внимательно, поц, — сказал Леня. — Я тебе дам шанс исправиться. Для этого ты должен будешь сделать добро. Еще большее, чем сделали тебе. Понял?

— Конечно! Я готов, — с надеждой пробормотал Гарри.

— Послезавтра в Мюнхен привезут ребенка. Больного. Он будет лежать в клинике, где костный мозг пересаживают, — начал медленно Леня. Гарри, судорожно кивая головой, схватил ручку и стал записывать все на листке бумаги. — Мальчика зовут Аркадий Мазур. Запиши. Так вот, ты оплатишь все его лечение. Понял?

— Конечно, Леня. Я это сделаю... с удовольствием... ребенку помочь... да я...

— Там сумма будет тысяч сто пятьдесят долларов, — преврал его Леня. — Оплатишь все до цента.

— Даже не обсуждается! — воскликнул Гарри, который, видимо, был рад такому исходу. — Леня, не пойми меня неправильно... — Он с мольбой посмотрел на Одессита. — Прими еще подарок от меня. Машину, пожалуйста. «Мерседес» новый. Или БМВ-семерку. А можно... обе. Яша, одну тебе, одну Лене. Мне на следующей неделе приходят. Свежие. Годовалые две...

— Слушай, Гитлер, — усмехнулся Леня, — ты так нас и не понял. Не нужно мне ничего.

— Ну как же так? Я же... от души, — бормотал Гарри.

— Оплати лечение ребенку, — строго сказал Леня. — А машины подари Адлану. Ты, поди, чеченцам ни одного грева не отправлял? Вот им и отдай две эти тачки. Понял?

— Я все сделаю, — закивал Гарри. — Клянусь! Дурак я. Не понял ничего сразу... Завтра же в Мюнхен полечу. Клянусь вам!

— Ну давай, — коротко бросил Леня и повернулся к выходу.

— Попробуешь свинтить, — грозно предупредил Яша, — знаешь, что будет. — И тоже пошагал к выходу.

Гарри лишь вытер пот со лба и тихо прошептал:

— Куда ж мне свинчивать от вас? Вы везде найдете...

Выйдя на улицу, Яша посмотрел на Леню и усмехнулся:

— Каков гусь, а? Машины подарить хочет нам.

— Та пусть чеченцам подарит. Нам машины зачем? — сказал Леня.

— Да уж. Пусть лучше пацанчика спасет, — кивнул Яша.

Друзья вышли на проезжую часть, и Сиплый вытянул руку, останавливая такси.

Следующим утром вся компания опять собралась в палате Аркаши. Деньги Гиви привез, как и обещал, накануне вечером. Из них Леня взял пять тысяч долларов и отправился в приемную Квашина. Сергей Петрович уже ждал его.

— Дорогой мой, — обратился он к Лене, — все сделано в лучшем виде, все готово. Билеты купим, как только вы выделите нужную сумму...

Леня не дал врачу договорить. Он вытащил из кармана пачку денег и произнес:

— Тут пять тысяч долларов. Не думаю, что билеты стоят больше тысячи... Все остальное вам в качестве благодарности за помощь.

— Ой, ну спасибо, — всплеснул руками Квашин. — Вылет завтра рано утром. Вы можете ни о чем не беспокоиться. Мы отвезем мальчика на «скорой» в аэропорт, с ними полетит врач. На месте уже все готово. Их встретят в аэропорту.

— Благодарю вас, — кивнул Леня, — даст Бог, все хорошо пройдет, я вас еще отблагодарю.

— Да что вы! — махнул рукой Квашин. — И так неплохо...

Не задерживаясь надолго, Леня попрощался и вернулся в палату. Объяснив все Доре и Семе, он передал им оставшиеся сорок пять тысяч долларов со словами:

— Вам там нужно будет жить где-то. Пойдете в гостиницу. Все лечение оплатит один человек. Он вас сам найдет, даже не переживайте. Его зовут Гарри. Эти деньги ему не давайте, они вам пригодятся. Звоните каждый день Соломону, рассказывайте о том, как идет дело. Если какие-то проблемы — сразу говорите. Моня меня найдет, я все решу. — С этими словами он приобнял Дору. — Держитесь, все будет хорошо.

— Леня, спасибо тебе большое. Мы в вечном долгу перед тобой! — сквозь слезы сказала Дора.

— Прекратите меня благодарить, — улыбнулся Леня. — Это я вам должен. И я вас должен благодарить.

— Ты смеешься? — удивилась женщина.

— Нет. Я говорю правду. — Леня по-доброму усмехнулся. — Спасибо вам за то, что дали мне возможность сделать доброе дело. — Потом он повернулся к мальчику: — Аркашка...

— Да, дядь Леня.

— Договор помнишь наш?

— Дядь Леня, слово пацана даю. Вернусь — сразимся в шашки.

Леня засмеялся и дружелюбно ответил:

— А я тебе даю слово бродяги. Приедешь — сыграем.

Глава 16

Июнь 1995 года для семьи Раппопорт казался началом чего-то нового и счастливого. Оформление бумажек на Архангельский завод шло медленно, но верно. Беременность Евы протекала хорошо, без осложнений, и врачи обещали Соломону в сентябре еще одного Раппопорта мужского пола. Получив приглашение в Израиль от маминой двоюродной сестры, Соломон предвкушал, сколько подарков он привезет еще неродившемуся сыну и любимой жене.

Доллар пока ничего не знал, Яша ждал момента, чтобы все предъявить ему. Леня был доволен, что дело с заводом прошло

успешно. Он искренне радовался тому, что смог выполнить просьбу брата, не нарушая при этом воровской закон, который был ему так дорог. Леня чувствовал, насколько младший брат благодарен ему за помощь, и вору всякий раз при мысли об этом становилось теплее на душе. При всей своей безумной любви к брату Леня всегда понимал, что Соломон любит его сильнее. Не просто любит, а боготворит, считает идеалом, пусть даже и не соглашаясь с его жизнью бродяги и вора. Это было тяжело понять, но Лене как-то удавалось. И потому он считал, что обязан сделать для брата все возможное: защищать его всегда, помогать ему во всем, оберегать его семью.

В середине июля Леня отправил Яшу в Архангельск. Доллар уже третий месяц жил там, ожидая документы на завод. Зива никак не хотела, чтобы Яша все-таки поехал решать дело. Она предлагала сама объяснить Доллару его вину. Но Леня гаркнул на нее один раз, и красотке ничего не оставалось, как согласиться. С Яшей вместе поехали Гиви и его брат Резо. По приезде они сначала посетили местного вора в законе. Рассказав ему историю с диадемой, позвонили вместе Лене Одесситу, который попросил вора разобраться с ситуацией. После их рассказа Доллара нашли в течение двух часов и привезли на дачу, где за столом с выпивкой и шашлыками его ждали Яша с друзьями, смотрящий за Архангельском вор и компания его соратников и приближенных блатных. Всего было около пятнадцати человек. Предъяву кинул Яша, все как следует обосновав. Доллар оправдаться не смог, его назвали «крысой» и сказали, что больше среди правильных людей ему места нет. С этого дня незадачливый мошенник должен был выделять большую часть своих доходов с бизнеса в воровской общак, не имел права садиться за стол с блатными и считался запятанным. В случае отказа его могли убить, поэтому Доллар согласился на все и ушел на подгибающихся от страха ногах. Яша заявил, что получил также от Доллара деньги, на которые купил долю завода, и теперь это тоже имущество воровского общака.

Архангельские блатные были довольны. Весть распространилась по стране молниеносно. Как оказалось, Саша Волков

был родом из Архангельска, поэтому и хотел прибрать завод к рукам именно там.

Вернулись Яша, Гиви и Резо аж 28 июля, прогуляв с архангельской братвой десять дней. Вопрос с Долларом был решен, и этот человек был вычеркнут из их жизни раз и навсегда.

Когда Яша вернулся в Москву, Леня был в Днепропетровске на воровской сходке. Он вернулся 6 августа, вечером. Из аэропорта Ворон приехал в свой номер в гостинице «Россия». Искупавшись, надел джинсы и черно-белую футболку. А потом взял телефон и набрал номер Яши.

После нескольких гудков Леня услышал сиплый голос друга:

— Да.

— Яша, шалом.

— С приездом, Ворон.

— Все в ажуре?

— А то. Давай увидимся, все расскажу.

— Идти никуда масти нет... — устало ответил Леня. — К тебе давай приеду, на хате поботаем. Ты ж сам?

— Ну да. Приезжай, базара нет.

— Добро. Жди меня.

Леня повесил трубку и пошел обуваться. Выбрал, как всегда, легкие мокасины. Он вообще любил удобную одежду. Выйдя на улицу, подошел к первому попавшемуся таксисту на «шестерке» и спросил:

— В район Дмитровки поедем?

— Поехали, — равнодушно ответил таксист и кивнул на сиденье, приглашая.

Леня не умел и не любил ездить за рулем, но всегда с удовольствием пользовался такси.

Проезжая по ночной Москве, он смотрел в окно и невольно задумался о том, сколько людей, несмотря на поздний час, ходят по улице. Время было около полуночи, на небе сияла полная луна, но жители города все еще не спали.

Леня не любил Яшину квартиру, много раз предлагал ему поменять ее, но друг был против. Говорил, что привык там жить.

Квартира эта была на втором этаже пятиэтажного дома на улице Гончарова. Старый, темный район был не самым благополучным. Яша обретался там один, и ему было наплевать на окрестности. В двухкомнатной хрущевке его устраивало абсолютно все. Он, как и сам Леня, не любил роскошь, довольствуясь малым.

Почти подъехав к дому друга, Леня попросил водителя остановиться возле магазина. Рассчитавшись с ним, он зашел в круглосуточный продуктовый. Было ясно, что друг захочет отметить встречу, выпить, посидеть, поболтать. И у Лени было соответствующее настроение: он хотел спокойно посидеть в домашней обстановке, вспомнить молодость. Ворон посмотрел на толстую продавщицу с недовольным лицом и, окинув взглядом прилавков, сказал:

— Девушка, мне нужна бутылка водки «Смирновской», огурцы вот эти, в банке... соленые... Потом давайте пару банок тушенки говяжьей и хлеб черный. А вот эти консервы... «Бычки в томате». Украинские?

— Да, — недовольно буркнула продавщица, но Леня лишь улыбнулся:

— Дайте и их две банки. И пакет.

Женщина все сложила в пакет, Ворон рассчитался и с довольным видом вышел из магазина. Идти до дома Яши было дворами минут пять, и он направился по темной тропинке в нужную сторону.

Уже подходя к подъезду, Леня услышал сзади какой-то подозрительный шорох. Он резко развернулся, но там никого не было. Почуввав неладное, Леня взял пакет в левую руку, а правой из кармана достал выкидной нож и встал спиной к стене, оглядываясь по сторонам. Ворон решил, что, возможно, какие-нибудь уличные хулиганы хотят напасть на него с целью ограбления. Неожиданно тень мелькнула справа, вор резко повернулся, и в этот момент раздались два глухих хлопка. В грудь и в живот что-то сильно ударило, и сразу же Леня почувствовал невероятную боль. У него потемнело в глазах, но он остался в сознании. Ноги подкосились, и Одессит рухнул на холодную

московскую землю. Через несколько секунд из подъезда выбежал услышавший выстрелы Яша. Увидев лежащего на земле друга, он бросился к нему и в панике закричал:

— Леня. Ле-е-ня! Брат... Кто? Как?

— Ша, Яша... — слабым голосом отозвался Леня. — Не ори, как поц...

— Ворон, брат, — испуганно кричал Яша, — надо в больницу! Я помогу тебе, вставай! — Сиплый поднял друга на ноги и, закинув ему за спину руку, аккуратно повел вперед. — Надо до дороги пройти, Леня... Я тебя умоляю, держись, брат!

— Сил нет... Яша... — еле выдавливая из себя звуки, отвечал Леня. — Это все порожняк... Яша... у меня кровь уходит... я чувствую...

— Леня... — сквозь слезы настаивал Сиплый, — ты шо? Брат мой... на кого ж ты нас оставить хочешь... брат! Мы никто без тебя... держись! Я прошу тебя...

— Яша... — Леня скривился в страдальческой улыбке и посмотрел на друга: — Там... в пакете... бычки... в томате... брат. Наши... одесские. Мы с тобой... я думал... посидим...

У Яши из глаз лились слезы. Он видел, что его друг умирает, но не хотел в это верить.

— Мы тебя в больницу отвезем сейчас, брат, — продолжал твердить он. — А потом ты выйдешь, и мы посидим и мурцанем бычков. В томате... под водку.

— Ша, братуха... — остановил его Леня. — Положи меня... я не могу идти... ноги не держат.

Яша, не слушая друга, продолжал упрямо тащить раненого вперед. Леня изо всех оставшихся сил остановил его. Посмотрев ему прямо в глаза, он сказал:

— Ша, я тебе ботаю. Слушай старшего, Яша.

— Да, Ворон. — Сиплый остановился, слезы градом текли по его щекам.

— Я умираю, Яша... — прохрипел Леня, печально глядя другу в глаза. — Слушай сюда... Я знал, шо рано или поздно... но я... Яша. Неожиданно это... Дай мне слово...

— Все шо угодно, брат!

— Не оставляй никогда Моню... Яша... как брат старший... тебе говорю. Понял?

— Конечно, брат... — всхлипнул Яша.

— Моня... он... улицу не знает... будь рядом с ним. Вместо меня... Яша... он... моя душа... мой брат.

— Я тебе отвечаю, Ворон, — проямлил Яша, тщетно пытавшийся придать своему голосу уверенности.

— А теперь отпусти меня, — приказал Леня. — Я устал... очень... как я подвел... всех... Но вроде... слова все сдержал... или... Сиплый?..

— Да.

— Пацанчик этот... как его... тети Розы внук...

— Аркаша?

— Да. Я ж... я ж... слово дал ему... в шашки... Яша...

— Да какие на хрен шашки, Ворон? — плача, воскликнул Яша. — Брат мой, в тебя стреляли!

Яша аккуратно положил друга на траву рядом с тропинкой.

Леня вяло сказал:

— Дай закурить... последний раз...

Яша дрожащими руками быстро прикурил папиросу и вложил в губы умирающего.

Леня сделал большую затяжку, выдохнул дым и, улыбнувшись, сказал:

— Как все-таки... жизнь хороша... Яша... жаль бычки... не поели с тобой... Яша... вэй из мир... только сейчас понял... как жить хочется... Не ной... я бродягой умираю... как положено... Яша... я... не жалею...

И он испустил дух. Улыбка так и застыла на его лице.

Яша истошно закричал:

— Нееее! Ле-е-ня! Нет... Нет... Брат мой... — Он стал трясти неподвижное тело друга, затем плюхнулся на холодную землю, обнял его и зарыдал навзрыд. — Как ты мог, Леня?! Как ты нас всех оставил, брат?! Нет... Нет... За что нам это?..

Ворон... Родной мой... Как ты мог? Мы ж никто без тебя. Лентяя!

Но Ворон уже ушел в другой мир. Ушел с улыбкой. И пусть за ней пряталось столько разочарования и горя, ведь многого сделать он так и не успел, даже после смерти он, казалось, бросал вызов судьбе. Это был человек, который утром мог украсть целое состояние, днем подарить его кому-нибудь без сожаления, а вечером есть дешевую тушенку, купленную на последние деньги. И при этом он был счастлив. Он любил жизнь, несмотря на все страдания и невзгоды, выпавшие на его долю. Леня выбрал с детства трудный путь, но на этом пути он всегда оставался верен своим принципам и поступал по чести. Он умер достойно. Умер, как и жил, бродягой. Без денег в кармане, с пакетом, в котором были копеечные консервы, но с улыбкой на лице...

Глава 17

Когда Соломон узнал о смерти брата, он не плакал. Он молчал, не издав ни звука. Язык отказывался повиноваться, мозг с яростью отвергал эту страшную новость, не осознавая до конца происходящее. Яша принес весть рано утром, около шести часов. Ева спала. Соломон стоял в коридоре, опустив руки, уткнувшись взглядом в стенку. Он не верил, что весь этот кошмар происходит наяву. И сказать хоть что-нибудь не хотел, да и не мог. Соломон ждал, что сон вот-вот закончится и все вернется на круги своя. И на самом деле их семью ждет счастливая жизнь и светлое будущее.

Яша с красными заплаканными глазами сидел на кухне и одну за другой курил сигареты. Мама была в Одессе, и ей никто пока не сообщал. Они час просидели в тягостном молчании, пока вдруг кто-то не позвонил в дверь. Открыл Яша. Пришли Гиви, Резо и еще двое незнакомых Соломону людей.

Гиви с серым, печальным лицом обратился к хозяину квартиры:

— Соболезную, биджо. Но надо спасти семью! Давай мы отвезем жену твою в Одессу. Тебе лучше уехать дальше... в Израил можешь? Пока мы не разберемся тут...

Соломон молчал. Он не слышал Гиви. Это не с ним сейчас разговаривали.

Дальше все было как в тумане. Осознание того, что это не сон, пробралось наконец сквозь плотную защиту, которую выстроил внутренний страх. Яша позвонил Георгию, потом Грише Крамеру, затем, утерев слезы и взяв себя в руки, все-таки набрал номер тети Хаи и сообщил ей о смерти сына. Конечно, Яша заранее известил соседей, которые уже стояли возле двери несчастной матери, готовые поддержать ее. Около десяти утра из спальни наконец-то вышла Ева. Она была на восьмом месяце беременности, и слабость с сонливостью были ее вечными спутниками сейчас. Узнав печальную новость, Ева потеряла сознание. Соломон среагировал молниеносно, приведя жену в чувство. Очнувшись, Ева начала рыдать. Она знала, насколько муж теперь будет несчастен, и ее охватила паника, она не знала, как Соломон сможет пережить такое горе. Да и вообще, как они дальше будут жить в этом ужасном, злом мире без Лени. К полудню началась суета. Люди приходили и уходили. Георгий, Яша и Гиви занимались всеми организационными вопросами. Соломон не участвовал ни в чем, да его никто и не трогал. Все это время он просто молча сидел, уставившись в одну точку. Друзья даже начали волноваться, не сошел ли он с ума. Тем не менее ребята организовывали похороны, назначенные на завтра: у иудеев полагается хоронить в ближайшие два дня. Ждали приезда тети Хаи, друзей и родных из Одессы.

Жизненный путь семьи Раппопорт до этого момента был если не усыпан розами, то уж точно пролегал неподалеку от Эдемского сада. И в ближайшее время они все собирались наконец-то в него войти. Но судьбой было предначертано иное, а жизнь оказалась не только жестокой, но еще и страшно не-

справедливой. Беда не пришла одна, и, сбросив сначала на голову Соломона огромный булыжник, Всевышний, подумав, решил опрокинуть целую скалу, отвернув от себя навсегда младшего Раппопорта. Человека, у которого в роду были ни много ни мало раввины.

Около восьми вечера, когда уже приехали мать и друзья-одесситы, в квартире стоял неумолчный плач. Соломон тихо сидел на кухне, забившись в угол. За весь день он не выпил ни глотка воды и не съел даже крошки хлеба. Он произнес от силы пять слов, лицо его осунулось, взгляд стал пустым. В кухне, кроме него, находились еще мужчины. Они сидели и обсуждали вопросы предстоящих похорон.

Неожиданно зашла Ева. Она держалась рукой о стену и слабым голосом произнесла:

— Соломон... мне... не могу... плохо...

Муж поднял безразличный взгляд на жену и тут же заметил, что лицо ее почти белого цвета. Через мгновение Ева рухнула на пол без сознания. Очнувшись как ото сна и забыв обо всем, Соломон кинулся к ней. Все начали суетиться, вызвали «скорую помощь». Еву же никак не могли привести в чувство. Спустя двадцать минут Соломон уже мчался в машине «скорой» вместе с женой. Приехавший на вызов фельдшер лишь пожал плечами, сказал, что надо ехать в больницу, и все. Впрочем, работники московской «скорой помощи» во все времена, кроме как измерить давление и дать обезболивающее, ничего другого не знали и не умели.

В больнице Еву уложили на каталку и куда-то увезли. Через пять минут подошел врач, мужчина лет шестидесяти, с густыми бровями и умным взглядом:

— Это ваша жена?

— Да, доктор... — хриплым голосом, еле произнося звуки, ответил Соломон. — Помогите...

Врач глубоко вздохнул:

— У нее кровотечение уже несколько часов! Шансов мало... но мы постараемся. Держитесь! Лучше ждите тут.

— Доктор... — глотая слезы, бормотал Соломон. — Любые деньги... спасите... их... Умоляю вас...

Врач лишь покачал головой и молча ушел.

Соломон остался в коридоре. Один. В темноте. И тогда его прорвало.

Он зарыдал. Горько, навзрыд. Упал на колени, уперся головой в стену и начал биться лбом о нее:

— За что?! За что мне этоооо?! За что?! Что я сделал тебе?! Ты же Бог! Что ты со мной делаешь?! Мой брат... жена... — Голос срывался, рыдания душили. — Реб... ребенок... ну что же я не так сделал... что?! Убей меня! Зачем мне жить?! Для кого?!

Слезы текли рекой. Тело дрожало в лихорадочном ознобе. На разбитом лбу выступила кровь.

В конце концов биться о стену сил больше не осталось. Соломон свернулся калачиком прямо на полу, как уличная собака, и уже просто тихо стонал. Слезы тоже закончились.

Так прошло четыре часа. А потом его нашел Яша. Подбежав к другу, Сиплый обнял его и попытался поднять:

— Моня... ну шо ж ты, братишка... Вэй из мир! Моня... вставай, братик.

Соломон, утирая слезы, еле-еле поднялся.

Яша усадил его на скамейку и дал бутылку с водой:

— Попей водички, братик! Ну шо ж ты? Надо быть сильным!

Соломон уткнулся лицом в плечо друга. Яша бормотал что-то успокаивающее, пытаясь хоть как-то приободрить его. Через полчаса появился тот самый доктор с умным взглядом.

— Ну шо там, доктор? — бросился к нему Яша.

— Вы родственник?

— Да! Шо не видно? Как они?

Доктор тяжело вздохнул и хорошо поставленным голосом произнес давно уже заученные слова:

— У женщины внутреннее кровотечение началось несколько часов назад. С плодом был резус-конфликт. Мы сделали все, что могли. Крепитесь. Она умерла. Плод тоже.

Соломон забился в конвульсиях, будто кто-то дергал его за ниточки, слезы выступили на его глаза, и он принялся тихо бормотать:

— Плод... плод... тоже... — Затем он резко вскочил с лавки и заорал: — Сууууки! Твари! Плод!! Скоты проклятые!! Это был ребенок!! Мой сын!!! Твари!! Фашисты!!!

Яша схватил его и силой усадил обратно:

— Очнись, родной! Прошу тебя... Успокойся и выслушай. Выслушай меня. Прошу!

— Зачем, Яша, зачем? Скажи! Зачем мне это? Зачем? К чему мне жить? Кому я нужен?

— Есть... — тихо проговорил Яша. — Есть кому... Успокойся! Поверь мне, пошли. Пошли!

Он приобнял Соломона и вывел его на улицу. На свежем воздухе парню стало легче, и Яша взглянул ему в глаза:

— Ради памяти Лени послушай меня. Слушаешь?

— Говори, — безразлично ответил Соломон.

— Есть кое-что, шо мы должны... ушедшему. Понял? Я должен тебя уберечь! У тебя тоже есть обязанности. Но сначала запомни одно... Я Лене не успел сказать... на всякий случай, шоб ты знал.

— Ну? — устало спросил Соломон.

— Когда Доллару мы предьяву кидали, он раскололся. Сказал, шо Зива с него долюну получила... за диадему. Шоб ты знал!

— Да мне наплевать, — пожал плечами Соломон. — Леню кто убил? Доллар? Или Зива?

— Та ты шо?! — покачал головой Яша. — Зива на мокрое не пошла бы... та еще и Леню! Неее... Доллар... то вообще поц. Душка муху мокрануть не хватит... не они это... там шо-то крупное. Вора убить не каждый рискнет. Да еще и такого... Но мы найдем!

— Да что толку? — тихо произнес Соломон. — Леню уже не вернуть... и Еву... и малыша нашего... Яша! Мне все уже до лампочки... я не знаю, смогу ли теперь вообще жить...

ТЕНЬ БРАТА

— Сможешь, Моня, сможешь. — Похлопал его по спине Яша и повел к машине.

Была уже глубокая ночь и черный джип «Митсубиси Паджеро» сливался с подступающей со всех сторон темнотой. Подойдя к машине, Яша открыл заднюю дверцу. Соломон забрался следом. За рулем сидел водитель-грузин, рядом с ним Гиви.

Яша скомандовал:

— Минуту подождите!

Взял сотовый телефон и вышел на улицу.

Спустя минуту снова открыл дверцу и передал телефон Соломону:

— Поговори!

Не понимая ничего, Соломон взял тяжелую трубку и произнес:

— Алло.

— Соломон, привет, — услышал он нежный женский голос.

— Здравствуйте, — ответил он. — Кто это?

— Это Виктория... Вика! Ленина... — Девушка вдруг замолчала, не зная, как правильно себя назвать.

— Я понял, — отозвался Соломон.

— Ты можешь приехать ко мне? — спросила Вика.

— Могу, но зачем? — Пожал плечами парень: куда-то ехать не было ни желания, ни сил. — Какой в этом смысл?

— Когда ты приедешь, я дам тебе смысл всей твоей оставшейся жизни! Яша знает, где я живу, в Крылатском.

— Хорошо... я приеду... — неохотно ответил Соломон.

ЧАСТЬ 3

Приходят на помощь родные друзья,
И снова идем мы сражаться.
Раздавим врага вместе как муравья,
Нам главное — не ошибаться!
Хоть сзади ползет к нам злодейка-змея,
И беды к нам в двери стучатся,
Не видя, что яда сочится струя,
Никак не хотим мы сдаваться!

Глава 18

Соломон спокойно полулежал в кресле, удобно устроив голову на краю раковины. Аня уже перешла к бритью. А в голове у мужчины между тем пронеслись все предшествующие смерти Лени годы. Он вспомнил, как, еще не оправившись от смерти близких людей, вступал в управление заводом. Как жестко ответил Зиве, что она уже получила свое и о доле в заводе может забыть. Зеленоглазая bestия тогда прошипела сквозь зубы, что еще доберется до мерзавца. Соломон не придавал большого значения ее словам, хотя все равно был осторожен и осмотрителен в делах. Яша отказался оформлять что-либо на себя, полностью доверяя Соломону. Они договорились тогда, что Сиплый будет получать двадцать процентов от всех доходов завода, из этих денег он будет сам выделять в воровской общак, а сколько — уже решать ему. Все вопросы с преступным миром тоже ложились на его плечи. Соломон только вел дела.

Ища в работе забвения, Соломон сумел развить бизнес, расширить сферы деятельности и стать самым настоящим олигархом. Преступность в России пошла на спад, когда в 2000 году власть постепенно стала переходить к правоохранительным органам. Яша еще до этого, в 1997 году, кинул кого-то серьезно на крупную сумму, сделал себе новые документы и, бросив все, уехал в США. Перед отъездом он сказал Соломону:

— Моня, мне тут больше нечего делать. Без Ворона этой страны для меня нет. Я сюда не вернусь, но с тобой буду на связи.

Соломон честно продолжал отправлять старому другу деньги через подставных лиц, те самые двадцать процентов от доходов завода, о которых они договорились еще в самом начале. Страна между тем стала жить по закону, и воровской общак уже был не нужен. Яша в Россию приехать не мог. Но он точно знал, где найти Зиву, о которой Соломон не слышал ничего с 1995 года.

Тем временем Аня закончила возиться с бритвой, пересадила Соломона в кресло и быстро посушила и уложила волосы.

— Спасибо, моя хорошая.

— Вам спасибо за все, Соломон Маркович, — улыбнулась девушка.

— Принеси-ка мне, Анечка, городской телефон. Мне нужно позвонить.

— Да, конечно, — кивнула та и пошла за телефоном.

Соломон боялся, что его сотовый прослушивают, поэтому решил поговорить со стационарного телефона салона.

Мужчина нажал нужные кнопки на радиотелефоне, на том конце раздались гудки, и наконец послышался сонный мужской голос:

— Алло.

— Мистер Амзель? — улыбнулся Соломон.

— А? — Еще не до конца проснулся собеседник.

— Яша, просыпайся, это я.

— Моня?! — воскликнули на том конце провода.

- Да.
- Шалом, родной. Как ты?
- Нормально все... вроде как. Разбудил тебя?
- Конечно, — засмеялся Яша. — У нас семь утра. Что стряслось?
- Есть дело одно, Яша... Проблемы у меня.
- После небольшой паузы мужчина на том конце ответил:
- В Москву приехать я не могу... по телефону говорить не стоит...
- Давай встретимся где-нибудь на нейтральной территории? — предложил Соломон.
- Ну... Моня. Пару недель терпит?
- В принципе да.
- Отлично. Может, на Земле обетованной?
- Можно, — согласился Соломон.
- Через две недели, — подытожил Яша. — Я дело тут одно закончу и прилечу. За день сделаю контрольный звонок, дам знать, что и как.
- О'кей, — довольным голосом ответил Соломон.
- Ты уже как американец отвечаешь, — засмеялся Яша. — До связи, родной.
- Пока.
- Раппорт отключил телефон и посмотрел на неизменно улыбающуюся Аню, стоящую рядом.
- Спасибо, Анечка, — поблагодарил Соломон.
- За что, Соломон Маркович? — рассмеялась девушка. — Это вам за все спасибо. Если бы я могла вам чем-то помочь...
- Соломон встал:
- Ты уже помогла. Сама не представляешь как... — И он направился на улицу.
- Через две недели ему нужно будет встретиться с Яшей в Израиле. До этого времени он станет действовать по плану, придуманному вместе с Лапусовым. А поговорив с Яшей и заручившись его помощью, он уже отрубит голову змее. Сомнений не было, виной всему Зива. Больше просто некому. Эта мсти-

тельная аферистка, которая сразу невзлюбила Соломона, мстила за ту давнюю историю. Почему она начала действовать спустя столько лет? Ответ приходил на ум лишь один. Зива все это время подбиралась ближе, наводила нужные связи. Соломон знал, что сам найти ее не сможет. Она наверняка сменила имя. В кругах, где ее знают, он не вращается, так что помочь ему некому. Он вообще стал затворником после смерти Лени и Евы. Конечно, Соломон виделся с друзьями, коих были единицы. Гриша Крамер близким другом никогда не был, так, добрый знакомый, но последние годы они изредка встречались, вспоминали Одессу своей юности. Георгий давно уехал жить в Европу — и виделись они только там. Тимур — очень хороший парень, который нравился Соломону, но он сидел в тюрьме. Был еще один неплохой парнишка, Натан, который как раз был вхож в криминальные круги. Он был одним из соучредителей жилого комплекса и бизнес-центра на Юго-Западе. Но он редко появлялся в Москве. Все дела вел его компаньон, Гриша. Поразмыслив еще немного, Соломон решил, что возьмет с собой Аркашу. Его родители жили в Израиле, как раз их и поводит.

Глава 19

Выходные Соломон провел дома в раздумьях. Едва началась следующая неделя, как он с самого утра собрал в офисе совещание. Раппопорт объявил совету директоров о своем решении по поводу кредита, который возьмет у зятя Лапусова. Выслушав всяческие доводы и предложения своих сотрудников, потом подписав кучу различных документов, Соломон освободился только к четырем часам дня. Оставшись в одиночестве, он вспомнил, что не обедал сегодня, и попросил секретаршу заказать еду в офис в одном из ресторанов, которых рядом было полно. Домой идти не хотелось. Соломон собирался посидеть еще часа два в офисе, позвать Аркашу и поговорить

с ним насчет поездки в Израиль. Пока несли еду, мужчина молча смотрел в окно, наблюдая за проезжающими внизу машинами. Люди с такой высоты казались точками. Они куда-то шли, спешили, суетились. У каждого своя жизнь, но у большинства из них нет и одного процента денег, что есть у Соломона. Но вот ведь они счастливы. Радость им приносят не деньги и земные блага, а что-то другое... Соломон вспомнил Леню. Его брат был таким же? Нет. Он отличался от всех. Никто из этих людей не откажется от денег, когда им их дают. А он мог отказаться и отказывался не раз, даже в те моменты, когда дома не было ни гроша, а холодильник стоял пустой. Лене всегда было важно происхождение денег. Просто так, у кого попало, он никогда бы не взял. Он бы лучше рискнул своей жизнью и украл их. Соломон улыбнулся. Его брат был истинный благородный вор, каких сейчас практически не осталось...

От мыслей его оторвал телефонный звонок. Соломон взял трубку:

— Да.

— Соломон Маркович, — раздался нежный голос секретарши, — на проводе Кристина Алексеевна из «Российской жизни». Соединить?

— Да, конечно.

Послышался щелчок, и спустя три секунды в трубке заговорила Кристина:

— Соломон Маркович, здравствуйте.

— Привет, Кристиночка, привет дорогая, — радостно поздоровался Соломон.

Ему очень нравилась Кристина. Умная, целеустремленная, воспитанная. Еще и еврейка по маме. Он бы хотел, чтобы Давиду попалась такая жена.

— Вы извините, Соломон Маркович, можно к вам зайти?

— Конечно можно, Кристина. А ты что здесь? Что-то случилось? — удивился мужчина.

— Я тут внизу. Сейчас поднимусь. У меня сюрприз для вас.

— Надеюсь, хороший, — тяжело вздохнул Соломон.

— Более чем, — загадочно ответила девушка и положила трубку.

Спустя три минуты в дверь постучали. В кабинет зашла Кристина, как всегда элегантно одетая в красивый костюм, состоящий из юбки с пиджаком черного цвета, и бордовую блузку. Длинные волосы, собранные сверху, кудрявыми локонами спадали вниз по бокам. Красивые, умные глаза ее светились счастьем, а от радостной улыбки на щеках появились очаровательные ямочки. Соломон стоял посреди кабинета, удивленно глядя на девушку и не понимая, чему она так рада. Не успев ничего спросить, в следующее мгновение Соломон увидел заходящего вслед за ней мужчину. Высокий, стройный, спортивного телосложения, одетый в синие джинсы и черный свитер, человек этот сначала показался Раппопрту незнакомцем. Пока он не разглядел его лица. На него смотрел темноглазый сорокалетний мужчина, с немного безумным, наглым взглядом, наполовину седыми каштановыми, волнистыми волосами, зачесанными набок, и небольшим носом с маленькой горбинкой, который делал его похожим на ястреба. От широко улыбавшегося гостя веяло силой и смелостью. Он чем-то напоминал гангстера из фильмов про Чикаго 30-х годов, не хватало только шляпы и плаща.

— Тимур.... — ошарашенно пробормотал Соломон, а затем громко воскликнул: — Тимур, дорогой мой! Ты когда вернулся?

— Здравствуй, Соломон Маркович, — продолжал улыбаться мужчина. Они обнялись, затем он сказал: — Я вчера приехал, Кристина меня встречала. Я велел ей... никому не говорить пока... Выспался только и сразу к тебе пришел.

— Заходите... Сейчас чай, кофе. — Засуетился Соломон. — Потом поедем отмечать.

— Да все хорошо, Соломон Маркович, — скромно улыбнулся Тимур. — Не суетись. Чай выпьем, и хватит.

— Значит так, — строго сказал Раппопрт, — слушайся старших. Мы тебя пять лет ждали. А ты хочешь, чтоб старый еврей отделался чаем?

Тимур рассмеялся:

— Соломон Маркович, для меня просто находиться рядом с вами всеми, на свободе, это уже праздник.

— Мой дорогой друг... — улыбнулся хозяин офиса и крикнул секретарше: — Неси нам чай и кофе.

— Мне капучино, — попросила Кристина.

— А мне пусть заварку отдельно принесет и кипяток крутой, — попросил Тимур.

— Ну как ты, Тимур? Рассказывай, — начал Соломон, когда все устроились вокруг кофейного столика.

— Да о чем мне рассказывать? — ухмыльнулся мужчина. — У вас тут больше интересного было. А я третий раз протоптал зону... Все то же самое там.

— Ну, тебе хоть сиделось как? — не унимался Соломон. — Мы вроде пытались там... как-то хоть облегчить твое существование.

— От души, Соломон Маркович, — поблагодарил Тимур. — Условия были максимально хорошими, и передачи регулярно приходили, но, как ни крути, зона есть зона...

Секретарша занесла поднос, поставила на стол сахарницу, конфеты в вазочке, капучино для Кристины, чашку зеленого чая для шефа, небольшой чайник с кипятком, чашкой и блюдце с тремя пакетиками черного чая «Даман» с разными ароматами.

Тимур взял пакетик и ухмыльнулся:

— Как вы эти отходы пьете? Это ж не чай... — Бросив взгляд на испуганную секретаршу, он добавил: — Рассыпная заварка есть? Чай черный, обычный? И стакан нормальный.

— Д-да... есть. Принесу сейчас... — промямлила девушка и убежала.

Вернулась она буквально через несколько секунд с пачкой чая «Ньюби Ассам» и стаканом. Кристина рассказывала Соломону о своих успехах в журнале «Российская жизнь», Тимур в это время налил половину стакана кипятка, насыпал туда треть пачки чая и накрыл все это блюдцем. Затем посмотрел на хозяина офиса и спросил:

— А курить можно тут?

— Да, конечно, — улыбнулся Соломон. — Ты что там намудрил?

Тимур достал пачку сигарет «Парламент» и зажигалку, бросил на стол. Прикурив одну сигарету, он ухмыльнулся:

— Купцануть хочу. Вы-то все шлак из пакетиков пьете... я и заварил себе сам.

Соломона как кипятком окатило. Он вспомнил брата, который, точно так же ухмыляясь, говорил те же самые слова и пил такой же напиток, от которого Соломона чуть не вырвало. Видимо, традиции в тюрьмах не меняются десятилетиями.

Выпив чай и поделившись кратко новостями, в основном о политике, Соломон сказал секретарше, что заказ в ресторане она может отменить, и пригласил друзей отметить освобождение Тимура. Идти в ресторан бывший зэк категорически отказывался, но Соломон нашел выход из ситуации. Он предложил посидеть у него дома, заказав все что нужно с доставкой. Тимур с Кристиной переглянулись.

— Просто Костю тоже еще не видел... — начал было Тимур.

— Зови всех ко мне домой, — категорично сказал Соломон.

Тимур улыбнулся:

— От души, Соломон. Не обессудь, просто в ресторане людей куча... как-то непривычно пока...

— Все хорошо, поехали. — С этими словами Раппопорт встал и пошел к двери.

Глава 20

Около семи часов вечера в гостиной дома Соломона Раппопорта домработница Наргиз накрывала на стол. Овощи, всевозможные закуски и салаты, привезенные из ресторана неподалеку. Круглые осетинские пироги с разными начинками специально для Тимура привез его друг детства, Костя Грек.

Муж Наргиз во дворе делал шашлык, водитель Миша ему помогал. Соломон достал из бара бутылку «Хенесси парадайз», французские вина, красное и белое, водку «Грей Гус», привезенную из Франции, а специально для Кристины открыл шампанское «Кристал». Давид тоже был дома и присоединился к застолью. В их доме редко проходили такие мероприятия, и парень был очень рад нечаянному празднику. Костя Грек, симпатичный парень с длинным носом, весело рассказывал истории из детства, проведенного вместе с Тимуром. Они помянули их друга, Севу, который пять лет назад сгорел при пожаре в ресторане практически на глазах Тимура и Кристины. Освободившийся вчера мужчина сидел рядом со своей девушкой и ловил ее счастливые, влюбленные взгляды.

Костя с Тимуром пили водку, Соломон — коньяк, Давид — вино, а Кристина — шампанское. К восьми вечера только приготовили шашлык. Кристине кто-то позвонил, и она вышла во двор. Всех присутствующих ждал еще один сюрприз.

Девушка вернулась через пять минут и села на свое место с загадочной улыбкой. Через несколько секунд в гостиную зашли трое мужчин около тридцати пяти лет. Один зеленоглазый и светловолосый, в сером костюме, с большим букетом бордовых роз в руках. Второй, очевидно кавказец, хотя и тоже светловолосый, спортивного телосложения, с поломанными ушами и хищными волчьими глазами. Одет он был в джинсы и свитер. Он держал в руке огромную корзину, не меньше метра в окружности, в которой были куча различных сладостей, колбасы, черная и красная икра, трюфели, сыры, вина, шампанское, виски... Да чего в ней только ни было! Третий же вошел последним, в зубах у него дымилась сигарета. Высокий, немного полноватый, с волнистыми черными волосами, миндалевидными глазами, чуть косящими, и прямым носом. На лице и на горле у него виднелись шрамы. На мужчине были легкие голубые джинсы, кроссовки и красная толстовка с капюшоном. Глаза его излучали хитрость и острый ум, а на лице светилась улыбка.

— С возвращением, брат, — произнес мужчина голосом с хрипотцой.

— Натан! — радостно воскликнул Тимур.

Вновь прибывшие поздоровались со всеми. Это был Натан и его друзья. С цветами — Гриша, а с корзиной — дагестанец Шамиль. Мужчины обнялись. Корзину вручили домработнице, чтобы она выложила все необходимое на стол, цветы — Кристине.

Раппопорт спросил:

— Как ты оказался в доме, Натан?

— У меня связи, Соломон Маркович, — подмигнул Натан Кристине. — В журнале «Российская жизнь».

Все засмеялись. С появлением Натана застолье пошло еще веселее. Шамиль постоянно громко и заразительно смеялся, Натан рассказывал истории из своей студенческой жизни, все чувствовали себя легко. Около полуночи Грек, Шамиль и Гриша уехали. Оставшиеся уселись пить чай.

Тогда Тимур и спросил Натана:

— Ты какими судьбами в Москве? Ты же, по-моему, где-то за границей был?

— Где-то был... — вздохнул Натан. — Да я и сам уже не знаю, где я. Снег захотелось увидеть, вот и приехал. А тут и ты откинулся.

— Соломон Маркович, а я и не знал, что у тебя сын такой взрослый уже, — вдруг удивленно сказал Тимур.

— Да, — гордо ответил Соломон, посмотрев на Давида, — это моя гордость.

— Где учишься? — спросил Натан Давида.

— В МГИМО, — первый раз за вечер заговорил скромный парень.

— Правильно... — задумчиво произнес Натан. — Учиться в наше время нужно. За этим будущее.

— Ты действительно так считаешь? — усмехнулся Соломон. — Сам-то что не учился? Блатовал, поди, только?

— У меня другая жизненная ситуация была, — возразил Натан. — Но вот я, например, своего Аслана... — Он резко осек-

ся. — Племянника... хочу отправить в Англию учиться, когда время придет.

Кристина с Тимуром переглянулись. Никто ничего не знал про семью Натана. Это была тайна, покрытая мраком.

Раздираемая любопытством журналистка как бы невзначай спросила:

— У твоего племянника такое имя красивое — Аслан. Сколько ему сейчас?

— Пока в школу ходит, — уклончиво ответил Натан.

Соломон же поучительным тоном произнес:

— послушайте мой совет на будущее. Детям не нужно оставлять наследство в виде денег, также не нужно им дарить бизнес. Дайте им удочку. Не дарите им рыбу или водоем. Рыбу они съедят, а потом будут голодными сидеть. В водоеме они не смогут ничего выловить голыми руками. А если у них будет удочка, они всегда найдут то озеро, где есть рыба, и смогут ее поймать. Давайте детям образование. — Он внимательно посмотрел на Давида. — В нашей стране, в России, никогда, запомните это, никогда не будет порядка. Это страна беспредела. Но даже тут сегодня образованный человек может заработать себе на жизнь честно, своим умом. И дальше таких людей будет становиться только больше. Было время развала, тогда зарабатывали шустрые, хитрые, смелые... Поэтому сегодня у меня и у вас что-то есть. Но больше тут такого не будет никогда.

— Вы считаете, что в России больше не будет возможностей заработать? — спросил Натан. — Мне кажется, тут всегда есть возможности.

Соломон улыбнулся:

— Натанчик, я тебе объясню сейчас. Понимаешь, был пирог. Большой пирог. Который с развалом СССР разделили. Кто успел, тот взял кусок. Кто-то больше, кто-то меньше. Потом пришло новое поколение. Твое поколение. Пирог уже разделен на куски и находится у людей. Но ты, Тимур, и еще такие же, как ты, отламываете кусочки от больших кусков, уже принадлежавших кому-то. Понимаешь? — Натан согласно кивнул. —

А мое поколение брало пирог прямо из печи. Когда он был горячий и вкусный. Старым пирогом можно и отравиться. Потому вам приходится быть вдвойне аккуратными.

Натан задумчиво заметил:

— Но когда вы брали горячий кусок, тоже было опасно. Можно было обжечься.

— Да, — печально посмотрел ему в глаза Соломон. — Мой брат... У меня был брат... — Он никогда не говорил про Леню, но сейчас, сидя с людьми, которым полностью доверял, старый еврей вдруг разоткровенничался. — Он взял пирог. И он не обжегся, он сгорел... — Все молчали, а Соломон продолжал: — А теперь хозяева на той кухне сменились, пришли новые. И они говорят мне: отдай то, за что сгорел твой брат. Верни пирог.

— Что?! — возмутился Тимур. — Ты про что сейчас говоришь?

Соломон внезапно посмотрел на Давида и попросил его:

— Сынок, принеси скрипку. Сыграй нам что-нибудь. — Он повернулся к Тимуру: — А потом я все расскажу.

Давид принес скрипку. Встав напротив стола, парень начал играть печальную мелодию из фильма «Список Шиндлера». Музыка разрывала душу. Все сидели молча, не в силах оторвать глаз от скрипача. Глаза Соломона наполнились слезами, Натан потупил взор. Тимур взял бутылку водки и наполнил рюмки себе и Натану. У Соломона уже был налит коньяк.

Когда Давид закончил играть, его отец встал и, взяв в руки свой стакан, произнес:

— Ребята, я хочу выпить за память наших близких. За моего брата. Он был для меня всем. Это был мой идеал. И я всегда жил и буду жить в его тени. Потому что эта тень велика настолько, насколько у него была велика душа. Он был незаурядным человеком. — Соломон сделал паузу, взглянул на Натана: — За память твоего отца. Я уверен, если у него вырос такой сын, он тоже был большим человеком. И он наверняка гордился бы тобой. — Натан, опустив голову, тихо встал. Соломон обернулся к Тимуру с Кристиной, которые тоже вста-

ли: — Тимур, за твоих родителей, к сожалению, они не смогли дать тебе то, что хотели. Я все прекрасно знаю и понимаю. Но пусть им теперь там, на том свете, будет радостно за всех. Эти люди живы в наших сердцах. И мы выпьем сейчас за них. Спасибо им за то, что они нас создали такими, какие мы есть сегодня. — Все молча чокнулись, а потом Соломон громко сказал: — Ле хаим! — И осушил стакан до дна.

Натан тихо повторил:

— Ле хаим... — И, как положено на Кавказе, дождавшись, когда выпьет Тимур, который был старше его, тоже выпил.

Печальные мысли развеяла Кристина; очаровательно улыбнувшись, она заявила:

— Я не говорила еще ни одного тоста, поэтому прошу слова.

Соломон посмотрел на друзей и, изобразив удивление, спросил:

— Как вы считаете, господа джигиты, можно дать слово девушке?

Натан поднял брови и, прищурясь, важно произнес:

— Она по маме еврейка. Своим нельзя отказывать.

Соломон повернулся к Тимуру, который поддержал шутку и, хмуря брови, кивнул:

— Жениться на ней собираюсь. Сейчас слово не дам — откажется. Пусть базарит.

Кристина возмущенно воскликнула:

— А если я и так откажусь идти за тебя замуж? Ты думаешь, тебе это поможет?

Тимур усмехнулся:

— Ты думаешь, тебя сложно украсть? Да я тебя вместе с твоей машиной унесу.

Все дружно засмеялись, и Кристина, подняв фужер с шампанским, весело сказала:

— Давайте выпьем за женщин. Я тут одна среди вас. И хочу вам сказать, что без нас вы бы не справились. Ни пирога у вас не было бы, ни чая...

— В первую очередь за тебя, дорогая, — перебил Кристину Соломон. — За то, что ты, как подобает порядочной, верной женщине, дождалась своего мужчину.

— Спасибо, — весело ответила девушка.

Все выпили. Только поставив на стол рюмку, Тимур спросил Давида:

— Гитара есть, Давид?

— Конечно, — улыбнулся парень.

— Неси, — махнул рукой Тимур.

— Вот уж таких талантов никогда у тебя не наблюдала, — удивилась Кристина.

— Это еще что! — подмигнул ей Тимур. — То, что спою... Натан...

— Да, брат.

— Со мной в бараке пацан был, тебя волокет... с ваших мест.

— Я знаю, — спокойно кивнул Натан. — Ахмед-даргинец.

— Точно, — удивился Тимур. — Ты... откуда знаешь?

— Я все знаю, братан, — подмигнул ему Натан.

— Он рассказывал, как вы в Махачкале вместе по детству благовали. Так вот, мы с ним на гитаре брэнчали целыми днями. — Давид передал инструмент, Тимур принял гитару и добавил: — Натан, ты приколешься с этой темы. Давид, сможешь на скрипке поддержать?

— Не вопрос, — улыбнулся парень. — Мне надо только понять, что за песня, и я подыграю.

— Базара нет, — согласился Тимур.

Перебирая пальцами струны, он заиграл мелодию. Давид кивнул, поняв, что нужно делать, и тогда Тимур запел на блатной манер:

Ночь, какая ночь, качает ветер паутины кружева.

Прочь, куда-то прочь идет дорога в дальний путь и в никуда.

Я понимаю, что должна цвести сирень,

Фонарь качнется и толкнет немую тень,

Я понимаю, что за осенью зима,

Но не понять, что я один и ты одна.

Скрипка пела в паузах между фразами, Натан, полуприкрыв глаза, курил и слушал. В этот момент мыслями он унесся далеко-далеко, в махачкалинский двор в Пятом поселке, в круг друзей, преданных, отважных и смелых ребят, с которыми он когда-то прошел вместе огонь, воду и медные трубы.

Тимур же продолжал петь:

*А вдруг ты спросишь снова: как твои дела?
И мне захочется вдруг твоего тепла,
Я не боюсь, что говорю я сам с собой,
Боюсь, что не услышу голос твой...
Я почитаю то, что память сберегла,
Как провожаю я тебя лишь до угла,
Я не боюсь, что стонет жизнь моя в огне,
Боюсь, что перестанешь сниться мне...*

Кристина закрыла лицо руками. Когда Тимур закончил петь, девушка рыдала.

Как ей было не плакать? Она только обрела свое счастье с любимым человеком, но его сразу же посадили за то, что он защитил ее.

Тимур обнял возлюбленную:

— Ну-ну... княгиня... все же хорошо. К чему слезы?

Кристина сквозь рыдания пробормотала:

— Я... сейчас... — И убежала в ванную.

Тимур не пошел за ней, а остался сидеть на своем месте. Давид отложил скрипку и тоже сел за стол.

Натан посмотрел на Соломона:

— Соломон Маркович, вы знаете, мы всегда рядом с вами. Какие у вас проблемы? Может, мы сможем вам помочь?

— Да, Соломон, — подхватил Тимур, — кто там собирается твой кусок пирога забрать? Мы ведь тоже часть его, всего лишь крошки, конечно, но все же... — Он криво улыбнулся.

Соломон задумчиво произнес:

— Да, друзья мои, стыдно признаться, но у меня в России больше нет людей, которым я могу доверять. Конечно,

тут не то дело, которое решается легко, все очень и очень сложно.

— Соломон Маркович, для нас нет невыполнимых задач, — хитро произнес Натан.

На этих словах вернулась Кристина.

— Извините меня, — улыбнулась она, — просто я пять лет ждала этого дня... а теперь... эта песня...

— Расслабься, Кристина, — дружелюбно сказал Натан. — Послушаем Соломона Марковича. Ему нужна наша помощь.

— Я с вами. — Кристина села рядом с Тимуром.

И Соломон начал рассказывать. Он поведал собравшимся обо всем, что знал. Про то, как его брат Леня и его друзья украли диадему, про аукцион в Госкомимуществе и приватизацию. Честно признался в том, что не поделился с Зивой, потому что она обманула Леню, получив долю с диадемы от Волкова. Поведал о нынешних проблемах и о том, как Лапусов предложил помощь. Про то, что он подозревает, это дело рук Зивы, и про свой разговор с Яшей. Закончив свой рассказ, Соломон подытожил:

— Теперь я хочу быстро все оформить через зятя Лапусова и поехать в Израиль. Сказать вам честно, Яша найдет Зиву. Но я ума не приложу, как решать с ней вопрос. Она не пойдет на переговоры ни в коем случае.

Все молчали. Больше всех был шокирован Давид, который раньше понятия не имел о делах отца. Соломон мог его выпроводить из гостиной, но он хотел, чтобы парень узнал обо всем. Все-таки ему уже двадцать лет.

Первым высказался Натан:

— План хорош. Я думаю, с коммерческой точки зрения лучшего варианта и не придумаешь. Насчет Зивы... Если поразмыслить и поймать ее в какую-нибудь ловушку, у нее просто не будет шансов не пойти на переговоры. Вопрос в том, с кем она сейчас трется. И что из себя представляет? Еще такой вопрос: ваш брат жулик был?

— Да, — ответил ему Тимур, — Леня Одессит. Ты что, не слышал?

— Конечно же слышал, — усмехнулся Натан. — Это один из патриархов воровского мира. Он жил по старым законам, а короновал его чуть ли не сам Вася Бузулуцкий. Я просто, насколько помню, у него фамилия...

— Зеленский! — воскликнул Соломон. — Он взял фамилию матери.

— Соломон, а почему ты к ворам не пойдешь? — спросил Тимур. — Ты всю дорогу выделял «на общее», как положено. Твой брат был уважаемый урка. Они впишутся. Если надо, я сам организую встречу.

— Исключено, — покачал головой Соломон. — Никаких воров и блатных. Время уже другое, ребята.

— Я согласен, — кивнул Натан. — Сейчас в стране у руля менты. Тут разборки чуть ли не на правительственном уровне.

— Папа, — неожиданно для всех вдруг заговорил Давид, — могу я высказать свое мнение?

— Конечно, сынок, говори, — кивнул Соломон.

— Зачем тебе это все? — удивленно спросил Давид. — У нас что, мало денег? У тебя есть еще куча недвижимости, картины. Да черт с ним, этим заводом. Это же все так опасно...

В гостиной повисла тишина. Ни один из присутствующих не знал, как ответить на этот простой вопрос, а если и знал, то молчал. Ведь говорить должен был отец. И он ответил спокойно и рассудительно:

— Давид, пойми такую вещь. Мой брат был человек чести. Он придумал, как заполучить завод не для себя, а для меня. Я не знаю, кто его убил. До сих пор не знаю. Но я знаю одно: будь он на моем месте, то отдал бы все деньги, все, что у него есть, но не позволил бы никому отобрать у него то, что его по праву. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — пробормотал Давид. — Но ты не он, папа. Он был... другим. Ты сам рассказывал, ему было плевать на деньги. А ты бизнесмен. И у тебя... есть я. Мне, например, не нужны эти миллиарды. Зачем они тебе? Оставь себе то, что

есть, и все... Натан. — Повернулся он к одному из присутствующих.

— Да, братан, — отозвался Натан в привычной для себя манере.

— У вас, например, есть какой-то бизнес?

— Есть.

— Насколько он велик по сравнению с империей моего отца?

Натан засмеялся:

— Я так сразу и не скажу. Может, двадцатая часть, а может, и сотая.

— Ну вы живете хорошо?

— Прекрасно!

— Так зачем нам столько, папа? — снова спросил Давид у отца. — Натан, вы бы тоже поступали так, как мой отец? Бились бы за завод?

— Не так, — ответил Натан, и лицо его стало очень серьезным. — Я бился бы еще яростнее. Объяснить — почему?

— Объясните.

— Представь себе... — начал Натан и, подумав несколько секунд, продолжил: — Представь себе, у одного человека было несколько чувств: любовь, смелость, жадность и честь. Они все жили в нем. И вот он решил их отпустить погулять, чтобы немного отдохнуть от них. Едва он их выпустил наружу, как чувства, довольные отпуском, собрались полетать по округе. Тогда человек спросил их: «А как мне потом вас найти?» — «В том месте, где мир, красота и поют птицы, ты найдешь меня», — ответила любовь. «Там, где услышишь звон мечей и звуки битвы, буду тебя ждать я», — ответила смелость. «Пройди в богатый дворец, где живут одинокие люди, там буду я», — ответила жадность. А честь молчала. Тогда мужчина спросил ее: «А тебя? Где я тебя найду?» — «Нигде, — ответила ему честь. — Нигде и никогда. Потому что, выпустив меня один раз, ты потерял меня навечно. Я не возвращаюсь сама, и найти меня невозможно». Ты понимаешь, Давид, о чем я говорю?

Все с интересом слушали Натана.

Давид кивнул:

— Я все понимаю... Просто мои взгляды на жизнь немного иные.

— Ничего, родной, — успокоил сына Соломон. — Ты еще научишься жить.

— Да пусть живет, как ему по кайфу! — весело воскликнул Тимур, разливая по рюмкам спиртное. — У него другая жизнь. Он далек от наших принципов. — Он поднял рюмку: — Соломон, если я смогу сделать документы, я с тобой. И моя княгиня тоже, — подмигнул он Кристине.

— Спасибо, Тимур.

— Я давно не был на Земле обетованной, — весело проговорил Натан, подняв рюмку. — Так что, пакуем вещи?

— Спасибо, ребята, — улыбнулся Соломон. — С вами я точно справлюсь с любым врагом. — Они чокнулись, и Соломон добавил: — Едем в Израиль. Ле хаим!

— Ле хаим, — повторили Натан и Давид.

Вслед за ними артистично воскликнула Кристина:

— Раз уж на то пошло... Ле хаим! — И осушила рюмку.

Все удивленно посмотрели на девушку, а Тимур возмущенно сказал:

— У меня такое ощущение, что меня вербуют агенты Моссада.

Вся компания дружно рассмеялась.

Глава 21

29 января из самолета Москва — Тель-Авив вышли Соломон, Натан, Тимур и Кристина. Полет прошел хорошо, вся компания летела бизнес-классом. Билеты покупал Соломон, он же забронировал гостиницу. Аркашу Соломон с собой брать не стал, оставив на него все дела в Москве. К этому времени компания «ЛИС» уже получила необходимую сумму от своего

нового партнера Константина Харламова, зятя Лапусова. Теперь у Соломона было пятьдесят пять процентов доли, остальное принадлежало Косте.

Вся компания поселилась в отеле «Хилтон» на берегу моря в Тель-Авиве. Время было обеденное, и, разойдясь по номерам, друзья договорились встретиться через час в лобби-баре. Кристина с Тимуром были в одном номере, Натан — в другом, Соломон же занимал люкс. Яша должен был остановиться там же. Старые друзья договорились об этом заранее, переговорив накануне вечером по телефону.

Спустя час вся компания сидели в лобби-баре отеля. Соломон предлагал пообедать в ресторане, на что Кристина ответила:

— Может, попробуем что-нибудь местное, из национальной кухни? Мне очень интересно.

— Национальная кухня евреев — это тема для разговоров, — улыбнулся Натан.

— В каком смысле? — не поняла Кристина. — Я знаю, что евреи едят фаршированную рыбу, например.

— Гефилте фиш, — кивнул Соломон. — Но тут такое тяжело найти...

— Это кухня европейских евреев, — пояснил Натан. — Одесских, польских, немецких и так далее. Кухня же израильтян схожа с арабской. Это хумус, фалафель, шаурма... Тут так едят.

— Мы можем это попробовать? Вы же не против? — спросила Кристина и с надеждой посмотрела на друзей.

— Тем более ты любишь шаурму, — подхватил Тимур, ухмыляясь.

— Тогда я вам предлагаю поехать в Яффу, это буквально два-три километра ниже по побережью. Там, я знаю, продают шикарную арабскую шаурму, а у них шаурма вкусней.

— Как скажете, друзья, — согласился Соломон.

Взяв такси, они проехали немного по улице, на которой было большое количество отелей, и добрались до переулков,

затерявшихся среди обшарпанных домов. Натан рассказывал Кристине историю старого города Яффы, Соломон с удовольствием слушал. Зайдя в небольшое кафе, Натан всем объяснил, что с чем едят и как заказывают. Выступая в роли переводчика, так как он один немного знал иврит, он заказал каждому по шаурме из индейки, кучу закусок и кока-колу. Соломон попросил вместо газированного напитка зеленый чай.

Обратно пошли пешком. По дороге слушали рассказ Натана, который, словно гид, перескакивал от истории евреев к традициям кавказцев и войнам, постоянно происходящим на Земле обетованной. В политических вопросах мнения друзей разошлись. Натан поддерживал сторону Кристины, считавшей, что в России можно жить хорошо. А Соломон и Тимур доказывали, что у молодого поколения там будущего нет и лучше жить за границей.

Так и дошли до «Хилтона». У отеля все разошлись, договорившись в восемь вечера встретиться.

Вечером все встреплись в ресторане отеля за одним из столиков, расположенных возле стены. Натан был, как обычно, одет очень просто, в джинсы и бордовый свитер с черной полосой посередине. Соломон Раппопорт восседал во главе стола, то есть слева от Натана. Он был гладко выбрит и одет в дорогой темно-серый костюм и белую сорочку. В ресторан они пришли уже какое-то время назад и, до того как появились Тимур с Кристиной, успели заказать напитки и закуски. Пара выглядела как кинозвезды. Девушка для ужина выбрала вечернее платье из черного шифона и туфли на высоком каблуке. Рядом гордо вышагивал Тимур, облаченный в черный костюм и кремовую рубашку со стойкой. Когда пара уселась за столик, аромат духов Кристины моментально ударил в нос Натану, и он, слегка улыбнувшись, сказал:

— Друзья мои, вы, конечно, очень красивы и элегантны, но мы не в Париже и не в Лондоне. Это Израиль. Тут люди так даже на свадьбы не одеваются.

— Ну и черт с ними! — воскликнул Тимур. — Мне давно хотелось нормально выйти в ресторан. Я пять лет в чем попало ходил...

Он прервал разговор, потому что к столику подошел лупоглазый мужчина лет шестидесяти пяти, небольшого роста, с животиком, густыми бровями домиком и большим носом. Одетый в недорогой костюмчик и кроссовки, мужичок выглядел немного нелепо. Однако, увидев его, Соломон сразу же вскочил:

— Яша, шалом. Как я рад тебя видеть.

Мужчина довольно закричал:

— Шалом, Моня-махер²⁹. Как ты вырос, бубалэ³⁰. Уже дед целый.

Они крепко обнялись, затем Соломон познакомил всех с Яшей, и гость сел за столик. Заказали еды и выпивки. Начался веселый, непринужденный разговор. Больше говорил Яша, рассказывая про Нью-Йорк, про то, как там живет эмигрантам, про американские законы и так далее. Натан, Тимур и Кристина вообще практически все время молчали, только слушали.

Спустя полтора часа, Яша как бы между делом спросил Соломона:

— Вы как разместились? Ты один в номере?

— Да, у меня люкс.

— Шикарно живешь, — улыбнулся Яша. — Тогда давайте чай поьем в номере. Тут о делах говорить не стоит.

— Конечно, — согласился Соломон и попросил официанта принести счет.

Рассчитавшись за столик, друзья поднялись в номер Соломона.

Все уже были готовы к разговору, когда рассаживались в гостиной за столом. Соломон предложил выйти в лаунж-зону,

---

²⁹ Делец (*идиш*).

³⁰ Пай-мальчик (*идиш*).

доступную для номеров класса люкс. Там наверняка никого не было, так как отель в это время года стоял полупустой. Яша отказался, затем важно отдал свои распоряжения:

— Значит так, включите телевизор, пусть на заднем фоне играет музыка. И закажите нам всем в номер чай или кофе.

— Мне мороженое и кофе, — тихо попросила Кристина Натана, который подошел к телефону, чтобы сделать заказ.

— Мне чай, — добавил Тимур.

Соломон одобрительно кивнул Натану, и парень набрал номер рум-сервиса:

— *Вакаша, эхат кафе шахор, эхат глида вз арба тей*³¹.

Положив трубку, Натан тоже сел за стол.

Тогда Яша начал говорить:

— Итак, рассказывай, Моня, шо стряслось? Я думаю, шо дело серьезное, раз ты впервые за двенадцать лет так захотел меня увидеть.

— Да, Яша, сейчас расскажу все...

И Соломон поведал старому другу своего брата про то, как его кто-то пытается обанкротить.

В конце он подытожил:

— Твоя помощь мне нужна, потому что я думаю — это Зива. Больше никто на меня такого зла не держал. А кто держал, не смог бы такое повернуть. Вопрос в том, где ее искать. И как быть?

Яша, молча все выслушав, задумчиво ответил:

— Где ее найти, я знаю. Вот только шо с ней делать?

— А ты согласен со мной, что это, скорей всего, ее рук дело? — поинтересовался Соломон.

— Ты знаешь, Моня, — откинулся на спинку кресла Яша. — Зива — жучка знатная. Была когда-то. Сейчас... конечно, она добилась определенных успехов, смогла сохранить башли, вложила их куда-то... — Было видно, что он прокручивает в голове

---

³¹ Пожалуйста, один черный кофе, одно мороженое и четыре чая (*иврит*).

различные варианты. — Она живет в Москве и трется у тебя под носом, ты просто не замечаешь.

— Как так? — не понял Соломон.

— Та молча, — усмехнулся Яша. — Она в городе. Пасет тебя, а я слежу за ней из Америки. Видимо, не уследил... Шо сказать? Конечно, она может многое. Такая курва хитрая. Уф! Вэй из мир, — с сожалением покачал головой Яша. — Ворона нет. Он бы ее быстро утихомирил. Боялась его сучка... Больше она никогда никого не боялась. И не боится...

Принесли заказ, и Яша мгновенно замолчал.

Расставив все на столе, официантка ушла, записав все на счет номера.

Яша взял чашку с чаем, отхлебнул глоток и, слегка скривившись, взглянул на Тимура:

— Тоже не можешь дрек этот пить?

Все ошеломленно посмотрели на него. Тимур ухмыльнулся:

— Как... Как вы поняли?

— Сынок, я почти пятнадцать лет там был, — улыбнулся Яша. — То, шо вы сейчас зовете зоной, для нас был санаторий. Я твои манеры срисовал сразу. Ну ладно, то не важно. — Он поставил чашку на стол. — Важно другое. Значит, нам надо, шоб Зива призналась. Верно?

— Да, — кивнул Соломон. — Не просто призналась, а пошла на переговоры.

— Переговоры с жучкой вести невозможно, — возразил Яша. — Ее нужно ломать. Другого тут не получится. Она — змея, слово не сдержит, спроса с нее нет. Договариваться о чем-то с такой бесполезно. Ее нужно просто шугнуть. Это не значит, что она успокоится. Но на какое-то время затихнет. Для этого нужно мне ехать в Россию, только я смогу с ней договориться.

— Не нужно этого, Яша, — заволновался Соломон. — Ты скажи мне, где ее искать. Мы сами с ребятами найдем способ поймать ее на крючок.

Яша громко рассмеялся:

— Моня... Ребятки... Не обижайтесь на старика... но вы... — Он отсмеялся и, успокоившись, продолжил: — Вы не обижайтесь. Вы наверняка хорошие, порядочные люди, но... вы дети. Для Зивы просто младенцы. У вас с ней не пройдет ни один *кунц*³². Эта жучка разжует и выплюнет вас.

— Почему вы так думаете? — оскорбился Натан. — Вы же нас не знаете.

— Сынок, — дружелюбно произнес Яша, — я жизнь прожил и вижу многое. Мне одного взгляда достаточно, щоб понять, кто вы. Но ты мне поверь, когда я, Зива и покойный наш старший брат Леня начали воровать, ваши родители еще были детьми. Мы первого лоха крутанули с Зивой вместе, помню... в... по-моему, в 63-м или 64-м году... Ей тогда лет одиннадцать-двенадцать было... Девка прикинулась, шо она потерялась, плакала, рыдала и завела фраера в подворотню. А ведь он помогал ей найти дом. А там мы с Вороном обчистили его. С того времени она с нами и крутилась. — Он покачал головой. — Вы ее не потянете. Не обессудьте за мое откровенное мнение, но я вижу вас и знаю ее.

— При всем уважении, — криво улыбнулся Тимур, — но этого мало. Я имею в виду то, что вы «видите» нас... Я могу лишь одно сказать: нам нужно вначале все проверить и поразмыслить. Необходимо последить за ней и присмотреться.

— А там, — перебил его Натан, продолжая мысль, — если вдруг у нас не получится или мы пойдем, что не потянем, то милости просим. Ведь если вы с ней не сможете договориться, нам уж точно ловить будет нечего. Она стреманется и станет аккуратней. А вот после нашей попытки ваши шансы не изменятся. Ведь я прав?

Яша подумал несколько секунд, затем широко улыбнулся:

— Добро, друг мой. Вас, молодых, не переубедить.

— Мы хотим, как лучше, — отозвался Тимур, — для всех.

---

³² Трюк (*идиш*).

— Вы можете дать нам максимум информации о ней? — спросил Натан.

Яша отпил чай, снова скривившись, и медленно начал:

— Ну, смотри, живет она где-то в районе Ленинского проспекта.

— Отлично, — сказали в один голос, переглянувшись Натан и Тимур.

— Насколько я знаю, с деньгами у нее проблем нет, — продолжал Яша. — В свое время — это после смерти Лени — она снюхалась с каким-то богатым фармазоном, который держал на Арбате ювелирный магазин. Зива выдоила его, обобрала до нитки. Бедолага умер от инфаркта. И что самое смешное, в завещании он оставил ей свой магазин со всем, что там было, да еще и квартиру на Ленинском.

— Это ей так повезло? — удивился Соломон.

— Соломон, дорогой, — Яша опять весело улыбнулся, — отчего ты до сих пор такой наивный? Кому же в наше время может так повезти? Везет, когда торгош с привоза спихнет тухлую рыбу по цене свежей. А Зива... Конечно же она просто успела подделать завещание, оставив семью этого фраера без наследства. Я уверен в этом, или я не Яша Амзель. Ее стиль.

— Вот змея, — сквозь зубы процедил Соломон.

— Так вот, — рассказывал дальше Яша, — она оставила магазин на управляющего, сдала квартиру и исчезла.

— Какие это были годы? — спросил Тимур.

— Где-то 2000—2001-й. Про нее никто ничего не знал несколько лет. Но ее видели то в Киеве, то в Одессе, то в Ростове. Году в 2008-м, может?.. Да, точно, в 2008-м. Я специально навел справки. Мне не нравилось, что она исчезла. Я беспокоился, что курва со спины ударит Соломона, а я... дал слово Лене оберегать его младшего брата. И я ее нашел. Жучка крутила какие-то движения не где-нибудь в подворотнях, а во Франции, в Ницце.

— И что она там делала? — усмехнулся Тимур. — Ей, поди, уже за сорок было.

— В самом соку, — снова улыбнулся Яша. — Признаться честно, я не знаю, шо она там творила. Но в Москву она вернулась, знаю точно, в 2012-м. С того времени она якобы ушла на покой. Отошла от дел. Но... — Он поднял указательный палец, давая понять, что еще не закончил. — Самое подозрительное то, что, уйдя на покой, Зива постоянно мелькает на всех сборищах московской элиты. Она поменяла себе имя. Так сказать, переродилась.

— И как ее теперь зовут? — засмеялся Соломон. — Манька Облигация?

— Зинаида Голицина, — хохотнул Яша. — Бывшая Зива Гольдштейн. И то, что она там крутит и ведет якобы светский образ жизни, очередная подготовка к большой афере. И я могу предположить, что, возможно, она просто готовит кунц против Соломона. Она, змея, и по-любому не умрет, пока не напастит...

— Какие ее основные качества? — спросил Натан.

Яша глубоко вздохнул и недоверчиво посмотрел на парня, который годился ему в сыновья. Старик усмехнулся и ответил вопросом на вопрос:

— Ты хочешь ее психологический портрет изучить? Расскажи мне, что вы хотите предпринять, и я тебе скажу, есть ли шанс, пройдет это у вас или нет.

— Я не могу сейчас ничего сказать, — спокойно ответил Натан, — кроме того, что нужно вначале изучить ее самое и ее образ жизни. Понимаете, у каждого человека есть слабое место. Абсолютно у любого. И каждого можно за это слабое место подцепить. Я не говорю сейчас о том, кого люди любят... — Он посмотрел на Тимура и Кристину. — Например, у Тимура слабое место — это честь его девушки, это и его честь тоже. Не обессудь, Тимур, но ты попал в тюрьму последний раз из-за этого. И из-за вспыльчивого характера. У меня тоже есть слабое место. У вас есть, у Соломона Марковича... Важно вычислить, какого рода слабость у этой Зивы. Как правило, люди горят и попадают в сети из-за двух основных слабостей. Это жад-

ность и зависть. Самые распространенные грехи человеческие. Часто в паре с ними идут лесть, трусость, самоуверенность, тщеславие... Человек неидеален. Никакой. Несложно поймать в сети и того, у которого преобладают благородные черты характера. Порядочность, щедрость и честь, как правило, тоже являются слабостями...

— Это уж точно не про нее, — покачал головой Яша. — Там нет ни чести, ни порядочности... Ничего такого.

— Значит, там злоба и жадность, — засмеялся Натан. — Остается выяснить, что из этого преобладает? Как я понял, ситуация сложилась такая: сначала Зива сама же крысанула деньги у вас, а когда ее наказали за это, забрав свое, ей это не понравилось. Она озлобилась. Это как в одной притче...

— Расскажи притчу, Натан, — попросила Кристина, которая до этого не вмешивалась в разговор.

— Один бедняк, — начал Натан, — дома с женой выпекал лепешки. Каждый день он приносил несколько полукилограммовых лепешек в бакалейную лавку и продавал хозяину магазина. Однажды бакалейщик решил взвесить лепешку, оказалось, что в ней четыреста грамм. Взвесил вторую, третью... все по четыреста грамм! Бакалейщик разозлился и в следующий визит бедняка сказал, что больше не будет у него брать лепешки, так как тот его обманывал. Бедняк горько вздохнул и ответил: «У меня дома просто нет весов. И мерой мне служит полкило сахара, которые я купил у тебя». — Натан закурил сигарету и продолжил: — В бакалейщике, конечно, больше было жадности, которая впоследствии и вызвала злобу. Но из-за своей жадности он сам себя обманывал. Такие люди обычно попадают в сети, которые расставляем не мы, а их собственная жадность. Мы просто можем их подтолкнуть... и все.

Яша смотрел Натану прямо в глаза, не отводя взгляда, потом повернулся к Соломону и произнес:

— Вот молодежь пошла. Мы даже не копали так глубоко никогда. Ты, я так вижу, профессиональный мошенник?

Натан засмеялся:

— Не дай бог. Я сам миллион раз попадал в неприятные ситуации из-за своего дурацкого характера. Причем знал: делать это нельзя... но делал все равно! И загнал свою жизнь в тупик.

— Ты женат? — резко спросил Яша, смотря в глаза Натану. — Тебя любовь твоя губит постоянно?

Натан печально улыбнулся:

— Давайте не будем про меня. Лучше поговорим про Зиву.

— Ну хорошо, — хлопнул ладонью по столу Яша, поняв, что лучше не лезть в душу парню. — Итак, она жадная. Это да. При этом очень принципиальная и наглая особа. Артистичная и хитрая, обман — это ее профессия. При всем своем уме, я уверен, она считает, что мы ее кинули. И ее самым большим желанием, по крайней мере тогда, было обмануть всех. Она вначале с Долларом вместе кинула нас, потом нашими же руками кинула и уничтожила Доллара и хотела еще остаться с нами в дружбе и при бабках. Но ситуацию переломил Соломон, который ее с детства не любил. В общем, башли ей не достались. Дружбу водить уже было не с кем, так как Леню убили, а я особо ей был не интересен. Самое главное, она не считает себя виноватой, думает, что сама стала жертвой обмана.

— Еще можно поинтересуюсь? — спросил Тимур. — Она могла быть причастна к убийству Лени?

— Ни в коем случае, — категорично заявил Яша. — Ты что?! Леня был ее царь. Она без него просто плевок.

— А Доллар? — продолжал Тимур. — Ведь он тоже мог отомстить.

— О чем ты говоришь? — горько усмехнулся Яша. — Дешевый фарцовщик... Его чертанули в Архангельске. Он перед урками трясся стоял. Никогда не решился бы он убить вора в законе. Да и не успел бы. Это все произошло в течение нескольких дней. Его судьба поломалась тогда. Он платил первое время босоте, потом кого убили, кого посадили... А Доллар — проныра еще тот, он, вроде как говорили, по-тихому продал все свое имущество и свалил в Европу.

— А кто убил Леню? — спросил Натан.

— Ты знаешь, — вздохнул Яша, — Ворон тогда поехал на сходку в Днепропетровск. Там урки закусились друг с другом. Время такое было. Леня поддерживал старые традиции, а тут новое поколение, бизнес, бабки... Я думаю, что его из-за этого и убили. Тогда за две недели нескольких жуликов убили, и все при старых понятиях были. Но точно никто не знает. Время было страшное. Убивали каждый день кого-то. — Он встал из-за стола. — В общем, мы все решили. Завтра утром еще увидимся. Вы когда улетаете?

— Завтра вечером, — ответил Соломон.

— Ну а я поеду навещу родню завтра, на денек в Иерусалим смогаюсь, раз уж тут оказался. Мы на связи, Соломон.

— Да, Яша.

— Если что, ни за что не думай, вызывай меня. Вроде, говорят, я уже спокойно могу в Россию приехать. Меня там забыли давно.

Все встали, попрощались с Яшей, и он отправился к себе в номер. Посидев еще минут десять, друзья разошлись по номерам, оставив Соломона одного.

Глава 22

Тимур, сидя на берегу моря, смотрел на волны. Ночь была прохладная, а потому он надел поверх свитера кожаную куртку. После разговора с Яшей прошло уже часа два, парень успел переодеться и решил пройтись. Кристина устала с дороги и осталась в номере. Тимур же не спалось. Он наслаждался свободой. Отсидев третий раз в тюрьме, он в очередной раз переосмыслил свое существование и, выйдя оттуда, решил, что жить надо проще.

Пляж был пустым: не было ни шезлонгов, ни людей. Виднелись лишь несколько каменных плит, вкопанных глубоко в песок. Очевидно, летом их для чего-то использовали.

А сейчас на одной из них сидел Тимур и, выпуская дым в сторону моря, курил, и смотрел на звезды. Позади него, метрах в двухстах, шумел какой-то бар, из которого доносилась музыка. Молодежь гуляла. Вдруг он услышал знакомый хриплый голос:

— Что, братан, кайфуешь с моря?

Обернувшись, Тимур увидел Натана. Парень улыбался и держал в одной руку бутылку виски «Маккален», на две трети полную, в другой — лимон и два яблока. В жакете поверх свитера, с капюшоном на голове, Натан выглядел со стороны как молодой пацан.

Тимур усмехнулся:

— Забухать решил?

— Да не то чтоб забухать... — Натан присел рядом. — Скорей согреться. Ветер холодный...

— Стаканы что не взял? — спросил Тимур.

— Обижает, — важно оскалился Натан и достал из кармана два одноразовых стаканчика.

Тимур вдруг весело засмеялся:

— Натан, ты меня поражаешь. Ты хотел тут найти собутыльника? Ночью. В Израиле. На пляже. Гуляешь с бутылкой и одноразовыми стаканами.

— Зачем искать собутыльника? — удивился Натан. — Я был уверен, что ты будешь тут сидеть. Правда, я думал, что с Кристиной...

— А что тогда третий стакан не взял? — подозрительно спросил Тимур.

— Ну, я так подумал, что она вряд ли будет пить виски. На крайняк я мог бы выпить из горла. Мне не привыкать...

Они засмеялись, и Тимур сказал:

— Наливай тогда, раз все рассчитал.

— Базара нет, — весело ответил Натан.

Разлив по стаканам виски, он достал из кармана выкидной нож и порезал пополам яблоко, протянув одну часть другу. Затем поднял стакан и спросил:

— Давай вмажем?

— За успех нашего дела, — торжественно воскликнул Тимур. — Хотим ведь принести пользу другу, а значит, все должно получиться.

— Даст Бог, — согласился Натан.

Они чокнулись, и Тимур жадно выпил до дна. Это было его любимое виски, и оно приятным теплом разлилось по телу.

— А ты, я смотрю, очень хотел согреться, — удивился Натан.

— Я просто не привык к израильским холодам, — пошутил Тимур, и они вместе рассмеялись. Потом он серьезно спросил: — Ну, ты как думаешь? Потянем мы эту твою соплеменницу?

— Конечно, — ни капли не сомневаясь, ответил Натан.

— Я просто... — задумчиво глядя вдаль, произнес Тимур. — Так непривычно... Все так поменялось за эти годы. Да и я не мастер мошеннических схем.

— Брат мой, — весело сказал Натан, наполняя снова стаканы, — обмануть хорошую мошенницу легче легкого. Все дело в том, что люди думают: раз они такие опытные, значит, для них придумают что-то изощренное. На самом же деле все наоборот. Чем проще схема, тем больше вероятности ее понять. Давай выпьем. — Друзья чокнулись, и Натан продолжил: — За вас с Кристиной. Очень рад за вас, от души.

— Благодарю, — ответил Тимур и осушил стакан. — Ты как думаешь... Одессита, Леню, вальнула эта Зива? Я просто не особо верю мнению американца этого...

— Я тоже не склонен доверять его суждениям, — ответил Натан. — Он не может трезво судить. Они кенты все были... Тут, мне кажется, есть что-то, чего мы не знаем. Я уверен, что и Раппопорт многого не знает. Не все так просто и прозрачно. Она их кинула, потом они ее накатали, потом кто-то убил вора в законе... — Он скривил губы. — Сериалом попахивает. Если она сейчас в натуре хочет отжать Соломона, значит, она точно

не убивала Одессита. Убей она его, на хрена ей уже Соломон? Она бы была удовлетворена.

— Есть такое, — задумчиво произнес Тимур. — Но и тут не вяжется. Если она хотела отомстить Соломону, что она ждала тогда столько лет? Почему раньше не пыталась? Тогда получается, это она убила Леню.

— Именно поэтому, — ответил Натан, снова наполняя стаканы, — нам и надо взять ее за глотку. Тогда выплывет информация, которую, я больше чем уверен, старик не знает. Давай накатим. — Парень поднял стакан.

— Куда ты торопишься? — возмутился Тимур. — Мы за пять минут уже полбутылки приговорили.

— По третьему выпьем — и перерыв. Покурим посидим, — подмигнул ему Натан. — За всех наших друзей выпьем.

Они чокнулись, выпили, и Натан отрезал по кусочку лимона. Закурив, Тимур задумчиво сказал:

— Никогда не думал, что рядом с морем так хорошо. Такой прям... дух свободы тут.

Натан кивнул:

— Мы в Махачкале с пацанами часто приходили ночью... Просто посидеть, посмотреть на воду. Да я и один ходил. Ночью особенно. Или на море, или... на кладбище.

— У тебя отец там похоронен? — спросил Тимур.

— Да, — кивнул Натан. — В Дербенте. Недалеко от Махачкалы.

— У меня отец в Ардоне лежит, — печально произнес Тимур. — Вернемся, обязательно поеду.

— Ты на отца похож? — спросил Натан.

— Внешне да. А так, наверное, нет. Он трудяга был, а я вечное легких денег искал. А ты?

— А я и не знаю даже, — усмехнулся Натан. — Внешне и на мать, и на отца. А так... Всегда хотел быть как он. Пытался... Но он слишком высокая планка для меня, наверное. Не допрыгну я до него. Он смелый был очень. И в свои годы намного больших успехов добился, чем я. Но его убили...

— Зато ты живой, — продолжил Тимур. — Не обессудь, конечно, но это важное преимущество. Ты жизнь сумел сберечь. Это самая большая храбрость, поверь мне. В таких передрягах, в которых мы бываем, это непросто.

— Наверное, так оно и есть, — вздохнул Натан.

— Я знаю, что ты не любишь об этом говорить, — продолжал Тимур, — обходишь эту тему стороной, но тебе надо определиться лишь в одном. Тогда ты перестанешь слоняться как бродяга. Я и сам такой был до Кристины. А сейчас, думаю, какой дурак был, что раньше не нашел ее.

Натан посмотрел другу в глаза:

— Откуда ты знаешь? Про то, какая у меня в этой области история...

— Мне не нужно ничего знать, братан, — твердо ответил Тимур. — Я и так все вижу... плюс слухи разные ходили. Я уверен, что там все непросто. Слышал, что она чеченка, мусульманка. Это что, преграда для тебя?

Натан отвел взгляд и стал смотреть на море. После недолгой паузы он сказал:

— Моя жизнь, наверное, сломана. Я не буду жить нормально. Я максималист и, наверное... фанатик. Я уже давно не умею любить, потому что когда-то я отдал свое сердце одной девушке. И пусть пропадет весь белый свет, но без нее я жить не буду. Никогда!

— Что же тебе мешает? — не унимался Тимур. — Ты вот такие схемы хитрые выстраиваешь. Неужели не можешь ничего придумать?

— Тут есть одно «но», — усмехнулся Натан. — Это не деньги, не месть, не принципы... Это любовь. Тут нельзя пользоваться главным оружием всех этих схем — ложью. А без обмана не построишь никакую схему. В то же время где обман, там не будет любви. Тут не бывает «лжи во благо». Уж лучше горькая, но правда.

Он замолчал. Тимур не стал больше лезть Натану в душу. Он понял, что это и есть то самое слабое место друга, про кото-

рое он сам недавно говорил. Его честность по отношению к любимому человеку не давала ему наладить собственную жизнь. И все равно Натан бы не рассказал ему об этом. Да и зачем? Тимур уважал этого парня, ему было легко с ним, и ему, одному из немногих в своем окружении, он верил. Подняв стакан, он сказал:

— Давай выпьем за них. Они заслужили.

— Без сомнений, — дружелюбно ответил Натан. — Хотя бы потому, что мы их полюбили. Это многого стоит.

Друзья засмеялись и выпили. Натан порезал второе яблоко, потом разлил бутылку до конца.

— Ты меня напоил, Натан, — возмущенно сказал Тимур. — Мы меньше чем за полчаса почти бутылку выпили.

— Где ты видел, чтоб еврей смог напоить осетина? Вы цистерну можете выпить — и ни в одном глазу, — съехидничал Натан.

— Ну еврей, может, и нет... Но ты же бываешь иногда дагестанцем! А с дагами тяжело соперничать, — подколот его Тимур.

Они снова рассмеялись, и Натан опять закурил.

— Ты знаешь, я в жизни в кого только ни перевоплощался — и в дагестанца, и в армянина, и... да в кого угодно! Но мне никогда не было совестно. В душе-то я оставался евреем. Хотя я по-любому кавказец.

— Этот талант, — задумчиво протянул Тимур, — дан только настоящему еврею. Косить под всех, но в душе оставаться евреем.

— Ну, еврей — это не национальность, — весело возразил Натан. — Это образ жизни.

Они снова расхохотались, и Тимур поднял стакан:

— Давай за нашу завтрашнюю дорогу. Пусть она будет легкой и принесет нам удачу.

— За нашу дорогу. — Чокнулся с ним Натан.

— *Уастырджиде 'мбал*³³, — сказал Тимур, допив свое виски. — Теперь пора спать.

---

³³ Да пребудет с тобой в пути святой Георгий (*осет.*).

— Дойти сможешь? А то, говоришь, напился? — хитро улынулся Натан.

— Обижает! — важно воскликнул Тимур и добавил с осетинским акцентом: — Меня охраняет святой Георгий.

— Ну смотри... На этой земле столько святых, как бы он не заблудился, — пошутил Натан.

И друзья, перебрасываясь шутками, пошли в гостиницу.

Глава 23

По возвращении в Москву каждый занялся своим делом. Соломон оформлял необходимые документы по оплате долга перед государством. Кристина продолжала работу в журнале. Тимур восстанавливал дела своей компании «Ардон», которой в его отсутствие управлял его друг Костя Грек. Кроме того, он через знакомых в преступном мире, сокамерников и разного рода бандитов, пытался выяснить, знает ли кто Зиву. Натан же больше всех занимался делом, о котором они договорились в Израиле. Он быстро нашел Зиву, и теперь за ней следили день и ночь верные Натану люди. Договорились на сбор информации выделить одну неделю. Всем не терпелось начать действовать. Тимур и Кристина считали своим долгом помочь Раппопрту. Натан же в большей степени проявлял азарт. Ему было интересно — сможет ли он обвести такую опытную аферистку, как Зива, вокруг пальца? И, конечно же, ему хотелось помочь Соломону. Сам же Раппопрт видел, сколько энергии исходит от его молодых друзей, и был почти уверен, у них все получится. Соломон всегда считал, что все новое лучше, чем старое. Он верил в то, что молодежь более приспособлена к новому времени и им будет легко облапошить привыкшую к старым фокусам одесситку.

Наконец настал день встречи. Собраться решили дома у Соломона, ведь там нет лишних глаз и ушей. Посередине большой гостиной стоял массивный стол с восемью стульями,

за которым недавно друзья отмечали освобождение Тимура. Два узких шкафа были забиты дорогой посудой. С одной стороны на стене висел большой плоский телевизор «Pioneer», с другой были развешены в ряд три одинаковые по размеру и с похожими багетами картины. Принадлежали они кисти Левитана, Бродского и Айвазовского. Под большим панорамным окном стояли кожаный диван, два кресла и небольшой журнальный столик. Кристина и Тимур уже сидели на диване и с интересом слушали рассказ Давида про необразованного и мрачного сатаниста, который стал величайшим скрипачом в мире. Кристина была в шоке. Она никогда не слышала историю Никколо Паганини. В это время во двор заехал черный «лексус». Это был Натан. Соломон тоже спустился вниз из своего кабинета.

Наконец вся компания расселась за столом. Домработница Наргиз принесла чайник с чаем, стаканы, сахар и конфеты.

— Ну, какие новости, мои дорогие? — начал Соломон.

— Все новости, я думаю, у меня, — улыбнулся Натан.

— Главное, у тебя план есть? — немного надменно спросил Тимур.

Он уже начал потихоньку возвращаться к привычному образу brutального мачо, который в тюрьме куда-то исчез, уступив место опечаленному философу.

— Есть, — ответил Натан. — Итак, что я узнал... Зинаида Голицина, то есть Зива, живет на Ленинском проспекте. Дом на углу с улицей Строителей. Ездит на машине «мерседес ЦЛС» белого цвета. — Он достал из кармана стопку фотографий и бросил их на стол, которые все сразу стали рассматривать, а Натан продолжал: — Образ жизни у нее следующий. Просыпается она, судя по всему, поздно, часов в двенадцать. Наверняка дома пьет чай или кофе, не знаю уж что... Но каждый день, с двух до половины третьего, она стабильно ходит обедать в одно и то же место. И тут наша удача! — Натан улыбнулся. — Это кафе «Андиамо» на улице Строителей.

— Ого! — воскликнула Кристина. — Это же одно из наших любимых мест.

— А в чем удача? — не понял Соломон.

— В том, что мы уже знаем, где ее точно можно подловить, — объяснил Натан. — Ну, ладно, продолжу. В общем, после этого она идет домой, затем, спустя где-то час-полтора, выезжает на машине. Заметьте, в «Андиамо» она ходит пешком, там минуты три идти. Ездит она тоже недалеко, в «Фитнес-манию» на Ленинском. Там плавает час в бассейне, пьет потом какой-то фиточай и едет домой. Нафуфыривается, красится, надевает вечерний наряд, брюлики и выезжает в центр. Как правило, каждый вечер она с кем-нибудь встречается в ресторане.

— В каком? — спросил Тимур.

— Тут сложно, потому что всегда в разных. То в «Золотом», то в «Турандот», то в «Ла Маре»... Один раз вообще в синагоге на Бронной с кем-то сидела. В кафе.

— Живет она чем? — спросил Соломон.

— Не могу точно сказать про все, но в ювелирном на Старом Арбате она по-прежнему хозяйка. Оттуда она раз в месяц забирает ей причитающееся. Я думаю, она готовится к чему-то крупному. В ресторанах встречается с разными людьми. За неделю успела поужинать с одним бывшим блатным, а ныне бизнесменом, и с одним депутатом. Остальное — подружки.

— У нее появились подружки? — удивился Соломон.

— А что в этом удивительного? — не понял Натан.

— То, что их никогда раньше не было, — усмехнулся Раппопорт.

— Ты что-нибудь узнал, Тимур? — Повернулся Натан к другу.

— Узнал, — ухмыльнулся тот. — Конечно, информация может нам и не пригодится, но это единственное, что мне удалось выяснить. В Ницце она жила с одним грузином, блатным. У него было много денег, он тут что-то провернул и свалил туда. В 2010-м его убили. Он поехал в Испанию по делам каким-то к уркам нашим, которые там живут. Его там и потеряли. Зива

добила бабки, те, что остались. Когда все закончилось, она вернулась.

— Господи... — покачал головой Соломон. — Это ей лет пятьдесят семь — пятьдесят восемь уже было...

— Она выглядит очень впечатляюще, — оценивающе заметил Тимур, глядя на фотографии. — Вообще не скажешь, сколько ей лет.

— Я бы ей больше сорока пяти не дала, — согласилась Кристина.

— При том, что ей сейчас шестьдесят три или шестьдесят четыре года... — Соломон задумчиво разглядывал изображение. Отложив фотографии, он посмотрел на Натана: — Что думаешь, Натан? Ты у нас специалист главный.

Парень в ответ улыбнулся:

— У меня есть один план. Он довольно прост, но с такой акулой, как она, нужно разрабатывать простую схему. Мы должны ее подцепить на жадности. Но мне кое-что для этого нужно.

— Все что угодно! — решительно воскликнул Соломон. — Любые доступные мне ресурсы и деньги.

— Тут нужно кое-что еще. Пойдем по порядку. Кристина, ты с Тимуром будешь играть для нее спектакль. Сцена будет в «Андиамо». Готова?

Девушка удрученно вздохнула:

— Я бы очень рада, но... Я там была сто раз, и наверняка она меня видела.

— За это не переживай, — успокоил ее Натан. — Ты там бывала вечером, а она только днем. Такая женщина, как она, не пойдет проводить вечер в то место, где обычно завтракает. Для нее «Андиамо» — столовая возле дома. — Он взял одну из фотографий, на которой Зива была изображена в норковой шубе черного цвета. — Нужна такая же шуба. Максимально похожая... Но это я организую. У меня есть друзья в Пятигорске, они сошьют за пять-шесть дней, у них меховая фабрика там. Кристина, размеры им свои скажешь.

— Хорошо, — немедленно согласилась девушка.

— Второе, — продолжал Натан, — Соломон Маркович, нам нужно кольцо. Очень дорогое.

Соломон встал:

— Пять минут. — И быстрым шагом вышел из гостиной.

Когда он вернулся, то держал в руках квадратный деревянный футляр с логотипом фирмы «Гарри Винстон». Мужчина открыл коробку, и все присутствующие ахнули: внутри лежало дивной красоты кольцо на цепочке из белого золота, украшенное кучей бриллиантов и сапфиров.

— Это кольцо я купил как-то в Нью-Йорке... — гордо сказал Соломон. — Оно мне очень понравилось, и я решил взять его для девушки, на которой женится мой Давид. Просто редко встречаешь вещь, которая так западает в душу.

Натан довольно произнес:

— Оно никуда не денется, не волнуйтесь.

— Даже если и денется, — махнул рукой Соломон. — Сейчас важнее другое. А кольцо новое куплю, если что. Что еще нужно, Натан?

— Нужен еще ювелир, который сделает примерно похожее на это кольцо. Дешевую стекляшку.

— С этим пробоем нет, — заверил его Раппопорт. — Крамер сделает все что угодно.

— Еще нам нужна одна девушка... — задумчиво продолжал Натан. — Молодая, красивая... главное, своя, чтобы не подвела. Но я, наверное, сам такую найду.

— Не надо, — остановил его Раппопорт. — Девушка есть. Молоденькая и очень порядочная. Я ей доверяю.

— Ну хорошо, — пожал плечами парень. — Раз вы говорите...

— Это Аня, — перебил его Соломон, — парикмахерша... Арт-директор салона на Юго-Западной. Она порядочная девушка.

— Это маленькая такая, милая, улыбается все время? — догадалась Кристина. — Я ее знаю. Сама хожу к ней. Девочка золото.

— Тогда осталось последнее, — улыбнулся Натан. — У вас наверняка есть знакомые менты?

— Ну конечно, — пожал плечами Соломон. — Какого уровня?

— Самые простые, без запросов. Главное, чтобы отношения хорошие были.

Соломон задумался, потом щелкнул пальцами:

— Начальник полиции нашего района, Одинцовского, пойдет?

— То что надо, — кивнул Натан, затем хитро посмотрел на друзей и продолжил: — А теперь слушайте мой простой план...

Глава 24

В свои шестьдесят три года Зива сохранила привлекательность, насколько это возможно в таком возрасте. Конечно, старость брала свое, но хороший уход, ботекс, подтяжка и различные косметологические процедуры не давали ей пока перейти тот страшный для всех женщин рубеж. Превратившись в Зинаиду Голицину, бывшая одесская аферистка жила в свое удовольствие. В деньгах она не нуждалась, ювелирный магазин приносил достаточный доход, чтобы жить одной. А она была совсем одна... Для кого-то это являлось бы бедой, но не для Зивы. Женщина под старость лет отдыхала. Конечно, ей не сиделось на месте, и она все время пыталась что-то проверить, но мелочи ее больше не интересовали. Она лезла только в крупные дела. Когда-то Леня Ворон многому ее научил. В течение жизни Зива набралась еще большего опыта, но основу заложил, конечно, он. Лишь к старости она поняла, что на самом деле за всю свою жизнь любила только одного мужчину — Одессита. Просто тогда она до конца этого не понимала. Думала, что чувства неважны. Сейчас же, перевидав за свою жизнь кучу разных мужчин, Зива вспоминала только Леню и только ситуации, связанные с ним. Остальных она не то чтобы не помнила, просто

не хотела вспоминать, такими глупыми и наивными они ей казались. Женщина была уверена в том, что с легкостью обведет вокруг пальца любого. Ее же обмануть не сможет никто. Потому что тот, кто мог, уже давно умер. А второго Лени на земле не было, нет и не будет.

Проснувшись в половине первого, Зива приняла душ и приступила к завтраку. Попивая кофе, женщина посмотрела в окно. Было 21 февраля, снег таять еще не собирался, погода в Москве стояла морозная. Она подумала, что сегодня нужно обязательно заехать в магазин, взять денег. Допив кофе, Зива нарядилась, надела джинсы и свитер, накинув сверху норковую шубку, покрыла голову шелковым платком, натянула замшевые сапожки и вышла из квартиры. Ей нравилось в это время пройти пешком до ближайшего кафе. Она делала это ежедневно и уже не представляла себе и дня без этого ритуала. Дорога занимала минут пять спокойным шагом, и ей хватало этого, чтоб подышать свежим воздухом. Кафе рядом с домом называлось «Андиамо». Очень уютное место, с хорошей и разнообразной кухней. Оно было недешевое, стояло ближе к премиальным заведениям, и Зиве именно этим и нравилось. Она неизменно гордилась собой, когда каждый день завтракала в заведении, куда обычные люди могут себе позволить ходить раз в месяц.

Когда посетительница зашла в кафе, ей широко улыбнулась девушка-администратор:

— Здравствуйте. Вы себе не изменяете, как по расписанию.

— Да, доброе утро, — ответила женщина, надменно глядя на приветливую девушку.

Время было уже 13:40, и для большинства людей заканчивался обед, а у нее — утро. Сдав шубу гардеробщику, Зива прошла в зал. Кафе состояло из холла, в котором справа располагался гардероб, за которым виднелись двери туалетов, мужского и женского. По левую руку, напротив гардероба, стоял столик администратора, следом, напротив туалетов, — арка, за которой уже находился зал с панорамными окнами.

Там, на площади метров пятнадцать, слева были расставлены столы с диванами и креслами, справа же находились низкие диваны для любителей кальянов и открытая кухня, где было видно, как готовят еду. Свет здесь был неяркий, что придавало обстановке особый уют. Мебель и посуда дорогие, в современном стиле.

Зива села за свой любимый столик возле окна. Официантка подошла сразу же. Приветливая башкирка улыбнулась и спросила:

— Здравствуйте. Что сегодня желаете?

Зива не была консерватором в выборе еды, но и меняла вкусовые пристрастия нечасто. Обычно она заказывала что-то одно несколько дней подряд, потом меняла и, если блюдо нравилось, опять ела его несколько дней, пока не надоест. Потом опять пробовала что-то новое или возвращалась к старому. Она подумала какое-то время, а потом заявила:

— Давай мне крем-суп из грибов и салат «Греческий».

— Пить что будете? — Продолжала улыбаться девушка.

— Принеси мне... — Зива подумала и, взглянув на чайник оранжевого чая на соседнем столике, попросила: — Чай облепиховый.

— Все поняла, — кивнула официантка и неслышно удалилась.

Зива в этот момент рассматривала за соседним столиком парочку, на столе которой она и заметила тот самый чай. Мужчина лет сорока — сорока пяти, седоватый, брутальный, с дерзким взглядом и надменным лицом. Одет с иголочки, все самое дорогое и элегантное. Видно, что при деньгах. Он и пил чай, со снисходительной улыбкой слушая собеседницу. Ей же была молодая девушка лет двадцати пяти, одетая в яркое платье, скорей всего, из магазина «Зара». Девушка мило улыбалась и рассказывала что-то мужчине, попивая при этом шампанское.

Зива вспомнила фильм «Бриллиантовая рука», где Папанов говорил, что «шампанское утром пьют или аристократы, или

дегенераты». Усмехнувшись, Зива отметила, что на аристократку девушка точно не похожа.

В кафе было что-то не так. И только сейчас женщина поняла, что ее насторожило: почему-то не играла фоновая музыка. Из-за этого она слышала идиотскую историю девицы про то, как она с подругой ходила в ночной клуб и к ним кто-то приставал, а она всем говорила, что у нее есть мужчина. Ее спутник, изображая интерес, слушал рассказ, хотя было совершенно очевидно, что думал он о другом.

Подошла официантка, принесла салат.

— Что с музыкой? — спросила по-хозяйски Зива.

Официантка с досадой ответила:

— Должны вот-вот включить. Там систему настраивают.

— Ясно, — вздохнула Зива и приступила к своему салату, отвернувшись от девушки.

Когда Зива еще не успела приступить к супу, в зал зашла женщина и решительным шагом зашагала в сторону столика, за которым устроилась парочка. Это была симпатичная брюнетка лет тридцати, с собранными наверх волосами, спадающими кудрявыми локонами по бокам. Сильно подведенные глаза делали ее похожей на роковую женщину из старых кинофильмов. Зива моментально оценила ее платье «Дольче Габана» молочного цвета с яркими цветами из последней коллекции и сапожки «Лабутен». Сразу становилось ясно, что перед ней состоятельная девица. Но главное, что привлекло внимание одеситки, так это колье, хищно сияющее на шее. Куча бриллиантов переливались даже в тусклом освещении зала.

Незнакомка подошла вплотную к паре и, обращаясь к мужчине, вызывающим голосом воскликнула:

— Это так ты в офисе сидишь?

Растерявшийся посетитель, ошарашенно глядя на шикарную девицу, пробормотал:

— Марина... Ты... каким образом?

— Кто это такая? — крикнула брюнетка, ткнув пальцем в его собеседницу.

— Это... — Мужчина вконец растерялся. — Это... сотрудница... ну...

— Сотрудница?! — громко крикнула женщина и, подойдя к испуганной спутнице мужа, схватила ее за волосы и, откинув назад голову, указала на ее полуоткрытую грудь: — Это вот такие сотрудницы у тебя?! С голыми сиськами?!

— Прекрати орать! — Уже оправившись от удивления, попытался перехватить инициативу мужчина. — Успокойся и отпусти ее.

— Ах, отпустить ее! Отпустить твою любовницу! Да я тебя уничтожу, кобель! Я... я тебя... тварь ты...

И отпустив девушку, женщина попыталась ударить мужчину. Бедная пострадавшая со слезами на глазах выбежала из кафе. Официанты, наблюдавшие сцену, насмешливо шушукались.

Администратор подошла к скандалящей паре и извиняющимся тоном попросила:

— Извините, не могли бы вы разобраться на улице?

— Я сейчас уйду. Не беспокойтесь. — И девушка, повернувшись к незадачливому ловеласу, ультимативно заявила: — Я не хочу больше тебя знать. Я развожусь с тобой. Я всегда знала, что ты дрянь. Хорошо, что я поставила поиск в твой телефон.

— Разводиться хочешь? — усмехнулся мужчина. — Во-первых, не ори. Во-вторых, с кем это ты хочешь развестись? С чего такая прыть?

— Что?! — вскричала женщина. — Ты что, думаешь, ты меня купил?

— А то нет, — пожал плечами мужчина. — Ты же жить не сможешь без денег.

— Да плевала я на твои деньги! — заорала что есть силы брюнетка и, резким движением вытащив из сумочки кошелек, швырнула в лицо неверному супругу несколько банковских карточек.

— Успокойся, ты, дура! — Мужчина попытался усадить жену за стол, но та продолжала истерику. Она сорвала с шеи ко-

лье, порвав цепочку, и бросила его мужу в лицо: — Не нужно мне ничего твоего! Я больше ничего не хочу!

— Да оставь ты все себе, дура, — прошипел тот.

Мужчина попытался успокоить жену. Он обнял ее и, крепко держа вырывающуюся супругу одной рукой, второй схватил карточки и колье и запихнул их ей в сумку.

Затем глазами подозвал одну из официанток и сказал:

— Проводите ее, пожалуйста, в уборную, пусть успокоится.

Официантка кивнула и, подхватив под руку разрыдавшуюся и уже сменившую гнев на обиду женщину, повела ее в туалет. Мужчина окинул взглядом кафе. Людей было мало, и все сразу же отвернулись. Он сделал несколько глотков чаю и попросил счет.

Зиве к тому времени уже принесли суп и поставили на столик чайник с чаем. Она с интересом наблюдала эту семейную сцену. Хорошо разбираясь в психологии людей, она предугадывала действия при скандале. По ее теории, после гнева, который охватил женщину, поймавшую мужа на измене, должно было наступить отчаяние, что, конечно же, и случилось. Следующей стадией, как правило, были торги. А потом следует примирение. Зиве было интересно, правильно ли она все разложила в голове. Этим психологическим тонкостям ее еще в молодости научил Леня.

Пока мужчине несли счет, Зива доела свой суп. Наконец появилась обиженная жена. Глаза ее были припухшими, но вид она имела решительный, колье на шее видно не было. Она подошла к мужу и твердым голосом заявила:

— Мне ничего твоего не нужно. Я решила окончательно. Еду домой собирать вещи. Я ухожу. Твое сраное колье и карточки я спустила в унитаз. Хочешь, иди забирай!

— Ты, че больная?! Колес обожралась?! — взревел мужчина.

Зива удивилась. Тут ситуация была нестандартная, и вместо торгов началась спекуляция. Либо тут была замешана большая любовь, и деньги не играли существенной роли, так

как их и без мужика было море, либо... Зива стала вглядываться в глаза девушки. Все это пахло какой-то аферой. Не может здравомыслящая женщина такое кольцо смыть в унитаз. Эта фраза могла быть сказана только для кого-то из присутствующих. Но для кого? Она окинула взглядом немногочисленных посетителей. В зале сидели компания молодых ребят-кавказцев лет двадцати — двадцати пяти, пожилая пара, особо ничем не выделяющаяся, и женщина с мальчиком лет двенадцати, уплетавшим пиццу. Ни одного человека, подходящего под нужную категорию, тут не было. Себя в расчет Зива, естественно, не брала. Кто решится втянуть ее в какую-то аферу? Да и зачем? Это исключено. Вывод один: эта женщина либо больная истеричка, либо матерая аферистка, решившая отжать все у мужа на полную катушку, наврав, что выкинула добро в унитаз. Вероятность всех версий была пятьдесят на пятьдесят.

Тем временем спектакль продолжался.

— Ты конченный подонок! — не унималась женщина. — И я тебя уничтожу! Я все расскажу про твою схему с французами... Твоим партнерам и расскажу!

— Заткни свой рот, — с яростью выкрикнул муж. — Ты не посмеешь. Я тебе... А ну-ка поехали, дома поговорим.

Женщина резко отшатнулась и, не удержавшись на ногах, рухнула прямо на Зиву.

— Аккуратней, девушка, — воскликнула одесситка и с пренебрежением оттолкнула ее.

— Извините, — бросила обиженная жена и гордо сказала мужу: — С тобой я никуда не поеду. Иди в туалет, заberi свои карточки, они валяются там. И спасай то, что у тебя осталось. Я на твоё предательство отвечу тем же. Алексей тебя сделает нищим.

Она выпрямилась и помчалась к выходу. Мужчина бросился за ней, извиняясь по дороге перед сотрудниками. Зива увидела сначала, как официанты зашущукались. Было понятно почему. Фраза, что кольцо в туалете, внесла смятение в ряды

сотрудников. Была лишь одна проблема: им нельзя было заходить в туалет для гостей. Но можно было уборщице. Зива, конечно, не верила в то, что колье действительно там. Но спустя мгновение после ухода парочки она увидела в окне, как истеричка, отмахиваясь от мужа, залезла за руль красного «Порш Макана» и, хлопнув дверцей, нажала на газ. Муж ее лишь чудом не попал под колеса, в последний момент успев отскочить в сторону. Незадачливый любовник вскочил в темно-синий «бентли» и газанул вслед за разошедшейся не на шутку супругой. И тут у Зивы закружилась мысль, что, если принять во внимание такие дорогие машины, то эта психопатка действительно могла выкинуть колье.

Да, становилось все интереснее и интереснее. Но проверить было не в ее стиле. Хотя наметанным взглядом женщина сразу определила, что колье очень дорогое. Зива попросила счет, даже не выпив чаю. Ей ужасно захотелось в туалет, но она дождалась башкирку-официантку. Когда аферистка рассчитывалась, она, сама не ожидая от себя, спросила девушку:

— Что это за клоуны были? Кошмар! Устроили тут скандал.

— Оо... — восхищенно вздохнула девушка. — Этот мужчина — миллиардер. Его по телевизору даже показывают. Он часто сюда с разными подругами приходит... Но такое тут впервые.

— Миллиардер? — удивилась Зива. Она все больше утверждалась в мысли, что истеричка действительно могла выкинуть колье. — Да эта же девка — натуральная аферистка!

Расплатившись, Зива неспешно пошла к туалету. У самых дверей она столкнулась с администраторшей, которая, несмотря на запрет, выходила из туалета. Столкнувшись с посетительницей, она опустила взгляд и попыталась проскочить мимо. Зиву обдало холодом. «Вот я дура!» — подумала она про себя. Наверняка эта девка забрала колье. Надо было раньше идти. Ясное дело, плевать администраторше на выговор за то, что зашла в гостевой туалет. Ради такой-то наживы и не то можно стерпеть.

Зайдя в уборную, Зива огляделась. Там было три кабинки, вокруг все было чисто, никаких карточек нигде не валялось. Точно, администраторша унесла все. Хотя во время скандала в зале ее не было... Наверное, услышала из холла или официантки сказали.

Зива дернула дверцу первой кабинки на себя, но та оказалась запертой. Женщина удивилась, затем хлопнула себя по лбу, увидев небольшую бумажку с надписью: «Не работает». Перейдя к следующей, она распахнула ее и с отвращением отпрянула... В туалет, видимо, кто-то ходил по-большому и, просто нажав смыв, даже не удосужился ершиком пройтись внутри унитаза. У нее в голове сразу же мелькнуло: «Администраторша». Поэтому-то она и выходила с опущенными глазами... Резко открыв третью кабинку, Зива лихорадочно склонилась над унитазом. В прозрачной воде поблескивала цепочка. Если нажать на смыв, то кольцо уплывет в канализацию. Если же...

Зива выбежала из кабинки и встала перед раковиной, посмотрев на себя в зеркало. Зеленые глаза горели огнем. Что делать? Она не могла поверить, что это правда. Так не бывает... Но почему? Все случается в жизни. Забегав снова в кабинку, Зива прошептала сама себе:

— Просто посмотрю.

Она аккуратно взяла за цепочку и осторожно потянула ее на себя. Показалось украшение. Вытащив его из воды, Зива обомлела. Это было фантастического вида кольцо. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять: эта вещь серьезного бренда и камни, без сомнения, настоящие, невероятной чистоты. Зива, как замороженная, любовалась игрой бриллиантов. Но надо было что-то делать... Вот только что именно? Отдать кольцо администраторше? Нет. Чтоб она присвоила его себе?! Тогда Зива окажется лохушкой. А что еще? Оставить тут? Положить на раковину? Любой, кто зайдет в туалет, заберет украшение или опять же отдаст администратору. Смыть в унитаз? Она ухмыльнулась. Только сумасшедшая смоет в унитаз кольцо, которое стоит, как минимум, сто тысяч долларов. Она

сходила в туалет, не выпуская все это время кольцо из рук. Надо было принимать решение, и как можно быстрее. Кто-то, возможно, отнес бы находку в полицию, но только не она. Зива выросла среди воров. Она никогда в жизни своими ногами к ментам не пойдет. Да что тут думать? Надо брать и валить. Она резко встала с унитаза. Какая дура! Надо быстрее уходить отсюда. Ни одна живая душа не видела, что она взяла кольцо. Камер в туалете нет. Зива будет у себя дома максимум через семь минут. Тогда все. Она спрячет цацку так, что при обыске ее не найдут. Но надо успеть убраться, пока не вернулась эта истеричка.

Зива бросила кольцо в сумочку, закрыла ее и решительным шагом направилась к двери. Выйдя из туалета, женщина подошла к гардеробщику и подала ему номерок. Седой гардеробщик, сняв шубу, скромно спросил:

— Позвольте вам помочь?

Зива повернулась спиной и, сунув руки в рукава, надела шубу. Она сразу почувствовала какой-то дискомфорт и поняла, шуба очень похожа на ее, но это не она...

В тот самый момент дверь в кафе открылась, и на пороге появились два полицейских, истеричка со своим мужем и две какие-то бедно одетые женщины лет пятидесяти.

— Вот она! — показала на Зиву пальцем хозяйка кольцо, на плечи которой было наброшено мужское кашемировое пальто, которое было ей велико на несколько размеров.

Один из ментов моментально произнес:

— Гражданка, предоставьте, пожалуйста, ваши документы.

У Зивы холод пробежал по спине. «Подстава», — подумала она и, не зная, что дальше делать, на автомате открыла сумочку и протянула паспорт служителю закона.

Полицейский открыл его, прочел имя и важно произнес:

— Будьте добры, выложите на стол содержимое сумочки.

Он показал на столик администратора, сзади которого уже стоял весь персонал кафе. У Зивы подкосились ноги, и, еле-еле взяв себя в руки, она вызывающе спросила:

— По какому праву?

— По подозрению в краже, — оборвал ее второй сотрудник, менее приветливый. — Или в отдел тебя тащить?

Зива подошла к столику и высыпала содержимое сумочки. Там кроме ключей, помады и пудры для лица оказалось кольцо.

Хозяйка украшения сразу закричала:

— Вот оно!

Один полицейский скомандовал второму:

— Оформляй. — И, посмотрев на Зиву, спросил: — Можете объяснить, откуда у вас это украшение?

Зива усмехнулась:

— В туалете нашла.

— А шуба на тебе моя каким образом?! — закричала пострадавшая.

— Шуба? — Не сразу поняла Зива, потом вспомнила, что, надев шубу, не узнала свою вещь, и сказала: — Перепутал гардеробщик, наверное...

Она скинула шубу и обнаружила, что на шелковой подкладке стоит логотип фабрики «Армада».

— Точно! Моя шуба! «Армада»! — закричала истеричка.

— Что ты орешь, дура? — пренебрежительно бросила Зива. — Кому твоя шуба нужна? — Повернувшись к полицейскому, она сказала: — У меня шуба фирмы «Браски», итальянская. Просто похожа на эту... Гардеробщик перепутал, видимо.

— А с какой целью вы тогда ее надели и собирались в ней уйти? — презрительно спросил сотрудник правопорядка и, не дожидаясь ответа, сказал своему коллеге: — Оформляй ее, короче. Я в отдел ее отвезу, ты камеры запроси и свидетелей запиши всех. Поняты, распишитесь в протоколе.

— Да вы с ума сошли! — возмущенно воскликнула Зива. — Вы все с работы вылетите. Дайте мой телефон.

Но средство связи было уже у оперативника, который грубо взял женщину за плечо и потянул к выходу.

— Пострадавшая, вы тоже, будьте добры, проследуйте в отдел.

— Да, конечно, — кивнула истеричка.

Зиву запихнули в полицейский УАЗик, за рулем которого сидел еще один сотрудник, и повезли в отдел.

На ее удивление, ехали очень долго. Это показалось женщине подозрительным. У нее было время все обдумать, и кроме того, что ругать себя за глупость, делать ей было больше нечего. Теперь она начала понимать. Фоновая музыка в кафе не играла, чтобы скандал был слышен. В туалете одна кабинка была грязная, вторая закрыта... Все сделано для того, чтобы она зашла в третью. И никаких карточек там не было. Как она сразу не поняла? Вот дура! Но... Ведь она ничего не воровала. Она просто взяла то, что валялось в унитазе. Пусть докажут, что она украла. А шуба? С этим сложнее, но тоже можно свалить на ошибку гардеробщика. Ей только нужно позвонить своему другу-депутату, он ее вытащит. Но кто ее враг? Однозначно кто-то серьезный. Во-первых, чтобы организовать такое, надо задействовать персонал всего кафе. А это мало кто сможет. Значит, это очень влиятельный или очень богатый человек. Или и то и другое вместе. Менты пришли уже с понятиями. Где такое видано? А тут... Враг мент, точно. С большими погонами, влиятельный мент. Как иначе? А эта истеричка и ее фраер? Совсем не похожи на ментовских. Еще и на «бентли». Но «бентли» и в прокат можно сейчас взять. Москва все-таки, не Одесса.

Погруженная в свои мысли, Зива доехала до места. Машина остановилась, кабину открыли и женщину вывели наружу. Ее завели в большое здание отделения полиции, провели по запутанным коридорам и наконец втолкнули в камеру. Это был не простой «обезьянник», а самый настоящий ИВС³⁴. Хотя в отделении полиции в таком месте ее держать были не долж-

---

³⁴ ИВС — изолятор временного содержания, в СССР назывался КПЗ (камера предварительного заключения).

ны. Зива злобно оглянулась. Камера в три квадратных метра была оборудована жесткой *шконкой*³⁵ и ведром, чтобы справлять нужду. У женщины начиналась паника. Не дай бог ее посадят! Она же не выживет. Зива села на нары и тихо заплакала. Она плакала в своей жизни всего несколько раз. Сейчас ей было до боли обидно. Столько всего пройдя за долгие годы, она ни разу не попадала даже в отделение милиции. И тут, когда на пороге уже маячила старость, Зива жила в свое удовольствие... попасть в тюрьму! И это в шестьдесят три года. Не может такого быть! Видимо, действительно правду говорят, что за все в жизни приходится платить.

Глава 25

После суток, проведенных в камере, Зиву наконец повели на допрос. За эти сутки женщина пережила все муки ада. Она ничего не ела, так как ей, словно собаке, дали два раза по куску черного хлеба и мерзкого вида суп, который эски называют баландой. Он был похож на чью-то блевотину, и она даже притронуться не могла к «угощению». Единственное, она пила воду, которую давали в большой железной кружке.

Зиву завели в кабинет и закрыли за ней дверь. Это была не комната для допросов, как в тюрьме, а обычный кабинет офицера полиции: два шкафа по бокам от двери, окно напротив, стол с офисным креслом под окном, стул напротив. На рабочем месте компьютер, ручки и какие-то бумаги. В кабинете ее ждал непонятный персонаж. Непонятный, потому что это совершенно точно был не следователь, не опер, да и вообще не мент. Опытная Зивы это поняла моментально. Перед ней сидел молодой парень лет тридцати пяти — тридцати восьми, одетый в джинсы, модные кожаные ботинки «Ричмонд» с железными бляхами на пятках, черный свитер и шелковый шарф «Этро»,

---

³⁵ Тюремная кровать, нары.

повязанный на манер Остапа Бендера. У него были черные волнистые волосы, хитрые миндалевидные глаза и шрамы на лице и горле. Он явно был с Кавказа, но вот откуда именно — понять сложно. Шеголь полусидел на краю стола и дымил сигаретой; когда же Зива вошла, он мило улыбнулся и вежливо произнес:

— Присаживайтесь, госпожа Голицина.

«Настоящей фамилии не знают, уже хорошо», — подумала Зива и села.

Парень ласково улыбнулся:

— Не смею называть вас по фамилии Гольдштейн, так как ей уже шестьдесят три года, а мадам Голициной по паспорту всего пятьдесят два.

— Кто вы? Что вам нужно? — злобно блеснула зелеными глазами Зива.

— Я сейчас все объясню. — Парень обошел стол и, сев в кресло, включил компьютер.

Понажимав какие-то кнопки, он повернул монитор к одеситке. На экране шла видеозапись из кафе «Андиамо». Звук не было, только изображение.

Парень начал комментировать происходящее:

— Первая запись. Это вы неделю назад заходите в кафе «Андиамо». На вас недорогое пальтишко, остальная одежда та же, что и сейчас. Администратор та же, гардеробщик тот же. — Он переключил на следующую запись. — А это вы выходите вчера и по номерку... не видно какому... получаете норковую шубу... чужую, не вашу. — Переключив снова, он продолжал: — Извините, буду излагать по порядку. Это девушка ругается с мужем. Вот она выходит... Следующая камера показывает, как она вышла в холл... В туалет она не идет... Что она делает? Ага! Она снимает кольцо и кладет его в карманчик. Видите, у этого платья два небольших карманчика по бокам, чуть ниже груди... Снова камера в зале... Супруги ругаются... и... девушка падает на вас. Теперь внимание: вы отталкиваете девушку, держа свои руки... как раз на кармашках платья. Тааак... — Он снова переключил видео. — Ну это... как вас за-

держивают... понятно... то да се... — Парень развернул монитор обратно. — Итак, признаюсь честно, мы сфабриковали запись, на которой вы в пальто, так, как будто это было вчера. — Он снова приятно улыбнулся. — Дату поменяли просто на записи. В остальном же дело обстоит так. Зинаида Голицина, пятидесяти двух лет — это значит, что посадить вас можно спокойно, возраст позволяет, — сидя в кафе, стала свидетелем скандала богатой парочки и по старой привычке, как только представилась такая возможность, залезла бившейся в истерику девушке в карман и вытащила оттуда колье и номерок. Девушка ничего не почувствовала. Будучи сильно расстроенной, она убежала из кафе без верхней одежды. Муж выбежал за ней. Но в конце концов супруги решили поговорить дома и вернулись за шубой.

— Они уехали, — тихо сказала Зива.

— Это вы видели, — ехидно произнес парень. — А камеры видели другое. Супруги вернулись, но номерка не нашли. Выбегав в панике на улицу, они встретили двух полицейских, проходивших мимо. Рассказали им все. Полицейские поняли, что только карманник мог вытащить номерок вместе с колье. Вспомнили, с кем столкнулась девушка в кафе? Правильно, с Зинаидой Голициной. А она еще не выходила из заведения. Оперативники попросили двух прохожих быть понятыми, чтобы взять воровку тепленькой и получить по звездочке. Возвращаются, а там — опа! — вы в гардеробе. Вот и все.

— Что вам от меня нужно? — слабым голосом спросила Зива.

— Варианта у нас два, — твердо ответил парень. — Первый — мы вас сажаем. Могу вас заверить, вы отправитесь на небеса прямо из зоны. Кушать грибной суп-пюре вам уже никогда не придется. Но есть второй вариант... Нам нужна ваша помощь.

— Что?! — возмутилась Зива.

— Да, да, — кивнул собеседник. — Просто мы знали, что вы не захотите сотрудничать с органами, поэтому решили

прибегнуть к небольшой хитрости. Если же вы не согласитесь... Что ж, лишние грамоты нам всегда пригодятся, мы вас посадим.

— Ты ж не мусор, — прищурилась Зива. — Я вижу.

— Нет, — спокойно согласился парень. — Мусора такое не проворачивают. Я майор Федеральной службы безопасности.

— ФСБ? — удивилась Зива, понимая, что это может быть правдой: в этой структуре работали самые разные люди, и вычислить их было очень тяжело.

— Да, да, именно оно, — дружелюбно ответил фээсбэшник. — Теперь я вам расскажу, что нам нужно. Точнее, кто.

— Ну? — приготовилась слушать Зива, понимавшая, что ставки уж очень высоки.

— Есть один человек, которого по указанию сверху мы берем в разработку. К человеку этому подлезть очень тяжело, прошлое его скрыто за семью печатями... Но, по нашим данным, вы с ним не просто знакомы, а даже имели конфликт. Поэтому-то вы и должны нам помочь. У нас с вами, если хотите, общий враг, и, опять же по нашим данным, вы уже начали подкапываться к нему. Знаем даже, через кого вы это начали делать... Вернее, буду честен, точно мы не знаем, но подозреваем. Вы его банкротите потихоньку. Нам же нужно его ни в коем случае не выпустить из страны.

— Кто это? — удивилась Зива. — Вы меня явно с кем-то перепутали. Кого я могу обанкротить? Что за бред?

— Ну, хватит, — нахмурился фээсбэшник. — Вы прекрасно понимаете, о ком я. Соломон Раппопорт — это имя вам о чем-нибудь говорит?

— Моня??? — Зива вскочила, чуть не упав со стула. Уж что-то, а это имя она никак не ожидала услышать. — Да вы с ума сошли! Я его не видела лет двадцать. Как мне его банкротить?! Он же самый настоящий олигарх! Вы... перепутали меня...

— Сядьте и успокойтесь, — сурово посмотрел на нее парень. — Я знаю, вы шикарная актриса, мы подняли все дан-

ные. Знаем о вашей связи с его братом, вором в законе Зеленским, связи с Волковым тоже установлены. Известно о незаконной приватизации архангельского завода. Не упирайтесь. Я же вам не предъявляю обвинения. Я предлагаю быть нашим другом. Вы поможете нам, а мы — вам.

— Да вы издеваетесь надо мной! — У Зивы вырвался нервный смешок. — Я с удовольствием вам помогла бы, но, во-первых, Моня всегда был далек от делишек брата. Моня просто жадная скотина. Он кинул меня когда-то. Но я уже смирилась и давно обо всем забыла.

— Почему? — испытующе взглянул на женщину парень.

— Молодой человек, — театрально воскликнула аферистка, — я простая пожилая женщина. Он — миллиардер. Куда мне тягаться с ним? Да и зачем? Если вы все знаете... вы должны понимать.

— Расскажите, может, у меня неточная информация.

— Ха! — осмелела Зива. — Я сейчас вам все расскажу, а вы эти штучки с камерой опять провернете.

— Даю слово, весь разговор будет не под запись. — Фээсбэшник поднялся с кресла и, обойдя стол, встал перед женщиной. — Более того, если вы мне дадите информацию, нужную нам, я обещаю вас отпустить и забыть обо всем произошедшем. Вы поймите, что посадить вас мы и так можем. Материала достаточно. Но вы нам неинтересны. Нам нужен Раппопорт. Я знаю ваши взгляды на жизнь и был уверен, что с ментами вы сотрудничать не захотите...

— Вы ж не мент, — хитро сверкнула глазами Зива. — Ваши сейчас Россией правят.

— Ну, это громко сказано, — улыбнулся парень. — Одним словом, что вы готовы рассказать?

— Я расскажу все, что знаю, — устало вздохнула аферистка. — Мне терять уже нечего, как я поняла. Если вы действительно роете под Моню... Поделом ему! — Она гордо вскинула голову. — Когда-то мы вместе с Волковым кинули Леню, брата Соломона. Потом я предложила Лене и Соломону кинуть

Волкова. Они его и кинули. В результате... Леню тогда убили, не за это, правда, за что-то другое. Соломон хапнул завод, а меня оставил за бортом. — Она злобно прищурилась и словно выплюнула: — Если бы Леня был жив, его брат не посмел бы со мной так поступить!

— Дальше, — поторопил ее фээсбэшник.

— А что дальше? Я перебивалась, как могла. Соломон богател. Я думала: придет время — поквитаюсь с ним. Уехала за границу жить. Когда вернулась, уже и сама остыла, да и... — Она пожала плечами. — Я одна. Немолодая уже женщина. А он — олигарх. В общем, остыла я. Черт с ним! Пусть подавится! Тем более, если по-честному, я и сама виновата. Не нужно мне было с Волковым на сделку идти и кидать Леню. Поделом мне тоже. Сейчас это понимаю.

— Но отомстить Раппопорту все равно хочется, — улыбнулся парень.

— По случаю, — пожала Зива плечами. — Я не смогу сама такое дело проверить. А так... вам помочь — с удовольствием. Только вот чем? Ума не приложу.

— Н-да... — задумчиво произнес фээсбэшник. — А Волков? Он где?

Зива засмеялась:

— Вы у меня спрашиваете? Я, что ли, в ФСБ работаю?

Парень засмеялся с ней вместе:

— Просто мы им не занимались вообще. Данных не собирали, а потому информации мало.

— Сдох он! — продолжала смеяться женщина. — Его блатные довели, так он убежал за границу и сдох там. Мразь был он... Хуже Соломона. Крыса последняя!

— Ясно, — вздохнул парень. — Больше вам нечего мне рассказать?

— Я все сказала... — безразлично произнесла женщина. — Теперь отпустите меня домой.

— Ладно, — улыбнулся он. — Мне для этого нужно минут двадцать. Оформим все, и идите домой.

— В камеру я не вернусь, — решительно заявила Зива. — Подожду здесь. Оформляйте что хотите.

— Без проблем, — снова ласково улыбнулся фээсбэшник. — Ждите тут. — И он вышел из кабинета.

Глава 26

Натан зашел в соседний с тем, где ждала Зива, кабинет, где перед компьютером сидели Соломон и Тимур. Операция, подготовленная им, прошла успешно, только вот результат не такой, как хотелось бы. Кристина и Тимур сыграли скандалившую пару на отлично, парикмахерша Аня прекрасно изобразила глупенькую любовницу, а сам он — фээсбэшника. С хозяином кафе «Андиамо» договорился Соломон. Также он попросил своего хорошего знакомого, начальника полиции города Одинцово, помочь ему. Все вышло как нельзя лучше. Зива клюнула на наживку, и ее поймали. Специально продержали в камере сутки. Но что делать теперь? Это нужно было решать уже вместе.

— Все видели, все слышали? — спросил Натан с порога.

— Да, — нахмурился Соломон.

— И что скажете? Я думаю, она правду говорит...

— Похоже, — вздохнул Соломон. — Она ни при чем... это точно.

— Отпускаю ее тогда?

— Подожди. — Соломон все еще размышлял.

— Давай выкинем ее из страны, — предложил Тимур. — Пусть валит в Одессу или в Израиль... Зачем ждать укуса змеи?

Соломон, похоже, что-то решил, потому что быстро поднялся и сказал:

— Пойдемте со мной. Я хочу с ней поговорить.

— Может, не стоит, Соломон Маркович? — спросил Натан. — Я могу ей просто сказать, что она должна свалить, и она свалит.

— Она и так уедет, — твердо заявил Раппопорт и пошел вперед, кинув на ходу: — Я должен высказаться.

Они зашли в кабинет по очереди. Лицо Зивы менялось с появлением каждого из мужчин. Увидев Соломона, она театрально воскликнула:

— Моооня, вэй из мир! Как ты вырос.

Соломон сел в офисное кресло напротив аферистки, Натан облокотился на край стола, Тимур уселся на табурет в углу кабинета.

— Слушай сюда, курва подзаборная, — начал устрашающим голосом Соломон, — я с тобой разговариваю последний раз в твоей жизни. Если у нас состоится еще одна встреча, она для тебя будет последней встречей с живым человеком.

Зива дерзко сверкнула кошачьими глазами:

— Ты кого тут пугаешь, щенок вчерашний? Я с твоим братом через все плохое прошла, пока ты жизнью наслаждался. Поцом был ты всегда, им и остался...

— Заткни свой поганый рот и слушай, — спокойно продолжал Соломон. — Ты всегда была тварью. Никогда не была достойна даже рядом стоять с моим братом. Теперь же, когда его нет, я тебе все скажу. Ты ничтожная, жалкая подстилка, которая заслуживает наказания. Я сейчас могу засадить тебя в тюрьму до самой твоей смерти.

Зива с опаской бросила взгляд на Натана, который с непроницаемым лицом подмигнул ей, давая понять, что это правда.

Тем временем Раппопорт продолжал:

— Я не буду этого делать, потому что я человек. Я не такой кусок падали, как ты. Но видеть тебя я больше не желаю! Даже дышать с тобой одним воздухом мне противно. Поэтому я даю тебе два дня, сегодня и завтра. Ты соберешь вещи и уедешь из Москвы.

— Куда это я должна уехать? — нервно спросила Зива.

— Куда хочешь. Деньги у тебя есть. Магазин твой будет работать и отправлять тебе на жизнь. После того как ты свалишь, я кину твои данные в розыск. Если ты вернешься в Россию — сядешь. Ясно тебе?

Зива вспомнила, что утром у нее взяли отпечатки пальцев, сфотографировали радужную оболочку глаза, описали форму черепа и сделали фотографии.

— Все рассчитал, козел! — зло процедила она.

— Еще раз повторяю, — продолжал Соломон, — завтра в девять вечера ты будешь отправлена в розыск. — Он встал. — Теперь можешь валить отсюда.

Зива встала и, надменно посмотрев на него, заявила:

— Трус ты, вот ты кто. — Затем повернулась к Натану: — Ну, а ты кто таков? Это ты меня на крючок поймал? Поц!

Натан ухмыльнулся:

— Я просто развлекался. Вы для меня мелочь.

— Ух ты! — воскликнула она. — Шоб я знала: кто сумел?

— Натан, — ответил парень. — Этого, я думаю, достаточно.

— Более чем, — одобрительно кивнула аферистка. — Приятно, шо свой. Запомни: Зива Гольдштейн — это твой рекорд. Постарела я... — горько усмехнулась она. — Попалась мальчишке... Ну да ладно, живите дальше.

Она махнула рукой и быстрым шагом вышла из кабинета.

— Зря вы это сделали, Соломон Маркович, — покачал головой Натан. — Не знала бы она ничего и так уехала бы.

— Она не попадется мне больше и ничего не предпримет, — уверенно сказал Соломон. — Я не мог себе отказать в удовольствии. С детства ее ненавижу...

— Дальше что делаем? — спросил Тимур. — Подозреваемого у нас больше нет.

— Давайте вечером соберемся у меня и подумаем вместе? — предложил Соломон.

— Хорошо, — в один голос ответили друзья.

— Мы поедем тогда? — Тимур встал с табуретки.

— Да, ребята, — кивнул Соломон и, когда парни были уже в дверях, добавил: — Спасибо вам. Большое спасибо.

— Да все в ажуре, — криво усмехнулся Тимур, напомнив этой фразой Соломону старшего брата.

Глава 27

Февральский вечер 2016 года выдался по московским меркам теплым. Столбик термометра показывал всего минус два градуса. В доме Соломона Раппопорта, уже как будто по традиции, собралась компания друзей. Тимур с Кристиной пили чай и шутили друг с другом, весело смеясь. Натан расспрашивал Давида о студенческой жизни. Наконец появился Соломон, который разговаривал по телефону в своем кабинете. Вид у него был хмурый, черный костюм добавлял трагичности его образу, делая мужчину похожим на человека в трауре.

— Друзья мои, — обратился он, перед тем как сесть, к присутствующим, — я в первую очередь хочу поблагодарить вас еще раз. Вы сделали колоссальную работу. Спасибо вам.

— Да ну, перестань, Соломон, — небрежно хмыкнул Тимур. — Хватит благодарить. Мы друзья, в конце концов. И будем стоять рядом с тобой во что бы то ни стало. Пока не станем древними... как Дербент, — шутливо подмигнул он Натану, упомянув его родной город.

— Конечно, — согласился Натан. — Наш долг помогать в первую очередь своим друзьям, плюс еще и партнерам. Главное, чтоб нас не накрыло пылью с Ленинского проспекта, — парировал он, подмигнув Тимуру в ответ.

Соломон наконец улыбнулся:

— Ну вы даете.... Соревнование в красноречии?

— Разве мы можем соревноваться-таки с сынами Моисея? — вздохнул Тимур, произнося слова с комично-еврейским акцентом.

— В смысле, пока святой Георгий нам путь не укажет, мы только с сынами Будды соревнуемся, — вновь парировал Натан, изобразив осетинский акцент.

— Ну все, успокойтесь, — засмеялся Соломон. — А то до ночи будете подкалывать друг друга.

Друзья переглянулись, Натан дружелюбно произнес:

— Два — два на сегодня... Пока что.

— Да, но счет открыл я, — хитро ухмыльнулся Тимур. — Значит, я нападающий, а ты всего лишь оборона.

— Кто придет к нам с мечом, от него и погибнет, — тихо возразил Натан.

— Уже три — три! — весело прокомментировал Давид.

— Итак, ребята, — перешел к делу Соломон, — что мы имеем на сегодняшний день? У нас проблема. Мы не знаем врага.

— Давайте думать, какие еще есть варианты? — отбросив шутки в сторону, предложил Тимур. — Кристина там нарыла какой-то информации. Помните, вы ее просили?

— Да, да, — кивнул Соломон. — Если мы не можем вычислить основного врага, придется бить по его генералам.

— Это нормально, — согласился Натан. — Екатерина непременно проиграла бы все войны, не будь у нее Суворова, Потемкина и Румянцева.

— Именно, — подтвердил Раппопорт. — Поэтому, Кристина, выкладывай, что узнала?

Девушка взяла со стола папку и, достав небольшую стопку листов, начала пересказывать написанное:

— Что я узнала... Хабаровский судостроительный завод, пятьдесят один процент акций принадлежит государству. Остальные сорок девять распределены разными долями между тремя людьми, одним российским банком и одной китайской компанией. Все данные записаны, проанализируем позже, по необходимости. Генеральный директор — некто Андрей Паршин, личность весьма загадочная. Родом из Владивостока, ему сорок лет, стремительно взлетел по карьерной лестнице. Причина тому есть: его жена — сестра какого-то очень серьезного чиновника из Москвы. Фамилия ее девицы Калашникова.

— Вряд ли ее дед придумал автомат, — усмехнулся Тимур.

— Ну... — Кристина улынулась шефу. — Автомат тут ни при чем. Так вот... Ясное дело, что толкнул его тесть. Я подума-

ла, скорей всего, сам этот тесть и стоит за заводом в правительстве. Но найти подходящего человека не смогла. С такой фамилией только мелкие рыбешки и без сестер.

— Ну, ясно как день, он с другой фамилией сидит в кресле.

— Скорей всего, — согласилась Кристина и продолжила: — Это еще не все. Я позвонила в Хабаровск. По счастливой случайности моя однокурсница живет там и работает на местном канале журналисткой. Попросила ее выведать что-нибудь. Естественно, весь город знает семью директора крупного завода, и часто видят его с супругой. Вроде как журналистка говорит, что за ним нет никаких темных историй. Преданный муж, семьянин. Но если копнуть хорошо, я думаю, что-то да можно найти. Что касается теневых владельцев, то есть крыши из правительства, тут я жду вашей отдельной команды, Соломон Маркович. Это нужно выяснять, затрачивая немалые деньги, а главное, связи необходимы.

— Достаточно зайти в базу ФСБ, и все вылезет наружу моментально, — подсказал Тимур и продолжил шуточную атаку на Натана, который с интересом разглядывал листы с фотографиями и данными, которые принесла Кристина. — Натан вон у нас знатный фээсбешник... Днем еще был.

— Да, да... — медленно подтвердил Натан, не отрываясь от бумаг, и, не отреагировав на шутку друга, с интересом спросил журналистку, показывая на фотографии: — Это Паршин с женой?

— Да, — кивнула Кристина.

— Я, конечно, не знаю... но... — Натан не договорил и снова стал внимательно рассматривать фотографии.

— Натан, ты что-то интересное увидел? — спросил Соломон.

— Да не то чтобы... прям увидел... — Натан отложил бумаги и, подняв взгляд на Кристину, улыбнулся: — Что-то еще, Кристин?

— У меня все, — развела руками девушка. — Дальше надо искать фээсбэшников.

— Мое мнение таково, — начал Натан. — Как тут ни крути, а ниточка у нас только одна, и я уверен, что она верная. Это директор завода в Хабаровске. Клубок распутать можно. Посмотрите на его жену. Она страшней моей жизни. Ума в ее глазах тоже не наблюдается. По виду она еще и старше его. Натуральное быдло. И на него гляньте. Молодой, симпатичный парень с большими деньгами... Какой он семьянин? С ней? — Парень усмехнулся. — Да он ложится с ней в постель, как по приговору суда, сто процентов. Из этого следует, что он наверняка погуливает, и подозреваю, что даже имеет постоянную любовницу. Тимур вчера играл роль неверного мужа, он знает, как это бывает. — Шутка уже была на грани приличия, и Тимур недобро сверкнул глазами в сторону друга. Но хитрый еврей не хотел затевать перепалку, а потому тут же перешел к важному делу: — Хабаровск — город небольшой, и утаить там что-то будет тяжело. Поэтому, я думаю, директор завода гуляет, кайфует и имеет любовницу в каком-то другом городе. Он слишком примерно себя ведет, старается сохранить лицо и перед обществом, и перед супругой, брата которой наверняка боится. Следовательно... Первое: жена у него властная, с характером. Второе: брат ее силен и страшен. Это не просто какой-то старый алкаш-чиновник, а скорее всего, тип из новой власти. А в нашей новой власти либо менты, либо бывшие рэкетеры, либо откровенные злодеи. Я уверен на девяносто девять процентов, что этот брат — либо тот человек, кого мы ищем, либо его близкий друг. Скорей всего, он родом из Питера, потому что вся власть сейчас оттуда.

Все сидели, открыв рты от удивления.

Тимур же, подхватив мысль, продолжил:

— На сегодняшний день главное, что нам нужно... Кристина, пробей, куда часто летает этот директор завода, в какой город. Натан прав. Он должен иметь постоянную любовницу. Также нужно больше информации собрать про его жену. Соломон, у ментов знакомых сможешь пробить?

— Нет, — покачал головой мужчина, — это исключено. Ты же понимаешь, Тимур, мой брат меня учил, что властям доверять нельзя. Если там действительно такой серьезный враг... Это уже не одесская жучка Зива, тут можно проколоться быстро. Доверять никому нельзя.

В разговор внезапно, так же как и в прошлый раз, влез Давид:

— Папа, можно мне сказать?

— Да, Давид, конечно, — кивнул Соломон.

— Я, может, повторюсь, но... Вы вообще понимаете уровень угрозы? Папа, у тебя достаточно денег. А так ты... и вы тоже можете потерять все, что у вас есть. Вы говорите сейчас о первых лицах государства. Они раздавят нас всех, как муравьев. — Он перевел дух и продолжил: — Если у вас получилось разыграть представление, чтобы поймать в ловушку какую-то старую мошенницу, это не значит, что и тут все выйдет. Нельзя воевать с правительством. Они всегда будут на шаг впереди вас. — Парень говорил с чувством, что собственноручно его возрасту. — Папа, я тебя прошу, остановись! Отдай им завод. Ты слабее, признай это уже наконец. Отдай, и черт с ним!

Соломон строго посмотрел на сына:

— Перестань, Давид. Ты еще молод слишком. Не лезь!

— Подождите, Соломон Маркович... — Натан, как всегда, старался договориться со всеми, а потому обратился к Давиду: — Давид, ты говоришь правильные, разумные вещи. Я во многом с тобой солидарен. Действительно, власть всегда впереди нас на один шаг, а наш враг и вовсе на два, потому что мы его не знаем. Он действует из тени. Но есть и другая сторона медали. Во-первых, на каждую власть найдется сила еще более мощная. И из этого следует во-вторых... Одержав победу можно над любым противником, даже превосходящим тебя во много раз, если найти его слабое место. А оно есть у всех, даже у самых могущественных людей. На этот случай у меня есть притча. Один сокол часто охотился на уток. Но бы-

ла одна утка, которую он никак не мог поймать. Она была хитрей хищника и умело пряталась. И вот однажды сокол издалека увидел эту самую утку, плавающую посреди пруда. Разогнавшись как следует, сокол устремился к добыче. В последний момент утка нырнула под воду, оказавшись в своей стихии. Не желая смириться с очередным поражением, гордый сокол устремился за ней. Но утка, быстро увернувшись, выплыла на поверхность и взлетела в небо. Сокол же, не умеющий плавать, отяжелел от воды и барахтался в пруду, не в силах выплыть. Утка посмеялась над ним и улетела. Улетела по небу, где сокол был королем. Эта притча очень похожа и на нашу ситуацию. Мы — слабая утка, а эта самая власть верховодит в стране, как сокол в небесах. Но в нашем маленьком мире хозяева — мы. И если к нам кто-то сунется, мы на своей территории сможем победить любого. Главное, навязать нападающим свои правила игры.

— Давид, — подхватил Тимур, продолжая мысль Натана, — пойми, эти люди не просто хотят забрать чужое, они собираются отнять то, ради чего столько сил положил твой покойный дядя. Возможно, его даже именно из-за этого убили. Мы же просто помогаем защититься твоему отцу, потому что мы его друзья. Никем из присутствующих тут не движет ни жажда наживы, ни жажда власти... В отличие, кстати, от нашего врага, который стремится в свой мешок с золотом закинуть еще одну монетку. На нашей стороне правда и справедливость. И это лучшие помощники из всех существующих. Поверь мне, наш потенциал несравним с их силой. Он поистине огромен. Я, когда еще не знал Натана, слышал про него историю. Один борец хотел с ним драться, а он предложил ему сыграть в русскую рулетку и первым спустил курок у своей головы. Тогда борец включил задний ход. А Натан верил, что правда на его стороне, поэтому и не испугался. Вот и все. У врага нет той душевной стойкости, какая есть у нас. В его мире существуют только меркантильные цели, а вот человеческого — ничтожно мало.

— Это точно, — вздохнула вдруг Кристина. — Там все считают, что *хомо хомини люпус эст*³⁶.

— Что считают? — удивился Тимур.

— Ну, человек человеку волк, — улыбнулась девушка.

— Это на латыни, наверное? — спросил Соломон задумчиво.

— Да, — ответила Кристина, — у меня же родители врачи, я латынь с детства учила.

— Это все ясно, — вернулся к разговору Давид, — но ведь когда-то... этот же самый завод... в Архангельске... Он ведь не по наследству достался нашей семье? И вряд ли мой дедушка, школьный учитель, накопил достаточно денег, чтобы купить такое производство. Папа с братом тоже его у кого-то забрали нечестным путем, но...

— У государства, — перебил молодого человека Тимур. — Это большая разница. Не у кого-то, а у чего-то. Забрали убитое предприятие и дали людям рабочие места, сделали благое дело.

— Пусть так... — не успокаивался парень. — И за эти годы, попользовавшись заводом, заработали. Папа, ты получил много денег и смог их вложить в другие предприятия. Теперь можно и вернуть завод. Государство право в том, что хочет забрать его назад.

— Его же не государство хочет забрать, — возразил Тимур. — Присвоить себе его хочет какой-то хапуга, который, прикрываясь должностью, отнимает у людей принадлежащее им по праву.

— Кристина... — обратился Соломон к девушке, как будто не слыша последние слова сына, — скажи снова... на латыни...

— *Хомо хомини люпус эст.*

Старый еврей посмотрел на сына и спокойно сказал:

— Сынок, тебе не нужно больше это все слушать. Не обижайся, но иди, пожалуйста, к себе, а мы поговорим.

---

³⁶ Человек человеку волк (*лат.*).

Давид развел руками и, вставая, с сожалением обратился к отцу:

— Папа, как бы то ни было, я всегда поддерживаю любое твое решение. Просто я останусь при своем мнении.

Соломон кивнул ему в знак согласия и снова посмотрел на Кристину:

— Хомо — это человек, верно?

— Да, — улыбалась девушка, — а люпус — волк...

— Волк... — погружаясь в свои мысли, пробормотал Соломон.

— Что такого в этой пословице, Соломон Маркович? — удивился Натан.

Соломон молча сидел и о чем-то сосредоточенно размышлял. Натан с Тимуром переглянулись, понимая, что их старший товарищ вспомнил что-то важное. Через несколько секунд Раппопорт озадаченно спросил:

— Как вы считаете, ребята, фамилия Лапусов... Что это за фамилия?

— Обычная русская фамилия, — хмыкнул Тимур.

— Может быть, даже татарская, — добавил Натан.

— Одну секунду! — воскликнула Кристина и, достав из сумки айфон, включила его, так как на время разговора друзья выключали телефоны, опасаясь прослушки. Девушка набрала в поисковике и стала читать вслух: — Фамилия Лапусов в пятидесяти процентах случаев имеет русское происхождение, в пяти — украинское, в десяти — белорусское, в тридцати приходит из языков народов России (татарского, мордовского, башкирского, бурятского и т. д.), еще в пяти процентах случаев происходит из болгарского или сербского языка. Эта фамилия образована от имени, прозвища, рода занятий...

— Стоп! — прервал девушку Соломон. — От прозвища или имени, верно?

— Ну да, — пожала плечами девушка.

— Моя фамилия, например, — рассуждал Соломон, — происходит от слова «ворон» на немецком. И родись я русским, был бы Вороновым. Так?

— Да, — ответил Натан, — у европейских евреев так часто. Например, фамилия Сигал — на немецком чайка.

— Не в этом дело, — оживленно продолжал Соломон. — «Лапус» — это волк. Значит, Лапусов — это Волков. — Он обхватил голову руками. — О господи! Вэй из мир! Это просто совпадение...

Друзья сидели, открыв рты от удивления. Соломон достал телефон и, быстро набрав номер, поднес динамик к уху. Дождавшись соединения, он скороговоркой заговорил:

— Яша... Яша, срочный вопрос.

— Да, Моня, — послышался спокойный голос Яши. — Шо случилось?

— Яша, я сейчас прям... Тебе на «Вотсап» пришлю фотографию... Срочно! Напиши мне, знаешь ли ты этого человека или нет. Просто напиши, да или нет!

— Хорошо, хорошо, не нервничай так. У тебя все нормально?

— Да, — быстро ответил Соломон, — все потом расскажу... про Зиву, про все... Сейчас только посмотри на фото и развея мои сомнения.

— Присылай.

— Имей в виду... прошли годы. Смотри внимательно...

Отключив соединение, Соломон быстро отправил по «Вотсапу» Яше какую-то фотографию и замер, напряженно глядя на экран. Но ответа не было. Соломон заметно нервничал. Друзья в недоумении молчали. Прошло меньше минуты, как зазвонил городской телефон. Он не прослушивался, так как Соломон специально купил защищенный номер у грамотных хакеров. Он включил соединение по громкой связи.

Раздавшийся в комнате голос Яши был серьезен, как никогда. Он сразу спросил:

- Ты один?
- Я с друзьями, — ответил Соломон.
- Где ты его нашел? — мрачно спросил Яша.
- Это он?! — с ужасом воскликнул Соломон.
- Да. Ты не узнаешь его?
- Как я мог?! *Восэр шлимазала*³⁷! Как я попал!
- Успокойся, Моня, — попытался урезонить друга Яша. — Что случилось? И как ты не узнал его?
- Как я его узнаю? Я и не видел его никогда.
- Как это не видел? Мы у вас во дворе как-то сидели. Забыл? Он тогда первый раз до Ворона приехал.
- Вэй из мир! — продолжал причитать Соломон. — Этот человек просто сделал меня... Это он! Не помню я его... Как мы ошибались!
- Моня, послушай меня. Я завтра же вылечу до тебя. Успокойся. Главное, знаем уже...
- Да что толку, что мы знаем? — удрученно произнес Соломон.
- *Бэсер а бисл, эйдер горнит*³⁸. Ничего не предпринимайте. Я прилечу, будем решать.
- Хорошо, — покорно согласился Соломон.
- Он отключил телефон и с мрачным лицом повернулся к друзьям.
- Что он успел сделать? — спросил Тимур.
- Он уже владеет половиной моей компании.
- Соломон Маркович, — спокойно, но очень решительно сказал Натан, — вы не обессудьте, вы старше меня, но нельзя поддаваться панике. Мы только что получили огромный козырь. Я прекрасно все понял, этот человек строит из себя друга, сразу сообразив, что вы его не узнали. В этом наше преимущество. Надо и дальше ему подыгрывать. Но теперь уже мы на шаг впереди него. Мы точно поймаем его в сети, уничтожим

---

³⁷ Какой я неудачник (*идиш*).

³⁸ Лучше немного, чем ничего (*идиш*).

ТЕНЬ БРАТА

вначале его армию, а потом и его самого сотрем в порошок. Наши шансы только что увеличились раз в сто.

Соломон печально усмехнулся:

— Как я не догадался раньше...

— Теперь это не важно, Соломон Маркович. Вы только скажите, мы будем его душить?

— Обязательно, — кивнул Раппопорт. — Даже если я потеряю все.

— Тогда ждем Яшу и вместе разрабатываем план, — предложил Натан.

— Да, — кивнул вконец расстроенный Раппопорт.

— Это тот самый человек, который нам нужен? — тихо спросила Кристина.

— Да, — ответил старый еврей. — Его фамилия Волков. И... если он дошел до таких высот... смог дойти... я почти уверен, что это он убил моего брата.

ЧАСТЬ 4

Уверены люди в своей правоте,
Бросают на кон свои жизни.
Боятся остаться они в нищете
И тонут в своем эгоизме.
Историю пишут на чистом листе,
О чести своей, героизме.
А после итога в глухой темноте,
Рыдая, они зубы стиснут.

Глава 28

Давид Раппопорт, учась в МГИМО, мало общался с однокурсниками. Он был очень консервативен в отношениях и дружил преимущественно с ребятами из музыкальной школы. Учился он музыке с детства, в самом центре Москвы, в школе имени Чайковского при одноименной консерватории. И с первого дня обучения он подружился с Андреем Магидовичем. Когда Давид пришел, маленький, худой и бледный, Андрей был лучшим учеником в группе, виртуозным скрипачом. Ребята быстро сошлись, несмотря на то что Давид перехватил у друга пальму первенства. Отец не одобрял музыкальную карьеру сына, поэтому Давид еще и учился в школе-лицее с углубленным изучением иностранных языков, а музыкальную посещал лишь три раза в неделю. Андрей же учился в обычной средней школе, но мечтал о карьере скрипача. Будучи ровесниками, ребята в одно время закончили одиннадцатый класс. Давид поступил

в МГИМО, а Андрей — в консерваторию. Но дружба их только окрепла. С первого дня учебы Давид часто приходил к своему другу в консерваторию и постепенно познакомился со всеми его сокурсниками. Молодому Раппопорту не нравилось общество мгимовников, помешанных на деньгах, дорогих шмотках и машинах. Со второго года обучения Давид влюбился в одногруппницу Андрея, Ангелину Луценко. Голубоглазая, белокурая красавица ответила на ухаживания парня взаимностью, и с тех пор они не расставались. Ежедневные посиделки в кафе, дни рождения знакомых и друзей, поездки куда-то — они везде были вместе. Давид приезжал после занятий на Большую Никитскую, и молодые люди обычно ходили в кафе «Уголек» или «Кофеманию». Иногда ездили и в другие места, но тут было привычней. Да и потом, многие студенты консерватории, имевшие средства, тоже ходили сюда, и было приятно видеть вокруг знакомые лица. Конечно, отец категорически запретил Давиду жениться на Ангелине, и парень не думал об этом... Он вообще не думал о женитьбе, потому что не представлял себе, что сможет любить кого-то, кроме Ангелины. Но своего отца он тоже любил, почитал и уважал так сильно, что никогда бы не пошел против его воли. Из-за этого Давид решил не думать пока о будущем, а отдать все в руки Бога. Пусть время пройдет, а там будь что будет. Поэтому парень продолжал жить спокойной, размеренной жизнью.

По настоянию отца он учился, причем довольно неплохо. Хорошо знал английский и французский. Но его страстью всегда была музыка. И Давид не останавливался, совершенствуя свое умение, играл кроме скрипки на гитаре и фортепьяно. А еще читал много книг, если на это оставалось время. Когда же рядом оказывалась любимая девушка, душа его пела. Давид порой проявлял излишнюю принципиальность, но в целом был добрым и покладистым человеком. Он старался ни с кем не ссориться, никогда не дрался и практически ничего не знал о криминальной жизни. Да и откуда он мог об этом знать? Книг таких он почти не читал, да и на тему эту правдиво пишут немногие. В жизни вращался в другом обществе. Рассказать

о мире бандитов и воров было некому, да и не нужно это было парню. Он слышал, что его дядя был крупным мафиози и его убили еще в девяностых. Знал, что отец преклонялся перед старшим братом и любил его больше Бога. В воображении Давида дядя Леня был похож на Марлона Брандо из «Крестного отца». Он представлял покойного родственника именно таким: справедливым и по-своему честным, отбирающим у богатых и раздающим бедным. Этаким одесский Робин Гуд с сицилийским уклоном. Соломон же, его отец, был далек от этого романтического образа. Он для Давида был Ротшильдом, богатым и успешным бизнесменом, умным и рассудительным дельцом.

Недавно же отец впервые разрешил сыну присутствовать при разговоре с друзьями. И тогда Давид увидел Тимура, Натана и Кристину. Они произвели на скрипача большое впечатление. Молодой человек сразу понял, что мужчины родом с Кавказа, хотя акцента у них практически не было. А Давид старался держаться от кавказцев подальше, ведь они вечно со всеми задирались, и их горячая кровь всегда, по мнению парня, преобладала над разумом. Конечно, помог Интернет, там он нашел статью о том, как Тимур Алборов, человек с двумя судимостями, защищая свою спутницу, ударил ножом зятя министра внутренних дел. Тогда он решил, что знакомый отца — человек несдержанный и жестокий. На деле же Тимур оказался разумным и рассудительным парнем. Давид чувствовал, что под надменной маской кроется благородный и смелый дух настоящего рыцаря. Это был не примитивный бандит в наколках, каких показывают на «Ютубе». Тимур дорого одевался и выглядел как министр. Но Натан Давиду нравился больше. Он был проще в общении, хотя казался намного хитрее. Юноша после первой их встречи думал, что Натан имеет два высших образования и, как минимум, учился где-то за границей, причем везде получил красные дипломы. Каково же было его удивление, когда отец, ухмыльнувшись, сообщил, что Натан двоечник, который даже в школе до конца отучиться не смог. А ведь Давид поначалу был уверен, что Натан не имеет отношения к крими-

нальному миру. Но и тут отец снял с сына розовые очки, объяснив, что Натан просто слишком хитер, чтобы сидеть в тюрьме.

Тем не менее Натан был юноше симпатичен. Он даже оставил парню свой номер телефона, велел звонить, если вдруг что. Скрипач на это лишь улыбнулся, но Натан добавил коротко и веско: «Если вдруг будут какие-нибудь проблемы...»

Давиду было приятно, что эти люди от души помогают отцу.

Два дня назад юноша опять влез в разговор, протестуя против разгорающейся войны. Он вообще не любил конфликты и не понимал, зачем нужно драться друг с другом. К тому же парень переживал за отца всем сердцем, ведь, кроме него, у Давида никого из родных не было. Несколько родственников, о которых он только слышал, жили в Израиле и США, и контакт с ними Раппопорты не поддерживали. С маминой стороны он не знал вообще никого. Теперь же отец, имея и так кучу денег, рискует своей жизнью. Будучи очень скромным и ранимым человеком, Давид не мог сказать отцу, что боится его просто-напросто потерять. Он не мог даже выговорить такие слова, а потому предостерегал, как мог. Но отец, увы, к его советам не прислушивался.

С этими печальными мыслями Давид и приехал в очередной раз на Большую Никитскую. Припарковав машину, он зашел в «Кофеманию». Время было около восьми часов вечера, и от посетителей отбоя не было. Тем не менее свободные столики были, и хостес провела его к одному, в уголке. Давид сел, заказал капучино и написал сообщение Ангелине. Девушка должна была прийти вместе с Андреем и его подругой Светой.

Через пятнадцать минут за столик уже усаживались его смеющиеся друзья и любимая девушка.

— Чему вы так радуетесь? — улыбнулся Давид.

— Мы зачет сдали! — воскликнул радостно Андрей.

Ангелина бросилась Давиду на шею и, поцеловав его в губы, прощбетала:

— Весь день на нервах. А сдали так легко!

Света, примерно одного роста с Андреем, худенькая брюнетка с большим бюстом, тоже радостно о чем-то рассказыва-

ла. Она была подругой Ангелины, училась с ребятами в одной группе, и Андрей за ней долгое время ухаживал. Лишь недавно девушка сдалась, и молодые люди стали встречаться. Света посмотрела на своего парня и спросила:

— Может, отметим?

— Можно, — согласился тот. — Дав, вы с нами?

— Я не буду, — отказался Давид, — но компанию вам составлю.

Он понимал, в чем дело. У Андрея не было столько денег, как у него, и, возможно, друг переживал из-за счета. Однако Давид ненавязчиво дал понять, что за все заплатит. Ребята заказали фруктовую тарелку, сэндвичи и коктейли, Андрей — «Лонг-Айленд», а девочки — по двойному «Мохито».

Когда стрелка часов подходила к десяти вечера, маленький, щуплый брюнет Магидович еле-еле допивал второй «Лонг-Айленд», его черные круглые глаза потихоньку затягивал туман опьянения. Девочки тоже были уже навеселе и что-то радостно напевали. Света наконец заявила, что нужно ехать домой. Давид попросил счет, расплатился, и друзья собрались выходить. Уже на улице захмелевший Андрей, обычно тихий и скромный, обнял свою подругу и попытался прижать ее к стене, очевидно, чтобы поцеловать. Но не удержался на ногах и, поскользнувшись на гололеде, рухнул на землю, по инерции схватившись за что-то, что подвернулось под руку. Это оказалось зеркало припаркованного у тротуара черного БМВ 7-й серии, которое парень попросту оторвал. Выглядело все очень комично, и, не придав произошедшему значения, компания громко расхохоталась. Раскрасневшаяся Света, не успевшая даже застегнуть куртку, заливисто смеялась, и ее внушительный бюст плавно колыхался в такт движениям. Подняв с земли Андрея, Давид помог другу отряхнуться от снега, и ребята не спеша побрели по тротуару. Но не успели они пройти и пяти метров, как сзади кто-то ударил Андрея по ногам, да так сильно, что бедолага опять упал. Развернувшись, друзья увидели троих разъяренных парней чуть старше, чем Давид и Андрей.

Двое из них были темноволосыми, с крючковатыми носами — явно кавказцы. Третий оказался русским, с нелепой прической, закрывающей наполовину уши. Один из кавказцев был маленьким и коренастым, лет двадцати пяти, второй — высоким, с черной, аккуратно подстриженной бородкой. Он-то, судя по всему, и ударил Андрея, так как стоял впереди всех.

— Что, черти, убежать решили?!

— В чем дело? — не сразу понял Давид.

Второй кавказец в этот момент со всей силы пнул Андрея, который еще не поднялся с земли, в живот.

— Вы что творите?! — воскликнул Давид, отважно вставая перед нападавшим и закрывая доступ к другу.

Девочки, стоявшие в стороне прижавшись друг к другу, уже начали плакать.

— Ну ты, уродец! — злобно выплюнул высокий. — Твой кент зеркало оторвал у моей машины. А вам, я смотрю, смешно?

— Стоп, стоп! — Поднял руки Давид, по привычке пытаясь решить дело миром. — Не надо его бить. Он тут ни при чем. Мы договоримся сейчас. Да, мы виноваты...

— Кто зеркало оторвал? — перебил его низкорослый. — Если он ни при чем, то кто? А?

Он был очень агрессивно настроен и стоял со сжатыми кулаками. Давид слышал тихий стон Андрея позади себя и понимал, что его хилый друг не сможет выдержать больше ни одного удара. Делать было нечего, и Давид, не испытывая ни страха, ни ярости, ни желания драться, готовый ко всему, гордо глядя в глаза нападавшего, твердо произнес:

— Я.

В эту же секунду из глаз брызнули искры, потому что что-то невероятно тяжелое врезалось ему прямо в щеку. Удар коренастого парня был метким, Давид упал, но остался в сознании. Прижав руку к лицу, он начал медленно вставать. Ангелина закричала.

Русский парень бросил ей:

— Заткни свой рот.

Давид между тем, поднявшись на ноги, зло посмотрел на него и сказал:

— Ты с девушкой разговариваешь вообще-то.

Вместо русского ему ответил высокий кавказец:

— Еще хочешь получить, лошок? Смелый, что ли? Или джентльмен?

— Не джентльмен... — пошатываясь, через силу произнес Давид. — Просто считаю, что мужчина... настоящий... не имеет права так разговаривать с девушкой.

После этих слов последовал еще один удар. Давид дернулся назад, и кулак прошел по касательной, задев зубы. Рот залила теплая жидкость. «Наверное, кровь», — подумал с испугом парень, но храбро продолжал стоять на месте.

— А мужчина настоящий отвечает за свои поступки? — спросил высокий.

— Конечно, — ответил Давид.

— Тогда че вы, как черти, убежали, а?

— Мы... — Растерялся молодой Раппопорт, — не сориентировались вначале, но я готов...

Он не успел договорить, потому что следующий удар пришелся прямо под глаз, и Давид опять упал. Удар был настолько сильным, что парень на какое-то мгновение потерял сознание. Однако, придя в себя, он упорно попытался встать на ноги.

— А может, это не ты сорвал зеркало? — спросил высокий. — Ты скажи, если не ты, тогда тебя не тронем. Охранник ведь сказал, что не ты.

— Я, — стоял на своем Давид. — Но от того, что вы меня бьете, зеркало новое не появится.

— Тогда мы тебя просто уьем, — засмеялся коренастый и со всей силы ударил парня ногой в живот.

Давид закашлял и согнулся пополам. Ангелина бросилась к любимому, обняла его сзади за плечи и, плача, взмолилась:

— Ну за что вы его бьете? Ребята... ну, не надо...

— Свали отсюда, — скомандовал высокий и вновь обратился к Давиду: — Не признаешь, что не ты?

— Нет... Это я... — с трудом произнес парень, думая о том, что бы сейчас чувствовал несчастный Андрей, если бы его так били.

— Ну, и что нам с тобой делать? — усмехнулся обидчик.

— Я... все опла... чу...

— Да? — удивился парень. — Пряма-таки все-все?

Давид слабо кивнул:

— Да.

— Ну хорошо, — надменно начал высокий кавказец, — тогда слушай сюда. У тебя денег много?

— Хватает, — ответил Давид, каким-то чудом сумевший подняться на ноги.

— То, что тебе с твоей матрешкой хватает, это ясно. — Нападающие засмеялись в голос. — А вот хватит ли нам — это вопрос.

Давиду страшно не было. Ему было наплевать на себя, но называть так Ангелину...

— Она не матрешка, — вымолвил он.

— Ты в натуре дерзкий, я смотрю! — удивленно воскликнул высокий, но бить его больше не стал. — Значит, смотри. Я должен был сегодня ехать на сделку, с которой я заработал бы... — Он прищурился, как будто прикидывая в уме. — Скажем... три тысячи долларов. Нормально?

Давид усмехнулся:

— Из-за этого... меня били?

— А, мало?! — радостно воскликнул обидчик. — Тогда семь. Нормально?

Давид кивнул, продолжая ухмыляться.

Русский парень достал из кармана листок с ручкой и протянул другу. Тот передал его Давиду и скомандовал:

— Пиши расписку.

Раппопорт в недоумении посмотрел на кавказца и спросил:

— Зачем?

— Как зачем? — усмехнулся бородатый. — А если ты завтра отрицать все будешь? Или заявку накатаешь? — Он показал

на капот стоящего неподалеку, прямо под фонарем, «форда» и продолжил: — Вон туда пошли. Там и напишешь.

Пожав плечами, Давид, еле волоча ноги, пошел к машине. Снега давно не было, и автомобили были сухие. Андрей все это время стоял неподалеку, прижимая к себе Свету, губы его тряслись от страха. Ангелина пошла вместе с Давидом, поддерживая его под руку. Подойдя к машине, Давид вопросительно посмотрел на кавказца, который начал диктовать текст. Юноша написал расписку о том, что он сломал чужую машину и обяжется теперь выплатить хозяину семь тысяч долларов переводом на карту «Сбербанка». Указав свои данные и данные машины, Давид расписался внизу. Кавказец с довольным видом убрал расписку в карман и протянул «обидчику» маленькую бумажку:

— Это номер мой. Набери-ка мне.

Давид передал бумажку Ангелине, потому что сам был не в силах держать в руках телефон. Девушка быстро набрала номер, раздался звонок.

Бородатый кивнул:

— Я жду три дня. Моя карта привязана к номеру. На имя не ориентируемся, она не на меня оформлена. Отправишь деньги, и чтоб я вас больше не видел. Постарайтесь уж!

Кавказцы вместе со своим другом ушли, а Ангелина, Андрей и Света кинулись обнимать Давида. Девочки причитали и жалели пострадавшего, Магидович виновато благодарил. В конце концов все сели в такси и поехали к Ангелине домой. Она жила с родителями, но сейчас они были в отъезде, и девушка наслаждалась одиночеством. Посмотрев на себя в зеркало заднего вида, Давид ужаснулся — так его побили первый раз в жизни.

Глава 29

На следующий день после приезда Яши вся компания опять собралась дома у Соломона. Сам хозяин дома, уже успокоившийся, полный энергии и строящий далекоидущие планы, хло-

потал по делам и отдавал распоряжения подчиненным. Сегодня он считал своим долгом достойно встретить старого друга Лени, который заменил ему старшего брата. Наргиз накрывала на стол. Из ресторана доставили только что вынутую из духовки утку с яблоками и картофелем, большого фаршированного карпа, приготовленного по личному заказу Раппопорта, несколько видов салатов, двух запеченных диких сибасов, фуагра, черную и красную икру, рыбное ассорти, красиво разложенное на большом блюде, и просто-таки огромный казан с узбекским пловом, который хозяин распорядился поставить на печь, чтобы не остыл. Миша привез с рынка свежие овощи, фрукты и соленья. Наргиз за день до этого сварила большую кастрюлю компота из сухофруктов, а сам Соломон достал из бара бутылку дорогого коньяка «Де ла мейн» урожая 1955 года, французское вино, белое и красное, заранее купленную им литровую бутылку виски «Макален» двадцати одного год выдержки и конечно же, специально для Кристины, шампанское «Кристал». На фоне всего этого великолепия две бутылки французской водки «Грей Гус» казались чем-то незначительным.

Давид вчера остался у своей Ангелины и до сих пор не вернулся домой. Соломон немного переживал из-за того, что в прошлый раз был с сыном немного, как ему теперь казалось, резок. Давид был уже взрослым человеком, и, с одной стороны, отец даже радовался, что у парня имелось свое твердое мнение, но с другой... Соломон был не согласен с этим мнением. И ему не была близка позиция сына, он не считал для себя возможным сложить оружие. Как же ему сейчас не хватало Лени... Почти двадцать один год прошел с его смерти. А Соломон все так же чувствовал себя беззащитным и слабым. В день Лениной смерти у его младшего брата выбили землю из-под ног, и сколько бы ни было теперь у него денег, чувство уверенности в завтрашнем дне так и не вернулось.

Мысли его прервал шум автомобильного двигателя. Соломон посмотрел в окно и увидел, как к дому подъезжает машина Натана. Парень вышел, открыл багажник и достал оттуда

черный пакет и несколько связанных вместе плоских квадратных коробок. Раппопорт отметил про себя, что еще ни разу парень не пришел в его дом с пустыми руками. Он всегда приносил какой-то подарок. Впрочем, так было принято у кавказцев, и Натан не изменял традициям. Зайдя в дом, парень улыбнулся:

— Соломон Маркович, как говорится, *шабат шалом*³⁹.

— Шалом, дорогой друг, — улыбнулся хозяин дома. — Ты опять что-то притащил. Я же все заказал, зачем это?

— Ну, так надо, — пожал плечами Натан. — Тем более что я принес кое-что необычное. — С этими словами он водрузил пакет и коробки на стол.

Открыв пакет, парень с гордостью вытащил оттуда прямоугольную картонную коробку синего цвета с надписью «Jelzin».

— Что это? — не понял Соломон.

— Это водка, Соломон Маркович. Новая, очень хорошая французская водка, называется «Борис Ельцин». В картонной таре с краником, тут три литра.

— Вэй из мир, Натан! Ты прям балуешь меня, — воскликнул Соломон.

— А в коробках осетинские пироги, — продолжал гордо улыбаться парень. — Я взял специально, чтоб Тимур кайфанул. Да и их вроде все любят. Можно к столу подать.

— Ну, добро, друг мой, спасибо, — улыбнулся Соломон и посмотрел в окно: — А вот и Тимур.

Следом за Тимуром и Кристиной приехал и Яша с водителем, которого выделил старому другу Соломон.

Вся компания расселась за столом, не хватало только Давида. Яша поднял первый бокал, пожелав всем плодотворной недели и успехов в делах.

На протяжении часа Яша рассказывал про жизнь в США и поражался тому, как сильно изменилась Москва. Он не был в России около пятнадцати лет, и ему было чему удивляться.

---

³⁹ Приветствие, которым любой еврей встречает наступление субботы в пятничный вечер.

Наконец гость из Америки встал и поднял тост за память своего друга Лени. Он говорил долго и от души, под конец у мужчины даже появились на глазах слезы. Он выпил, за ним выпили остальные, а потом, сев обратно на свой стул, Яша задумчиво сказал:

— Вы знаете, ребята, я многое видел в жизни. Я похоронил и родителей, и кучу друзей, и сестру родную. Но такой пустоты, которая во мне поселилась после смерти Лени, не принесла больше ни одна потеря. Я как будто жду до сих пор встречи с ним. Он мне и снится часто.

— Мне тоже снится, — печально согласился Соломон.

Тимур с Натаном молчали. Им было немного странно видеть, как двое уже пожилых мужчин так сильно переживают из-за потери, случившейся много лет назад. У кавказских горцев мужчине вообще не принято выставлять чувства напоказ. Тем более перед младшими по возрасту и перед женщинами.

Но это были одесситы, люди совершенно с другим менталитетом.

Яша закурил и, взглянув на Натана, сказал:

— Ты знаешь, Натан, хорошую комедию разыграли вы с Зивой. Я не ожидал, что вы сможете так ее... Мне Соломон все рассказал.

— Ну я ж говорил, что слабое место есть у всех, — улыбнулся Натан. — И мы его нашли просто, вот и все.

— Признаю, мне не верилось, что у вас это получится, — улыбнулся Яша. — Но я, видимо, постарел... Да и Зива тоже. Или время уже не то. Как бы ни было, Леня всегда говорил, что правда побеждает, нужно только помочь ей выйти наружу.

— Это и есть самая сложная задача, — развел руками Соломон, понимая, что разговор плавно начинает переходить к делам.

— Согласен, — кивнул Яша. — В том-то и заключается талант — умение вытащить ее наружу. Расскажу вам одну историю. Наш Леня был при больших понятиях и жил исключительно по воровскому закону. Но его острый ум всегда мог

раскрутить дело так, что вроде он где-то как-то отступился, сделал не четко по правилам, но так при этом все закрутил, что и придраться не к чему. Цель достигнута. Правда вышла наружу. Так вот. — Он посмотрел на Тимура. — Ты знаешь, о чем я говорю, а для остальных я поясню. Когда на зоне в карты на деньги играют два фраера, то есть не блатных, всегда должен быть хоть один свидетель. Потому что при выигрыше потом ничего не докажешь. Фраер всегда может соврать. Когда же играют блатные, бродяги, жулики, то могут играть и двое. Бродяга всегда говорит правду. Он не может врать, это исключено. Я, когда сидел второй раз... Не буду говорить, где это было, и имен тоже настоящих называть не стану, потому как не знаю, где эти люди сейчас и живы ли вообще. В общем, к нам заехал один бродяга, назовем его, скажем, Васей, который сидел вместе с Леней. Когда он узнал, что я Яша Сиплый — а все знали, что мы с Одесситом как братья и за одно дело сидим, — он мне рассказал эту историю. В одной из колоний Леня был смотрящим. Вася сел играть в карты тоже с блатным, которого звали, допустим, Петя. Они *катали*⁴⁰ *в рамс или терц*⁴¹... Да это и не важно. Происходило все в бараке, но никто за ними не наблюдал. Так вот, Вася выиграл у Пети двести рублей. Закончив катать, они встали. И тут Петя громко так, что всем вокруг слышно было, говорит: объяви, мол, когда отдашь проигранные деньги. Вася вначале и не понял даже, что произошло. Он ему и отвечает: как же так, я же выиграл, что ты несешь? — Яша перевел дух и, взглянув на Кристину, вежливо пояснил: — Я стараюсь без жаргона, но если что-то не понятно, то я разъясню. Итак... Возникает спорная ситуация. Конечно, таких, как Петя, я не встречал среди блатных, но, как говорится, в семье не без урода. Как правило, такого рода конфликт должен разрешить положенец. И они идут до Лени. Он спорщиков выслушал. Ситуация, конечно, тупиковая, доказать ничего невоз-

---

⁴⁰ Играть в карты (*тюремный жаргон*).

⁴¹ Карточные игры, распространенные в тюрьмах.

можно. Петя, очевидно, надеялся на самый явный расклад: большая часть положенцев в данном споре просто объявили бы, что никто никому ничего не должен. Расход при своих — все. Но не Леня. Борец за правду и справедливость действовал как царь Соломон. Он сказал им прийти завтра, а пока велел всем сидеть тихо и вопрос оставить открытым. Вася парень был немногословный и очень умный. У Пети же метла работала в разы лучше, и он старался подавить соперника базаром. Но до следующего дня они, как и было велено, не разговаривали. Когда спорщики вновь пришли к Одесситу, Леня, как будто забыв, спросил: мол, что у вас там, напомните. Петя обо всем с жаром рассказал, заявив, что выиграл он. Леня посмотрел на кентов рядом и говорит: «Что будем делать, братва?» И тут один из его корешей отвечает: «Одессит, там, я слышал, обиженный⁴² один в это время под шконарями⁴³ сидел и все слышал». Леня радостно воскликнул: «Во! Зовите его. Пусть расскажет, что слышал». Петя сразу разнервничался и вроде как удивленно спросил: «Одессит, ты что, со слов обиженного хочешь расклад дать? Нельзя слову петуха верить». Вася же постарался поддержать решение Лени и с торжествующим видом улыбнулся. Они начали спорить, но Леня быстро остановил их. Оказалось, что никакой обиженный ничего не слышал. Да и такой человек, как Одессит, никогда не вел бы базар со слов петуха. Это не по понятиям. Он просто все подстроил и вывел таким образом на чистую воду виновного. Им, естественно, оказался Петя.

— Очень тонко, — восхищенно сказал Натан.

— Да, — согласился довольный произведенным эффектом Яша. — Таков был наш Леня Одессит. А мы его промеж себя называли Ворон. Из-за фамилии. Я, кстати, никогда не спрашивал

---

⁴² Заключение из ряда опущенных. Как правило, это насильники, стукачи, торговцы наркотиками.

⁴³ Под нижним ярусом нар. Для обиженных часто не оставалось места, и они спали, забившись под нары.

у него за этот случай. Но таких случаев было море, он всегда стоял горой за правду.

Дверь внезапно тихо открылась и на пороге появился Давид, решивший по-тихому прошмыгнуть в свою комнату. Но парня сразу заметил отец и тут же окликнул:

— Давид, сынок, мы тебя заждались уже.

Парень остановился, но к отцу не повернулся.

Соломон, не понимая, что происходит, подошел к сыну:

— Что с тобой, Давид? Тут твой, можно сказать, дядя приехал...

Повернув сына лицом к себе, Соломон замолчал. Парень только тяжело вздохнул. Под левым глазом у него сиял синяк, правая скула была бордово-синего цвета, нижняя губа распухла.

У Соломона задергался глаз. Он сглотнул и твердым голосом спросил:

— Что случилось? Кто это сделал?

— Ничего страшного папа... — тихо произнес парень, — обычная... драка.

— Драка?! — возмутился отец.

Из-за стола вышли Тимур и Натан и набросились на парня с вопросами: «Кто? Где? Как?»

Давид, не выдержав давления, резко сорвался с места и убежал в свою комнату. Соломон хотел было пойти за сыном, но его остановил Яша:

— Моня, оставь ты парня в покое. Ну, с кем не бывает...

— Я хотел его с тобой познакомить. Он же тебя и не помнит.

— Пусть остынет, потом познакомимся.

— Соломон Маркович, — обратился к другу Натан, — давайте я с ним поговорю, а потом приведу его сюда. Чуть позже. А пока остынет пускай.

— Ну, ладно, — вздохнул Соломон и, вернувшись за стол, обратился к Яше: — Ну что, Яша, подумаем вместе, как нам быть?

— Подумаем, — согласился тот. — Везде у нас сплошные загадки...

— Сейчас я все разъясню, — начал Раппопорт и рассказал друзьям всю историю, связанную с Лапусовым, начиная с момента знакомства и до того дня, как его зять стал соучредителем фирмы «ЛИС». После этого он поведал Яше все, о чем узнала Кристина, и закончил свою речь словами: — Теперь давайте решать, что делать дальше. У меня, признаюсь, есть кое-какой план, но будем последовательны. Расскажу о своем плане чуть позже.

Все выслушав внимательно, Сиплый озабоченно произнес:

— Не думал я, что Доллар, жалкий валютчик и спекулянт, так взлетит. Судя по всему, он где-то хорошо сработал и правильно использовал деньги.

— Сработал он в Германии, — решительно вмешалась в разговор Кристина. — Я много чего узнала за эти несколько дней. Тимур мне помог и тоже кое-что выяснил по своим каналам. Мы сопоставили все данные, и получилась вполне ясная картина.

— Рассказывай, дорогая! — воскликнул Соломон. — Вы с Тимуром вообще молодцы.

— Шерлок Холмс и доктор Ватсон, — засмеялся Натан.

Кристина открыла свою неизменную папку и, доставая оттуда по одному листу, стала рассказывать:

— В общем, этот самый Волков Александр, по кличке Доллар, уехал сначала в Прибалтику, а оттуда в Германию. Как узнал Тимур, через каких-то... вы поняли кого... В Германии Доллар скупал за бесценок целыми фурами товар, который группировки украинцев, молдаван и кавказцев воровали. Это очень распространенный вид разбоя в Европе. Волков наладил хорошие связи на таможне, и ему удавалось перевозить свой товар в Литву, где он продавал его русским. Как правило, у этих грабителей была на все своя такса. Они просто проверяли вид товара. Например, если это электроника, то одна цена, шмотки — другая... И так далее. Но все равно цена получалась минимум втрое дешевле, чем продавал Доллар, а максимум... В общем, ему несказанно повезло. Украинцы выгрузили две

фуры с парфюмерией и косметикой, которые шли в Россию. Чтобы получить деньги как можно быстрее, они отдали награбленное Волкову просто за копейки. Организовывая перевозку, он параллельно начал искать клиента и нарвался на человека, который только что открыл сеть парфюмерных магазинов. Товар, который был у Волкова, оказался дефицитным и очень дорогим. Вы будете удивлены, но духи и всякие помады на самом деле продавать выгоднее техники. Они стоят дорого, а места занимают мало. Сбыв товар клиенту, Волков заработал один к двадцати. Представляете, сколько это?

— Надо думать... — восхищенно присвистнул Соломон. — Такого бизнеса сейчас днем с огнем не сыщешь!

— Именно, — продолжала девушка. — Хитрый Волков понял, с чего самый навар получается, и стал скупать всю ворованную косметику, которая шла через Польшу и Германию. Конкуренты его клиента не получали товар месяцами, а Волков отгружал все своему полковнику. Ясное дело, что этот товар предназначался для всех сетей, но получала его только одна. Так продолжалось на протяжении полутора лет, за которые Волков стал партнером владельца этой самой сети. Потом власти ужесточили контроль на трассах и таможне, пересажали многих участников цепочки. Ваш же друг аккуратно слинял с огромными деньжищами. Он вернулся в Россию, поменял фамилию. Купил себе, можно сказать, новую историю: якобы он учился и имеет ученую степень... В общем, вначале продал за хорошие деньги долю в сети магазинов парфюмерии и, сложив вырученные деньги со своими накоплениями, стал владельцем акций какого-то кирпичного завода в Нижнем Новгороде. А дальше пошел вверх. За несколько лет Доллар превратился в богатого мецената Лапусова и пробился в конце концов в Совет Федерации, раздавая огромные взятки направо и налево.

— Н-да... — удивился Яша. — Он всегда был предусмотрительным, вот только я и представить себе не мог, что настолько.

— Самое интересное впереди, — подняла руки Кристина, призывая друзей слушать дальше. — Смотрите, что я выяснила на сегодняшний день. Нигде нет данных о том, что тот самый Волков, который исчез бесследно несколько лет тому назад, сменил фамилию. В общем, была у него сводная сестра по отцу. Вот только фамилия у нее матери. Судя по всему, она дочь любовницы его отца. Родилась эта особа в Архангельске, там же, где и Волков, в 1968 году.

— Значит, ей сейчас сорок семь — сорок восемь лет, — ухмыльнулся Натан. — Я же говорил, она старше мужа... Ну-ну, продолжай.

— Спасибо, — улыбнулась Кристина. — Зовут ее Зоя Калашникова. Особа она не очень приятная, но когда-то, когда Волков еще был под гнетом блатных в Архангельске, ему сильно помогла именно сестра, первый муж которой был таможенником. Он и решал потом все вопросы Доллара на границе, пока не умер от рака в 2007 году. Брат был благодарен сестре и, можно сказать, купил ей нового мужа, молодого и красивого Андрея Паршина. Его выдрессировали и сделали директором завода. Бедняга попал в капкан. Теперь он работает на семейку Волкова — Калашниковой. Причем жена держит его в ежовых рукавицах. Детей у них нет, но Андрей не уходит от жены, потому что боится шурина. Что касается любовницы, я выяснила следующее... Не знаю, есть у него таковая или нет, но наш директор завода ежемесячно приезжает в Москву, якобы по делам. Бывает он тут от трех до десяти дней. Конечно, дела тоже, наверное, делает.

— Деньги он привозит Лапусову! — воскликнул Соломон.

— Наверняка, — продолжала девушка. — Но это один день. Остальное время он отдыхает в своей роскошной квартире на Минской улице. Ясное дело, что не один. Вот, в общем-то, и все.

— Просто поражен и низко вам кланяюсь! — с восхищением воскликнул Яша.

— Кристиночка, ты лучшая! Просто молодчина, — поддержал друга Соломон.

— Спасибо, — скромно потупилась девушка.

— Спасибо тебе, — тепло улыбнулся Соломон и заговорщицки продолжил: — Я твой должник, но мой сюрприз уже готов. Вам с Тимуром на свадьбу.

— Да какая свадьба, Соломон? — покачал головой Тимур. — Пока мы не расквитаемся с этим делом, свадьбы не будет никакой. Это уже решено!

— Одно другому вообще-то не мешает, — возразил старый еврей. — Но подарок свой я держу на эту дату. Ладно, потом разберемся. Натан, что думаешь ты?

Соломон перевел взгляд на парня. Ему было важно мнение этого хитрого, но в то же время благородного мошенника. Соломон давно решил, когда Тимур с Кристиной поженятся, он подарит им журнал «Российская жизнь». Подарок, безусловно, очень щедрый, но те уже доказали, что заслужили его. А вот как отблагодарить Натана, он пока не знал. Парень был из тех людей, для которых материальные ценности не играли в жизни большой роли.

— Я пока, если можно, воздержусь, — спокойно ответил Натан. — Чтобы картина вырисовалась до конца, думаю, надо высказаться всем и предложить свои варианты.

— Ну ладно, — кивнул Соломон. — Яша, ты что скажешь?

— Да шо тут сказать, Моня? Надо идти к хевре местной, собирать сходку. Пусть воры решают, как наказывать этого поца. Я организую это, проблем нет.

— Исключено, — отрезал Соломон. — Ничего не смогут сейчас сделать воры с сенатором.

— Шо ты болтаешь?! — возмутился Яша. — Воры во все времена решали такие вопросы. Если этот поц Доллар позарился на твое, значит, решил запустить щупальца в то, с чего кормится общак. За это его накажут.

— Перестань Яша, — улыбнулся Соломон. — Тебя давно тут не было. Повторяю, воры ничего не смогут сделать сенатору. Их пересажают всех, да они даже и не станут лезть. Это самоубийство для них.

— Воры могут сделать одно, — вмешался Тимур. — Они могут приговорить Лапусова к смерти. Его просто убьют, и все. Но мы же не душегубы какие.

— Не дай бог! — воскликнул Яша. — Лишить жизни даже самого законченного поца — это последнее дело! Не для нас точно.

— В общем, слушайте тогда меня, — сказал Соломон. — Я долго думал и понял, что решить данную проблему я могу только одним образом. На данный момент все бумаги оформлены, и ситуация такова... — Соломон вытащил из внутреннего кармана пиджака листок и продолжил: — Рыночная стоимость моей компании около тридцати миллиардов рублей. Это я говорю конкретно про ООО «ЛИС», которому принадлежит Архангельский алюминиевый завод. Уставной капитал — сто миллионов. Зять Лапусова, Константин Новиков, внес официально сорок миллионов и стал владельцем сорока процентов акций завода. После этого он внес еще шесть с половиной миллиардов неофициально... Ну, там, в общем, схема, чтобы от налогов укрыться. Значит, Лапусов, можно сказать, купил сорок процентов меньше чем за семь миллиардов...

— Секундочку, — прервал друга Натан, — то есть вы в принципе остаетесь мажоритарным акционером?

— Именно, — улыбнулся Соломон и пояснил остальным: — Это значит, что я владею контрольным пакетом акций. Когда-то, когда я открывал эту фирму, еще при Лене, она была оформлена на покойную Еву. Когда же мы приватизировали завод, я перераспределил доли, сделав себя владельцем контрольного пакета, а Еве отписал меньшую часть. Тогда я опасался, что Зива может оказаться в составе учредителей, и прописал в уставе, что... — он заговорщицки улыбнулся, — мажоритарный акционер имеет право увеличить уставной капитал общества за счет собственных средств либо привлечения новых инвестиций, конечно, с согласия совета директоров. Из этого следует, что я могу изменить уставной капитал, внести на счет, например, еще четыре миллиарда рублей, и доля Константина станет равна одному проценту.

— Гениально! — восхищенно воскликнул Натан. — Но, по-моему, там не все так просто. Если я не ошибаюсь...

— Естественно, — кивнул Соломон. — Есть куча причин, из-за которых мои действия можно оспорить в суде. Во-первых, на собрании совета директоров должны присутствовать все акционеры или их доверенные лица. Тут же я организую собрание по какой-либо мелочи, и Константин просто не придет из-за нехватки времени. А доверенного лица пока у него нет. Во-вторых, и это самое сложное, он должен будет подписать протокол об увеличении уставного капитала. Можно сказать, согласиться на уменьшение своей доли, отказавшись внести необходимые средства. Это, конечно, задача не из легких. Если бы мы имели дело с самим Лапусовым, то провернуть можно было бы все легко, он не особо разбирается в таких вещах. Константин же банкир. И даже если я дам ему кучу документов, он поймет, что подписывает.

— Проблема только в этом? — спросил Натан.

— В принципе да. Другой проблемы нет. Это осуществимо?

— Тогда, если можно, теперь скажу я, — начал Натан. — У нашего врага, я думаю, план отличный. И наше преимущество в том, что мы его вычислили, а он нас нет. И он ни за что не предугадает наши действия. Он не глупый человек и понимает, что даром забрать ничего не получится. Поэтому пожертвовал какой-то суммой, и то, я думаю, деньги это банковские, которые он рассчитывает возместить с дохода от завода. Он уже купил сорок процентов. И в ближайшее время он нанесет еще один удар, вынудив вас опять прийти за помощью. Тогда он отожмет еще минимум одиннадцать процентов. После этого уже дело техники. Будучи мажоритарием, он легко вас оставит с тем же одним процентом или вообще без него. Я думаю, план у него такой. Как вы считаете?

— Сто процентов ты прав, — кивнул Соломон.

— Теперь основной вопрос, на который сегодня не дал ответ никто: почему? Зачем он это делает? Ему что, мало денег? — Натан посмотрел на Яшу. — Нужно понимать, что им

движет, чтобы найти его слабое место. Жадность, месть, дурость — что? Я не знаю его как человека и не могу рассудить правильно.

Яша задумался.

— Доллар был всегда очень жадным. Хотя было время, он нас угощал в «Советском»... Но это все равно не жадность.

— Он мстит, — вмешался Тимур. — Одному Богу известно, что он пережил в те годы. Ему на протяжении нескольких лет дышать не давали в Архангельске. Он, человек, сидевший в тюрьме, вроде как близок был к блатным, а тут... Его опустили и стали доить. Есть у меня информация, что его не блатные душили, а местные братки. Они очень жестоко с ним обращались. Для человека, пережившего такое в течение нескольких лет... Да его просто поломали как личность в тот момент, когда он уже был у цели, выкинули в яму. Начало положили блатные. И это произошло с подачи Одессита, верно ведь?

— Да, — кивнул Яша.

— Это он убил вашего брата, — уверенно заявил Тимур.

— Ты что-то знаешь об этом? — встрепенулся Соломон.

— Тут нечего знать или гадать. Человек трусливый и подлый, он способен на все. Доллар этот, судя по всему, еще и злопамятен. Вбил себе в голову, что завод должен принадлежать ему, вот и прет как танк. А тогда он от своей злобы и сорвался... Разве это трудно повернуть? Нанял киллера, и все.

Все напряженно молчали. Наконец Яша мрачно сказал:

— Если это правда, то он приговорен... К смерти. За убийство вора его в живых не оставят.

— Давайте сначала попробуем лишить его власти и силы, а затем будем спрашивать с него, — предложил Натан.

— Да... да, Натан... — тихо произнес Соломон.

— В общем, мой план таков, — продолжил парень. — Соломон Маркович, постарайтесь, ничем не выдавая себя, изображать благодарного друга. И как можно быстрее претворить в жизнь свой план с уменьшением доли. С протоколом я придумаю, что сделать. Мы его подделаем, в конце концов!

Подсунем этому Константину недописанный лист, потом цифры дорисуем... Что-нибудь в этом роде... я уж придумаю, не сомневайтесь. Вопрос в том, когда они об этом узнают?

— Им должна будет прийти выписка из госреестра, — ответил Соломон.

— Отлично, значит, время есть. Теперь вот что я думаю делать дальше. — И Натан воодушевленно продолжил: — Параллельно мы с Тимуром займемся Паршиным и его женой. В самое короткое время мы обезглавим их. Кристина тоже будет работать с нами, но это мы обсудим позже. Наверняка Лапусов что-то готовит. Что-то серьезное. А любое серьезное дело требует много времени. Если мы снесем его хабаровских друзей, он начнет зализывать раны и пока повременит с атакой. Он подумает, что вы решили уничтожить хабаровский завод. Спросит у вас. А вы согласитесь, удивившись: мол, а какое отношение он имеет к этим людям и вашим с ними проблемам? Он поверит и замолчит. Потом, когда Константин получит выписку, будет нанесен второй удар. Тогда уже они все поймут. В этот самый момент Кристина выльет в журнале всю грязь, которую ей удастся нарыть на сенатора Лапусова. Про прошлое его, про связи с мафией, про взятки... Мы за это время нароем еще что-нибудь. Он после скандала сложит полномочия. Его заставят это сделать. И вот тогда уже будет выход Яши с ворами. Сходка, предьява, и пусть его судьбу решают блатные.

— Ну, дай бог, чтобы все так и получилось, — поднял Яша свой бокал. Все чокнулись, и он добавил: — Ле хаим!

— Ле хаим, — повторили Натан и Соломон.

Друзья выпили, и Натан встал:

— Теперь не обессудьте, пойду поговорю с Давидом.

— Да, обязательно, — с благодарностью посмотрел на молодого друга Соломон. — Спасибо.

— Да не за что, — улыбнулся парень и ушел.

Едва он поднялся вверх, Яша спросил Соломона:

— Ты где его нашел?

— Натана? — вздохнул мужчина. — Тимур привел.

Яша перевел вопросительный взгляд на Тимура, на что тот немного надменно ухмыльнулся:

— Да я кинуть его хотел... В смысле, не знал тогда его...

— Получилось? — засмеялся Яша.

Тимур шуточно прищурился и ответил:

— Чуть-чуть не хватило, выкрутился подлец... Чуть в тюрьму меня не посадил, причем за мои же деньги.

Все дружно рассмеялись.

Глава 30

Когда Натан зашел в комнату Давида, парень сидел в кресле и, пытаясь отвлечься, читал книгу.

— Что читаешь? — спросил Натан.

Давид показал обложку.

— О! — восхищенно воскликнул гость. — «Шантарам». Это одна из моих любимых книг.

— Правда? — удивился Давид. — Вы читали ее?

— Конечно, — ответил Натан. — Я бы отдал сейчас кучу денег, чтобы забыть ее и прочитать снова. Нравится тебе?

— Ну... честно говоря, да, — кивнул парень. — Я, правда, недавно начал, но уже затягивает.

— Читай, читай, — посоветовал Натан. — В ней много мудрости... И история очень достойного парня... ну... не буду рассказывать, а то неинтересно будет. — Он закрыл за собой дверь и, зайдя в комнату, сел во второе кресло. — Не хочу быть назойливым, но был бы тебе благодарен, если бы ты мне рассказал, что произошло. Мне нужно это знать... для себя.

— Да нечего тут особо рассказывать, — уклончиво ответил Давид. — Ничего такого, что вам может быть интересным.

— Давид, — мягко обратился к парню Натан, — ты хороший парень, честный и порядочный. Ты сын человека, которого я называю своим другом. Все, что с вами связано, для меня очень важно. Я ближе всех тебе по возрасту, потому что

в душе сам еще пацан. И, может быть, лучше меня тебя никто не поймет. В двадцать лет у меня были такие проблемы... Ты просто представить себе не можешь. И я мечтал рассказать о них кому-то, кто старше меня, но у меня никого не было. Ни-ко-го. А у тебя есть такая возможность, и ты ей не пользуешься!

Давид, опустив глаза, задумался. Натан молча ждал. Спустя полминуты парень все-таки решился открыться. Он рассказал обо всем, что произошло, от начала и до конца. Когда парень замолчал, Натан посмотрел ему прямо в глаза:

— Ты молодец, Давид. Все сделал по-мужски, правильно. Мало кто поступил бы так же...

— Вы бы так же сделали? Взяли бы на себя вину друга?

Натан улыбнулся:

— Я бывал в различных ситуациях. Могу точно сказать одно: сидя дома, мы можем думать, что поступим так или эдак, но это все бред. Решаем для себя, что надо поступить правильно или неправильно, но это тоже чушь. В экстренной ситуации никто не размышляет долго. Первый импульс человека в беде — это и есть его сущность. И никто из нас не может предугадать, как поступит в экстренной ситуации ни его друг, ни он сам. Ты в данном случае не исключение. Да иначе было бы странно. Твой дядя был Леня Одессит — человек с честью и огромной силой духа, благородный и правильный. Это генетика. Что касается меня... — Натан посмотрел вдаль, как будто вспоминая прошлое. — Я был в ситуации, частично похожей на твою. Ну, немного серьезней, конечно. Могу сказать тебе одно: то, как поступил в ней я, было для меня же неожиданностью. Я не ожидал от себя такого. В общем, это не важно. — Он положил ладони на колени и решительно спросил: — Как они выглядели? Может, имена их вы слышали? И где они бывают? Мне нужно только это, и все.

— Нет-нет! — воспротивился Давид. — Не нужно! Я не для этого вам рассказал. Я действительно виноват, отдам им деньги, и пусть катятся на все четыре стороны.

Натан строго посмотрел молодому человеку в глаза:

— Давид, братан, ты племянник вора в законе. Я понимаю, что ты далек от этого мира и многого не знаешь, но... Не буду тебе всего разъяснять. Не вздумай никому ни одной копейки отдать. Ни в коем случае! Это первое. Второе, поверь мне, этот тип тебя больше никогда не побеспокоит. Я даю слово. Опиши только их.

— Кавказцы... двое... — начал Давид. — Лет двадцати семи — двадцати восьми. Один высокий, с бородой, второй — низкорослый, гладко выбрит. Русский еще с ними был, но выглядит тоже как кавказец.

— Акцент есть? — спросил Натан

— Вообще никакого. Чисто говорят.

— Бил больше всего кто?

— Маленький кавказец. Он крепкий такой...

— Уши поломаны?

— Что? — не понял Давид.

— Уши. Может, одно ухо у него было такое, как пирожок, надутое?

Давид призадумался и через секунду обрадованно воскликнул:

— Вы их знаете! Да, да! Ухо... Я успел увидеть. Кто они?

— Не знаю, — засмеялся Натан. — Я просто предположил. Имен не называли?

— Нет, — уверенно ответил Давид, — ни одного.

— Номер дай а ну-ка его.

Натан достал телефон и, записав номер, залез в «Вотсап». Там под этим номером вышла фотография Майка Тайсона, никнейм был «Тигр».

Парень задумчиво посмотрел на запись и повторил:

— Тигр... Возможно, просто самовлюбленный идиот, но судя по возрасту... Маловероятно. Значит, либо Тигран, либо Тагир. Хорошо, разберемся. Говоришь, «Кофемания» на Никитской?

— Ага, — кивнул Давид.

Натан встал и, приобняв парня одной рукой за плечи, сказал:

— Теперь пойдем вниз, ты должен познакомиться с Яшей.

Давид широко улыбнулся:

— Спасибо вам, Натан.

— Вообще, пора бы тебе перестать мне выкатывать. Я ж сказал тебе, что сам в душе еще пацан, — подмигнул юноше Натан.

Они спустились на первый этаж, где вся честная компания уже пила чай.

— Иди сюда, Давид, — обратился к нему Яша. — Я хоть посмотрю на тебя, сынок.

Парень подошел к гостю. Яша встал, обнял юношу и полными печали глазами посмотрел ему в глаза.

— Вэй из мир... — тихо прошептал мужчина. — Как ты похож на Ленку... Мужчина уже совсем. Дерешься... С девками небось гуляешь всюду? — шутливо подмигнул Сиплый.

Парень смотрел открытым взглядом на старого вора и, невольно засмутившись, пробормотал:

— Я сяду?..

— Садись, родной, конечно, — расплылся в улыбке Яша.

— Наргиз! — крикнул Соломон. — Принеси поесть парню.

Усевшись обратно, Яша закурил и задумчиво произнес:

— Дети — это святое. Ничего в жизни нет важнее. У меня, к сожалению, дети так и не родились. Я и не женился ни разу, то с одной жил, то с другой...

— А вам никогда не хотелось иметь жену, дом, семью? — спросила Кристина.

— Хотелось, конечно, — горько улыбнулся Яша. — Но жизнь меня несла с такой скоростью, я даже оглянуться не успел, как в тюрьму сел первый раз. Вышел. Думал, сейчас чуть заработаю и женюсь... А тут второй срок. Освободился, думал, теперь точно не сяду. В Москву подались мы с Вороном. Пока туда-сюда... Его убили. Я как головы лишился, какой там жениться! Девяностые годы на дворе, я уверен был, что убьют меня. К чему сиротами детей делать? Потом уехал в Штаты. А там, пока обосновался, дом купил, язык хоть как-то выучил, уже

и поздно стало... — Он трагически вздохнул и, затушив сигарету в пепельнице, посмотрел на сидевших за столом: — Я вам одну историю расскажу. Мы с Леней тогда еще совсем шпаной были. Башлей нет, жрать нечего. Штаны у обоих с латками, ботинки рваные. Лет нам было по четырнадцать-пятнадцать. Выследили мы, значит, залетного фраера одного. С бабками, видать, приехал фарцовщик из России. Так вот, пасли мы его весь день у гостиницы «Красная». Пока пасли, планы строили, что с деньгами делать будем. Думали, сначала пожрем в шашлычной, потом шмотки новые купим и рванем в «Аркадию» с девками зажигать... Вечером с работы шла соседка наша одна. На Буденного она жила, за школой прям. Тетя Рива Михельсон. Идет, значит, она, а глаза мокрые от слез. Мы ее и остановили. Что, спрашиваем, случилось? А она плачет. И сквозь слезы рассказывает, что сын ее, пятилетний Исак, заболел чем-то, не помню чем, то ли рак у него был, то ли еще что-то такое же серьезное. Одним словом, умирает ребенок, а шоб лечить — в Москву надо, к профессорам сурьезным. Ну, мы посочувствовали ей. Она и ушла. Дождались мы поца того. В переулке обчистили и бежим на Молдаванку. Башлей нормально взяли, жаловаться грех. Тут Ворон остановился и говорит: не обессудь, мол, Яша, но башли эти отдать надо тете Риве, пусть ребенка вылечит. Я ему говорю: «Ты шо ботаешь? Мы такой куш не скоро еще сорвем. Опять голодранцами будем бегать? Мелочи всякие стричь с местных поцов?» А Ворон только решительно покачал головой. Я убеждаю его, предлагаю помочь, отдав часть денег. Говорю: «Давай оставим себе хоть на пожрать и одеться». А он на меня тогда так глянул своим фирменным взглядом и говорит: «Яша, мы найдем, шо украсть. Найдем, шо пожрать и шо одеть тоже будет. А там ребенок умирает. Мне в горло кусок не полезет. Как мы можем жрать, когда эти деньги — спасение для жизни ребенка?» Шо я мог сказать? — вздохнул Яша и снова закурил. — Я всегда слушался его. Мы пошли прям ночью к тете Риве и принесли ей башли. Она рыдала, руки нам целовала. Муж ее, Сема-портной, плакал тоже. Шо угодно, го-

ворит, для вас сделаю. А Ворон стоит, улыбается и говорит: «Я прошу у вас оплаты за помощь сейчас». Они аж в лице изменились, а он им дальше чешет: «Мы сутки не ели, с вас два бутерброда». Хозяева всполошились, тетя Рива стол накрыла сразу, самогон достала, картошку вареную и селедку. Поели мы, выпили, уходим уже, а Ворон довольный такой и говорит им: «Я так вкусно в жизни не ел. Это был самый лучший стол в моей жизни». Они тогда улыбнулись только, конечно, подумали, шо он так из приличия сказал. Но я Леню с рождения знал, он говорил правду. — На глазах у Яши появились слезы. Он посмотрел пристально на Давида и добавил: — Помни это, сынок, всегда, таких людей, как Леня, больше не будет. Это гордость и счастье быть его... — Он перевел взгляд на Соломона, — братом, племянником и, конечно, другом...

Все молчали. Да и что можно было тут сказать? Старый Яша жил только прошлым и воспоминаниями о своем друге. Соломон, оставшись без брата, страдал не меньше Сиплого. Это была трагедия их жизней.

Тимур и Натан переглянулись, и Натан громко заявил:

— Не обессудьте, друзья, но время почти двенадцать. У нас с Тимуром есть еще одно дельце в городе, так что мы вынуждены попрощаться.

Соломон кивнул, быстро сообразив, куда друзья собираются. Пока ребята прощались, хозяин дома вышел на крыльцо, где никто бы его не услышал, и спросил Натана:

— Вы едете разбираться из-за драки?

— Да, — кивнул парень в ответ. — Об этом с сыном не говорите. Ведите себя так, будто ничего не было.

— Ну там хоть нормально все? — озабоченно поинтересовался мужчина.

— Ваш сын поступил очень достойно, — улыбнулся Натан. — Можете им гордиться. За остальное не беспокойтесь, мы решим вопрос без проблем.

— Спасибо вам, ребята.

Соломон обнял друзей, и они наконец попрощались.

Кристина уехала домой на машине Тимура, а сам Тимур уселся в автомобиль Натана и ухмыльнулся:

— Что, едем на разборки?

— По дороге расскажу, — ответил Натан. — Придется нам ненадолго вспомнить молодость.

— Ну, память у нас всегда была хорошая. Вроде и так все помним, — подмигнул другу Тимур, и они выехали на заснеженную дорогу.

Глава 31

Тимур и Натан зашли в «Кофеманию» в половине первого ночи. Была суббота, и модное кафе было заполнено до отказа. Предварительно ребята убедились в том, что черная «БМВ» с отломанным зеркалом стоит рядом на парковке. Найти нужных людей в толпе посетителей, где каждый второй был кавказцем и подходил по описанию, было нереально. Поэтому, встав между входом и машиной обидчика Давида, Тимур и Натан, тихо разговаривая, мирно курили. Они вначале изучили машину и нашли на лобовом стекле мигающую лампу сигнализации и картинку с серым кружочком — это была обратная связь с брелоком сигнализации. Народу по улице ходило много. Холода уже отступили, температура держалась ночью на отметке минус пять, а днем было и того теплее. Поэтому, постучав аккуратно по серому кружочку, друзья встали в отдалении, не вызывая подозрений. Через минуту из кафе вышел высокий бородатый парень в свитере и джинсах. Он остановился на полпути к машине, увидев, что никого рядом с «БМВ» нет. Нецензурно выругавшись вслух, бородатый развернулся и зашел обратно в кафе.

Натан взглянул на Тимура:

— Что скажешь?

Друг в ответ надменно хмыкнул:

— Сейчас зайдём и объясним сосункам все на пальцах. Думаю, что церемониться не нужно.

— Не... — покачал головой Натан. — Бычку включить всегда успеем. Сейчас времена другие, да и люди уже не те. Это типичный представитель непонятно какой нации, так называемый московский кавказец. У таких нет ни акцента, ни старых понятий. Их воспитала Москва, они не такие, как мы.

— Ты что-то совсем загнул, — рассмеялся Тимур. — Ты сам вырос в Москве. Да и я тоже. И что? При чем тут это?

— Мы другие, — стоял на своем Натан. — Мы никогда бы не стали бить человека за зеркало. Сначала поговорили бы. А им ничего не стоит вломить слабому. Это не по-нашему, не по понятиям и не по-кавказски.

— Ладно, прекрати, — устало махнул рукой Тимур. — Пошли, просто грузанем их, и все. Захотят драться — что делать, подеремся. Не давать же в обиду Раппопорта.

— Не будет драки, — покачал головой Натан, уже заходя в кафе. — Мы разговором решим, или грош нам цена. По сорок лет уже, чай, не мальчики.

Друзья быстро нашли нужный им стол. За ним сидели уже им знакомый бородач, его друг с полومانым ухом и двое русских ребят, один из которых участвовал в избиении Давида. Все были модно одеты, возрастом — от двадцати пяти до двадцати восьми лет. Переглянувшись, Натан и Тимур решительно зашагали к столику. Оказавшись возле компании обидчиков, друзья взяли стулья от соседних столиков и бесцеремонно подсели к компании.

Натан сразу перешел в наступление:

— Во-первых, добрый вечер. Во-вторых, давайте-ка мы с вами для начала побеседуем нормально. Итак, вы молодые ребята, которые немного не понимаете, как нужно себя вести...

— Ты, что ли, понимаешь? — перебил его возмущенно бородач. — Уселся без приглашения к нам за стол и чешешь тут нам что-то...

— Ты должен благодарить Бога за то, что мы с тобой пришли разговаривать, сидя за столом, — продолжил Тимур как ни в чем не бывало. — Вы, как дешевое бычье, вчера побили пар-

ня, даже не выслушав его. Ты че, баклан такой серьезный? Давай тебя поставим драться с гладиатором?

Бородатый немного растерялся, почувствовав напор Тимура. Вовремя сориентировался ломоухий:

— А с чего ты взял, что кто-то даст задний? Нам не слабо ни с кем в спаринг встать.

— Я не сомневаюсь, что ты готов встать в спаринг, — перенял эстафету от Тимура Натан. — Но ты спортсмен, и это твоя жизнь. А парень, которого вы побили, скрипач. И у него жизнь иная. И он не любит и не умеет драться. Так же как ты не знаешь ни одной ноты. Базара нет, он оторвал зеркало на вашей тачке. Никто не отрицает. Он не прав, что ушел. Да, это верно. Но кто вы такие, чтобы, не выслушав человека, отнимать у него здоровье?

Он посмотрел на Тимура, чтобы тот продолжил, и друг не заставил себя ждать:

— Вы представления не имеете, кого решили поставить на бабки после того, как побили. Завтра, возможно, эту тему поднимут на сходке, и вас тогда доставят туда и спросят за это.

— За что с нас спрашивать-то?! — весело воскликнул русский парень, участвовавший во вчерашней драке. — Козел этот сломал зеркало и свалил...

— Козел, сосунок, твое имя. А за то, что ты, чертила, пацана из семьи вора в законе оскорбил, ты будешь лично отвечать. Понял?

Бородатый и его друг с поломанным ухом, только услышав слова «вор в законе», да еще и с использованием жаргона, ментально все поняли. Их друг тоже, побледнев, начал оправдываться:

— Да я не то имел в виду! Просто мы...

— Ты волокешь, что такое «просто», чертила? — продолжал давить Тимур.

Бородатый решил спасти ситуацию:

— Уважаемый, мы все понимаем. Пугать нас не надо, мы тоже небесхозные. Раз пришли, давайте поговорим и решим проблему спокойно...

— Вчера ты что-то таким сговорчивым не был, — прервал его Натан. — И спокойно не решал ничего. А твоя «бесхозность» уже не работает в данной ситуации. Твоей правды тут нет. Обосновать тебе прямо сейчас?

— Ну... да, — стараясь держать себя в руках, ответил бородач.

— Косяк парня в том, что он, поломав зеркало, пошел дальше, — спокойно продолжал Натан. — Но это ерунда. А вот вы... Во-первых, вы втроем били одного, не разобравшись, не выслушав, не поговорив, да еще и парень этот не сопротивлялся. Он ведь никого пальцем не тронул. А во-вторых, вы что, законов не знаете? Вы получили с него здоровьем. Да еще и как! Так вы еще и денег захотели?

— Он сам предложил, — влез русский.

— Ты завтра будешь его умолять, чтобы он у тебя денег взял, — злобно ответил ему Тимур.

— Парень признал свою вину. Он сломал зеркало случайно и предлагал купить новое. А вы, не слушая его, сначала побили, а потом нагроулили на стоимость десяти зеркал. — Натан развел руками и более дружелюбно продолжил: — Ребята, мы постарше вас будем. Вы не имеете представления, на кого вчера поперли. Мы тоже были молодыми и много чего творили. Тоже совершали ошибки, без этого никак. Но вы переборщили. Вы замутили...

— Натан, — раздался голос сбоку.

Повернувшись, он увидел парня, который учился с ним в институте на год младше. И по чистой случайности когда-то выяснилось, что он также является двоюродным братом близкого друга Тимура из Осетии. Этот парень знал обоих друзей.

— Алан! — воскликнул Натан, радостно вскочив и обнимая приятеля.

— Я лет восемь тебя не видел, наверное. Сижу думаю: ты или не ты?

— Я, братка, я. Изменился?

— Да не особо, — улыбнулся Алан.

Натан показал ему на Тимура, который сидел в тени, а потому вновь подошедший его не заметил:

— Ты туда посмотри.

Повернувшись в сторону Тимура, Алан изменился в лице и медленно двинулся к другу, удивленно бормоча по дороге:

— Глазам своим не верю! Тимур... Тимур, братуха! *Шалам*⁴⁴!

Тимур улыбнулся и, встав, обнял приятеля:

— Шалам, брат.

— Как ты, Тима? Когда ты вернулся?

— Все хорошо у меня. Месяц как тут уже...

— А что мне Зура не сказал? Я бы встретил тебя.

— Это лишнее, Алашка. Все хорошо... Ты как? С кем тут?

— Да я с другом. Мы с женами были на дне рождения, ушли оттуда, заехали кофе попить. Идем к нам, посидим...

— Алан, братка, — сказал Натан, — у нас тут разговор максимум минут пять — десять, и мы по-любому подойдем к тебе.

— Все, не вопрос. — Алан посмотрел на сидящих в недоумении ребят, потом на Тимура: — Все нормально? Помощь, может, нужна?

— Да нет, Алашка, все хорошо. *Бузныг*⁴⁵...

— Я тогда жду вас. Вон там я сажу.

— Хорошо, — кивнул Тимур.

Алан отошел, ребята снова сели за стол, и Натан продолжил:

— В общем, так, на чем мы останавливаемся?

— Бабки пусть даст за зеркало, и разошлись, — набравшись смелости, сказал бородатый.

— Ты до сих пор не понял ничего? — вздохнул Тимур. — Мы тут сидим и трем тебе, что вы в одном шаге от того, что будете отдавать бабки сами. Если не хотите инвалидами остаться, конечно.

— Я уже сказал, мы тоже небесхозные. Не нужно мне столько, сколько говорили, но пусть хоть за зеркало отдаст.

---

⁴⁴ Привет (*осет.*).

⁴⁵ Спасибо (*осет.*).

— Слушай меня внимательно, — снова вступил Натан. — Мы сейчас уйдем. У тебя же есть ровно двенадцать часов, чтобы решить, что делать. Я тебе дам только одну подсказку — наши имена, а вы наехали на нашего брата. Меня зовут Натан, его Тимур. Пацана родного дядю звали Леня Одессит. Он покойный уже. Если через двенадцать часов я не получу вести о том, что вопрос с вашей стороны закрыт, мы начнем действовать. Чего мне бы не хотелось. Я тебе сейчас отправлю сообщение со своего номера. Помни, я жду звонка до полудня.

Бородатый и его друзья молчали.

Тимур встал и сказал:

— Я пойду к Алану.

— Я тоже сейчас подойду, — отозвался Натан и снова повернулся к бородатому: — Если вдруг вы захотите денег, разборок, чего-то еще, также звоните мне. О парне, которого вы побили, забудьте. За него в ответе я.

— Как тебя зовут, говоришь? — спросил тот, что со сломанным ухом.

— Натан. До встречи. — И он гордо удалился.

Поболтав с Аланом минут десять, друзья оставили старого приятеля в кафе и вышли на улицу.

— Что думаешь? — спросил Тимур, заводя автомобиль.

— А что тут думать? — усмехнулся Натан. — Они сейчас начнут шуршать везде, узнавать, что за Леня Одессит... Если ума хватит, смогут выяснить, и кто такой Тимур Алборов. Про тебя тоже Интернет много говорил пять лет назад... Да и фотки есть.

— А ты? — спросил Тимур. — Про тебя ничего не узнают?

— Вряд ли, — покачал головой Натан. — Я не особо знаменит. Всегда старался держаться в тени.

— А я-то прям мечтал прославиться, — с сарказмом ответил Тимур.

— Ну, мечтал или нет, но теперь ты известен.

— Да уж, — криво улыбнулся Тимур. — Ладно, подождем до завтра.

Глава 32

В десять утра Натана разбудил телефонный звонок.

— Алло, — сонным голосом ответил парень.

— Натан? — услышал он мужской голос.

— Да.

— Вчера мы разговаривали... я вот позвонил...

Уже поняв, кто его разбудил, Натан ответил:

— Да, помню. Что там? Решили что-то?

— Честно говоря... — осторожно начал разговор борода-
тый кавказец, — мы не сразу поняли... точнее, не поверили...
Потом у вашего знакомого спросили. У Алана...

— Что спросили? — еще не проснувшись до конца, спросил
Натан.

— Это был... тот самый Тимур? Алборов? Так ведь?
Который... зятя министра... ну...

— Да, — ухмыльнулся Натан, уже ясно осознав, что проис-
ходит.

— Мы просто не ожидали... Вы уже не обессудьте... Откуда
мы могли знать?

— На будущее имейте в виду, нельзя, не разобравшись,
лезть в драку.

— Да, да... Наш друг один... Он про вас нам расска-
зал... Ну, ту старую историю про русскую рулетку. Это же вы
были?

Натан рассмеялся:

— Это давно было и вообще тут ни при чем.

— Мы выросли на этих историях, — уважительно сказал
парень. — Можете быть уверены, вы и Тимур Алборов... Для
нас честь, что мы теперь лично знакомы с вами.

— Ладно, не преувеличивай, все нормально. Будьте остро-
рожней.

— Счастливо, Натан.

— Пока... Да, кстати, расписку верни пацану.

— Уже все отправил. Все хорошо.

— Ну будь здоров тогда.

— До свидания.

Положив трубку, Натан ухмыльнулся: он только что понял, что даже не знает имени этого парня. В конце концов он снова заснул, но в 11:45 телефон зазвонил вновь.

— Алло, — ответил Натан.

— Натан, привет, — услышал он голос Давида.

— Привет, Давид. Как дела?

— Вы... просто я... я в шоке, — бормотал удивленный парень.

— Что случилось?

— Мне утром позвонили из какой-то курьерской службы и спросили адрес. Ну я и сказал. И вот мне сейчас кто-то прислал огромную корзину с фруктами, вином... не важно... В общем, там был конверт, на нем написано: «Скорейшего выздоровления. Примите извинения», а внутри расписка, которую я писал этим... насчет зеркала...

Натан громко рассмеялся:

— Ничего оригинальней не могли написать... Вот идиоты!

— Натан, но как... — не унимался Давид, — как вам это удалось?

— Давид, если бы все нам удавалось так легко, как это... Забудь, кушай фрукты.

— Спасибо, Натан.

— Тимуру спасибо говори. Он был гвоздем программы.

Натан повесил трубку и, откинув голову на подушку, заулыбался, глядя в потолок. В памяти всплыли картины из его прошлого... Это все было как будто вчера, хотя на самом деле прошло уже столько лет. Тогда все казалось таким важным и сложным. А сейчас те проблемы представляли мелкими, ничтожными, легкорешаемыми... Жаль, конечно, что молодость не вернуть назад, не вернуть те годы, старых друзей и те отношения. Время, когда дружба была действительно дружбой, когда людей связывало самоотверженное, преданное чувство братства, которому нипочем были ни деньги, ни выгода... И это, надо учесть, в то время, когда Натану и его друзьям зача-

стю не хватало денег даже на сигареты. А что сейчас? Люди имеют деньги, машины, дома и при этом предают друзей и идут на все ради еще большей наживы. Конечно, жизнь стала непростая, но надо же оставаться человеком в любое время.

Мысли Натана опять прервал телефонный звонок.

— Алло, — произнес он опять.

— Фээсбэшник, как ты? — Услышал он веселый голос Тимура, который после истории с Зивой частенько подшучивал над Натаном.

— Нормально, гроза малолеток, — не уступил другу Натан. — С утра твои поклонники не дают спать. Звонят, говорят: если бы мы только знали, что это сам Тимур Алборов... сразу же поцеловали ему руку.

— Ну да, — хохотнул Тимур. — Я тебе всегда говорил, держись со мной рядом и заработаешь уважение. Ладно, мне Давид уже все рассказал. А ты угадал, все гладко прошло. Молодец!

— Спасибо за комплимент. Недаром я с тобой рядом держусь... Вот первые результаты.

Тимур дружелюбно засмеялся:

— Короче, сегодня вроде воскресенье... Давай приходи к нам. Кристина приготовит что-нибудь. Соломон тоже придет. Посидим у меня.

— Можно, конечно, — ответил Натан. — Но только если разрешишь сидеть рядом с собой.

— Ха! Вот ты лихой какой. Очередь занимай.

— Я в очередях не стою, брат. За взятку прохожу всегда первый.

— Ну, попробуй... Короче, ждем тебя. Часов в пять-шесть подтягивайся.

— Обязательно, дон Алборов.

— До встречи, товарищ лейтенант.

Натан положил телефон и пошел в ванную. Приняв душ, он прошел на кухню и включил кофеварку, закуривая на ходу. Квартира у него была самая обычная, однокомнатная, хоть и в хорошем доме на Юго-Западной. Парню многого не нужно

было. Он выпил кофе, докурил сигарету и, одевшись, поехал в центр, встретиться с одним из своих старых знакомых.

В пять вечера Натан уже стоял в холле квартиры Тимура, держа в одной руке пакет, полный конфет, фруктов и бутылок, а в другой — огромный букет бордовых роз.

— Это тебе, — передал он пакет Тимуру. — А это... — Натан взглянул на Кристину, — хозяйке дома в качестве взятки.

Девушка приняла букет и мило улыбнулась:

— Интересно, за что взятка? Спасибо большое, Натан. Чем я могу тебе помочь, раз уж ты взятку мне даешь?

— Да ничего особенного... — скромно ответил хитрец, — просто позволь мне рядом с Тимуром посидеть хотя бы пять минут. Он ведь звезда у нас.

Кристина засмеялась:

— Да можешь хоть весь вечер с ним сидеть. Тоже мне звезда.

— Княгиня, — приняв высокомерный вид, обратился к девушке Тимур, — я лишу тебя титула, аккуратней с выражениями. А ты. — Он перевел взгляд на Натана. — Можешь занять место по левую руку от меня. Я разрешаю.

Натан поздоровался с другом Тимура, Костей Греком, и спросил:

— Твой друг всегда по воздуху ходил или иногда на землю спускался?

— Это он раньше по воздуху ходил, в школе, — поддержал шутку Грек. — Сейчас уже давно в космосе пребывает.

Все засмеялись, и Тимур скомандовал:

— Давайте за стол, юмористы.

Друзья уселись за стол. У Тимура была большая квартира с несколькими комнатами. Застолье же было организовано в большой роскошной столовой, отделенной от кухни барной стойкой. На красивой посуде, расставленной на столе, были сервированы различные закуски и салаты. Посередине стола возвышалась запеченная стерлядь и большая сковорода, в которой еще дымилось жаркое из мяса с картошкой. Естественно,

нашлось на столе место и осетинским пирогам с разными начинками.

Приехали Соломон, Давид и Яша. Кристина подавала на стол, домработница ей помогала. Первым делом начали поднимать тосты за хозяйку. Разговор об общем деле завели два часа спустя, когда сели пить чай.

Соломон сказал:

— Я сегодня рассказал все Аркаше, своему финансовому директору. — Он повернулся к Яше: — Боруха Лившица сын. — Сиплый одобрительно кивнул, и Соломон продолжил: — Все это осуществимо. Вопрос только с подписанием протокола. Натан, справишься?

Парень улыбнулся:

— Вы сомневаетесь? Я же сказал, что все сделаю.

— Ну, кто знает, как оно все получится... — Развел руками Соломон.

— Мне нужно только кое-что уточнить, — сказал Натан. — Во-первых, образец. Я должен знать, как выглядит этот протокол. Во-вторых, мне нужно, чтобы вы пока не давали на подпись этому банкиру никакие документы. Надо подсобрать кучу побольше...

— Да при необходимости мы ему такую кипу соберем! — ухмыльнулся Соломон. — Из отдела кадров, из бухгалтерии... Скажем, что он, как учредитель, должен быть в курсе всего. Он не будет эти писульки читать.

— Это-то нам и нужно. А нашу бумажку мы подсунем ближе к концу стопки.

— Как ты это сделаешь? — спросил Тимур. — Этот тип банкир. Он хоть одним глазом, но каждую бумажку просмотрит.

— Увидев образец протокола, — начал объяснять Натан, — мы постараемся изменить его дизайн и расположить предложения таким образом, что основное допишем потом. Нам главное, чтобы именно на этом листочке он поставил свою подпись на случай, если вдруг будет почерковедческая экспертиза. Но вероятность, что до нее дойдет, минимальна. Когда начнет-

ся скандал, Соломон Маркович открыто скажет Лапусову, что его зять сам не обратил внимания на то, что подписывал. Тот поймет, что такое и вправду могло быть, и проверять что-то будет излишне.

— Натан, — вмешался в разговор Давид, — папа, дядя Яша, я знаю, что уже это говорил, и, конечно, не стоит опять лезть к вам со своим мнением. Я младше и, наверное, действительно еще плохо понимаю эту жизнь... — Юноша взглянул на Сиплого: — Дядя Яша, я просто хотел спросить...

— Да, сынок, — кивнул Яша, — поинтересуйся. Что бы ты хотел знать?

— Вы как самый старший понимаете... У меня такое ощущение, когда все это я слышу, что мы — как прыщ на теле у большого человека, который этот человек может взять и выдавить в любой момент. Ведь по сравнению с этими людьми мы все...

— Давид.... — строго прервал сына Соломон, но Сиплый поднял руку, остановив старого друга, затем, посмотрев Давиду прямо в глаза, спокойно начал объяснять:

— Сынок, ты прав. Но ты сам ответил на свой вопрос. Я знаю, сейчас время другое. Лет тридцать назад твой дядя, кушая в маленькой хрущевке бычки в томате, мог одним звонком по телефону устроить бунты во всех тюрьмах страны, и случился бы государственный переворот. Но сейчас, конечно, все иначе. Согласен, мы как прыщ. Но ты сам сказал, «выдавит, когда захочет». Верно?

— Да.

— Захотеть выдавить прыщ человек может только в том случае, если он его увидит или почувствует, а мы хорошо спрятались и действуем незаметно. То есть прыщ растет, не обесудьте за такое сравнение, наполняется гноем и ждет. Гной этот очень опасен, так как отравлен. И в тот момент, когда большой и сильный человек наконец-то решит выдавить разросшийся прыщ, гной моментально пойдет в кровь и убьет его. Ты знал, что человек может от такого умереть, от ма-

ленького прыщика, если вовремя его не заметил? Понимаешь меня?

— Да, дядя Яша, — соглашаясь, кивнул Давид.

— Ты молодой, и вся жизнь у тебя впереди. Послушай старшего и запомни. Самое сильное оружие человека — это его ум. Когда мозг занят тем, чтобы сотворить зло ради наживы, человек обречен на провал. Вот и все!

— Я понял, — снова кивнул Давид.

Парень больше не возвращался к этой теме. Конечно, доля правды в словах Яши была. Но Давид все равно остался при своем мнении, хотя и не собирался больше спорить. Все равно его никто не слушает. Но парень по-прежнему переживал за отца, ведь они ведут войну не просто с человеком, наделенным властью, а с подлецом, способным на все. И, несмотря на молодой возраст, даже Давид понимал, что подлец, наделенный властью, — это самый опасный враг.

Глава 33

Тимур и Натан сначала договорились встретиться в кафе, но потом Тимур все переиграл и настоял на том, чтобы Натан приехал к нему домой. Ему не хотелось лишний раз говорить в общественных местах о делах.

Последнюю неделю ребята усиленно наводили справки о Паршине, директоре судостроительного завода в Хабаровске. Каждый пробивал его по своим каналам, и вот наконец неделя прошла, и настал момент встречи.

Сидя за барной стойкой у Тимура дома и попивая черный кофе, Натан, сопоставив все свои данные с информацией, которую нарыл друг, подвел итог:

— Итак, известно нам немного. Живет этот Андрей в комплексе «Золотые ключи» на Минской улице. Квартира номер 440. Имеет «мерседес» S-класса, номер 177, регион такой же.

— Понтошлеп, — презрительно перебил его Тимур.

— Это точно, — кивнул Натан и продолжил: — «Мерседес» этот стоит там же на паркинге и служит хозяину раз в месяц два-три дня. Самое главное, что мы узнали, это то, что Паршин прилетает завтра вечером. Вот так! Что думаешь, Тимур? Как будем его на крючок сажать?

— Да что тут думать? — пожал плечами друг. — У него однозначно есть тут любовница. Я думаю, надо его выследить, найти его подружку и действовать через нее. Если мы намутим компромата на него и пригрозим отправить жене, он нам все, что надо, выложит.

— Мы его слова запишем, — подхватил мысль Натан, — а там — дело техники. Лапусов станет нашей потенциальной жертвой, а не призрачным фантомом как сейчас.

— Согласен, — уверенно ответил Тимур. — Начнем с малого. Выследим этого фраера.

— Идет! — воскликнул Натан. — Завтра этим и займусь.

— Как ты думаешь повернуть дело? — спросил Тимур. — Ты же прекрасно понимаешь, что тут не хозяина палатки с рынка караулишь. Тип этот наверняка везде ходит с охраной, весь нафарширован. Его трудно будет выслеживать.

— Я решу, — улыбнулся Натан. — Это меньшая из проблем. Сложнее будет телку его загрузить.

— Подумаем по факту. — Тимур встал. — Время есть пока. Натан тоже поднялся:

— Ладно, я поеду, наверное...

— Куда это ты собрался? — возмутился Тимур. — Я специально встал, чтобы одну вещь тебе показать. — И, усадив гостя обратно, он пошел в одну из спален. Вернувшись спустя минуту, хозяин дома положил на барную стойку небольшую, размером со смартфон, белую коробочку. Он не распаковывал ее, а просто пояснил: — Это самая хорошая скрытая камера из тех, что я видел. Мне один кореш ее подогнал. Во-первых, она работает на батарее около сорока восьми часов. Во-вторых, ей нужен только мобильный Интернет, и все. В-третьих, запись с нее

попадает сразу же к тебе на головное устройство в режиме онлайн. То есть даже если ее спалят, то, что она сняла, уже будет у тебя на жестком диске дома.

— Хорошая штука, — восхищенно покачал головой Натан, открыв коробку. — И маленькая такая....

— У нее качество шикарное, — добавил важно Тимур. — И радиус обзора огромный. Я думаю, в этом деле она по-любому нам пригодится.

— Однозначно!

На следующий день, около шести часов вечера, такси бизнес-класса, «ауди А8», подъехало к шлагбауму на улице Минская. За пунктом охраны располагался жилой комплекс «Золотые ключи», состоящий из нескольких разноэтажных корпусов. Андрей Паршин жил на четвертом этаже пятнадцатипятиэтажного корпуса. Конечно, «жил» — громко сказано, скорее бывал. Хотя квартира была его.

Трое молодых ребят-студентов были расставлены Натаном на разных точках. Он договорился с первокурсниками из находящейся неподалеку общаги Плехановского университета. Трое друзей, приехавших учиться в Москву из Краснодарского края, легко согласились на работу, услышав, что получают за нее тысячу долларов. Для убедительности Натан выдал им авансом тридцать процентов от суммы. Армянин Ваган, модно одетый парень, дежурил возле подъезда. Предварительно он спустился на паркинг и установил на «мерседес» Паршина жучок, который дал ему Тимур. Маленькая железная таблетка отслеживала местоположение объекта, присылая данные на телефон. Ваган выглядел как жилец дома и, проходя мимо охранников или жителей, со всеми вежливо здоровался. Подозрений он ни у кого не вызывал. Высокий худощавый Славик и очкарик Коля притаились возле двух разных въездов.

Паршин решил выйти у шлагбаума, располагающегося на пригорке возле бензоколонки, и прогуляться до подъезда пешком. Охраны с ним не было. Да и не бывало никогда. Директор

завода слыл человеком скромным и не любил лишний раз привлекать к себе внимание.

Это была территория Славика. Он сразу узнал человека с фотографии, который теперь проходил мимо него с небольшим кожаным портфелем в руках, и сообщил Вагану. Армянин, дежуривший у подъезда, вежливо поздоровался с подошедшим Андреем, тот также вежливо кивнул в ответ и зашел в дом. Через три минуты в окне его квартиры загорелся свет. Троица продолжала наблюдение.

Натан с Тимуром встретились в девять часов вечера в кафе «Жажда вкуса», прямо напротив жилого комплекса «Золотые ключи». Само заведение располагалось на втором этаже, внизу была автомойка. Заказав чайник чая и восточные сладости, друзья болтали, ожидая информации от молодых шпионов. В 21:40 наконец зазвонил телефон Натана.

— Алло, — немедленно откликнулся парень.

— Натан, мы тут это... ждем, в общем. Пока тихо... — запинаясь, проговорил Славик.

— Ну, а обстановка как? — спросил Натан. — Что происходит?

— Да блин, — возмутился студент, — ничего не происходит! Он приехал в шесть пятнадцать. Смеркалось только, но свет он включил. Через сорок минут свет погас. И вот с семи часов не горит. Но из подъезда мужик этот не выходил.

— Ясно, — спокойно ответил Натан. — У них в Хабаровске время другое. Он спит, скорей всего, с дороги.

— Да блин! — воскликнул снова Славик. — Вага говорит, он на бодряке в подъезд заходил. Не похоже, что спать хотел. Но проворонить мы его не могли.

— Послушай сюда. Оставь там Колю во дворе, пусть и за окном, и за подъездом следит. А вы с Ваганом идите сюда, в «Жажду вкуса». Согреетесь чуток, потом Колю смените.

— О'кей шеф, — важно ответил пацан, — скоро будем.

Через двадцать минут двое юношей уже сидели напротив Тимура и Натана и, заказав официанту горячий куриный суп,

отчитывались о проделанной работе. Ваган, черноволосый армянин с характерным носом и печальными глазами, спокойно, в деталях рассказал обо всем. Поев, ребята снова ушли на боевой пост, сменив там Колю.

Когда очкарик тоже ушел, время было около одиннадцати вечера. Тимур усмехнулся:

— И что, ты хочешь оставить этих пацанов там на всю ночь?

— Если будет необходимо, то да.

— На улице не лето. Может, этот тип будет спать до утра?

— Не будет... — задумчиво протянул Натан. — Он не должен сейчас спать. Это бред какой-то...

— Почему бред? — рассмеялся Тимур. — Человек с дороги.

Задумчиво глядя в окно, Натан начал размышлять вслух:

— Человек с интенсивной работой при таком долгом перелете наверняка спит. Если учесть, что он однозначно летает бизнес-классом, условия у него там прекрасные.

— Допустим, что так, — согласился Тимур. — Я тоже склоняюсь к этому, конечно, но... Ты думаешь, он сразу поедет к своей подруге? Почему? Может, он хочет дома посидеть?

Натан молча смотрел в окно, думая о чем-то своем. Потом он тихо повторил слова Тимура:

— Поедет сразу к подруге... к подруге... поедет... — Внезапно его лицо осветилось. Он быстро схватил телефон и набрал номер Вагана: — Ваган.

— Да, брат, — ответил пацан.

— Любыми путями ты должен попасть в подъезд и позвонить в квартиру этого типа.

— Проблем нет, брат, — согласился студент. — Что сказать ему?

— Ничего! — воскликнул Натан. — Скажи, что ошибся. В общем, придумай что-нибудь. Главное, проверь, дома ли он.

— Я понял. Сейчас все сделаю.

Натан дал отбой и взглянул на удивленного Тимура.

— Говори, к чему тебя привели мысли, Эйнштейн? — весело ухмыляясь, спросил осетин.

Не обратив внимания на подколку, Натан улыбнулся:

— Вот я лопух! Сразу и не догадался. Тип этот имеет кучу денег. Бойтся жену и ее брата. Зависит от них. И мы думаем, что у него в Москве есть любовница. Верно?

— Ну да.

— В своей квартире он с любовницей развлекаться не будет — слишком опасно.

— Это точно! Он ходит к ней в гости.

Натан подался вперед и хитро улыбнулся:

— Так с чего мы решили, что она живет где-то в другом месте? Он человек богатый. Легче и безопасней ему купить или снять ей квартиру в своем же доме. А еще круче, прямо в том же подъезде. Так его никто не спалит...

— И то верно! Если кто-то вздумает за ним следить, будет думать так же, как мы, — воскликнул Тимур. — Точно, Натан! — Он одобрительно кивнул и ехидно добавил: — Вот у тебя котелок варит! Ты точно фээсбэшник.

— Нее, — весело ответил Натан на подколку Тимуру, — просто мне каблук на голову не давит, светлые мысли быстрее заходят.

Тимур не заставил себя ждать и с ухмылкой ответил:

— Ну если каблук аккуратно поглаживает, то и мысли появляются утонченные да легкие. А у тебя-то на голове боевики лезгинку танцуют, вот и мысли быстрые...

Зазвонил телефон.

— Алло, — с нетерпением ответил Натан.

— Дома никого, — сказал Ваган. — Или просто не открывает.

— Ваган, — радостно воскликнул Натан, — бери пацанов и приходите к нам!

— О'кей. Уже идем.

Отключив связь, Натан взглянул на Тимура:

— Джекпот. Его телка живет в том же подъезде.

— Но как ее теперь вычислить? — спросил Тимур.

— Придумаем сейчас, — беззаботно отмахнулся от друга Натан.

Спустя двадцать минут студенты пили чай и были готовы отвечать на вопросы старших товарищей. У Натана, очевидно, еще не созрел план, и он пытливо посмотрел на Вагана:

— Внизу на охране кто сидит?

— Ну как кто? Два охранника, — пожал плечами парень. — Сидят себе... особо даже внимания ни на кого не обращают.

— Дело не в этом, — задумчиво пробормотал Натан. — Знают ли они всех живущих в подъезде людей? Или хотя бы большинство?..

— Не знают, — прервал его Тимур. — Они, может, в лицо кого-то и помнят, но не больше. Сколько там квартир на этаже?

— Четыре, — ответил Ваган.

— Одна из них должна быть маленькой площади, квадратов семьдесят. На этаже больше одной такой. — Тимур рассуждал, эмоционально жестикулируя. — Итого пятнадцать. Надо теперь пробить, в какой из них живет одинокая девушка. Не думаю, что это будет трудно.

— Во-первых, — начал было возражать Натан, — не факт, что она живет в маленькой квартире...

— Он никогда не купит любовнице большую квартиру в таком дорогом доме, — перебил друга Тимур. — Он что, Рокфеллер? Не настолько и богат этот тип.

— Из этого следует во-вторых, — спокойно продолжал Натан. — Может быть, он и не покупал эту квартиру, а просто снял. И это более вероятно. Но съемная квартира может быть любой. И большой, и маленькой.

Внезапно Ваган удивленно воскликнул:

— А зачем так сложно? Может, просто проследить за ним?

Все на мгновение замолчали. Натан с Тимуром посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Правду говорят, надо проще думать обо всем и не усложнять, — подвел итог Тимур.

— И то верно, — согласился Натан. — Хоть это тоже не просто, но возможно.

— Я думал об этом, — важно произнес Ваган. — Но как это сделать, не знаю.

Тимур усмехнулся:

— Это мелочь, сейчас все замутим. — Он взял телефон и, набрав номер, поднес трубку к уху: — Княгиня, спишь уже?

— Нет, тебя жду, — ответила Кристина.

— Ложись спать, я задержусь. Но перед этим узнай срочно мобильный Андрея Паршина.

— Мобильный? — удивилась девушка.

— Да. Я знаю, ты можешь. Позвони в Хабаровск своим журналагам, они точно знают. У них сейчас день как раз...

— Ага, сейчас перезвоню.

Тимур положил телефон на стол и важно заявил, обращаясь к студентам:

— Слушайте сюда, господа шпионы, максимум через час вы уже будете свободны.

Через пятнадцать минут Натан позвонил по номеру, который дала Кристина. После нескольких гудков приятный мужской голос ответил:

— Алло.

— Добрый вечер. Вас Андрей зовут? — заговорил Натан с ярко выраженным московским акцентом.

— Да.. Кто это?

— Ох, слава богу, вы наконец-то приехали в Москву!

— С кем я разговариваю? — вежливо повторил вопрос Паршин.

— Да вы представляете... Я сосед ваш по подъезду... На парковке вы так машину поставили, что я никак выехать не могу.

— Не может быть, — удивился мужчина. — Моя машина припаркована на своем месте.

— Да, да, — любезно согласился Натан. — Вы нормально стоите. Просто ремонт затеяли на парковке, и у меня никак вырुлить не получается. Если бы вы были так любезны встать

чуть-чуть подальше. У вас место-то большое. Очень прошу вас. Мне как раз ехать надо сейчас, я так тороплюсь.

— А... ну ладно.... — немного растерявшись, произнес Паршин. — Сейчас надо?

— Если вас не затруднит. Мне соседи сказали, что вы приехали. Пожалуйста!

— Ладно, ладно, проблем нет. Пять минут, и я спущусь.

— Спасибо вам большое!

— Да не за что.

Натан дал отбой. В этот самый момент Коля и Славик держали два из трех лифтов на минус первом этаже, на паркинге. Ваган стоял неподалеку. Третий лифт ехал с двенадцатого этажа, остановился на девятом и поехал дальше. Когда он достиг паркинга, Славик и Коля уехали на пятнадцатый, а Ваган убежал в другой конец паркинга.

Андрей вышел, прошел метров тридцать до своей машины. Не увидев вокруг ни ремонтников, ни каких бы то ни было препятствий, он, пожав плечами, сел в свой «мерседес» и отъехал на полметра назад, прижавшись почти вплотную к стене. Закрыв автомобиль, Паршин зашагал к лифту, возле которого стоял Ваган. Лифт как раз только подъехал, и парень дождался Андрея. Улыбнувшись мужчине, армянин вежливо спросил:

— Вы едете?

— Да, конечно, спасибо. — Паршин зашел в лифт.

— Какой вам? — спросил Ваган.

— Девятым нажмите, пожалуйста.

— Конечно.

Студент нажал цифры девять и один, а потом, выйдя на первом этаже, он вежливо попрощался и с довольной улыбкой пошел на улицу. Ваган взял в руки свой айфон и набрал номер Натана.

— Ну что? — прозвучал сразу вопрос.

— Девятым этаж, брат, — важно ответил Ваган.

— Точно?

- Сто процентов.
- Молодец, Ваган! Приходи деньги получать.
- Уже иду, — ответил радостный армянин, направляясь в кафе.

Глава 34

Тимур договорился с полицейскими из того самого отделения в Одинцово, которые помогли им провернуть авантюру с Зивой. К пяти вечера он, уже получив данные о жителях девятого этажа в нужном ему доме, сидел за барной стойкой у себя в квартире и ждал Натана. Кристина была дома и работала за компьютером.

Тимур еще до конца не привык к новой жизни, такой для него незнакомой. Он никогда раньше не был женат и либо жил один, либо сидел в тюрьме. Теперь же его быт претерпел огромные изменения. Дома его всегда ждала Кристина. Ему стало не нужно ходить ужинать в ресторан или довольствоваться готовой едой из магазина. Кристина заботилась о нем, несмотря на то что у нее тоже были свои дела, а еще и работа отнимала кучу времени. Конечно, домработница помогала девушке, как и до появления в ее жизни Тимура, но все равно жизнь стала другой. В доме появилась какая-то теплота и уют. Мужчина чувствовал всем своим существом, что его любят. Последний раз он ощущал нечто похожее в далеком детстве, когда была жива мама. Конечно, материнскую любовь ничто не заменит, но для зачерстневшей души Тимура любое проявление искренних чувств было как удар молнии. И парню это нравилось. Он впервые в жизни почувствовал, что кому-то нужен, и ему захотелось жить и иметь семью. Теперь же, сидя в собственной квартире, он ощущал счастье, за которое ему пришлось заплатить долгими годами мучений и страданий. В последнюю свою ходку Тимур переосмыслил всю жизнь. Он много думал об окружавших его людях, часто вспоминал друга Севу, сгоревшего практически на его гла-

зах. Таких друзей у него больше не будет никогда. Есть, конечно, еще Костя Грек. Они со школьных лет втроем дружили. Но Грек другой. Он не такой глубокий и душевный, каким был Сева. Костя всегда жил своей жизнью, не погружаясь с головой в дела друзей. Тем не менее теперь он стал его лучшим другом. Вспомнил и Зураба, которого считал своим братом. С этим человеком он дружил столько лет, сколько помнил себя. Они не так часто виделись, ведь Зураб жил в Осетии, но всегда были на связи. В голову часто приходили мысли о последних днях жизни на воле. Так бывает у всех заключенных, и Тимур не был исключением. Он думал и о Соломоне. Конечно, другом этого человека назвать было сложно, причем не только Тимуру, а вообще кому бы то ни было. Раппопорт никому не открывал свою душу, ни с кем не обсуждал свою жизнь и не делился мыслями и планами. Никогда... до нынешнего времени. Сейчас же он, видимо, почувствовал опасность и наконец-то разговорился. Тимуру было лестно, что старый еврей доверился именно ему, и помочь Соломону стало для осетина делом чести. Этот человек многое для него сделал и все это время помогал Кристине. Плюс Тимур уважал Раппопорта. Это был достойный человек и хороший товарищ. Стоило рискнуть ради того, чтобы ему помочь. Он это заслужил. Еще Тимур часто вспоминал Натана. Он был шокирован, когда узнал, что Соломон привлек к делу и этого хитреца. Но как бы там ни было, Натан был симпатичен Тимуру. Он представлял собой уникальный тип людей, встречающийся так редко. Талантливый стратег и непревзойденный аферист, Натан в то же время был добрым и порядочным человеком. В нем каким-то чудом одновременно уживались злобный, дерзкий волк и милый, душевный медвежонок. Натан не поддавался ни под чье влияние и не подчинялся никому. На все он имел свое собственное мнение, которое зачастую окружающие не разделяли. Удивительно, но у Натана никогда не водились большие деньги. Ему хватало на жизнь того, что он имел, и это была нехарактерная для его народа черта, ведь евреи всегда стремились к огромным заработкам. Тимур часто подкалывал в разговоре Натана,

который, не уступая ему в остроумии, отвечал тем же. Эта игра была интересна Тимуру. Он уважал Натана, доверял ему и даже считал своим другом, пусть и не самым близким. Но в этих отношениях Тимуру все-таки хотелось быть лидером, хотя он и осознавал, что это малореально. Натан никогда не признает ничье превосходство, он так же, как и Тимур, независим и свободен. Как бы там ни было, ему нравилось обмениваться с этим парнем язвительными шутками...

Мысли Тимура прервал звонок в дверь — пришел Натан. Друзья поздоровались и расположились за барной стойкой. Натан принес торт и поставил его на столешницу.

Тимур спросил:

— Кофе будешь или чай?

— Американо, — ответил Натан.

Пока Тимур наливал кофе, подошла Кристина:

— Привет, Натан.

— Привет, — кивнул парень. — Я там торт вкусный принес из «Азбуки Вкуса». «Кардинал», по-моему, называется.

— Спасибо, — улыбнулась девушка, — сейчас я разрежу. Но мне-то торт есть не стоит, а то растолстею.

Все рассмеялись. Тимур поставил на столешницу чашки с кофе, Кристина пошла доставать тарелки. Взяв прозрачную папку, Тимур вытащил оттуда лист бумаги, исписанный синей пастой, и объявил:

— Тут данные на жителей всех четырех квартир. И мы в тупике, потому что любовницы среди них нет.

— А кто там живет, расскажи, — попросил Натан.

— В самой большой квартире живет семья: муж, жена и трое детей, — начал объяснять Тимур. — Вторая квартира чуть меньше, трешка, сто сорок метров, и там... тоже живет семья с детьми. В третьей, стометровой, живет певец, Жан-Поль...

— Француз? — спросил Натан.

— Нет, дагестанец, — пошутил Тимур. — Какой там француз? Псевдоним у него такой. Вроде известный, мы просто не знаем его...

— Иван Поляков его зовут, — помогла друзьям Кристина. — Он раньше в группе «Бархатные ручки» пел, потом ушел. Известный достаточно.

— В общем, — продолжал Тимур, — плевать, кто он. В четвертой, самой маленькой, живет молодая пара. Муж и беременная жена. Вот и все.

Натан спокойно ел торт и запивал его кофе. Кристина села рядом, тоже налив себе ароматный напиток.

— Очень вкусный торт, — весело заметил Натан. — Попробуй, Тимур.

— Не хочу, — надменно ответил Тимур. — А ты поешь, наберись сил, потому что нам надо снова идти искать любовницу этого Андрея.

— А куда идти-то? — продолжал улыбаться Натан.

— Куда?! — раздраженно воскликнул Тимур. — Мы по твоему плану действуем. Вот ты и скажи, куда идти?

— Сейчас только торт доем, — ответил Натан, — шоколад на работу мозга хорошо действует. Так что ты тоже поешь.

— У меня мозг работает без шоколада, — презрительно скривился Тимур.

— Мм... а торт на самом деле вкусный, — заметила Кристина, взяв кусочек чайной ложкой и отправив его в рот.

Тимур закурил. Его дико раздражало безразличие друга, но он знал, что у еврея всегда есть запасной план. Теперь же он ждал, что тот предложит.

Натан доел свой кусок торта, поблагодарил Кристину и, закулив, взял в руки айфон. Что-то там понажимал и хитро взглянул на Тимура:

— Значит, ты говоришь, что любовницы там нет?

— А ты хочешь сказать, что есть? — злобно спросил в ответ Тимур.

— Нет, — еще больше развеселился Натан. — Но с чего ты взял, что у него любовница? Есть варианты получше.

— Какие? Семья извращенцев? — с издевкой спросил Тимур.

Натан перевернул телефон экраном вверх, чтобы было видно Тимуру и Кристине. На дисплее была фотография мужчины в яркой, обтягивающей одежде с женственными чертами лица.

— Это Жан-Поль, певец. И наш бонус в том, что он был рожден мужчиной.

Кристина удивленно воскликнула:

— И что это значит?

— То, что Андрей Паршин голубой, — усмехнулся Натан. — А этот тип — его любовник. И это даже лучше, чем любовница, ведь тут пахнет несмываемым позором.

— Ну, в наше время это уже не позор... — заметил Тимур. — Сейчас петухом быть для многих не стыдно.

— Как бы то ни было, — продолжал Натан, — мне этот Паршин сразу подозрительным показался на фотографиях. Больно уж он нежный с виду. А если учесть, как он шифруется, жена его ни о чем не догадывается. Да и вообще, женился он, можно сказать, насильно, черт знает, какие у них там отношения. Он, может, после этого отвлечение к женщинам испытывать начал, вот и...

— Ладно, ладно тебе, — засмеялся Тимур. — Петух он и есть петух. Но признаю, ты попал в десятку. Я даже не задумывался об этом. Вычислил ты его грамотно.

— Благодарю за похвалу, шеф, — подшутил над другом Натан. — Теперь надо его разоблачить.

— Это уже несложно будет, — уверенно заявил Тимур и посмотрел на Кристину. — Княгиня...

— Да, придворный, — поддержала шутку девушка.

— Твой выход. Этот Дон-Жуан... или как там его... Он вроде как певец. Ты звонишь ему, предлагаешь интервью, от которого он не откажется: журнал же у тебя самый популярный. Да он мечтает об этом. Ты приходишь к нему домой и оставляешь там камеру-жучок.

— Ого! — удивилась Кристина. — И как я это сделаю?

— Спокойно, это ерунда для тебя.

— Я пойду с тобой, — вызвался Натан. — Типа, я фотограф, а ты — журналист.

— Вообще будет идеально. — Щелкнул пальцами Тимур. — Я не смогу прокатить за фотографа. А Натан — типичный подмастерье.

— Спасибо за комплимент, господин придворный княгини, — не заставив себя ждать, отшутился Натан.

— Так, давайте серьезней! — воскликнула Кристина. — Когда это нужно сделать?

— Сейчас, — ответил Тимур. — Пока Паршин не уехал. Телефоны всех жителей менты пробили. Все тут. — И он протянул лист девушке.

Кристина взяла бумагу и, подумав несколько секунд, сказала:

— Дайте мне минутку.

— Даем, — кивнул Тимур.

Натан встал и с веселой улыбкой направился к торту, стоявшему рядом с кофеваркой.

— Мы пока тортик еще покушаем. Может, будешь торт, придворный? — спросил он Тимура.

— Хватит жрать, — ответил тот, презрительно глядя на Натана. — Ты уже и так толстый. Такими путями из подмастерьев не выберешься.

— Ничего страшного. — Улыбался Натан, кладя себе в тарелку еще кусок. — Пока ты будешь худеть под гнетом дворянской особы, я буду толстеть от сытой свободной жизни.

Кристина взяла свой айфон и громко сказала:

— Теперь тихо оба.

— Да, ваше сиятельство, — ответили мужчины в один голос и тихо засмеялись.

Девушка набрала номер и включила громкую связь, чтобы слышно было всем. Через три гудка послышался тонкий мужской голос:

— Алло.

— Господин Жан-Поль? — официально спросила Кристина.

- Слушаю вас.
- Вас беспокоит Кристина Шафонская, главный редактор журнала «Российская жизнь».
- Ой, здравствуйте... Кристина. Очень приятно! — восхищенно воскликнул парень с характерным для гомосексуалистов прононсом.
- У вас есть минутка?
- Конечно, конечно, слушаю вас.
- Жан-Поль, — серьезно начала Кристина, — мы бы хотели взять у вас интервью для нашего журнала и разместить его в ближайшем выпуске. Вы согласны?
- Ну... как же... — взволнованно забормотал певец. — Конечно, согласен!
- Но у нас есть проблемы, так что хотелось бы вашего содействия.
- Смотря какого... — Погрустнел Жан-Поль, решивший, что за интервью будут просить деньги.
- Дело в том, что у нас открывается новая рубрика под названием «Как живут российские звезды», и наша встреча должна состояться у вас в квартире. Присутствовать буду я и мой фотограф. Рубрика новая, поэтому интервью возьму сама.
- Ну, это вообще не проблема! — воскликнул парень. — Пожалуйста, приезжайте. Я живу один на Минской улице...
- Адрес скажете чуть позже, — перебила певица девушка. — Основная проблема в том, что нам нужно все успеть до завтрашнего вечера. Если вы не можете или на гастролях... в принципе, мы можем позвонить еще кому-нибудь.
- Нет, нет, я, конечно, могу... Я не занят... Я готов!
- Замечательно! — радостно воскликнула Кристина. — Вы первый у нас в списке.
- Ой, мне приятно! — прощепетал Жан-Поль. — А с чего такая честь?
- Вы знаете, — смеясь, заявила Кристина, — у нас вся редакция — ваши фанаты. Да и я сама постоянно слушаю ваши песни... Даже у мужа в машине всегда играет ваш диск.

В этот момент Натан зажал рот рукой, чтобы удержать смех, впрочем, Кристина и сама еле сдерживалась, а Тимур, состроив злобную гримасу, сам был не в силах удержаться и тихо засмеялся над шуткой.

— Ой кааак мне приятно, Кристина, — пропел Жан-Поль. — Интервью сколько времени займет?

— Не больше часа. Мы работаем круглосуточно. Мы с фотографом приедем в любое удобное для вас время. Пока мы с вами будем беседовать, Матвей, наш фотограф, сделает снимки вашего гнездышка.

Теперь настала очередь Тимура убежать в спальню, зажимая рот руками. Натан же помчался за другом следом, потому что сдерживаться уже было почти невозможно.

— Ну и прекрасно, дорогая. Я готов... знаете... я буду дома через полчаса... и, в принципе, до одиннадцати вечера свободен. Либо завтра я могу в любое время, только не утром.

— Зачем нам ждать завтра. Все прекрасно можно сделать сегодня, — воодушевленно заявила Кристина. — Мы с Матвеем будем у вас через час. Диктуйте адрес.

— Отлично! — обрадовался певец и, назвав адрес, попрощался.

Едва прозвучал сигнал отбоя, как все начали громко хохотать.

Тимур сквозь смех с трудом произнес:

— Ма-а-твей... гнездышко... донжуана...

Первая пришла в себя Кристина:

— Все, хватит ржать. Фотоаппарат у меня есть. Собирайтесь. Тимур, ты водителем будешь.

— Да, княгиня, — шуточно поклонился любимой Тимур. — Дай только ноутбук, надо подключить жучок.

Он принес коробку с жучком, настроил его и включил, введя все необходимые данные. Сам ноутбук подсоединил к сетевому зарядному устройству и оставил включенным.

Приготовления заняли минут пятнадцать. Потом друзья спустились на паркинг и, удобно устроившись в «лексусе» Натана, отправились на дело.

Глава 35

Квартира Жан-Поля оказалась типичным жилищем певца нетрадиционной ориентации. Там располагалась комната-студия с устройствами звукозаписи, синтезатором и различными дисками на полках. Кухня-столовая выполняла также функцию гостиной. Но самой интересной была спальня. На большой двуспальной кровати могли свободно разместиться сразу четыре человека, слева располагалась гардеробная, справа от кровати — входная дверь. Стена над изголовьем пестрела эротическими фресками, стилизованными под древнегреческие и древнеримские. На противоположной же стороне находилось окно. Между окном и кроватью, отделенная от остального пространства комнаты лишь двумя колоннами, возвышалась на пьедестале огромная ванна-джакузи. По всей комнате на полочках были расставлены статуэтки полуголых античных богов. Складывалось впечатление, что это спальня Юлия Цезаря или Клеопатры. Больше комнат в квартире не было.

Жан-Поль, женоподобный, худенький блондин с милой улыбкой, гостей встретил приветливо. Быстро показав квартиру, он пригласил всех в гостиную, где Кристина стала расспрашивать его о карьере и с важным видом записывать ответы в блокнот. Жан-Поль с удовольствием отвечал на все вопросы, подробно и развернуто. Натан спросил, можно ли, чтобы не терять время, сделать несколько фотографий квартиры, и певец, конечно же, разрешил.

Оказавшись в спальне, Натан прикинул, куда лучше спрятать камеру. Найдя хорошее местечко сбоку от джакузи, он, посмеиваясь про себя, засунул камеру прямо в рот статуе Эроса. Статуя была большая, и обнаружить камеру можно было, лишь засунув руку в рот или как следует к нему приглядевшись. Камера должна была захватить вход в комнату и большую часть кровати. Вернувшись в гостиную, он подмигнул Кристине, и девушка свернула интервью через пять минут. Они попрощались, оставив счастливого певца одного, и спустились вниз к Тимуру.

— Матвей, ну как тебе гнездышко донжуана? — Тут же накиннулся на друга Тимур.

— Он теперь до смерти моей этого не забудет, — закатил глаза Натан. — Дави на газ, только не включай песни своего кумира.

— Ну как все прошло? — уже серьезно спросил Тимур. — Вы за двадцать пять минут управились.

— Все хорошо, — криво улыбнулся Натан. — Камера во рту у бога любви, Эроса.

Друзья опять засмеялись, а затем Кристина сказала:

— Ребята, у меня тоже есть небольшой бонус. Я записала все интервью на диктофон. Там этот Жан-Поль признается, что человек, которого он любит, живет далеко и приезжает в Москву не так часто, как он того бы хотел. Он не сказал, конечно, что это мужчина, но зато признался, что ждет любимого сегодня в одиннадцать вечера у себя дома.

— Вообще прекрасно! — воскликнул довольный Тимур. — Сейчас только восемь. Может, пока перекусим?

— Потолстеешь, — сразу же отозвался Натан. — На ночь вредно есть. Иначе тебя, толстого и некрасивого, Кристина уволит.

— Поехали в «Цицилу», — предложила Кристина. — Она как раз тут, рядом.

— Хорошо, едем туда. Натану, правда, там торт не дадут.

— Прекратите вы! Как дети, честное слово, — засмеялась девушка.

— А ты прям как взрослая, меня Матвеем назвала! — возмутился Натан. — Теперь твой Тимур от меня не отстанет.

— Да расслабься, — дружелюбно ответил Тимур. — Не буду я тебя подкалывать... Матюша.

«Цицила» был современным рестораном, в котором наравне с европейскими подавали грузинские и узбекские блюда. Друзья сели на диванчики справа от входа и быстро сделали заказ. Кристине принесли овощной салат и аджарское хачапури. Мужчины выбрали одно большое хачапури, сациви и хинкали.

Народу было много, публика была богатой, состоящей в основном из кавказцев лет двадцати пяти — тридцати. Приступив к еде, ребята принялись обсуждать дальнейший план действий. За соседним столиком, располагавшимся сразу же за ними, сидела большая компания из восьми человек: пять парней и три девушки. Дорого одетые, от тридцати до сорока лет, мужчины, судя по всему, были чеченцами. Они громко разговаривали на своем языке и весело смеялись. Одна из девушек постоянно бросала взгляды на столик, за которым сидел Натан. Симпатичная шатенка с карими глазами откровенно разглядывала парня. Но он ее не замечал. Тимур с Кристиной сидели спиной к столу чеченцев и тоже не видели призывных взглядов, которые бросала красотка на их друга.

Покончив с ужином, Тимур сказал, что лучше им поторопиться, и, расплатившись за стол, друзья встали и направились к выходу.

Едва получив в гардеробе верхнюю одежду, они услышали сзади женский голос:

— Натан, это ты?

Все резко развернулись, Натан, еще не увидев того, кто его окликнул, ответил:

— Да... — И застыл на месте как вкопанный, глядя в глаза девушки.

Она же, нервно улыбнувшись, произнесла:

— Ты... узнаешь меня? Это я, Хава.

— Да... Хава... — Натан побледнел. — Конечно... узнаю...

Девушка была не так сильно удивлена встречей, а потому дружелюбно спросила:

— Как дела у тебя? Вот уж не ожидала тебя увидеть... тут. Как ты? Как живешь?

— Все хорошо, — хриплым голосом отвечал еще не пришедший в себя Натан. — Я... да. Тут сейчас... В Москве... А ты как? Там... с тобой...

— Там мой муж и его братья с женами, — быстро проговорила девушка. — У меня все хорошо. Трое детей уже.

— Молодец, — улыбнулся Натан, взявший себя в руки. — Рад за тебя... А как... семья? Родственники?

Девушка вздохнула:

— Да по-разному. Но главные события ты, наверное, знаешь...

В этот момент сзади девушки появился мужчина лет сорока с надменным, даже дерзким лицом, широкими плечами и вызывающим взглядом. Он властно обратился к Хаве:

— *Хьо хьянга къамел джаш яр?*⁴⁶

Девушка, немного нервничая, ответила:

— *Совца доьшуш вара и. Суьли махкар ву. Сай г1уллакхера йог1аш гинера суна и*⁴⁷.

Мужчина посмотрел на Натана, который ответил ему немигающим взглядом. Чеченец натянуто улыбнулся и протянул руку:

— Салам Аллейкум.

— Ваалейкум салам, — ответил Натан, пожав протянутую руку.

Затем чеченец без слов обменялся рукопожатием с Тимуром.

— Уходите уже? — спросил он.

— Да. Спешим, — процедил Натан.

— Ясно. — И бросив Хаве «Яло⁴⁸», чеченец развернулся и, расправив плечи, важной походкой пошел обратно в зал.

Девушка молча опустила голову и побрела вслед за мужчиной, успев на прощание одарить Натана дружеской улыбкой.

— Поехали, — усмехнулся Тимур. — А то ты завис что-то.

Друзья вышли на улицу. Натан всю дорогу молчал. Его лицо приобрело задумчивое, печальное выражение. Кристина периодически бросала на него испытывающие взгляды, но спрашивать ничего не стала.

---

⁴⁶ С кем ты разговариваешь? (чеченск.)

⁴⁷ Это мой однокурсник. Он дагестанец. Случайно встретила, когда из туалета шла (чеченск.).

⁴⁸ Пошли (чеченск.).

Когда они вошли в квартиру, девушка весело сказала:

— Теперь я вам предлагаю выпить очень вкусного чаю. Кто за?

— Я не хочу, — буркнул Тимур. — Время подходит уже, скоро петухов будем смотреть.

Тут Натан серьезно посмотрел на Тимура и коротко спросил:

— Есть виски?

— Есть, конечно, — ухмыльнулся Тимур. — Что, напиться с горя решил?

— Типа того... — хмуро ответил Натан, потом добавил: — Хочу утопить воспоминания.

— Сейчас, Натан, я все организую, — засуетилась Кристина.

Через пять минут они уже устроились за барной стойкой. Тимур сидел со стороны кухни, курил и посматривал иногда на экран ноутбука. Натан и Кристина расположились напротив. Перед ними стояла открытая бутылка виски «Маккаллен», стакан с тем же напитком блестел в руке Натана. А еще на столешнице было блюдо с дольками лимона и такое же с яблоками. Кристина пила чай и время от времени бросала на Натана любопытные взгляды. Наконец она не выдержала и спросила:

— Натан, ты извини, но ты так расстроился после встречи с той девушкой... Что-то случилось?

— Кристина, — глубоко вздохнул Натан, — то, что случилось, случилось уже давно... Но я все еще пытаюсь забыть... а не получается. — Он выпил залпом треть стакана, закусил долькой яблока и закурил.

Тимур, не отводя взгляда от друга, сказал:

— Братан, прошлое забывать не нужно. Его нужно пережить.

— Пережить и смириться, — с воодушевлением добавила Кристина.

Натан горько усмехнулся и, выпустив дым, пустился в рассуждения:

— Дагестанский поэт Расул Гамзатов однажды очень хорошо сказал: если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки. Я вот много раз задумывался над значением этих слов... Кого бы я ни спросил, все понимают их одинаково. А я вот по-другому. Ты как думаешь, Кристина, что он имел в виду?

— Не могу представить другой смысл, — немедленно ответила девушка, — кроме того, что не нужно делать ошибок в прошлом, чтобы в будущем не платить за них... Как-то так.

Натан перевел взгляд на Тимура:

— Ты тоже так думаешь?

— Я никак не думаю. Я слежу за донжуаном, — ответил Тимур. — Но если серьезно, то да. Тут смысл такой.

— Все так думают, — покачал головой Натан и, налив себе еще виски, продолжил: — Но нужно просто взвешивать слова. Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки... Задумайтесь. Ты стреляешь в прошлое, а будущее стреляет в тебя. Но ты же в настоящем... — Он отхлебнул пару глотков виски, закусил лимоном и добавил: — Это игра слов. Есть тут и другой смысл: если ты выстрелишь в прошлое, то есть забудешь его, убьешь, в будущем тебе будет только хуже. И причина ясна: нельзя забывать то, что было.

— Ты считаешь, что нужно помнить все, даже самое плохое? И часто вспоминать об этом?

— Да, — кивнул Натан. — Понимаешь, я наделал много ошибок в своей жизни. Поломал свою судьбу... Когда передо мной стояли надежные корабли, я не садился в них, а прыгал в воду, пытаюсь переплыть море. Понимаешь, о чем я?

— Да, — ответила Кристина.

— А я, назло всем, плыл. Назло системе. Назло закону, традициям и правилам. Назло тому, что выстраивалось тысячелетиями. Всему бросал вызов. И самое ужасное то, что я всегда знал: победить невозможно. Море не переплыть.

— А зачем тогда? Зачем мучил себя? — спросила девушка. — Я вижу, Натан, что ты несчастлив. Ты всегда чем-то опе-

чален... Неужели ты не хочешь начать спокойную жизнь на одном месте?

Натан опять закурил и задумчиво произнес:

— Ты знаешь, Кристин... Ты ведь тоже такая... и Тимур такой. Вы ведь бросились в самое пекло. Решили переплыть свое море, не мирясь с тем, что вам дано. И сегодня вы вместе, слава богу. Счастливы вы!

— Да, это так. — Девушка с любовью взглянула на Тимура, который пристально смотрел на друга.

— А у меня просто море море очень... штормовое, — грустно продолжал Натан. — Его тяжелее переплыть. Там акулы...

— Но пока ты тут, ты еще не утонул, — перебил друга Тимур. — Просто тебя акула укусила.

— Прямо в сердце, — закончил фразу Натан. — И я не знаю теперь, куда плыть, и дрейфую пока в открытом море. Но если я доплыву... Я утру нос всем, поломаю систему и, самое главное, буду самым счастливым человеком на Земле!

Тимур взял бутылку виски, достал из шкафа стакан и плеснул в него янтарный напиток. Потом поднял стакан и, строго посмотрев Натану в глаза, сказал:

— Дай Бог, чтобы ты был счастлив. Запомни, пока ты не утонул, у тебя всегда есть шанс доплыть. В самые свои ужасные дни я проклинал судьбу и был уверен, что никогда не буду счастлив. Но сегодня я полюбил жизнь. И лишь потому, что видел столько проблем и бед, для меня теперь каждый день наполнен счастьем. Держи свою масть, Натан, не сдавайся. В тебе живет сильный дух, я это знаю, так борись за свое! А если что...

— Если что, мы всегда рядом, — добавила Кристина и подняла свою чашку с чаем. — Мы твои друзья и, чем сможем, всегда поможем.

— От души! Дай Бог всем таких друзей! — с чувством сказал Натан, и парни, чокнувшись, залпом выпили виски.

— Тут и шоу началось, — объявил Тимур, показав глазами на ноутбук.

— Я точно на это смотреть не собираюсь, — объявила Кристина и, встав со стула, добавила: — Оставлю вас одних. Наслаждайтесь.

— Да я тоже не горю желанием смотреть на этих уродов, — повеселев, улыбнулся Натан.

— На это никто смотреть и не будет, — согласился Тимур. — Главное, что запись идет, а там... Давай лучше выпьем, Натан! Что-то ты меня заразил.

— Базара нет, — одобрил Натан. — Бухаем, значит!

— Останешься у нас сегодня, — заявил Тимур, разливая виски по стаканам. — А утром поедем грузить этого черта.

— Ну уж понятно, что у вас останусь. Куда же я пьяный поеду?

— Не, ну кто знает... — ехидно улыбнулся Тимур. — Мало ли в какое гнездышко Матвею захочется полететь.

— Вот ты неисправим, Тимур, клянусь! — возмутился Натан и, вздохнув, добавил: — Придворный... чему я удивляюсь? Халоп!

Друзья рассмеялись и, чокнувшись, выпили.

Глава 36

В одиннадцать утра Тимур и Натан сидели в машине, поджидая возле шлагбаума, когда выедет Андрей Паршин. Выпили накануне немало, а потому Натан теперь тихо посапывал на переднем сиденье. Тимур же спокойно курил и, сидя за рулем, вглядывался в каждую выезжавшую со двора машину. Он пил вдвое меньше, чем друг: не хотел из-за пьянки запороть такое важное дело. Они просидели до трех ночи, делясь рассказами из жизни и своими мыслями. Тимур редко с кем-то откровенничал, но Натану он уже стал полностью доверять, считая своим другом.

Примерно в 11:20 показался «мерседес» Паршина. Толкнув спящего локтем в бок, Тимур схватился за руль:

— Просыпайся, Матвей.

— А? — открыл глаза Натан.

— Объект выехал.

— Наконец-то! — протирая глаза, воскликнул Натан. — Поехали.

Они последовали на безопасном расстоянии за «мерседесом». Паршин приехал в торговый центр «Времена года», который находился неподалеку на Кутузовском проспекте. Заехав следом на подземный паркинг, Тимур припарковал свой «лексус» через три машины от автомобиля жертвы. Натан выскочил раньше и устремился к лифту. Когда Паршин подошел к дверям, парень уже стоял там, ожидая его. Мужчины зашли в лифт вдвоем. Тимур шел следом. Выйдя на первом этаже, директор неспешно прогулялся мимо магазинов и сел в другой лифт. Натан вычислил, что он поднялся на третий этаж. Тимур подошел сзади и спросил:

— Ну что?

— Он на третий поехал. Давай за ним. Лучше не придумаешь. По ходу идет завтракать в «Эль Гаучо».

— Мясо любит, — усмехнулся Тимур.

«Эль Гаучо» был дорогим стейк-хаусом.

Ребята поднялись наверх и, зайдя в ресторан, сказали администратору, что их ожидает только что пришедший мужчина. Друзей проводили за столик, где в одиночестве сидел Андрей. Теперь они могли как следует рассмотреть директора. Это был симпатичный парень, с добродушным лицом, круглыми голубыми глазами и милой, застенчивой улыбкой. Паршин больше походил на киноактера, чем на хозяина судостроительного завода. Одет он был в модные рваные джинсы и бирюзовый свитер с «молнией» от основания шеи до плеча. Да и выглядел он моложе своих лет: на вид ему можно было дать всего тридцать два — тридцать три года.

Когда Натан с Тимуром подошли к столику Андрея, от него как раз отошел официант, принявший заказ. Ресторан только

открыл свои двери, и посетителей, кроме Паршина, вокруг не наблюдалось.

Тимур положил на стол ноутбук и, не сказав ни слова, плюхнулся на стул рядом с директором завода. Натан же вежливо поздоровался:

— Добрый день, Андрей. Не сочтите за наглость, что нарушаем ваш покой, но у нас к вам очень важный разговор.

Он сел напротив друга, по другую сторону от жертвы. Паршин изумленно смотрел на двух незнакомых ему мужчин. Он сразу понял, что лучше говорить с Натаном, и официально спросил:

— Кто вы? Чем могу вам помочь?

— Сейчас я вам все объясню, господин Паршин. Вам нужно просто внимательно выслушать меня.

— У меня есть несколько минут, — важно заявил Андрей, — пока не принесли мой завтрак.

— Ты сейчас сам превратишься в завтрак, петушара! — злобно воскликнул Тимур, чем напугал парня чуть ли не до дрожи.

Натан же дружелюбно успокоил жертву:

— Да вы не переживайте, Андрей. Это займет всего несколько минут, а потом вы сами попросите нас остаться.

Еще в самом начале знакомства между Натаном и Тимуром сразу, без лишних договоренностей, распределились роли злого и доброго полицейских. Натан выступал в роли вежливого дипломата, тогда как Тимур злобно наезжал на жертву. В данном случае сразу было понятно, что такой сценарий работает.

— Итак, я расскажу вам кое-что, а вы меня не перебивайте, — начал Натан. — Сразу имейте в виду, господин Паршин, что против вас лично мы ничего не имеем. Но вы, к сожалению, стали разменной фигурой в руках своего шурина, сенатора Лапусова. — Услышав эти слова, Андрей мгновенно напрягся и изменился в лице. Натан же продолжал твердым голосом, четко проговаривая каждое слово: — Наглым образом

вы подставили Архангельский алюминиевый завод. И мы уверены, что имеется план на дальнейшую атаку на господина Раппопорта. — Натан сделал небольшую паузу. — Теперь, что касается личного вопроса. Мы прекрасно знаем о ваших отношениях с госпожой Калашниковой. О том, как вы боитесь ее и ее брата...

— С чего вы взяли, что я кого-то боюсь? — пытаюсь выглядеть решительнее, спросил срывающимся голосом Андрей.

— Потому что ты педик, — насмешливо ответил ему Тимур. — Ты баба. И уже в штаны наложил.

Паршин после этих слов сильно побледнел. Испуг читался на его лице. Ему стало понятно, что эти люди знают его секрет.

— Не переживайте вы так, господин Паршин, — снисходительно продолжал Натан. — Я еще раз вам говорю, мы не сделаем вам ничего плохого. Наоборот. Если вы готовы нам помочь, мы осуществим вашу мечту, освободим вас от всех оков.

— Я вам не верю.... И что?.. Что я?.. Почему вообще?.. — Мужчина стал запинаться, не зная, что сказать.

Натан кивнул Тимору, и друг открыл ноутбук. На экране сразу появилась сохраненная видеозапись, где были хорошо видны и Паршин, и Жан-Поль. Они страстно целовались, стоя в спальне перед кроватью.

Тимур предложил:

— Могу чуть прокрутить вперед, просто боюсь, что меня стошнит...

— Не надо, — слабым голосом остановил его Андрей. — Выключите... это...

Тимур закрыл ноутбук и взмахом руки подозвал официанта, чтобы попросить воды — директору завода явно могло стать плохо в любой момент.

Натан же принялся добивать жертву:

— Кроме этого у нас есть интервью Жан-Поля для журнала «Российская жизнь». Он наверняка рассказывал вам о нем. Там он признается, что его любовник приезжает издалека раз в ме-

сяц... Ну, и так далее. В общем, выпейте стакан воды, подумайте немного, господин Паршин. Объяснять, что мы сделаем с этой записью, думаю, будет излишне... Интернет — это сила.

— Не делайте этого... — прошептал Андрей. — За что?.. За что вы так... со мной?

Объект был готов, и Натан начал дожимать его, давая, однако, надежду:

— Я еще раз повторю, нам вы неинтересны, нам нужен Лапусов. Поэтому я скажу так: если вы нам окажете содействие, мы поможем вам исчезнуть. У вас наверняка куча денег...

— Поедешь в Таиланд булки свои разминать, — перебил друга Тимур и злобно зыркнул на жертву. — Там такие, как ты, в моде.

Паршин выпил воды и молча потупил взор. На его лице были написаны печаль и смирение. Угадав мысли директора, друзья переглянулись, подумав об одном и том же.

Тимур насмешливо спросил:

— Ты сейчас думаешь, как ты несчастен? Проклинаешь жизнь?

Парень подавленно ответил:

— Вы... со мной все кончено... Я и так... жил как в аду... а теперь... я даже не знаю, что будет...

— Я вам сейчас объясню так, что вы поймете, — дружелюбно заверил его Натан. — Представьте себе, что Бог создал из глины человека. После этого у Господа остался еще небольшой кусок глины. Тогда Бог спросил человека: «Что еще создать для тебя?» Человек ответил: «Слепи мне счастье». Бог взял и положил этот кусочек глины человеку в ладонь. Понимаете, о чем я? — спросил Натан у задумавшегося парня. Тем временем официант принес еду, на которую внимания уже никто не обратил. Пока он составлял тарелки с подноса на стол, все молчали. Когда официант ушел, Натан продолжил: — Твое счастье в твоих руках. Мы просто защищаемся от Лапусова. Плохого невинным людям мы не сделаем. Напротив, мы готовы вам помочь исчезнуть, забыть про ад, в котором вы живете, и стать

счастливым человеком. Деньги у вас есть, уедете и забудете прошлое.

— Как мне вам верить?! — в отчаянии спросил Андрей. — Я вас совершенно не знаю...

— А у тебя есть другой вариант? — задал ему встречный вопрос Тимур, и сам же на него ответил: — Второй вариант — это убежать сейчас. Сразу. Но тогда Лапусов тебя найдет и закончит с тобой или вернет на место к твоей старушке. Если же ты поможешь нам, получишь свободу. Пересидишь какое-то время, пока мы уничтожим твоих врагов, а потом будешь жить себе спокойно, со своим донжуаном кукарекать вместе.

Паршин уже немного успокоился: ему стало очевидно, что эти люди просто хотят с ним договориться. Он призадумался и, пытаясь придать уверенности своему голосу, заявил:

— Я могу пойти на это только в одном случае.

— В каком? — спросил Натан.

— Вы должны наверняка уничтожить этих людей! — И тут немного осмелевшего директора понесло. — Это страшные люди! Я по указанию шурина работал против Раппопорта. И... это не конец. Несколько месяцев, и новая ловушка, в которую попадет ваш шеф, сработает. Но мне все надоело. Не нужно мне ничего... Я так устал!

— Предложите свой вариант, — дружески подсказал Натан.

— У меня на самом деле все готово! — окончательно сдавшись, начал откровенничать Андрей. — Куча компромата, который может уничтожить сенатора. Но я... я боюсь! Нет у меня сильной поддержки.

— Сильней, чем наша, у тебя поддержки не будет, — заявил Тимур. — Сдашь сенатора и делай ноги. Мы справимся с ним.

— Я уверен в том, что вы справитесь, — кивнул Андрей. — Если вы смогли меня... вот так... Я на самом деле, когда Жан сказал, что приходили брать интервью, сразу заподозрил... Я знаю, что это журнал Раппопорта. И вот теперь...

— Оно для тебя оказалось к лучшему, — ухмыльнулся Тимур.

— Возможно, — согласился парень и посмотрел на Натана: — Если вы дадите мне уйти самому... Я вам отдам кучу компромата. Душите его!

Натан молча размышлял. Мысли роились в его голове. План, разработанный им изначально, теперь можно было изменить в лучшую сторону. Только нужно все обсудить с Соломоном и Тимуром.

— Когда вы уезжаете? — спросил он Паршина.

— Послезавтра, — ответил тот. — Завтра я встречаюсь с Лапусовым, а потом уезжаю.

— Деньги ему привез? — спросил Тимур.

— Нет. Он вызвал поговорить. Я думаю, насчет нового этапа захвата завода... вашего шефа.

Друзья переглянулись.

— Вечером сегодня сможешь с нами увидеться?

— Да, — кивнул Андрей. — Запишите мой номер.

— У меня есть, — ответил Натан. — Я ж вам звонил... Ну, когда на паркинг вас позвал...

— Аа... — удивился парень. — Это вы были... а... зачем?

— С тобой наш пацан в лифте ехал, — улыбнулся Тимур. — Вычисляли, где твой донжуан живет.

— Кошмар! — округлив еще больше глаза, простонал Паршин.

— В общем, смотри, ты понял уже, что будет, если ты слинешь или продашь нас, — предупредил Тимур. — Ютуб сразу взорвется.

— Это не в моих интересах, — заверил Андрей.

— Тогда будьте готовы, мы вечером позвоним, часов в шесть, — сказал Натан. — У вас есть что сразу рассказать?

— У меня папка с доказательствами в банковской ячейка, — гордо ответил Андрей.

— Бери ее с собой, — подмигнул Тимур.

— Какие гарантии у меня, что вы раньше времени не устроите войну? Мне нужно успеть собраться и уехать. До того, как вы начнете...

— Ладно. Вечером разберемся, — закончил Натан разговор и встал. — Мы пошли. До встречи.

— До... свидания... — растерянно кивнул Паршин.

Тимур, выходя, буркнул:

— Свидание у тебя с донжуаном будет.

В 19:30 Андрей Паршин приехал домой к Соломону Раппопорту. На всякий случай парень добрался на метро до станции «Крылатское», а там уже сел в такси.

Ворота ему открыл водитель Миша и проводил в зал. Всей компанией друзья ждали директора. Соломон и Яша сидели в креслах, Натан с Тимуром за столом пили чай, Кристина устроилась рядом и работала на ноутбуке. У Андрея в руках был серый рюкзак. Все поздоровались с гостем, усадили его за стол. Соломон и Яша присоединились к гостям. Кристина налила парню чай.

Натан представил ему всех присутствующих и официально заявил:

— Андрей, благодаря тебе наш первоначальный план действий претерпел изменения. Но все же последнее слово за тобой. Заставлять тебя никто не будет. У нас, напротив, есть предложение к тебе.

— Я слушаю, — кивнул парень.

— Сейчас Кристина возьмет у тебя интервью. Ты расскажешь все. Но только то, что можно доказать...

— Я принес все улики, — перебил его Паршин, показав на рюкзак. — Тут, помимо документов, есть аудиозаписи и даже одно видео.

— Отлично! — довольно воскликнул Натан. — Ты не представляешь себе, как хорошо поступил. Сейчас ты все расскажешь Кристине и подтвердишь свои слова неопровержимыми уликами. Затем спокойно поедешь к себе и соберешь вещи. Примерно за неделю до выхода репортажа мы тебя предупредим. Ты уедешь, типа, в командировку и... потеряешься.

Тимур подхватил слова Натана и продолжил:

— Мы тебе замути́м новые документы на другое имя. На всякий случай, чтобы тебя не отследили. Грамотней всего будет, если ты доедешь своим ходом, на такси или автобусе, до другого города, а оттуда уже по новым документам поедешь на поезде в любой другой российский город, откуда опять же по новым документам сможешь улететь за границу. След твой потеряется. Тебя уже ни за что не найдут.

— Тебя и искать не будут, — заверил испуганного мужчину Натан. — Мы мгновенно решим дело с Лапусовым. Максимум через пару месяцев ты вернешься.

— А как же... свидетель и так далее? — спросил Паршин.

— Его сажать никто не станет, — ответил Натан. — Просто грянет скандал, сенатор снимет с себя полномочия, все отвернутся от него, потому что испугаются, а там... Дальше решать будут другие.

Он посмотрел на Яшу, который кивнул в ответ и своим сильным голосом заявил:

— Послушай меня, Андрей, тебя никто не тронет. Не бойся ничего. Когда ты вернешься в Россию, твоего шурина уже не будет в живых.

Паршин с ужасом посмотрел на говорившего.

Тимур, уловив его взгляд, усмехнулся:

— Ты что, думал, его по головке гладить будут? Это опасная змея, которую только убивать надо.

Покачав головой, парень медленно произнес:

— Это уже не мое дело... Откровенно говоря... у меня есть план, как и куда уехать, и... я с этим разберусь сам.

— Смотри сам, дело твое. — Пожал плечами Тимур.

— Вы меня только не подведите. Я все вам сейчас отдам и все расскажу, но ждать я не буду, уеду через неделю. Вы подождите неделю, потом что хотите, то и делайте.

— По рукам! — кивнул Натан. — Мы так быстро все равно не успеем. Нам нужен месяц где-то.

— Хорошо, — согласился Паршин и, взяв рюкзак, добавил: — Я готов.

— Тогда мы не будем вам мешать, — сказал Соломон. — Вы с Кристиной пройдите в кабинет, там есть видеокамера на подставке. Интервью спокойно проведете.

Андрей встал и вместе с девушкой пошел в кабинет. Когда они удалились, Соломон задумчиво произнес:

— Я думаю, что теперь у Лапусова шансов нет.

— Никаких, — отозвался Натан. — Теперь все делаем по порядку. У вас как дела обстоят с долями, Соломон Маркович?

— У меня все нормально. Документ твой выглядит прекрасно. Через несколько дней банкир Лапусова подпишет протокол, потом уже дело времени. В течение месяца они получают выписку из реестра, которая их шокирует.

— Разоблачительную статью и интервью нужно пускать до этого, — предложил Натан. — После разоблачения им уже будет не до того. Куча проблем свалится...

— Кристине надо сказать, — заявил Тимур. — В Интернете онлайн-портал новостей «Российской жизни» выходит ежедневно. Но нужно что-то мощнее.

— Мощнее и будет! — воскликнул Соломон. — У меня есть человек на канале НТВ. Не последний, между прочим. Мы покажем там видеointerview, которое Кристина сейчас делает, в один день с выходом репортажа в «Российской жизни». Это будет просто бомба! Лапусова порвут на части.

— А княгиня прославится, — улыбнулся Тимур.

— Это безусловно, — кивнул Соломон. — Ваш с ней журнал побьет все рекорды.

Тимур вопросительно взглянул на друга.

Раппопорт улыбнулся в ответ и дружелюбно пояснил:

— Тимур, я уже почти все оформил. Ждать вашей свадьбы не буду. Закончим это дело и займемся своими. Я вам с Натаном уже и так многим обязан, и журнал — это мелочь... — Он перевел взгляд на Натана: — Натан...

— Да, Соломон Маркович.

— Я знаю, насколько ты необычный человек... Знаю, что ты живешь в простенькой квартирке, когда имеешь долю в элитном жилом комплексе, где больше пятисот квартир. Знаю... Много что знаю, в общем. Но я перед тобой в долгу. И поверь мне, я уже знаю, чем смогу тебе отплатить.

— Да оставьте это, Соломон Маркович. Будьте, главное, здоровы. А все остальное ерунда. Я от души просто помогаю вам как своему другу.

— Я тоже! — воскликнул Соломон и заговорщицки добавил: — Скажу тебе вот что: у некоторых народов важные вопросы любой семьи может решать один человек. Своего рода король. К нему все прислушиваются, и слова его для «народа» — закон. Они уважают своего правителя. Раньше, например, так было у арабов и персов. В наши дни я встречал нечто подобное только у одной нации. — Все вопросительно посмотрели на старого еврея, и Соломон, хитро улыбнувшись, важно продолжил: — Я в ближайшее время встречу с этим самым королем небольшого, но очень непокорного, воинственного народа.

— И кто же это, Соломон? — ничего не понимая, спросил Тимур. — Английский лорд какой-то? Я ничего не понял, например. К чему ты клонишь?

Соломон улыбнулся и ответил:

— Этот народ — чеченцы. Натан меня понял.

— Да не стоит, Соломон Маркович, — растерялся Натан. — Вы... все не так, как многие говорят...

— Не нужно, — остановил его старый еврей, подняв руку. — Ничего не говори. Придет время, я с тобой на эту тему общаюсь. Перед встречей.

Натан молча опустил голову: он старался избегать разговоров о своей личной жизни.

Итог разговора подвел Яша:

— В общем, ребята, я жду ваших дальнейших действий. Как только все будет готово, я соберу хевру, и мы порешаем с этим поцом Лапусовым. Если его посадят, тем лучше.

До суда он не доживет. Приговор урки за решеткой исполнят легче.

— Если его посадят, — возразил Натан, — он будет сидеть в Лефортово до суда. Он сенатор. Его не могут посадить в обычное СИЗО.

— Ты за это мне не ботай, сынок, — улыбнулся Яша. — Ты умный парень, который все ходы на воле знает. А шо там на киче, мы разберемся.

Друзья пили чай еще минут сорок. Наконец вернулись Кристина и Андрей. Парень быстро попрощался со всеми и ушел. И только когда за ним закрылась дверь, девушка села в кресло и, покачав головой, произнесла:

— Вы себе не представляете, что это за интервью.

— Рассказывай уже, не томи! — с нетерпением воскликнул Тимур.

— Он мне выложил все, — выдохнула Кристина. — И про то, как Лапусов через подставные фирмы ворует бюджетные деньги, и про рейдерские захваты заводов, и про обналичку денег через офшоры... Да там сенатору нашему должны дать лет пятьсот тюрьмы. Но самое главное — это та видеозапись, которую он оставил нам. На ней хорошо видно и слышно, как пьяный Лапусов дома у Паршина рассказывает своей сестре, как он украл из бюджета деньги, обдунив всех вокруг, и делится с ней ближайшими планами по воровству субсидии от Минсельхоза. Он рассказывает, как собирается подставить одного человека... В общем, караул! И самое главное, видео старое, то есть он уже провернул дельце.

— И что ты думаешь, Кристина? — спросил Соломон.

Девушка в ответ вздохнула:

— Соломон Маркович, этот репортаж выносить на суд общественности, конечно, очень опасно. Мне его афишировать еще хуже... Но... — Кристина хитро улыбнулась, — моей второй мечтой с детства было сделать громкое разоблачение. Поэтому я теперь счастлива, и я все сделаю.

— А первой мечтой что было? — спросил Тимур.

Кристина ему подмигнула и весело сказала:

— Выйти замуж, но не за тебя, а за Парфенова.

Вся компания дружно рассмеялась. Настроение у всех было хорошее. И никто не думал о том, будто что-то может пойти не так. Ведь все было рассчитано предельно точно. Но в жизни человек не может предугадать всего. Это под силу только Богу.

Глава 37

Утром Соломон приехал на Востряковское кладбище. В этот мартовский вторник народу там было немного. Миша остался в машине, а Раппопорт медленно пошел по асфальтированной аллее, по обе стороны которой возвышались памятники с портретами умерших и эпитафиями, написанными на иврите. Добравшись до нужного места, Соломон остановился. За низкой железной оградой с шестиконечными звездами возвышался большой мраморный памятник. С камня на него смотрел портрет брата. Изображение было сделано так мастерски, что невозможно было отвести глаз. Леня был словно живой, в его глазах, как и при жизни, читались одновременно и радость и глубокая, тщательно спрятанная от всех грусть. Соломон открыл калитку и, зайдя внутрь, провел ладонью по холодной плите, на которой было написано: *Зеленский Леонид Маркович*. На душе стало печально. Конечно, прошло уже много времени, и слезы при упоминании имени брата давно перестали наворачиваться на глаза, но до сих пор он чувствовал себя беззащитным и потерянным. А еще бесконечно маленьким и слабым, таким, каким он всегда чувствовал себя, пока был жив Леня.

Соломон достал из кармана пальто свечу в металлическом подсвечнике, похожем на консервную банку. Покрутив ее в руках, он наконец посмотрел в глаза брату. Он всегда приходил на могилу Лени перед каким-то важным событием, которое должно было произойти в его жизни, надеясь, что брат поддержит его и незримо поможет... Возможно, кому-то это покажется

странным, но Соломон хотел верить в то, что дух брата даст ему совет. Соломон долго стоял, не шевелясь, глядя в глаза каменному изваянию, невольно вспоминая то ужасное время, когда убили Леню, а следом умерли Ева и его родной сын. Наверное, мужчина сошел бы с ума и никогда в жизни не смог бы найти смысла продолжать свое существование, если бы не Давид... В ту самую ночь, когда казалось, рассвет не наступит больше никогда, Яша привез Соломона к той самой певице, Вике Стар, любовнице Лени. Девушка держала на руках грудного ребенка. Мальчика, сына Лени. Ребенка, про которого никто в семье не знал. Певица постоянно каталась по гастролям, и такое бремя ей было ни к чему, поэтому она решила отдать малыша Лениному брату и спокойно потом устраивать свою жизнь. Первые три года она исправно навещала сына, а потом внезапно исчезла. Оказалось, что красотка вышла замуж и уехала в другую страну.

В ту судьбоносную ночь Соломон сумел быстро сориентироваться. Они с Яшей вернулись в больницу и оформили ребенка как только что родившегося. Все выходило так, будто сына Евы удалось спасти. Эту тайну уже двадцать лет хранили Яша, Соломон и... по мнению младшего брата, сам Леня. Соломон поклялся на могиле брата, что воспитает Давида достойным мужчиной и даст ему все, что только может дать отец своему родному сыну.

Сейчас он это вспомнил и, смотря на памятник, шепотом произнес:

— Я делаю это для него, Леня. Мне самому уже давно ничего не нужно. Все для Давида. Клянусь тебе, я сделаю так, что он будет счастлив.

Леня в ответ лишь грустно смотрел на него с памятника, и Соломону вдруг показалось, что во взгляде брата мелькнула тревога.

— Все будет хорошо, брат, — горячечно зашептал он, обращаясь к портрету. — Я справлюсь и буду жить, пока не доведу мальчика до ума. Обещаю!

Соломон присел на небольшую мраморную скамейку рядом с могилой. Зажигалки у мужчины с собой не было, так что он просто сидел, держа свечку в руках, и вспоминал, вспоминал... Время для него остановилось. Соломон не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он вошел на кладбище, когда от печальных мыслей о прошлом его отвлек приближающийся к нему человек. Равнодушно отметив про себя, что зрение, похоже, ухудшилось, Соломон наконец узнал Натана, когда тот был уже метрах в двадцати от него. Подойдя ближе, Натан вежливо поздоровался:

— Соломон Маркович, здравствуйте.

— Привет, Натан, — ответил мужчина. — Как ты здесь оказался?

— Да я звонил вам, а ваш телефон отключен... Я Мише набрал, он и сказал, что вы тут. Я как раз от Тимура ехал, вот и решил тоже заскочить...

— Понятно... — тихо произнес Соломон.

Натан, моментально оценив ситуацию, достал зажигалку и протянул ее другу:

— Возьмите. У вас нет, наверное, зажигалки.

— Спасибо дорогой, — поблагодарил Соломон.

— Я пойду... Вы, должно быть, один хотите побыть, — скромно потупился Натан и развернулся к выходу.

— Нет-нет, Натан, — запротестовал Соломон. — Сейчас вместе пойдем. Напротив, побудь со мной... это... это... мой брат.

— Да, я понял уже, — кивнул Натан. — Царствие ему Небесное, Соломон Маркович. Соболезную вам.

— Спасибо, Натан, — печально ответил мужчина, ставя зажженную свечу в специальную колбу у основания памятника. — Ты наверняка тоже терял близких людей, знаешь, что это такое.

— К сожалению, да, — вздохнул парень. — И еще я знаю, что время не лечит... Оно лишь меняет отношение к потере. В детстве я чувствовал одно, сейчас — другое. Но рану залечить до конца невозможно.

Соломон посмотрел на парня:

— Ты прав. — Он последний раз взглянул на памятник, прощаясь с братом, и вышел за ограду.

Натан молча последовал за ним.

Выйдя на аллею, Соломон продолжил:

— Ты знаешь, Натан, когда я был маленьким, я по ночам всегда ждал, когда вернется брат. Не засыпал без него. Он приходил домой всегда очень поздно. Но только тогда я спокойно засыпал. А потом... я порой просыпался среди ночи или под утро. Леня спал очень тихо, почти беззвучно. И мне становилось страшно, и я кидался проверять, дышит он или нет. Убедившись, что дышит, снова спокойно засыпал. — Соломон задумчиво смотрел вдаль, он выглядел усталым и шагал медленно. — Я всегда очень переживал за брата. Он был для меня... всем. И по сей день... Все, что у меня есть, это все его. Все благодаря ему. А я лишь живу в его тени. Как и раньше.

Натан слушал молча.

Немного подумав, Соломон наконец глубоко вздохнул и сказал:

— Ладно. Впереди сложные дни. Надо закончить начатое.

— Я как раз по этому поводу и приходил, — согласился Натан. — Кристина предлагает нанести удар 21 марта.

— Почему именно 21-го?

— Это понедельник, утром выходит печатный выпуск «Российской жизни». Мы думаем, если утром появится статья в журнале и в Интернете, а вечером интервью покажут в новостях на НТВ, то... 22-го Лапусов будет уже снят с должности.

— Ну да, — кивнул Соломон. — И как раз останется время, чтобы его зять смог спокойно уехать... Да, 21-е отлично подходит.

— Тогда вы уже с энтэвэшником своим договоритесь?

— Я сегодня же ему позвоню, — заверил друга Соломон. — Уже после этого они получают выписку из реестра. Там уже все сделано.

— Да? — радостно спросил Натан. — Вы просто нам ничего не сказали.

— Мы же не виделись с тех пор, — ответил Соломон. — В пятницу банкир все подписал. Сегодня секретарша заполнит документ до конца, и мы закончим с оформлением на этой неделе.

— Отлично! Главный наш козырь — это флешка с видео, где Паршин дает Кристине интервью.

— Не переживай, — улыбнулся Соломон. — Она у меня. Я ее отдам энтэвэшнику, и 21-го интервью покажут в вечерних новостях. Нам всем нужно будет в это время сидеть очень тихо. Лапусов может пойти в атаку.

— А смысл? — усмехнулся Натан. — Ему уже к тому моменту конец придет.

— Смысл есть, Натан, — рассудительно произнес Соломон. — Во-первых, этот человек очень мстителен. Как нам стало уже ясно. А во-вторых... Он однозначно будет пытаться выкрутиться и, чтобы избавиться от главного источника опасности, наверняка захочет убрать меня.

— Да ну, Соломон Маркович! — удивился Натан. — Вы уверены?

— Конечно, — кивнул мужчина. — Ты сам подумай, с кем мы воюем. Он сенатор. Крупная фигура. Чего ему стоит отправить ко мне киллера? Лапусов поймет сразу все. И его вывод будет такой: если меня убить, продолжать на него атаку будет некому. Конечно, есть еще Яша, но...

— Есть же мы с Тимуром, — воскликнул Натан.

— Про вас он пока ничего не знает. Про то, что Яша здесь, в принципе тоже... Но я чувствую, что попытку он после разгрома сделает.

— Может, охрану к вам приставим? — спросил Натан.

— Да какая там охрана! — засмеялся Соломон. — Если меня всерьез захотят убрать, никакая охрана не спасет. Кеннеди вон когда убили... Так что это не поможет. Просто буду сидеть дома, и все.

— Мы будем с вами, — улыбнулся Натан.

— Спасибо вам, Натан. — Похлопал парня по плечу Соломон. — Я перед тобой и Тимуром в неоплатном долгу.

— Да прекратите, Соломон Маркович! — возмутился Натан. — Это вам спасибо за то, что даете нам возможность сделать доброе дело.

Соломона как кипятком окатило. Он вспомнил, как когда-то давно Леня сказал те же слова родителям больного мальчика, Аркаши Мазура. Парня, который теперь работает у Соломона финансовым директором. Если бы не брат, Аркаша бы точно умер, но Леня сделал практически невозможное и отправил ребенка на лечение в Германию. Пацан там провел около года и вылечился. Насколько Соломон помнил, за все заплатил человек, который был в долгу перед Леной. Сам же Ворон к моменту, когда Аркаша вернулся в Москву, уже погиб. Мать и отец мальчика искренне убивались на могиле человека, который спас их ребенка. Когда Аркаша вырос, Соломон взял его к себе работать. Парень был слепо предан семье Раппопорт, и лучшего человека для управления финансами найти было сложно.

Теперь вот Натан произнес те же самые слова. Такие редкие в наши дни, ведь людей, стремящихся совершать добрые дела, осталось немного, а делающих это от чистого сердца и во все единицы. Но Натан был именно таким человеком. Он говорил искренне и не раз доказал это своими поступками. Друзья попрощались, и Соломон, сев в машину, сразу позвонил знакомому с телевидения.

— Алло. — Раппопорт после двух гудков услышал мужской голос.

— Олег Иванович?

— Да, я слушаю, — ответил мужчина.

— Раппопорт беспокоит.

— О! — восхищенно воскликнули на том конце провода. — Соломон Маркович, рад вас слышать.

— Взаимно, — ровным тоном ответил мужчина. — У меня к тебе разговор есть.

— Конечно, Соломон Маркович. Только скажите, и я приеду.

— Через час в мой офис сможешь подъехать? В Москва-Сити?

— Да, естественно, смогу. Я знаю, где ваш офис, я ж там был.

— Отлично! Жду тогда.

— До встречи, Соломон Маркович.

Ничего на это уже не ответив, Раппопорт отключил телефон. Он понимал, что для энтэвэшника общаться с таким человеком, как Соломон Раппопорт, самое настоящее счастье. Ведь он является прекрасным источником информации для новостей, а журналисты всегда жадны до информации.

Приехав в офис, Соломон первым делом попросил принести ему зеленый чай. Однако не успел он сделать и нескольких глотков, как зазвонил телефон.

— Да, — взял трубку Соломон.

— Соломон Маркович, к вам пришел Олег Иванович, — объявила секретарша.

— Пусть заходит, — скомандовал мужчина и положил трубку.

Через несколько секунд дверь распахнулась, и на пороге появился тщедушный мужичок лет сорок пяти с длинными волосами.

— Соломон Маркович, здравствуйте! — широко улыбнулся работник телевидения.

— Добрый день, — спокойно ответил Соломон и протянул гостю руку.

Затем он снова опустился в свое кресло, жестом пригласив мужчину сесть напротив. Олег Иванович последовал приглашению и с интересом стал осматриваться вокруг.

— Чай, кофе? — спросил Соломон.

— Нет, спасибо, — ответил собеседник.

— Не буду тебя задерживать, Олег Иванович. — Перешел сразу к делу Раппопорт. — У меня есть информация, которая произведет эффект разорвавшейся бомбы.

— Да? — У энтэвэшника заблестели глаза. — Я вас слушаю.

— Пока слушать рано, — отрезал Соломон. — Для начала мы должны с тобой кое о чем договориться.

— Конечно, — кивнул Олег Иванович. — Конфиденциальность я гарантирую...

— Не в этом дело, — перебил его Соломон. — Послушай внимательно, потом скажешь, подходит тебе такой план или нет. Все взаимовыгодно. Мне от тебя нужно, чтобы ты в вечерних новостях показал одно видеосюжетное интервью.

— С кем?

— Вернее, это будет не столько интервью, сколько разоблачение одного человека. Очень высокого ранга.

— Звезда?

— Нет, не звезда. Политик. Я скажу тебе когда. В этот день утром в Интернете и в моем журнале появится связанная с ним новость. Новость, которая поможет уничтожить этого человека. Однако одной ее маловато. В тот же день вечером ты покажешь в новостях интервью, доказывающее правдивость разоблачения. Вся Россия будет смотреть твои новости.

Олег Иванович задумался:

— Политик... Это, конечно...

— Ничего не бойся, — успокоил его Соломон. — Поверь мне, он мгновенно потеряет должность.

— Да мне-то чего бояться? — усмехнулся Олег. — Мы про таких людей репортажи делали!.. Не в этом дело. Просто в новостях... интервью... — Он прищурился и заговорщицки спросил: — А сколько времени занимает интервью?

— Минут тридцать, — ответил Соломон. — Его дает человек, приближенный к этому политику, сам по себе не простой, довольно известный в провинции. Так вот, он полчаса рассказывает обо всех махинациях этого политика, причем приводит явные доказательства.

— Шикарно! — воскликнул гость. — Имя вы мне, конечно, пока не назовете?

— Нет, — решительно ответил Соломон. — Я тебе его вообще не скажу. Ты узнаешь его только за день до выпуска интервью.

— Круто! Но я могу предложить кое-что другое.

— Предложи.

— Итак... — Олег с жаром начал описывать свой план действий. — Утром выходит статья, вечером, в шестичасовых новостях, мы показываем отрывок этого интервью как анонс. И обещаем показать полностью в программе «Сенсации» в девять вечера. До выхода программы — даже до выхода новостей! — прямо с утра мы рекламируем вечернюю программу и сообщаем, что у нас запланировано кое-что невероятно интересное.

— Прекрасно! — Соломон был и вправду доволен.

— Конечно, это опасно... — продолжал рассуждать Олег. — Но я не думаю, что кто-то нам запретит показать его. Хорошо, конечно, если бы я знал...

— Исключено! — перебил его Соломон.

— Ладно. Как бы там ни было, я верю, что новость стоящая, и приму предложение.

— Тогда второе, — серьезно произнес Соломон. — Говорю тебе это один раз. Предашь меня — тебе крышка. Считай, что с этого момента тебя нет. Ни одной живой душе не рассказывай о том, о чем мы сейчас с тобой говорили. Ни за какие деньги не продавайся, не блокируй репортаж. Нужно будет, я заплачу столько, сколько скажешь. Но репортаж должен выйти именно в тот день, что я скажу!

— Обижаете, Соломон Маркович! — воскликнул телевизионщик. — Меня купить невозможно. Я люблю свою работу больше денег.

— Надеюсь именно на это, — кивнул старый еврей. — Тогда готовься. 22 марта новости должны выйти. Флешку с интервью я тебе передам за день, чтобы случайно утечки не произошло.

— Значит, 20-го?

— Да.

— Ну, давайте только пораньше, чтобы мы успели подготовиться. Прямо рано утром передайте.

— Хорошо, — не стал возражать Соломон. — Когда и где?

— Предлагаю... хм... — Олег Иванович задумался, а потом, очевидно что-то решив для себя, продолжил: — Знаете, я живу на Большой Дорогомилловской. Рано утром поеду на работу. Было бы замечательно встретиться где-то по дороге.

— Идет, — согласился Соломон. — Давай прямо там... в кафешке какой-нибудь... Ближе к делу я тебе позвоню, и обговорим все детали.

— Отлично! — Олег Иванович встал. — Соломон Маркович, с вами приятно иметь дело. Ни за что не переживайте, все устроим в лучшем виде.

Мужчины попрощались, и журналист ушел.

Соломон наконец допил свой чай и стал перебирать в мозгу все пункты плана. Конечно, сложностей и опасностей их подстерегало немало. Но как без этого? Сдаться? Ни в коем случае! Соломона угнетало то, что Давид постоянно предлагает сложить оружие. И старый еврей решил, что, когда все закончится, надо будет серьезно поговорить с парнем. Нельзя быть таким бесхарактерным. Знал бы Давид, что творил его дядя... точнее, отец. Леня никогда в жизни не сдавался. Если кому-то и казалось, что Ворон сделал шаг назад, то на самом деле это был лишь разгон перед прыжком. А Давид... Наверное, он просто сын нового времени. Тем более парень никогда не знал нужды, денег у него всегда было в избытке. Соломон сначала думал о том, что мальчику нужна женская ласка. С этой целью он даже готов был жениться. Но... Ни одной подходящей кандидатуры так и не подвернулось. Конечно, у него были женщины, однако серьезные отношения завести ни с кем так и не удалось. Всем его подругам нужны были лишь деньги, да и на роль матери для Давида они не очень подходили. Когда мальчику исполнилось десять, Соломон перестал думать о женитьбе. Какая еще жена? Зачем? У него есть сын, который был еще и родным сыном его брата. И целью его жизни стало вырастить Давида и дать ему все. Теперь же покушались на их кровное имущество. А потому его надо защищать любой ценой! Иначе никак.

Раппопорт прекрасно осознавал, насколько все мероприятие было рискованным, но Давид уже большой. И даже если с Соломоном что-то случится, парень не пропадет. Благо рядом есть порядочные люди, в которых можно быть уверенным. Тимур и Натан ни за что не оставят сына друга... Мысли старого еврея прервал стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Соломон.

Дверь открылась, и на пороге появился Аркадий:

— Здравствуйте, Соломон Маркович.

— Здравствуй, Аркаша. Как ты, дорогой?

— Спасибо, Соломон Маркович, — улыбнулся парень, — все хорошо. Я к вам с вопросом...

— Говори, конечно. — Соломон жестом пригласил парня присесть.

Аркаша сел на стул для посетителей и, открыв принесенную с собой папку, начал рассказывать о финансовых делах компании. Соломон то одобрительно кивал, то отрицательно качал головой, иногда возмущался. Когда Аркаша закончил, Раппопорт внезапно спросил:

— А ты ведь где-то на Кутузовском живешь, верно, Аркаша?

— Да, — ответил парень. — Дом двадцать восемь... А что?

— Ага... Двадцать восемь... — Соломон прикинул что-то в уме. — Там, по-моему... — И остановился, махнув рукой: — Да ладно! Ничего важного. Как Дора?

— Нормально, спасибо, — вежливо ответил парень.

Ему стало приятно, что шеф спросил про маму.

— Дора, Дора... — задумчиво произнес Соломон. — Сколько лет мы просидели за одной партией?.. Что она делает?

— Она в Израиле сейчас, — ответил Аркаша. — Как папа умер... три года назад... с того времени и не приезжала. Живет в Ришон-ле-Ционе. Нормально вроде все.

— А где она там живет? — спросил Соломон. — У вас там есть квартира?

— Нет, — удивился Аркаша такому вопросу. — Пока как-то не накопили на нее.

— А что мне не сказал? — проворчал Соломон. — Не накопили они. У меня в голове все не вмещается, Аркаша. Я ж вечно в делах, проблемах... Сколько денег вам нужно, чтобы Дора в своей квартире спокойно жила?

— Да ну что вы, Соломон Маркович, — смущенно произнес парень. — Вы и так... спаситель наш. И мне так помогаете.

— Давай не болтай тут, — буркнул Соломон. — Вы для меня как родные. У меня и так почти никого не осталось. Что мне чужим-то помогать? Сколько стоит там квартира?

— Я так... не точно... но... — Аркаша растерялся. — Может, сто пятьдесят... или чуть меньше... У нас в принципе есть немного...

— Давай не умничай! — воскликнул Соломон. — Только что ты мне сказал, что управляющая компания бизнес-центра на Юго-Западе перевела двести двадцать тысяч, верно?

— Да, — кивнул парень.

— Вот их и запиши на мой личный расход. Обналичь их и поезжай в Израиль, купи квартиру. А то что это такое? Дора по чужим людям мыкается. И это моя одноклассница!

Аркаша, ошеломленный такой щедростью, открыл было рот и, пока думал, что сказать, Соломон уже почти крикнул:

— Иди давай! Что стоишь? Не надо благодарить меня только! Просто иди и живи спокойно...

Парень вышел, не сказав ни слова. Его счастьем не было предела.

Глава 38

Аркаша Мазур приехал домой вне себя от радости. В дверях его встречала жена, красивая стройная блондинка Мария. Увидев мужа таким счастливым, девушка, чьи голубые глаза тут же засверкали от любопытства, сразу спросила:

— Что случилось? Премию дали?

— Не просто премию! — воскликнул Аркаша. — Соломон подарил мне деньги на квартиру в Израиле.

— Вау! — восхищенно воскликнула Мария. — И много?

— Двести двадцать тысяч долларов, — гордо заявил парень.

— Блииин! — взвизгнула Мария. — Это же крутяк реальный. Надо отметить!

— Легко, — согласился Аркаша. — Одевайся.

— Десять минут, мой котик. — Хлопнув в ладоши, девушка чмокнула мужа в губы и побежала в спальню.

Аркадий пока присел перевести дух от волнения. Двухкомнатная квартира на Кутузовском проспекте, в которой парень жил со своей женой последние три года, досталась ему от родителей. Его отец, Сема Мазур, с большим трудом купил эту жилплощадь в 90-е годы. Потом Сема с женой Дорой уехали в Израиль, где отец семейства через год умер. Благо что хоть успел увидеть свадьбу сына. Дора перебралась жить к дочери, чтобы помочь ей с детьми. Всем это было на руку, да и зять оказался не против. Аркаша же остался в Москве. Он не хотел переезжать в Израиль, предпочитая работать финансовым директором у Раппопорта. Соломон его не обижал. Парень получал солидную зарплату в размере семи тысяч долларов, плюс два раза в год шеф баловал его премиями. А еще на день рождения двойной месячный оклад, на Новый год — тройной. Что и говорить, Аркаша жил хорошо.

С Марией они познакомились в ресторане «Монте-Карло», на небольшом сабантуе, устроенном компанией «ЛИС». Мария работала там официанткой, и скромный Аркаша неловко попытался познакомиться с красавицей. Девушка сразу поняла, что такой шанс упускать нельзя, и, не дожидаясь с его стороны более активных действий, взяла дело в свои руки. Она предложила парню встретиться на следующий день, а потом уже все само собой получилось. Молодые жили дружно. Проблем у них не было никаких, кроме одной — Мария никак не могла заберемене-

нет. Аркаша возил уже жену в Израиль, где им предложили сделать ЭКО, но для этого требовалось пожить какое-то время на Земле обетованной, но свободного времени у Аркаши не было. Работы было много. Молодой Мазур зарабатывал достаточно, чтобы покупать дорогую одежду и питаться в ресторанах, но вот купить нормальную квартиру в Израиле не мог. После всех трат свободных денег у него почти не оставалось. Поэтому Аркадий купил двадцать соток в подмосковной Апрелевке и начал потихоньку строить дом. За два года работы были закончены. Оставалось только сделать внутреннюю отделку и обставить новое жилище. А тут такой подарок от Соломона!

Теперь Аркадий в уме производил приблизительные расчеты. Он решил, что квартиру в Израиле сможет купить и тысяча за сто двадцать — сто пятьдесят, остальные же деньги пустить на дом. Конечно, шеф был уникальным человеком. Аркаша, заходя в синагогу, после молитвы неизменно благодарил Бога за то, что послал ему в жизни Раппопорта. После того как покойный Ленья сотворил чудо, найдя способ вылечить его, для маленького Мазура братья Раппопорт стали самыми настоящими супергероями. Он часто вспоминал тот день, когда в больничной палате Ленья протянул его матери пакет с деньгами и сказал, что им они пригодятся. Тогда у мальчика появилось множество вопросов. Почему Ленья, имея столько денег, ездит на такси, а не с личным водителем? Почему у него нет золотой цепи, какие в то время носили новые русские? Аркаша, когда лечился в Германии, ждал с нетерпением возвращения в Москву, чтобы сыграть с Леньей в шашки. Но когда мальчик наконец вернулся, ему сказали, что Ленью убили. Он тогда всю ночь плакал в подушку. Детское сердце разрывалось на части от жалости к этому добрейшему человеку, который спас ему жизнь. У кого рука поднялась на Ленью? За что? Аркаша с ужасом отгонял мысль о том, что Ворон мог погибнуть из-за тех денег, которые он дал на лечение. Мальчик попросил мать сводить его на могилу к Лене. Там он дождался, когда мать выплечется, и изъявил желание посидеть в одиночестве. Дора согласилась. Она

отошла метров на пятьдесят и наблюдала оттуда за сыном. Но Аркаша просто неподвижно сидел на одном месте. Слышать его никто не мог. Никто, кроме Лени. Так думал ребенок. И тогда он высказал своему спасителю все. Он рассказал ему о том, как обижен на него за то, что не дождался. Признался, что самая большая его мечта — быть похожим на Леню, который для него сразу же стал идеалом и примером для подражания. А в конце Аркаша поклялся усопшему, что никогда не забудет добра, которое он ему сделал, и что обязательно назовет своего сына в его честь. И все это он говорил искренне, от души.

Позже у Аркаши выявилось пристрастие к точным наукам. Он хорошо ладил с алгеброй и в уме перемножал и делил большие цифры. Соломон всегда принимал участие в жизни мальчика. Он помогал деньгами его родителям, потом оплатил парню обучение в вузе. У Аркаши не было другого пути, кроме как пойти в компанию «ЛИС». Через несколько лет, в течение которых Мазур работал помощником финансового директора, Раппопорт понял, что его подопечный готов принять на себя высокую должность, и назначил Аркадия на пост его бывшего начальника. За все эти годы парень ни разу даже мысли не допустил обмануть своего покровителя хоть в чем-то. Соломон был для него все равно что отец. К нему можно было обратиться с любой проблемой, и помощь приходила незамедлительно.

— Я готова, — вошла на кухню Мария, одетая в красивое бордовое платье.

Аркадий как будто очнулся от воспоминаний.

Ему переодеваться было не нужно, так как он всегда ходил в костюме и галстук и сейчас, только-только вернувшись с работы, был все еще при параде. Его волнистые черные волосы всегда были аккуратно коротко подстрижены. Карие глаза смотрели открыто. Аркаша перенес тяжелую болезнь и до сих пор постоянно принимал лекарства, но внешне его проблемы со здоровьем никак не проявлялись.

— Куда поедем? — спросил он у Марии.

— В «Сыроварню», — ответила девушка.

— Договорились, — согласился Аркаша. — Пусть будет «Сыроварня».

В ресторане супруги провели восхитительный вечер. Отлично поужинав, они выпили по чашке чая с десертом, помечтали о будущем и, преисполненные счастья, отправились домой.

На следующий день Аркадий по обыкновению проснулся в восемь утра. Приняв душ и выпив чашку кофе, он надел неизменный черный костюм, кремовую рубашку и, завязав на ходу галстук, закинул ноги в начищенные остроносые туфли. Мария еще спала. Она вообще раньше двенадцати не просыпалась.

Уже подходя в своем дворе к машине, Аркаша почувствовал что-то неладное. Он не успел нажать кнопку на брелоке, как сзади на него кто-то набросился и заткнул ему вонючей тряпкой рот и нос. Сделав один вдох, парень потерял сознание...

Глава 39

Аркадий с трудом открыл глаза и попытался вспомнить, что произошло. Голова раскальвалась от боли, спину ломило. Вокруг было темно. Он лежал на разваливающейся деревянной кровати в неудобной позе, отчего все тело затекло. Неуклюже встав на ноги, парень обнаружил, что находится в темной комнате с сырым бетонным полом, площадью максимум четыре квадратных метра. Окон в комнате не было, на потолке не видно было даже намек на лампочку. После непродолжительной разведки Аркаша нашел грязное алюминиевое ведро в углу и металлическую дверь без ручек и замков.

Он начал припоминать произошедшее. Вот он вышел из квартиры... Даже из подъезда вышел... И все. Потом провал. Что же происходит? Дверь еще эта непонятная... Может, он оказался в тюрьме?

Долго размышлять Аркадию не пришлось, так как через пятнадцать минут после его пробуждения послышался звон железных засовов и дверь отворилась. В глаза сразу ударил яркий

свет из соседней комнаты. Аркадий прикрыл лицо руками. Послышались шаги. Через несколько секунд парень открыл глаза. Перед ним стояли трое мужчин. Один — пожилой коренастый мужичок в дорогом костюме, два других — мордovorоты-охранники в одинаковых черных пиджаках и брюках.

— Ты уже, я смотрю, проснулся, господин Мазур? — спросил пожилой мужчина.

— Кто вы? Что я тут делаю? — ответил вопросом на вопрос Аркадий.

Его собеседник в ответ глумливо засмеялся:

— У вас, я смотрю, прям в крови это — отвечать вопросом на вопрос. — Затем он щелкнул пальцами, и охранник быстро принес ему из соседнего помещения стул. Мужчина сел и, приняв высокомерный вид, продолжил: — Я не буду скрывать от тебя, кто я, смысла в этом нет. Я Лапусов Александр Николаевич, сенатор Российской Федерации.

Аркаша ничего не ответил, но ему стало не по себе.

Парень промолчал, а Лапусов между тем продолжал:

— Признаюсь тебе, я не ожидал, конечно, что Соломон меня так быстро вычислит... но... Тем хуже для него!

— Я-то тут при чем? — нервно пробормотал Аркадий. — Я всего лишь наемный сотрудник. Я понятия не имею о ваших делах.

— Мне заливать не надо, — строго сказал Лапусов. — Ты не просто сотрудник. Ты приближенный к нему человек. Но я думаю, что ты еще и умный парень. Тем более такой молодой. Ты выберешь жизнь и будешь на стороне сильного. Дни Раппопорта сочтены. Он для меня муравей, и я его раздавлю. Что скажешь?

— Мне нечего сказать, — ответил Аркаша, пораженный словами сенатора.

Он не мог пока оценить, что именно знал Лапусов. Было ли ему известно, что его доля в компании искусственно была занижена и он потерял кучу денег? Это было неясно. Больше ни о каких делах Раппопорта с сенатором финансовый директор

«ЛИСа» не знал. Но в одном был уверен точно: Соломона он не предаст, даже если его за это убьют.

— Тебе и не нужно ничего говорить, — монотонным голосом продолжал сенатор. — Пока не нужно. Говорить буду я. Итак... — Он посмотрел парню в глаза: — Я не знаю, что задумал этот старый еврей Соломон, но то, что вы обманным путем прикарманили мои деньги, я уже знаю. Мне стало известно обо всем вчера. Конечно, сделать уже ничего нельзя, да и не нужно... Все, украденное у меня, я верну чуть позже. Сначала нам нужно с тобой договориться.

— О чем нам договариваться? — испуганно спросил Аркадий. — Я уже сказал вам, я всего лишь наемный сотрудник. Я выполняю указания начальства, и все.

— Не спеши, — усмехнулся Лапусов. — Я все знаю. И понимаю, что ты в этой игре оказался разменной монетой. Но выбор есть всегда. Если ты не хочешь тут сдохнуть — а это произойдет непременно, если ты заартачишься, тебе придется мне помочь.

— Да чем я могу вам помочь?! — начал паниковать Аркадий. — Вы сенатор. А я... я даже не знаю, что там шеф замышляет...

— Все просто, — улыбнулся Лапусов. — Когда придет время, ты подтвердишь на суде, что Соломон подделал документы и с помощью махинаций лишил меня доли в предприятии... Ну, не меня, а банк... В общем, не важно.

— Но меня посадят за это! — отчаянно воскликнул парень.

— Не посадят, — твердо заявил Лапусов. — Я тебя отмажу, гарантирую это. Хотя бы потому... что ты будешь управлять компанией.

— Я не понял... — слабым голосом прошептал Аркадий. — Как? Вы... А Соломон Маркович?

— Принеси ему воды, — скомандовал охраннику сенатор и снова обратился к парню: — Пойми, мальчик, одну вещь. Жизнь — это круговорот. Соломон больше нам не нужен. Сын его — никчемыш, жалкий музыкантишка. Он подпишет все,

что ему скажут. При любом раскладе дни Соломона сочтены. Вопрос в другом: либо он отправится к своему брату на небеса и захватит тебя с собой, будете вместе там «Семь сорок» танцевать, либо он уйдет один, а ты будешь счастливо жить тут, со своей шлюшкой-женой, да еще и с деньгами. Большими деньгами! — Охранник протянул Аркаше стакан, и он жадно выпил воду. Лапусов тем временем продолжал: — Помимо этого, я дам тебе хорошую сумму на подъем. Скажем, миллион долларов. Купишь себе новое жилье... Ну, или что там тебе нужно. Мне не важно. Главное, что ты ничего не изменишь, если выберешь смерть. С тобой или без тебя, но я заберу то, что мое по праву.

Аркаша молчал. От всего происходящего у него лишь сильнее разболелась голова.

Сенатор подождал немного, пока жертва переварит информацию, а потом встал:

— Я даю тебе на размышление два часа. Захочешь в туалет, тут есть ведро. После того как дашь ответ, у тебя будет два пути: либо остаешься тут умирать без еды и воды, либо идешь вместе со мной.

С этими словами Лапусов вышел из комнаты, за ним последовали охранники. Дверь закрылась. Аркадий остался один на один со своими мыслями. Он сидел на деревянной кровати, не двигаясь. Парень попал в тупиковую ситуацию, мысли ураганом пронеслись в его голове. Умереть? Сейчас? Когда столько пройдено... Разве для того он победил тяжелую болезнь, чтобы теперь умереть от рук убийц? Но сразу же в уме всплыл вопрос: благодаря кому он победил эту болезнь? Конечно же это заслуга Раппопортов. И теперь ему предлагают предать их. Предать, чтобы жить! Разве может он так поступить?

— Нет! — воскликнул вслух Аркадий, сам отвечая на свой же вопрос.

И в это же самое мгновение внутренний голос, пытавшийся найти путь к спасению, возразил ему: «Но спас-то тебя не Соломон, а Леня!» И действительно, что делал в тот момент Соломон? Просто находился рядом с братом. Его и видно не бы-

ло в тени Лени. Но сейчас-то? Сейчас Соломон сделал для него все. Он выучил его в институте, дал работу, помогает всем, чем может. На квартиру вон деньги дал! И снова в голове его зазвучал противный голосок: «Помогает чем может? Конечно, ведь он миллиардер. Для него двести тысяч долларов — как для тебя один рубль!» Соломон никогда не считал денег, у него их всегда было слишком много. А этот Лапусов предложил целый миллион. Тут можно квартиру не только в Израиле, но и в Москве, в самом центре, купить. Причем не продавая старую. Да еще дачу достроить. Соломон никогда в жизни не дал бы ему миллион!

«Но ведь он и не должен!» — в парне опять взыграла совесть. В ход пошли воспоминания обо всех тяжелых моментах в жизни, когда Соломон приходил на помощь. И не важно ведь, Соломон или Леня его тогда спасли. Они ведь братья, одно целое. Как быть? Что делать? Умереть или предать? Конечно же предавать людей, которые спасли ему жизнь, он не имеет права. Ведь братья подарили ему эти годы, которые он, сказать по правде, прожил счастливо. Но время пришло, долги надо возвращать... Ничего не поделаешь. Такова судьба. Придется умереть... При этой мысли Аркаше стало так страшно, грустно и обидно, что парень разрыдался горькими слезами...

Глава 40

20 марта Соломон сидел в своем кабинете и смотрел на чашку зеленого чая, стоящую на столе. Завтра планировалось большое событие. Пожалуй, это был самый решительный и важный шаг в жизни, на который он пошел самостоятельно. Чем ближе становился день X, тем явственнее он чувствовал запах опасности. Конечно, Тимур с Натаном в последние дни постоянно находились рядом с Соломоном. К тому же два охранника ходили за ним по пятам, а еще двоих приставили к Давиду.

Яша тоже был готов нанести удар со своей стороны. Он выжидал, когда это лучше всего будет сделать, и, основательно подготовившись, отдыхал теперь в номере гостиницы «Украина», который снял для него Соломон. Во время последней их встрече старые друзья решили, что Соломону нужно будет уехать вместе с Давидом в Майами. Яша договорился там со старыми одесскими друзьями, которые примут Раппопорта с сыном у себя на вилле и будут охранять столько, сколько потребуется. Билет на самолет взяли для такого рейса необычный, ведь через океан летали, как правило, ночью. Но в этот раз Соломон и Давид должны были улететь в десять утра из аэропорта Шереметьево 21 марта. План действий был прост. 21-го утром должны пройти публикации в журнале и на странице в Интернете, и в тот же день Олег Иванович запустит свое разоблачение по центральному телеканалу. Окончательно обо всем договорились вчера, и Раппопорт сразу известил энтэвэшника. Олег Иванович был готов, обещал позвонить и сказать, где и в котором часу заберет флешку.

Единственное, что уже несколько дней не давало покоя Соломону, это внезапное исчезновение Аркаши. После того как Соломон велел парню взять деньги на покупку квартиры, он просто испарился. Никто не знал, где он и что с ним. Его жена, Мария, искала мужа по знакомым, написали заявление в полицию, Тимур с Натаном подключили всех своих знакомых, но все было тщетно. Аркаша как будто сквозь землю провалился. Мария сказала, что он ушел из дома утром и не вернулся. Версий было море. И Соломон не знал, какая из них страшней. Натан склонялся к тому, что парню стало плохо, и он попал в районную больницу, где сведения о поступивших подавались из рук вон плохо. Но это была самая маловероятная версия. Тимур обвинял Аркашу в том, что он перебежал на сторону Лапусова. Такое предположение Раппопорт тоже сразу отмел. Это было невозможно, Аркаша не предал бы его никогда. Версия Марии заключалась в том, что ее муж укатил в Израиль срочно купить квартиру. Видать, попался хороший горящий ва-

риант. Но версия эта хороша была лишь поначалу. Прошло уже несколько дней, а Аркаша никому ни разу не написал и не позвонил. Самый лучший вариант предложила Кристина. Она считала, что парень на радостях загулял с какой-то девахой, которая уговорила его прошвырнуться куда-нибудь на Мальдивы и выключить там телефоны, чтобы как следует отдохнуть. Соломону нравилась именно эта версия. Она была самой безобидной. Однако верилось в нее с трудом. Потому что Аркаша был очень ответственным человеком и в принципе на такое способен не был. Тем не менее Раппопорт запретил Марии говорить кому-нибудь из родных об исчезновении мужа. Он решил выждать недели две, надеясь, что за это время финансовый директор найдется. Хотя сейчас ему было совсем не до поисков исчезнувшего Аркадия, Соломон делал все возможное. Мария приходила почти каждый день в офис, в надежде, что ее любимый объявится там. Сидела со своими подругами-секретаршами, плакала и пила кофе.

Понимая, что от него в этом деле уже ничего не зависит, Соломон размышлял больше о своих проблемах и о том, когда он сам сможет вернуться в Москву. На душе было беспокойно, мужчине почему-то не верилось, что он через пару дней будет в Майами. Предчувствие говорило о том, что уехать ему не суждено... Отгоняя мрачные мысли вновь и вновь, Соломон поднял взгляд на Тимура и Натана, которые сидели в кожаных креслах за журнальным столом и играли в карты.

— Ребята, — обратился он к ним, — я готов идти. Больше дел в офисе у нас нет.

— Отлично, Соломон, — воскликнул Тимур, не отрываясь от карт. — Две минуты. Я только... добыю этого посланника Моисея. — И он с надменной ухмылкой положил на стол пять карт и победоносно взглянул на Натана: — Молотка! Пять червей!

Его соперник не улыбался, а лишь скромно ответил:

— По воле Моисея, брат мой, море разошлось. А я, как его потомок, могу лишь побить твои карты. У меня пять козырей. — И он положил сверху карт друга пять своих, пиковых.

У Тимура моментально слетела улыбка с лица, и он возмущенно воскликнул:

— Ты должен был раньше сказать! И показать.

— Никому я ничего не должен, — спокойно ответил Натан. — Умей проигрывать достойно.

— Я не проиграл. По партиям три-три счет. Впереди еще полно времени. Я твое море быстро задвину назад, — ухмыльнулся Тимур, вставая из кресла.

— Ты проиграл в тот момент, когда сел со мной играть, — спокойно ответил Натан. — Я не Моисей, я плавать умею.

Он встал вслед за Тимуром, и оба повернулись к Соломону.

— Соломон Маркович, мы готовы, — вежливо сказал Натан.

— Вам, я смотрю, совсем не скучно, — улыбнулся Раппопорт.

— Натан развлекает, — ухмыльнулся Тимур.

— Пойдемте поужинаем, а там решим, что делать дальше. — Соломон посмотрел на часы: — Время уже седьмой час.

Друзья согласились. Раппопорт взял со стола телефон и, уже стоя в дверях, окинул взглядом кабинет, мысленно прощаясь со своим рабочим местом на неопределенный срок. Застыв в дверях, погружившись в свои мысли, он не сразу услышал телефонный звонок.

— Алло, — ответил Соломон, поднеся к уху сотовый.

— Соломон Маркович. — Голос Олега с НТВ весело звенел в трубке.

— Да, Олег Иванович.

— Я насчет нашей встречи договориться звоню.

— Олег Иванович, я утром улетаю, — оповестил журналиста Соломон. — Флешку могу сегодня тебе передать. Завтра все и сделаешь... пока я лететь буду.

— Сегодня смысла уже нет. Я лучше утром заберу у вас, и сразу на работу. Нам подготовка особо не нужна.

— Ну, смотри сам, — пожал плечами Соломон.

— Во сколько вы улетаєте?

— В десять утра.

— Отлично. Где вам будет удобно, чтобы я утром забрал флешку? Могу прямо в семь часов. Мне разницы нет.

— Ну ты даешь, Олег Иванович, — удивленно улыбнулся Соломон. — Любое место, где тебе удобно, я утром хочу кофе выпить перед аэропортом.

— Ну... — размышлял энтэвэшник, — если вам без разницы, давайте, может, возле моего дома на Большой Дорогомиловской. Там и «Кофемания» есть...

— «Кофемания» на Большой Дорогомиловской? — переспросил Соломон. — Она круглосуточная?

— Да, там несколько ресторанов и кафе рядом... И вам удобно будет оттуда ехать, если вам в Шереметьево.

— Да, прекрасно, — согласился Соломон. — Я утром туда подъеду.

— Отлично! Тогда до встречи.

— Пока. — Соломон отключил телефон и посмотрел на Тимура с Натаном, которые стояли рядом с ресепшен и ждали, когда он закончит разговор.

— Все хорошо, Соломон Маркович, — кивнул Натан. — Мы в семь часов отдадим ему флешку и поедem в аэропорт.

— Эх, тяжело это все как-то... — вздохнул Соломон и зашагал к выходу, по дороге попрощавшись с секретаршей.

Два охранника, ожидавшие тут же, словно тень последовали за ним.

Друзья решили не ехать далеко и, спустившись вниз, зашли в ресторан «Березка».

Пужинав, Соломон заказал себе облепиховый чай, а Натан с Тимуром — кофе.

— Ребята, — серьезным тоном обратился к своим спутникам Соломон, — спасибо вам за все, что вы сделали...

— Соломон, хватит, — перебил его Тимур. — Клянусь, надел со своим «спасибо». Все нормально. Завтра снесем башку твоему Лапусову и будем жить спокойно, расслабься.

— Мне просто вчера Давид столько всего сказал, — вздохнул мужчина. — Я уже и не знаю даже, о чем думать...

— Он ребенок еще, Соломон! — воскликнул Тимур. — Мало ли что он там сказал. Из-за этого ты теперь переживаешь?

— Ты меня не поймешь, Тимур, — покачал головой Соломон. — Это *мой* ребенок. Он переживает... если со мной что-то случится... У него ведь никого нет! Он останется один...

— Ничего не случится с тобой, — буркнул Тимур. — До сих пор же не случилось.

— Если что... — Соломон повернулся к Натану, — прошу вас, не бросайте его. Натан, он тебя очень любит и уважает. Ты смог расположить парня к себе, он доверяет тебе...

— Не беспокойтесь, Соломон Маркович, — произнес Натан. — Не думайте о плохом. Все будет хорошо. Мы уже прошли такой путь, остался последний шаг. А насчет Давида... — Он дружелюбно улыбнулся. — Он очень хороший парень и на самом деле стал настоящим мужчиной, сильным духом и с принципами. Просто Давид вырос немного в иной среде, чем мы, и ему не понять наших правил.

— Я иногда задумываюсь, — печально проговорил Соломон, — может, он действительно прав? Может быть, нужно было бросить все? Отдать завод и уехать в Америку? Там я просто получал бы деньги и жил себе как король...

— Ты считаешь, что это было бы верное решение? — спросил, ухмыляясь, Тимур.

— Нет, конечно, — решительно ответил Соломон. — Но, с точки зрения моего сына, так вернее. Хотя, — он снова улыбнулся, — как может отец слушаться сына? Это ведь неправильно. Он в жизни еще не разбирается.

— Именно, — подтвердил Тимур. — Ему еще учиться и учиться. Вон Натан его научит всему. Притчи будет свои рассказывать.

Он задорно улыбнулся, Натан с Соломоном рассмеялись вслед за ним. Успокоившись, Соломон положил ладони на стол и спросил:

— Ну, что мы делаем дальше, друзья? Каков наш план?

— Будет непросто... — ответил Тимур. — Сегодня еще надо потрудиться.

— Так я готов, — заявил Раппопорт. — У меня чемодан с вещами собранный дома лежит. До аэропорта только нужно флешку отдать, остальное время я свободен.

Натан кивнул, показывая, что тоже готов. Тогда Тимур произнес:

— Я предлагаю сделать так. Поедем в редакцию к Кристине. Она мне сказала, что часов в десять-одиннадцать вечера там уже никого не будет, кроме нее. Вместе с ней, Соломон, напишем статью, подготовим ее чистовой вариант. Я думаю, это займет несколько часов.

— Однозначно, — согласился Раппопорт.

— После этого, — продолжил Тимур, — поедем позавтракаем в «Кофемании», отдадим флешку, а оттуда — в аэропорт.

— Ну, тут уже вы идите спать, а я сам поеду, — воспротивился Соломон.

— Ни в коем случае! — покачал головой Натан. — Мы отпустим охрану, и сами будем с вами, пока вы не пройдете паспортный контроль. Выспаться успеем потом.

— Паспортный контроль вы пройдете примерно в половине девятого, — опять заговорил Тимур. — Именно в это время Кристина выложит в Интернете статью. Тут-то и начнется жара! А мы поспим дома, ты — в самолете. В три часа дня мы с Натаном заберем Яшу и поедем встречаться с ворами в законе. Там мы дадим весь расклад по этой теме, и дальше уже Яша сам пусть с ними решает, как действовать. Вроде все по полочкам? А, Натан?

— Ты уже начинаешь неплохо строить длинные предложения, — поддел Тимура Натан. — Все и правда складно получается.

— Тогда сделаем так, — подытожил Соломон. — Я отправлю Мишу домой, сам останусь с вами. Рано утром водитель

заберет из дому Давида и мой чемодан. Приедет за мной или поедет сразу в аэропорт.

— Да, в самый раз, — согласился Тимур. — Охранников я отпущу. Они нам ни к чему.

Просидев в «Березке» еще около получаса, друзья вышли на улицу. Вокруг было много народу, что для этого места делом было обычным. Небоскребы Москва-Сити вмещали в себя тысячи разных компаний, а сейчас было время, когда офисные сотрудники спешат по домам. Развлекательная же часть комплекса, где располагались торговый центр, множество кафе и ресторанов, манила любителей развлечься по ночам, в основном молодежь. Соломон смотрел на разодетых парней и девушек и невольно думал о Давиде. Мысль о том, что парень может остаться без его опеки, страшила Соломона больше всего на свете. Он не боялся за себя, его переживания были связаны только с сыном.

Натан с Тимуром отпустили охранников, передали Мише распоряжение шефа. Сев в «лексус» Тимура, друзья отправились в редакцию журнала «Российская жизнь», где их ждала Кристина.

Глава 41

Кристина и Соломон уже около двух часов возились с текстом статьи. Натан и Тимур все это время играли в карты, сидя в креслах за журнальным столиком перед кабинетом главного редактора. Устав наконец от игры, Натан зашел в кабинет Кристины и обратился к девушке:

— Долго вам еще?

Кристина сидела за столом перед компьютером. Соломон развалился на диване и что-то ей объяснял.

— Думаю, еще пару часов минимум, — не отрываясь от монитора, ответила девушка.

— А выпить есть у тебя что-нибудь? — спросил Натан. — Виски там...

— Конечно есть, — улыбнулась Кристина. — Загляни в шкаф у стены. Мне все, что дарят, я тут и оставляю, потом передариваю.

— Спасибо, — ответил Натан и подошел к шкафу. Открыв дверцу, он обнаружил там несколько бутылок разных спиртных напитков и две коробки конфет. Выбрав «Чивас» и набор «Ферреро Роше», парень посмотрел на Кристину: — Я вот это возьму?

— Конечно же бери, — кивнула девушка.

Натан вернулся к Тимуру, поставил на стол бутылку и коробку конфет, а сам спустился на первый этаж к аппарату с напитками и купил там две бутылки яблочного сока «Рич». Когда он вернулся, Тимур все так же сидел на диване.

— Ты выпьешь со мной? — спросил Натан друга.

— А за руль кто сядет? — недовольно ответил Тимур.

— Кристина сядет. Тут ехать три минуты до «Кофемании».

— До «Кофемании», понятное дела. А в аэропорт?

— Слушай, — Натан криво усмехнулся, — зачем из всего проблему делать? Соломона водила, Миша, приедет за ним и отвезет его вместе с Давидом. Нам в аэропорт в принципе смысла нет ехать.

Подумав пару секунд, Тимур буркнул:

— Ладно, наливай, нервы хоть успокоим.

— А я думал, ты каменный, как гора Казбек. Что для тебя нервы? — пошутил Натан, разливая по стаканам виски и открывая конфеты.

— Ну это да... — уже повеселев, важно ответил Тимур. — Тебе-то точно далеко до Казбека.

— Давай выпьем тогда, — поднял Натан свой стакан. — Чтобы нам всем удалось добраться до тех вершин, которые мы себе наметили.

Парни чокнулись и, сделав несколько глотков, поставили стаканы на стол.

— И все-таки, — сказал Тимур, — опасно оставлять Соломона одного. Надо нам его в аэропорт отвезти.

— Почему ты так думаешь? — усмехнулся Натан. — Мы столько времени копали яму этому Лапусову. И что, именно теперь, ты думаешь, он что-то сделает? Да и что он может?

— Я боюсь, что он захочет просто убить Соломона, — мрачно ответил Тимур. — У него только такой вариант остался. Наверняка гад уже знает, что деньги, вложенные в компанию, потеряны. А тут еще и полное разоблачение. Он точно будет пытаться убить врага.

— Ну, во-первых, — пустился в рассуждения Натан, — он не знает, что готовится статья. Известно это только нам, а мы... А во-вторых. — Он плеснул еще виски себе и другу. — Дорога занимает минут сорок, и я уверен, что покушения не будет. Не суждено Соломону умереть. Я это точно вижу.

— Прорицатель, — ухмыльнулся Тимур и поднял свой стакан. — Дай бог, чтобы наш план удался и справедливость восторжествовала. А смерть пусть обойдет стороной наших близких.

Друзья снова выпили, и Натана потянула пофилософствовать:

— От смерти не уйти никому, когда она хочет кого-то забрать... Вот ты, например, искал ее много лет, рисковал. А вместо смерти нашел жизнь и любовь. Ведь так?

— Ну да, — кивнул Тимур.

— Потому что тебе не суждено было. — Натан задумчиво вздохнул. — Смерть — это единственное, что изменить мы не можем. Есть на этот счет у меня притча. У одного шейха был слуга. И увидел этот слуга в своем саду Смерть. Он испугался, прибежал быстро к повелителю, рассказал ему обо всем и попросил самого быстрого коня, чтобы убежать от Смерти в Багдад. Шейх дал коня, и слуга ускакал во весь опор, чтобы вечером быть уже в Багдаде. Шейх отправился гулять в сад и тоже увидел там Смерть. Тогда он спросил, зачем она испугала его слугу. Смерть же ему ответила: «Я его не пугала. Я вообще-то должна была забрать его сегодня вечером в Багдаде, а тут просто мимо проходила». — Натан закурил. — Вот и вся

мораль: от смерти никто не уйдет. Если уж она решила тебя забрать, то непременно поймает.

Тимур молча слушал друга, а потом кивнул, соглашаясь со словами Натана:

— Да, это на самом деле так... — Он вдруг весело улыбнулся и спросил: — И как ты только запоминаешь все эти свои притчи? Каждый раз ты новую рассказываешь, потом куришь. У тебя в голове что, база данных компьютерная?

— Не совсем, — засмеялся Натан. — Просто память у меня хорошая, потому что далеко от Казбека.

Тимур рассмеялся, поддержав ответную шутку Натана.

Пока друзья пили виски и шутили, Соломон и Кристина дописали статью и загрузили ее на сайт. Репортаж теперь должен был появиться в Сети в заранее оговоренное время, достаточно было лишь нажать кнопку. В статье рассказывалось обо всех злодеяниях Лапусова, человека, находившегося в высших эшелонах власти. Начиналась история с того, что некий Волков, по кличке Доллар, еще в советские времена был валютчиком и сидел в тюрьме, затем сделал состояние на продаже ворованого товара, а потом каким-то непонятным образом оказался в Совете Федерации. Дальше по порядку были вкратце изложены все махинации с бюджетными средствами, все то, о чем рассказал Паршин. Статья должна была произвести фурор, вызвав скандал невиданной силы. Естественно, Лапусов мгновенноотреагирует и начнет все отрицать. Наверняка даст пресс-конференцию. Тем самым он должен будет загнать себя в тупик, так как вечером на экранах телевизоров появится видеоинтервью Паршина. И это уже будет полнейший крах. Кристина скопировала флешку, которую должны были отдать Олегу Ивановичу. На тот случай, если энтэвэшник вдруг не сможет показать видео, Кристина сама выложит все в Интернет.

Время было около пяти часов утра. Выйдя из кабинета, Кристина и Соломон нашли своих друзей, живо обсуждающих политические вопросы. Девушка улыбнулась, увидев на столе

пустую бутылку из-под виски, кучу конфетных фантиков и полную пепельницу окурков.

— Окно откройте, пусть хоть проветрится, — скомандовала она.

— Как скажешь, княгиня, — усмехнулся Тимур.

— Ладно, за руль сяду я, — объявила девушка.

— Конечно, — покладисто согласился Тимур.

Соломон написал сообщение Мише, чтобы тот к семи часам утра был вместе с Давидом возле «Кофемании» на Большой Дорогомиловской. Натан и Тимур, очевидно, в аэропорт уже не ехали.

Однако друзья все вместе отправились на встречу с журналистом.

Машин, припаркованных рядом с кафе, было мало: две кофейские малолитражки стояли возле входа, чуть поодаль — белый «мерседес» и черный «рэндж-ровер». Сама «Кофемания» была уютным кафе в небольшом двухэтажном здании на пересечении Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы. Этаким островок отдыха посреди дороги. Кроме «Кофемании» там было еще несколько ресторанов, и место это было очень популярно среди московской молодежи.

Рассевшись за столиком, друзья заказали чай, кофе, сэндвичи и яичницу. Большие, от пола до потолка, окна открывали вид на улицу. Солнце еще не появилось, но предутренний свет уже начал рассеивать ночную тьму. Время было шесть часов утра, посетителей в кафе не было, и друзья чувствовали себя спокойно и непринужденно, если, конечно, не обращать внимание на утомление, вызванное бессонной ночью.

В 6:40 Натан и Тимур вышли на улицу покурить. Олег Иванович еще не подошел, хотя Соломон был готов ехать. Друзья стояли на улице, когда в конце улицы показался «бентли» Раппопорта. Он припарковался в двадцати метрах от входа в кафе. Открылась задняя дверь, и на улицу вышел Давид. Парень был одет в длинное кашемировое пальто, под которым виднелся строгий костюм коричневого цвет. Широко улыбаясь, он напра-

вился к Тимуру с Натаном. Парень отошел от машины буквально на семь шагов, когда окошко черного «рэндж-ровера» поехало вниз и раздались три глухих хлопка. Давиду показалось, будто его кто-то сильно толкнул в спину. Он упал лицом вниз, лишь чудом не ударившись головой об асфальт. Водитель «рэндж-ровера» резко дал по газам и на всей скорости умчался прочь. Все произошло за доли секунды. Три пули попали парню в спину. Натан и Тимур, еще окончательно не пришедшие в себя, бросились к Давиду, в одно время с ними подбежал и Миша. Перевернув парня на спину, Тимур начал его быстро спрашивать:

— Давид... Слышишь меня? Давид...

Парень открыл глаза. Он дышал с хрипом и удивленными глазами смотрел на мужчин.

— Меня... что-то... машина... — тихо шептал он.

В этот момент над сыном склонился Соломон, увидевший все в окно. Он с ужасом закричал:

— Давид! Сынок! Давид!

Узнав отца, Давид еле заметно улыбнулся и сказал, успокаивая его:

— Папа... машина... сбила меня... папа не... переживай...

Вокруг все что-то говорили. Кристина звонила в «скорую помощь», Натан и Миша пытались уложить раненого поудобней, Тимур сидел на корточках рядом с Соломоном, пытаясь поддержать несчастного отца. Сам же Раппопорт, упав на колени, бормотал:

— Давид... Сыночек мой... шейфеле... что же ты так... родной... душа моя...

— Папа... — прохрипел Давид. — Я... не знаю как... мы опоздаем теперь...

— Не опоздаем, душа моя... — сквозь слезы бормотал Соломон. — Не опоздаем... сейчас «скорая» приедет... мальчик мой родной... держись...

— Я... нормально все... папа... — еле слышно произнес Давид и, пытаясь утешить отца, попробовал опять улыбнуться: — Не... переживай... папа...

Это были его последние слова. Глаза его закатились, и душа парня отправилась на небеса.

— Давииииид! — истошно закричал Соломон. — Давииииид! Нееееет! Неет... Давид... — Он уронил голову на грудь сына и, лежа на асфальте, забился в рыданиях. Сквозь плач Соломон, завывая, кричал: — Что я наделал?! Будь я проклят. Давид! — Он поднял голову к небу и завыл: — Леня! Я не уберег его! Будь я проклят! Я не уберег твоего сына! Леня! Прости меня! — Слезы лились рекой из его глаз. Соломон обхватил руками голову и, снова опустив ее, тихо запричитал: — Мой родной... Ты же... такой молодой... как же так? За что? За что? Почему я не умер? Давид, сыночек.... Прости меня...

Тимур обнял друга и попытался поднять его на ноги. Кристина плакала. Натан стоял молча, глотая слезы. Наконец Тимуру удалось поднять с трудом державшегося на ногах Соломона, который посмотрел на парня глазами, полными слез, и, уже будучи не в силах кричать, тихо прошептал:

— Что я наделал, Тимур? Я не должен жить больше... Зачем мне жить? Мой... Давид... Как я мог... допустить такое?

Тимур молчал. Он знал, что тут никакие слова не помогут. Давид лежал на асфальте — мертвый. Лишь только улыбка еще жила на его лице... Он умер на улице так же, как и его отец. Вот только Давид был другим человеком, непохожим на своего отца. Возможно, из-за того, что вырос в другом мире... А может быть, потому что характером пошел не в него. Но как бы там ни было, улыбка на его лице была точно такой же, как у Лени, когда он покинул этот мир. И мало кто умел столько чувств вложить в одну улыбку.

Когда Соломон уже сидел в машине «скорой помощи», Тимур подошел к Натану и тихо прошептал:

— Держи себя в руках, ты мне нужен. У нас еще есть дела.

— Для чего? — печально спросил Натан. — Мы все допустили оплошность... непростительную. Смысла уже ни в чем нет.

— Я понял, кто нас сдал, — еле слышно проговорил Тимур. — Будь готов.

Натан зло ухмыльнулся и ответил:

— Всегда готов.

Глава 42

25 марта 2016 года Аркаша Мазур быстрым шагом заходил в здание аэропорта Внуково. Руки его не переставали трястись, во рту пересохло. Несколько дней назад убили сына Соломона Раппопорта, Давида. И произошло это из-за Аркаши. Он ругал себя последними словами за то, что пошел на сделку с Лапусовым и согласился сдать Раппопорта. Но еще больше парень не мог себе простить, что не уехал из Москвы вместе с женой. Она ему во всем помогла, играла роль несчастной женщины, чей муж пропал без следа, почти каждый день приходила в офис Соломона, плакала. Накануне убийства Давида Мария появилась в небоскребе Москва-Сити после ухода Раппопорта и узнала у секретарши, что Соломон Маркович завтра уезжает, но рано утром с кем-то встречается в «Кофемании» на Большой Дорогомиловской. Аркаша мгновенно передал информацию Лапусову. Тот отправил людей, велел им убить человека на «бентли».

Но произошла невероятная ошибка, вместо Соломона застрелили его сына, Давида. Аркаша сразу же отправил Марию в Израиль к маме, а сам замешкался и не уехал вовремя. Лапусов обещал дать ему деньги, и парень ждал. Ждал, сидя в дешевой гостинице в Мытищах, обещанный миллион долларов. А потом в Интернете появилась эта проклятая статья, а по телевизору показали интервью Паршина. Лапусов подал в отставку 23 марта. Тогда же Аркаша с ним говорил последний раз. Бывший сенатор сказал ему, что слово сдержит и деньги парень получит не позднее чем через два дня. И Мазур ждал. Это было единственное, что его успокаивало в тот момент. Ведь

он понимал, что стал предателем и виновен в смерти невинного человека. И не просто какого-то малознакомого ему парня, а сына и племянника людей, которые спасли ему жизнь. Тем не менее он старался не думать об этом — и ждал, ждал, ждал...

Прошлым вечером его надежды рухнули. В новостях передали, что 24 марта застрелился у себя на квартире печально известный сенатор Лапусов. Полицейские подозревали, что самоубийство может быть инсценировано и, возможно, сенатора убили. Для Аркаши все было кончено.

Испугавшись за свою жизнь, Мазур быстро купил билет на утренний рейс в Минск. Он решил, что оттуда будет безопасней улететь в Израиль, заматавая следы. И вот он, оставшись без денег, не спавший всю ночь от волнения и страха, прижимая к себе маленькую сумочку, проходил регистрацию. Ему повсюду мерещилось, что за ним следят. Оказавшись уже перед стойкой, он увидел в соседней очереди знакомое лицо. Кавказец со шрамом на щеке и немного косящим глазом показался ему смутно знакомым. С ужасом вспомнив, что видел его у Соломона, Аркаша судорожно стал искать этого человека глазами в толпе. Пот тек по его спине градом, хотя в зале было прохладно.

Не заметив, однако, ничего подозрительного, Мазур посмотрел, на какой рейс регистрируют за соседней стойкой — Москва — Махачкала. Нет, надо взять себя в руки и перестать бояться. Наверняка он обознался. Откуда там у Соломона дружба? Не может этого быть. Тем более кавказцы все на одно лицо. Он точно ошибся.

Выдохнув, Аркаша прошел регистрацию и быстрым шагом поспешил к пункту досмотра. До вылета оставалось около часа, и парень решил пойти умыться холодной водой, немного прийти в себя. Быстро добравшись до туалетов, Аркаша стремительно юркнул в уборную для инвалидов, радуясь, что она оказалась свободна. Это было отдельное помещение с унитазом и раковиной, где никто не мог его побеспокоить. Закрыв дверь на защелку, парень наклонился над раковиной и открыл

кран с холодной водой. После того как он умылся холодной водой, ему заметно полегчало. Не так уж все и плохо. В конце концов, он жив, пусть денег у него осталось и немного, но с голоду он не умрет. Все сбережения Мария увезла с собой. Аркаша решил остаться в Израиле. В Москве больше ему делать было нечего. Пусть все успокоится, тогда он приедет через годик, аккуратно и тихо продаст квартиру и дом и купит что-нибудь в Израиле.

Настроение начало понемногу налаживаться. Выходить из уборной он пока не хотел, чтобы лишний раз никого случайно не встретить. Но через десять минут защелка на двери вдруг повернулась. Не сразу поняв, что происходит, Аркаша опустил крышку унитаза и в растерянности уселся на нее. В туалет зашли двое мужчин, захлопнули за собой дверь и повернули защелку. Когда Мазур увидел незваных гостей, у него пересохло во рту от страха. Перед ним стояли тот самый кавказец со шрамами на лице и горле и друг Соломона, Тимур, который не так давно вышел из тюрьмы. Они встали напротив и зло посмотрели на сжавшегося на унитазе парня. Аркаша потерял дар речи. Сначала ему стало нестерпимо жарко, потом столь же мучительно холодно. От страха начали трястись руки и потемнело в глазах.

Тимур ухмыльнулся:

— Ну что, шкура, думал, мы тебя не вычислим?

— Я... я не виноват... — забормотал Аркаша. — Я... это случайность... Я не знал...

— И как ты собираешься жить дальше? — ровным голосом спросил тот, что со шрамами. — Ты хоть осознаешь свой поступок?

— Я не... виноват... — сквозь слезы затынул Аркаша. — Простите... не убивайте... меня...

— Да расслабься ты, — успокоил его парень со шрамами. — Кто тебя тут убьет? Мы ведь в аэропорту... — Он бросил ему наполовину полную бутылку с водой «Эвиан». — На вот, выпей воды. Мы просто поговорить хотим.

Слова звучали обнадеживающе, и Аркаша, жадно выпив всю воду, вздохнул с облегчением и заговорил:

— Меня вынудил... Лапусов.

— Что ж ты, гнида, не пришел к нам и все не рассказал? — бросил ему Тимур. — Мы с Натаном тебя искали по всей Москве. А ты прятался, падла!

— Ребят... — жалостным голосом проныл Аркаша. — Я ошибся... ну... простите...

— Прощать тебя будет Бог, — резко ответил Натан. — Если ты в него веришь, конечно.

— А мы не боги и такое прощать не будем, — заключил Тимур. — Последние часы твоей жизни — вот твоё наказание.

— Прощай, Аркадий, — загадочно улыбнулся Натан. — Я видел много подлости, но ты побил все рекорды.

— Простите... — завыл уже в голос Аркаша. — Я... хочу жить... пожалуйста...

— Да живи ты, мразь, — брезгливо бросил Тимур, и они с Натаном вышли из туалета.

Аркаша плакал еще несколько минут. Затем подошел к раковине и умылся холодной водой. Во рту чувствовалась странная горечь, сердце бешено колотилось. Нервный стресс давал о себе знать. Удивительно, но мстители ушли и оставили его в живых. Однако радости парень не чувствовал. Хорошо, что настигли его уже в аэропорту, подумал Аркаша. Тут он в безопасности. Оружие пронести сюда невозможно. Задушить? Везде камеры. Они бы не смогли покинуть здание. Значит, все-таки он обыграл их. Хотя, конечно, ситуация малоприятная, но он-то жив. И свободен. Время все залечит, и эта беда забудется.

Аркаша взял свою сумку и решительно вышел из туалета. Найдя свой гейт, он посмотрел на часы: до вылета оставалось еще сорок минут. Сев на скамейку, парень положил сумку на колени и достал телефон. Он пытался успокоить себя, но самочувствие почему-то ухудшалось. Парень написал сообщение жене, мол, все в порядке и он уже скоро вылетит в Минск. Убрав

телефон в карман, Аркаша решил, что все-таки нужно успокоиться. Он закрыл глаза. Резкая, схватывающая спазмами боль в животе все не утихала. Сердце билось очень быстро. Ему становилось по-настоящему плохо. Надо успокоиться... Но через десять минут Аркаше стало тяжело дышать.

«Господи... Как плохо-то... Нужно успокоиться», — думал он, но мысли его были обрывочными и неясными. Еще через десять минут он уже, тяжело дыша, начал подвывать от боли. Вокруг собрались люди, стали спрашивать, что случилось, но ответить парень уже не мог. Все было как в тумане. И боль... адская боль, которая вызвала судороги. Его тело внезапно задергалось. Кричать Аркаша уже не мог и даже дышал с трудом. Когда прибежал доктор, Аркадий Мазур уже скончался. Лицо его было перекошено от боли. Самолет в Минск улетел без него.

В тот самый момент, когда Аркаша бился в судорогах, Натан и Тимур садились в машину.

— Что за ерунду ты ему в воду налил? — спросил Тимур.

— Стрихнин, — ответил Натан. — Вообще-то его следовало отравить более мучительным способом.

— Да, — согласился Тимур. — Я даже грамма сожаления не чувствую. Отправили гада на тот свет, и ладно. Хотя я бы лучше его четвертовал.

— Я тоже, — ухмыльнулся Натан, — после того что он сделал, меньшего мразь не заслуживает. Я вообще поначалу хотел ему туда рацин залить, чтобы он помучился пару дней перед смертью. Но нигде его не нашел.

— Откуда ты ерунду эту знаешь? — удивился Тимур. — Названия еще такие...

— Да я просто не люблю четвертовать, — хмыкнул Натан. — У меня другая специализация.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Часть 2	27
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	68
Глава 8	80
Глава 9	92
Глава 10	105
Глава 11	116
Глава 12	122
Глава 13	131
Глава 14	136
Глава 15	143
Глава 16	156
Глава 17	162
Часть 3	168
Глава 18	168
Глава 19	171
Глава 20	175

Глава 21	186
Глава 22	197
Глава 23	203
Глава 24	208
Глава 25	220
Глава 26	226
Глава 27	229
Часть 4	240
Глава 28	240
Глава 29	248
Глава 30	263
Глава 31	269
Глава 32	275
Глава 33	281
Глава 34	290
Глава 35	298
Глава 36	305
Глава 37	317
Глава 38	328
Глава 39	332
Глава 40	336
Глава 41	343
Глава 42	350

Литературно-художественное издание

Гамид Амиров

Тень брата

Выпускающий редактор *Р. Залетов*

Редактор *Т. Антонова*

Корректор *Г. Седова*

Компьютерная верстка *А. Дятлов*

16+

*Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ 29.12.2010 г.)*

Подписано в печать 25.09.2020 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 22,38.
Гарнитура «CharterITC».
Дополнительный тираж 50 экз.

Адрес электронной почты: info@delibri.ru
Сайт в интернете: letmeprint.me

ООО «Де'Либри»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д.23, стр.1

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30